

КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

аластер
рейнольдс

ПРОПАСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

Пространство Откровения

Аластер Рейнольдс

**Ковчег спасения.
Пропасть Искупления**

«Азбука-Аттикус»

2002, 2003

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Рейнольдс А. П.

Ковчег спасения. Пропасть Искупления / А. П. Рейнольдс —
«Азбука-Аттикус», 2002, 2003 — (Пространство Откровения)

ISBN 978-5-389-21924-3

Ковчег спасения Расширяя свои владения, покоряя все новые звезды, человечество разделилось на соперничающие фракции. В двадцать шестом веке коллективисты-сочленители ведут борьбу со сторонниками «демократической анархии». Когда кажется, что победа уже близка, сочленители обнаруживают в космосе приближающийся рой древних мыслящих машин, которые называют себя ингибиторами и считают своей главной задачей уничтожение любого биологического разума. Сочленители не верят, что им удастся выдержать натиск этого нового врага, и намереваются сбежать, подставив все прочие человеческие племена под удар ингибиторов. Лишь один из них, старый воин Клавэйн, предпочитает остаться, чтобы организовать отчаянное сопротивление... Пропасть Искупления Если во Вселенной появляется новая форма жизни и достигает определенного порога разумности, с ней беспощадно расправляются ингибиторы, древние чистильщики космоса. Сейчас под их ударом оказалось человечество.

Спасаясь от армады машин-убийц, тысячи беженцев, возглавляемые ветераном многих войн Клавэйном, основали колонию на планете-океане, которой дали имя Арарат. Но гибель подступила и сюда. И когда уже казалось, что все кончено, ангелом мщения с небес спустилась нежданная гостья — чтобы предать мученической смерти своего обидчика и подарить остальным призрачный шанс. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21924-3

© Рейнольдс А. П., 2002, 2003

© Азбука-Аттикус, 2002, 2003

Содержание

Ковчег спасения	7
Пролог	7
Глава первая	21
Глава вторая	29
Глава третья	38
Глава четвертая	46
Глава пятая	49
Глава шестая	61
Глава седьмая	72
Глава восьмая	86
Глава девятая	95
Глава десятая	104
Глава одиннадцатая	126
Глава двенадцатая	135
Глава тринадцатая	141
Глава четырнадцатая	149
Глава пятнадцатая	159
Глава шестнадцатая	170
Глава семнадцатая	174
Глава восемнадцатая	187
Глава девятнадцатая	200
Глава двадцатая	210
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Аластер Рейнольдс

Ковчег спасения. Пропасть Искупления

Alastair Reynolds

REDEMPTION ARK

Copyright © 2002 by Alastair Reynolds

ABSOLUTION GAP

Copyright © 2003, 2004 by Alastair Reynolds

© О. Э. Колесников, перевод, 2015

© Д. С. Могилевцев, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Ковчег спасения

Пролог

Мертвый корабль казался красивым до неприличия.

Скади описывала вокруг него петли, двигаясь по спиральной псевдоорбите. Маневровые двигатели ритмично постукивали, краткими выбросами корректируя траекторию корвета.

За кормой кружился звездный пейзаж, солнце системы то ныряло, то всплывало снова с каждым оборотом спирали. Скади глядела на звезду чуть дольше, чем следовало, – и ощутила спазм в горле, предвестие тошноты.

Только этого не хватало.

Рассерженная Скади вообразила свой мозг – стеклянно отблескивающую трехмерную картину. Словно отделяя кожуру плода, сняла слои кортекса и неокортекса, части собственного «я», в данный момент ее не интересующие. Серебристое плетение имплантированной в мозг сети, структурно идентичной нейронной сети мозга, мерцало, отображая интенсивный обмен сигналами. Импульсы неслись от нейрона к нейрону со скоростью километр в секунду – десятикратно быстрее, чем по естественным нервам. Конечно, на самом деле Скади воспринимать движение сигналов не могла – это бы потребовало ускорить обработку информации мозгом, что, в свою очередь, потребовало бы ускорить перемещение сигналов. Тем не менее даже условная картина неплохо отображала относительную активность областей усовершенствованного мозга Скади.

Она сконцентрировалась на архаической, доставшейся людям от далеких предков области мозга, называющейся *area postrema* – средоточии нервных узлов, обеспечивающих нормальное положение тела в зависимости от воспринимаемого зрением окружения. Внутреннее ухо ощущало лишь постоянное ускорение корвета – а глаза воспринимали кружащийся мир. Архаичная нервная механика могла разрешить несоответствие одним-единственным образом. Она пришла к выводу, что Скади галлюцинирует. Галлюцинации, скорее всего, вызваны поступившим в организм ядом, потому *area postrema* и послала сигнал в область мозга, отвечающую за экстренное очищение желудка.

Скади понимала: бессмысленно винить мозг за такое действие. Заложенное в него предположение, что галлюцинации вызваны ядом, отлично работало миллионы лет, позволяя предкам находить новые виды пищи. Увы, сейчас, на холодном опасном краю чужой солнечной системы, оно оказалось бесполезным.

Можно было бы вообще стереть архаичную связь, переписать базовую структуру, но это, увы, куда труднее, чем кажется. Разум – структура чрезвычайно сложная, запутанная, похожая на многократно переписанную сверхмудреную компьютерную программу. Отключая центр, производящий эффект тошноты, неминуемо затронешь связанные с ним центры, а их много. Предсказать все изменения трудно. Но при временном отключении эффектами можно пренебречь. Скади проделывала подобное тысячи раз, побочные эффекты возникали крайне редко.

Так, готово. Источник неприятностей замерцал, высветившись розовым, затем пропал из сети. Тошнота исчезла. Теперь жить куда приятнее.

Но осталась злость на собственную небрежность. Когда служила в командос и часто уходила на занятую врагом территорию, нипочем не оставляла на самый последний момент простейшую операцию по обузданию тошноты. Расслабилась, а это непростительно. В особенности сейчас, когда вернулся корабль, что для Материнского Гнезда может оказаться важнее событий на фронте.

Она почувствовала себя лучше. Ничего, старина Скади еще о-го-го! Страхнуть пыль, размяться – и хоть сейчас в дело.

– Скади, ты же будешь предельно осторожна, правда? С этим кораблем случилось что-то очень странное.

Спокойный женский голос заполнил ее голову. Скади знала: слышит его лишь она, голос возник в ее сознании. Ответила про себя, лишь сформулировав мысль:

– Я знаю.

– Корабль опознан? Который из двух?

– Корабль Галианы.

Скади уже облетела корабль по кругу, и в ее визуальной коре возник трехмерный образ, расчерченный координатной сеткой. Образ мерцал, модифицируясь в соответствии с новыми данными, поступающими от анализа собранной информации.

– Корабль Галианы? Ты уверена?

– Три ушедших корабля отличались мелкими деталями. Наблюдаемое мною сейчас позволяет заключить: скорее всего, это именно корабль Галианы.

Как обычно, голос чуть помедлил с ответом.

– Мы пришли к такому же выводу. Но этот корабль видоизменился с тех пор, как покинул Материнское Гнездо.

– Да уж, видоизменился. И очень.

– Ведите обследование в направлении от носа к корме. Очевидны признаки значительных повреждений: разрезы, вмятины, части корпуса удалены и не замещены, словно иссечена воспаленная ткань. Как считаешь, это плавающая чума?

Скади покачала головой, вспоминая недавнюю поездку в Город Бездны.

– Я видела, что делает плавающая чума. То, что вижу сейчас, на нее не слишком похоже.

– Мы согласны, подобия нет. Тем не менее необходимо задействовать все меры карантина, предусмотренные для таких случаев. Наблюдаемое может оказаться столь же заразным. Пожалуйста, сосредоточьтесь на корме.

Голос совершенно не походил на голоса остальных сочленителей, которых знала Скади. Он звучал назидательно и педантично, словно говоривший уже знал ответ на задаваемый вопрос.

– Скади, что ты думаешь об упорядоченных структурах, внедрившихся в корпус?

На корпусе тут и там, разбросанные без видимого порядка, возвышались груды черных кубов различного размера и ориентации. Их вдавило в корпус, словно в мягкую глину. У многих торчали на поверхности лишь части. От погруженных отходили изящными фрактальными арками цепочки меньших кубов.

– Похоже, они пытались врезаться в корпус и отделить его часть. Судя по виду корабля, кое-где им это удалось.

– Согласны. Чем бы они ни были, относиться к ним следует с чрезвычайной осторожностью, даже если они сейчас и неактивны. Возможно, Галиане удалось остановить их распространение. Ее корабль сумел вернуться, хоть и прилетел на автопилоте. Скади, вы уверены в том, что на борту не осталось живых?

– Нет, и не буду уверена, пока не проведу полное обследование. Но шансы отыскать живых кажутся небольшими. Внутри не детектируется движение, нет областей повышенной температуры. Корабль слишком холоден, поддерживающие жизнь процессы внутри невозможны – разве только криоарифметические системы работают.

Скади замешкалась, запустив в своем мозгу в фоновом режиме дополнительные моделирующие процессы.

– Скади?

– Да, возможно, на борту есть небольшое количество выживших. Но большая часть команды, несомненно, всего лишь замороженные трупы. Допускаю, мы сумеем извлечь несколько воспоминаний, но и это представляется сомнительным.

– Скади, нас по-настоящему интересует лишь один труп.

– Я не знаю даже, на борту ли Галиана. Но если она там и мы направим все усилия на воскрешение... у нас может не получиться.

– Мы понимаем. Сейчас трудные времена. Но успех в этом деле даст многое, а последствия неудачи окажутся катастрофическими. Это будет даже хуже, чем если бы мы смирились с гибелью Галианы. По крайней мере, с точки зрения Материнского Гнезда.

– Таково взвешенное, официальное мнение Ночного совета?

– Все наши решения тщательно продуманы. Мы не можем допустить заведомую неудачу. Но это не значит, что мы намерены бездействовать. Если Галиана на борту, будет сделано все возможное для ее воскрешения – но с соблюдением секретности.

– Что вы имеете в виду под секретностью?

– Возвращение корабля невозможно скрыть от всего Материнского Гнезда. Но мы не станем питать ложные надежды, мучить ожиданием. Сообщим: Галиана мертва, шансов вернуть ее нет. Пусть горе наших людей будет кратким и ярким, словно взорвавшаяся звезда. Это лишь сплотит их, придаст сил в борьбе с врагом. Мы же тем временем тщательно, не жалея труда, поработаем над нею. Если сумеем оживить, это покажется чудом, и нам простят легкое отклонение от правды.

– Уклонение от правды? – Скади едва удержалась от смеха. – По мне, это обыкновенная ложь. И как же вы будете убеждать Клавэйна в целесообразности такого «уклонения»?

– Скади, отчего ты считаешь, что с Клавэйном неизбежны трудности?

Она ответила вопросом на вопрос:

– Вы намерены и ему не сказать всего?

– Скади, мы воюем. Не хочется утомлять тебя повторением старой мудрости о том, что на войне первой погибает правда. Но мы уверены: ты понимаешь суть. Клавэйн – важная часть нашего тактического арсенала. Его мышление уникально среди сочленителей, оно постоянно дает нам преимущество над врагом. Горе Клавэйна будет сильным, но кратким, как и у его соотечественников. Он преодолеет скорбь и станет прежним, когда нужда в его разуме будет особенно велика. Разве это правильно – заставлять его ждать и верить, а затем разбить надежду, подорвать дух?

Тон голоса изменился – возможно, для пущей убедительности.

– Скади, Клавэйн – эмоциональная личность, причем эмоциональнее любого из нас. По состоянию нервной системы он был старейшим из воинов, когда-либо присоединившихся к нам. Он мыслит по-старому, реагирует как человек прошлого, и об этом нельзя забывать. Клавэйн уязвим и нуждается в заботе – как хрупкий тепличный цветок.

– Но лгать ему о Галиане...

– Допустим, нам и не придется лгать. Мы забегаем вперед. Прежде всего нужно обследовать корабль. Может оказаться, что на нем и нет Галианы.

– Вот был бы подарок! – хмыкнула Скади. – Это означало бы: она где-то далеко, ее судьба неизвестна.

– Да. Но тогда встает вопрос: что же с третьим кораблем?

За девяносто пять лет, прошедших с начала эпидемии, сочленители достигли больших успехов в борьбе с инфекцией, многое узнали о вирусе. Они остались в числе немногих фракций, которые сохраняли существовавшие до эпидемии технологии и очень серьезно относились к карантину. В мирное время легче и проще всего было бы обследовать корабль на месте, дрейфующим на окраине системы. Но сейчас риск был слишком велик. Демархисты могли

заметить активность, потому следовало замаскировать предмет исследований. Материнское Гнездо уже приготовилось принять зараженный корабль.

Но все-таки осторожность требовала провести предварительное обследование и подготовку, а это подразумевало работу в открытом пространстве. Прежде всего надо удалить двигатели. Роботы перережут лазером балки, соединяющие их с коническим корпусом субсветового звездолета. Сколь бы малой ни была вероятность взрыва двигателей, она оставалась ненулевой. А взрыв уничтожил бы Материнское Гнездо. Скади решила не допустить даже малейшей опасности. К тому же природа поразившего корабль бедствия неясна.

Скади приказала реактивным тягачам подтащить глыбы черного кометного льда к дрейфующему кораблю. Затем роботы покрыли корпус метровым слоем льда, закрепили и уплотнили его. С работой справились быстро, не соприкоснувшись ни единого раза с оболочкой. Изначально темный корабль стал чернее смолы.

Закончив с покрытием, Скади расставила тягачи вокруг корабля. Выброшенные на трогах якоря впились в ледяную оболочку. Поскольку она должна была принять все усилие буксировки, чтобы не расколоть его, тягачей пришлось использовать много, около тысячи, равномерно распределив их у поверхности. Когда все они заработали, картина вышла феерически красивая: тысяча искорок голубого пламени у черной остроконечной глыбы мертвого субсветовика.

Скади рассчитала столь точно, что обошлась лишь одним включением корректирующих двигателей для приближения к Материнскому Гнезду. И сделала она это в период существования «слепого пятна», не просматриваемого сканерами демархистов. Те полагали, что сочленителям о «слепых пятнах» неизвестно.

В Гнезде корабль поместили в пятикилометровый док со стенами, облицованными керамической броней. Док создали специально для обработки пораженных эпидемией кораблей, в нем мог поместиться субсветовик со срезанными двигателями. Толщина керамики достигала тридцати метров, машины в доке были иммунны к известным штаммам плавящей чумы. Когда корабль разместился внутри, док немедленно заперли и загерметизировали – вместе с поисковой командой. Ее Скади отбирала сама. Из дока поддерживалась лишь минимальная связь с внешним миром. Исследовательская группа оказалась практически в изоляции от миллиона сочленителей, живших в Гнезде. Потому в нее набирались те, кто мог работать в изоляции, то есть не всегда опытные и надежные специалисты. Но жаловаться не приходилось. Способность к автономной деятельности была среди сочленителей очень редкой, а Скади, та и вовсе представляла из себя уникум: она могла совершенно одна работать в глубоком вражеском тылу.

Когда корабль зафиксировали, в док накачали аргон, установив давление в две атмосферы. Ледяной щит осторожно испарили, оставили лишь тонкий слой, который сам растаял за шесть дней. Вокруг корабля стаям чаек сновали датчики, готовые поднять тревогу при первых же признаках враждебной субстанции в аргонной атмосфере. Но не заметили ничего необычного – лишь осколки корпуса.

Скади выжидала, приняв все мыслимые меры предосторожности. Не притрагивалась к кораблю до тех пор, пока это не стало неизбежным. Подковообразный сканирующий гравиметр жужжа порхал вокруг субсветовика, просматривая внутреннюю структуру, вглядываясь в мелкие детали. Большинство элементов мало отличалось от известных по чертежам. Но были и странные, явно чужеродные вкрапления: жгутики массы, причудливо изгибающиеся под обшивкой. Они напоминали пулевые каналы в теле либо треки, оставляемые элементарными частицами в пузырьковых камерах. А когда гравиполе приближалось к поверхности, там непременно оказывалась структура из притопленных черных кубов.

И хотя все данные указывали на отсутствие выживших, на корабле находились места, где могли бы прятаться уцелевшие. Нейтринный радар и гамма-сканер позволили исследовать многие детали внутренней структуры, но не все. Кое-что очень важное осталось под вопросом.

Потому Скади неохотно перешла к следующей стадии: физическому контакту. На корпусе в разных местах были закреплены молоты – и сотни микрофонов.

Молоты застучали о корпус. Какофония слышалась и сквозь скафандр: аргоновая атмосфера неплохо проводила звук. Казалось, армия кузнецов старается в далекой кузне. Приборы записывали структуру отражаемых и проводимых корпусом звуковых волн. А один из старых мозговых контуров Скади декодировал информацию, передаваемую с микрофонов, и конструировал трехмерную эхограмму корабля.

Скади видела ее в призрачных серо-зеленых тонах. Картина не противоречила известному прежде, но она добавила несколько важных штрихов. К сожалению, выяснить больше, не заходя внутрь корабля, было невозможно. А проникнуть туда оказалось нелегко. Все шлюзы были залиты изнутри расплавленным металлом.

Нервною, Скади медленно прорезала их лазерами и гипералмазными сверлами. Поисковая команда работала осторожно – неизвестность здорово действовала на нервы.

Когда первый шлюз поддался, внутрь отправилась группа крабоподобных роботов, одетых в керамическую броню, снабженных лишь минимумом интеллекта, достаточным для выполнения задачи. Крабы транслировали видеоданные в мозг Скади.

Найденное ужаснуло.

Команду звездолета безжалостно истребили: одних разорвали на части, других расплющили, истерли в кашу, разрубили на множество частей. Сожгли, заморозили, удушили. Причем бойня явно тянулась долго.

Скади понемногу восстановила картину произошедшего: несколько жестоких схваток, отчаянные попытки запертых в тупике подороже продать свою жизнь. Люди держались в разных частях корабля, соорудили наспех баррикады. Сам корабль пытался изо всех сил помочь им, меняя внутренние перегородки, препятствуя продвижению врагов. Закачивал в отсеки охладитель, газ под высоким давлением. В заполненных отсеках обнаруживались странные, неуклюжие на вид машины – сочленения тысяч простейших геометрических фигур.

Напрашивалась очевидная версия. Кубы сперва прицепились к поверхности корабля Галианы. Там они росли и размножались, поглощая и усваивая оболочку – то есть действуя на манер плавающей чумы. Но ее инфекционные агенты были микроскопическими, крупные же черные кубы представляли собой структуры гораздо более грубые; они безжалостно поглощали жертву и превращали ее в себя. Чума, по крайней мере, отчасти сохраняла свойства зараженного, трансформируя его в химерическую смесь плоти и механики.

Как бы ни хотелось Скади признать черные кубы разновидностью эпидемии, они безусловно представляли собой нечто принципиально иное.

Кубы проникли внутрь корабля и соединились в боевые агрегаты, в солдат. Эти солдаты медленно распространялись от точек внедрения, убивая команду. Судя по останкам, боевые машины были угловатыми, нескладными, больше походили на осиный рой, чем на единое целое. Наверняка они могли, разделившись, протиснуться в мельчайшую щель, чтобы заново собраться по другую ее сторону. Тем не менее битва продолжалась долго. По оценке Скади, корабль сопротивлялся несколько дней. А может, и недель.

Она содрогнулась, представив, как это происходило.

Спустя день после вскрытия корпуса роботы обнаружили почти нетронутые человеческие тела – но головы обволакивала сплошная оболочка из кубов. Чужие машины казались бездействующими. Роботы удалили часть оболочки, и выяснилось, что черные выросты заходят глубоко в черепа через уши, ноздри и глазницы. Дальнейшие исследования показали: выросты делятся, ветвятся, превращаются в нити микроскопической толщины. Проникают глубоко в мозг, соединяются с сетью имплантатов, присущей всем сочленителям.

Но теперь и машины, и пораженные ими люди выглядели мертвыми.

Бортовой архив оказался тщательно стерт. Скади не удалось составить полную картину случившегося. Очевидно, Галиана встретила нечто враждебное – но почему кубы сразу не уничтожили корабль? Вместо этого они долго и мучительно пробивались внутрь. Похоже, хотели нанести кораблю как можно меньше повреждений.

Но ведь был и другой корабль. Что же случилось с ним?

– Скади, есть какие-нибудь соображения? – прозвучал голос.

– Есть. Но все они мне не слишком нравятся.

– Не кажется ли тебе, что кубы попросту хотели узнать как можно больше?

– Другого объяснения не вижу. Запускали датчики в мозг, исследовали архитектуру нервных связей, считывали данные. Изучали нас.

– Да. Мы согласны с этим. Они узнали о нас многое. Их необходимо рассматривать как угрозу, хотя нам неизвестно, где Галиана встретила их. Но тут видится и проблеск надежды.

Скади никакого проблеска не видела. Человечество веками искало чужой интеллект, явных разумных собратьев. Но до сих пор нашло только удивительные организмы, едва ли могущие считаться разумными по человеческим меркам: жонглеров образами и затворников. Да еще обнаружило археологические памятники восьми либо девяти мертвых культур. Но никогда не встречало развитую, использующую машины цивилизацию, то, с чем могло бы сравнить себя.

До сих пор не встречало.

И эта цивилизация, кажется, озабочена лишь тем, чтобы выслеживать, проникать и убивать, а затем вторгаться в мозг.

Не слишком-то перспективный первый контакт.

– Пролеск надежды? – удивленно спросила Скади. – Вы серьезно?

– Да, Скади. Ведь мы не знаем, успели кубы передать собранную информацию тем, кто их послал, или нет. В конце концов, корабль Галианы вернулся. Лишь она сама могла направить корабль домой, и едва ли она пошла бы на это, если бы видела опасность для нас. Думаю, Клавэйн гордился бы ею. Она всегда заботилась о нас, о Материнском Гнезде.

– Но ведь Галиана рисковала...

Голос Ночного совета оборвал резко и безапелляционно:

– Скади, корабль – это предупреждение. Так задумала Галиана – и так мы должны воспринять ее прилет.

– Предупреждение?

– Да. Нам необходимо подготовиться. Враги, убившие ее, живы и готовы напасть. Рано или поздно мы встретимся с ними.

– Вам как будто не терпится это сделать.

На это Ночной совет ничего не ответил.

Галиану отыскали через неделю. Корабль был огромен, его внутренности сильно изменились – поиски шли медленно. Скади сама занималась этим вместе с другими бригадами исследователей. Работали в тяжелых керамических доспехах, надетых поверх скафандров. Несмотря на смазку, керамические сочленения делали движения крайне неуклюжими и неловкими, требующими тщательного расчета. Устав от нелепых рывков, от заклиниваний в крайне неудобных положениях, откуда приходилось выбираться с большим трудом, повторяя движения в обратном порядке, Скади торопливо составила алгоритм и поручила его исполнять группе не занятых ничем актуальным нейронов. Двигаться стало легче, хотя появилось неприятное ощущение призрачного двойника, управляющего телом. Скади отметила про себя, что нужно переписать программу, сделать так, чтобы все движения казались целиком добровольными, сколь бы фальшивым это ни было по сути.

К тому времени, как отыскалась Галиана, роботы уже полностью выполнили свою задачу: обеспечили безопасность большей части корабля. Покрыли эпоксидной смолой с гипералмазными волокнами останки чужих машин, взяли образцы ДНК у многих трупов в исследованных областях. Каждый образец идентифицировали по базе данных корабельных команд, сохраняемых в Материнском Гнезде со времени отбытия экспедиционного флота. Но отыскивали ДНК далеко не всех из списка команды.

Конечно, Скади этого ожидала. Когда первый корабль, несший на борту Клавэйна, вернулся, Материнское Гнездо узнало о принятом в глубине космоса, за десятки световых лет, решении разделиться. Часть экспедиции захотела вернуться домой, узнав о войне с демархистами. Также считали, что настало время передать Гнезду собранные данные. Их накопилось слишком много для безопасной пересылки.

Раздел экспедиции не был омрачен ссорой. Были сожаление и горечь – но не разобщенность, не враждебность. После длительного обсуждения – обычного для сочленителей способа поиска решений – раздел посчитали наиболее логичным вариантом. Это позволило продолжить работу экспедиции, надежно сохранив уже добытое. Но, хотя Скади и знала, кто остался на паре ушедших дальше кораблей, она не представляла себе последующих событий. Субсветовики, несомненно, обменивались членами команды. Но как это происходило? Да, вернулся тот самый корабль, на котором отбыла Галиана, но это не значит, что она оставалась на борту. Если ее здесь нет, разочарована будет не только Скади, но и все Материнское Гнездо. Галиана – символ, легенда. Ведь это она создала сочленителей четыреста лет назад, в одиннадцати световых годах отсюда, в паутине тоннелей-лабораторий под марсианской поверхностью. Потом отсутствовала почти два столетия – достаточно, чтобы ее фигура приобрела мистический ореол. Хотя, живя среди сочленителей, Галиана прилагала все усилия, чтобы не стать предметом культа. Вернулась же – если и вправду вернулась, – когда вахту несла Скади. Не важно, что Галиана, скорее всего, мертва, как и ее команда. Чтобы упрочить свое положение и престиж, Скади достаточно просто отыскать ее останки.

Но нашлись не останки.

Место упокоения Галианы – если такое название здесь уместно – находилось далеко от центра корабля. Она спряталась за массивными баррикадами, в удалении от команды. Тщательное криминалистическое обследование показало: каналы связи между убежищем и остальными системами субсветовика были разорваны изнутри, из убежища. Галиана, очевидно, пыталась изолировать свой разум от остальных сочленителей.

Скади задумалась: что это, самопожертвование или самосохранение за счет других?

Галиана пребывала в анабиозе, охлажденная до полной остановки метаболизма. Но черные машины все же достали ее. Проломились сквозь броню криокапсулы, набились в пространство между телом и стенками. После разборки контейнера выяснилось: кубики покрыли тело сплошной черной оболочкой, сделали похожим на мумию. Но под ней, несомненно, лежала Галиана – сканеры проанализировали строение скелета и пришли к однозначному выводу: кости принадлежат ей. Тело, похоже, не подверглось распаду во время долгого полета. Более того, датчики уловили активность нервных имплантатов. Хотя они были слишком слабы для поддержания связи с мозгом, не оставалось сомнений: то, что заключено в коконе, способно мыслить и общаться.

Внимание исследователей переключилось на кокон. Но химический анализ кубиков ничего не дал. Казалось, они ни из чего не состоят, не обнаруживают самомалейших признаков микроструктуры: ни молекул, ни атомов. Стены кубиков сформировало силовое поле, проницаемое для определенных видов излучения. Их поверхность очень холодна – в отличие от прочих чужеродных машин, найденных в звездолете, эти кубики еще функционируют. Но не сопротивляются попыткам обособить их от общей массы. Будучи отделенными, быстро сокращаются до микроскопических размеров.

Группа Скади пробовала сфокусировать сканеры на кубиках, пытаясь различить что-либо под поверхностью, но те уменьшались слишком быстро. На их месте оставались микрограммы дымящегося пепла, – вероятно, находившийся в центре кубика механизм был запрограммирован на самоуничтожение при определенных обстоятельствах.

Сняв большую часть черного слоя, бригада Скади перенесла Галиану в реанимационную палату, устроенную в нише стены. Работали при той же температуре, при которой хранилось тело, стараясь причинить минимум повреждений.

И вот наконец с чрезвычайной осторожностью и терпением они принялись отделять последний тонкий слой чужеродной машинерии.

Теперь, когда преград взгляду осталось гораздо меньше, стало понятно, что случилось с Галианой. Черные машины проникли и в ее голову, но куда аккуратнее и осторожнее, чем в головы других членов команды. Имплантаты подверглись частичному демонтажу – вторгшимся машинам требовалось место, – но все крупные структуры мозга остались нетронутыми. Скади подумалось: на предыдущих жертвах кубики лишь тренировались, учились проникать в человеческий мозг, а добравшись до Галианы, уже знали, как при вторжении не разрушить его.

Скади приободрилась. Черные структуры были четко локализованы и неактивны. Небольшая аккуратная операция – несложная, тривиальная даже, – и кубики будут вынуты, отделены один за другим.

– Это возможно! Мы сумеем вернуть ее!

– Осторожнее, Скади. Мы еще далеки от финала, дорога может оказаться трудной.

Увы, Ночной совет оказался прав.

Бригада Скади начала убирать оболочку с ног. Исследователи обрадовались, увидев, что живая ткань почти цела. Понемногу достигли шеи. Пришли к выводу: можно попробовать разогрев, возвращение к нормальной температуре тела – хотя процедура будет гораздо сложнее, чем выход из обычного анабиоза.

Но когда стали убирать кубики с лица, поняли: работа далека от завершения.

Внезапно черные машины задвигались, заскользили. Перекатываясь, вздымаясь отвратительными грязными волнами, остатки кокона устремились внутрь Галианы, словно ожившая нефтяная пленка. Черная жижа втекла в рот, ноздри, уши, глазницы, просочилась под глазные яблоки.

Галиана казалась блистательной королевой, возвратившейся к трону. Именно такой надеялась увидеть ее Скади, когда узнала о приближении субсветовика. Даже длинные черные волосы, пусть и хрупкие при сверхнизкой температуре, остались такими же, как и в час отлета. Но черные машины угнездились в мозгу, умножив уже присутствующие чужие структуры. Сканеры показали: оригинальная мозговая ткань сместилась незначительно, но большая часть имплантатов исчезла, чтобы дать место захватчикам. Черный паразит выглядел крабом, забравшимся в голову, запустившим клешни и членистые конечности в ткани мозга.

Очень постепенно, в течение многих дней, исследователи подняли температуру тела, оставив ее чуть ниже нормальной. Все это время они следили за активностью чужака, но ничего не зарегистрировали, даже когда оставшиеся имплантаты согрелись и начали взаимодействовать с размораживающейся мозговой тканью.

Скади позволила себе робкую надежду: может, еще и удастся вернуть Галиану?

Надежда эта почти оправдалась.

Она услышала голос. Человеческий. Женский. Станный. Лишенный особого тембра, а вернее, той особой бесцветности, божественного спокойствия, совершенства, какие отличают рожденный в сознании голос. Этот же явно возник в человеческом горле, прошел несколько метров по воздуху, был воспринят обычным человеческим ухом и декодирован – со множеством неточностей, с потерей тонких оттенков. Такого голоса Галиана не слышала очень давно.

– Здравствуйте, Галиана, – произнес голос.

«Где я?» – мысленно спросила она.

Ответа не последовало.

Спустя несколько секунд голос заметил:

– Вам тоже следует говорить вслух. Достаточно лишь сделать усилие – мы уловим импульсы, посланные к голосовым связкам. Но чисто мысленный ответ, боюсь, нам не уловить – между нашими разумами нет связи.

Еще несколько веков назад человечество открыло принцип прямой связи между сознаниями. Устная речь казалась Галиане чудовищно медленной и прямолинейной, хотя грамматика и синтаксис, конечно, были знакомы.

Она захотела озвучить вопрос и услышала, как ее усиленный аппаратурой голос спросил:

– Почему?

– Мы объясним это позже.

– Где я? Кто вы?

– Вы здоровы, и вам больше не угрожает опасность. Вы дома, в Материнском Гнезде. Мы нашли ваш корабль и оживили вас. Меня зовут Скади.

Вокруг смутно виднелись какие-то тени. Затем комната осветилась. Галиана лежала на спине, под небольшим углом к полу, внутри контейнера, похожего на криокапсулу, но без крышки. Кое-что видела периферийным зрением, но не могла пошевелиться, не могла даже сфокусировать взгляд. Размытый силуэт приблизился, обрел четкость. Человек склонился над контейнером.

– Скади? Я вас не помню...

– Вы и не можете. Я присоединилась уже после вашего отбытия.

На языке вертелись вопросы – тысячи важных вопросов. Но все их разом не задать при столь архаичном способе коммуникации. Однако надо с чего-то начать.

– Долго я отсутствовала?

– С точностью до месяца – ровно сто девяносто лет. Вы улетели в...

– Две тысячи четыреста пятнадцатом, – быстро ответила Галиана.

– Да. Сейчас две тысячи шестьсот пятый.

Многое Галиана помнила слабо, многое вспоминать не хотелось. Но основное представлялось ясно. Она повела тройку кораблей из Материнского Гнезда далеко за пределы освоенного людьми пространства с целью исследования новых, ранее не посещенных миров и поиска иного разума. Когда пришла весть о войне, один корабль повернул назад. Но два других еще долго странствовали, пройдя сквозь множество звездных систем.

Галиана, как ни пыталась, не могла вспомнить, что произошло со вторым кораблем. Она ощущала лишь резкий холод потери, мертвую пустоту в разуме, оставленную множеством вдруг умолкших голосов.

– А что с моей командой?

– Об этом потом, – ответила Скади.

– А Клавэйн и Фелка? Они сумели вернуться? Мы распрощались в глубоком космосе. Они прибыли в Материнское Гнездо?

Молчание было долгим и жутким.

Наконец Скади выговорила:

– Да, они вернулись.

Если бы могла, Галиана вздохнула бы. Радостное облегчение накатило волной. Лишь теперь она поняла, как сильно переживала за судьбы любимых.

Галиана счастливо и умиротворенно посмотрела на Скади. Во многом та выглядела в точности как сочленитель тех времен, когда стартовали корабли. Одета была просто: свободные черные брюки из мягкой ткани, свободный же, почти не приталенный черный жакет из

напоминающего шелк материала. Ни энтоптики, ни признаков ранга. Сама бледная, худая до истощенности. Кожа гладкая, воскового оттенка, правильные черты. Лицо не отталкивающее, но и не привлекательное, лишенное выражения, кукольно-неживое. Впечатление усиливалось полным отсутствием волос на голове. Ни дать ни взять незавершенная кукла. Хотя в этом она похожа на тысячи сочленителей. Трудно отличить обитателя Гнезда от других, когда нет связи с его разумом, когда он не окружен энтоптическими образами, придающими его облику индивидуальность.

Все же ничего подобного Галиана раньше не видела. На голове женщины возвышался гребень – узкое жесткое образование, начинающееся в дюйме от носа и тянущееся ровно посередине черепа до затылка. Острие гребня было узким – твердая кость, – но по бокам проходила сверху вниз череда тончайших полос, напоминающих жаберные щели. Свет дифрагировал на них, играя яркой синевой, полыхая оранжевым пламенем; все оттенки видимого спектра переливались при малейшем движении. Более того, радужные волны пробегали вдоль гребня и тогда, когда Скади не шевелилась.

– Вы такая от рождения? – спросила Галиана.

– Нет. – Скади осторожно притронулась к гребню. – Это модификация. Многое изменилось, пока вы отсутствовали. Вам, наверное, и не представить, насколько быстро думают лучшие из нас.

– Лучшие из вас?

– Согласна, это довольно двусмысленное выражение. Мы все равны. Но некоторые достигли пределов возможностей, предоставляемых человеческим организмом. Имплантаты в наших головах позволяют мыслить в десять – пятнадцать раз быстрее, чем это делает невооруженный человеческий мозг, – но они генерируют много тепла. Омывающая мой мозг кровь закачивается в гребень и распространяется по сети мелких сосудов в жабрах. Там она охлаждается. Гребень устроен так, чтобы обеспечивать как можно большую площадь жаберных складок. К тому же они вибрируют, обеспечивая циркуляцию воздуха. Как мне говорили, гребень эстетически приятен, но это лишь случайный побочный эффект. Для чего нужны подобные гребни, мы поняли, изучая динозавров. Эти существа были не так нелепы, как принято считать.

Скади снова погладила гребень:

– Галиана, пусть это вас не беспокоит. Изменилось далеко не все.

– Мы узнали о войне, когда удалились на пятнадцать световых лет, – сказала та. – Конечно, сперва была эпидемия... а затем война. Но вести казались бессмысленными. Война с нашими старыми союзниками, демархистами...

– Увы, эти вести правдивы.

– Господи, отчего такая война?

– Дело в эпидемии. Она уничтожила общество демархистов. Йеллоустон оказался в безвластии, прежняя система управления исчезла. Уцелевшие представители власти попросили нас заняться управлением Города Бездны и смежных поселений, создав подобие тайного правительства. Они считали: уж лучше мы, чем другие фракции. Представляете, что могли натворить, например, ультра либо угонщики? Новый порядок просуществовал без проблем несколько лет, но затем демархисты вновь набрались сил. Им перестало нравиться то, что мы теперь управляем системой, а вести переговоры о мирном возвращении власти они не захотели. И тогда началась война. Ее начали демархисты, с этим согласны все.

Скверные известия. Настроение Галианы померкло. До последнего надеялась, что известия преувеличивали серьезность проблем.

– Но, очевидно, мы выиграли?

– Нет. По сути, еще нет. Война продолжается.

– Продолжается? Но прошло уже...

– Пятьдесят четыре года. Да. Очень долго. Конечно, были официальные перемирия и фактические прекращения военных действий, но долго они не продлились. Прежние идеологические разногласия вскрылись, будто старые раны. В глубине души демархисты всегда не доверяли нам, а мы всегда рассматривали их как реакционеров, луддитов, не желающих принять следующую фазу человеческого совершенствования.

Галиана вдруг ощутила, впервые после пробуждения, странное болезненное давление в области глаз. С ним пришел ужас преследуемой добычи, ощутившей близость темных злоевщих хищников. Этот страх вырвался из самых архаичных частей мозга.

«Это машины, – сказала память. – Как волки на запах, они пришли из межзвездной глубины на тепло ваших двигателей и взяли след... Галиана, ты называла их волками. Их... Нас».

Но странный момент ужаса, раздвоенности разума прошел.

– Но ведь мы так долго работали вместе и уживались, – сказала Галиана. – Возможно, мы снова сумеем объединиться, вспомним общее. Есть вещи гораздо более важные, чем нелепая тяжба за власть в одной звездной системе.

– Боюсь, теперь слишком поздно. – Скади покачала головой. – Слишком много смертей, предательств, зверств. Война распространилась и на другие системы, где есть демархисты и сочленители.

Она улыбнулась, но улыбка вышла натянутой, напряженной, будто лицо немедленно примет прежнее равнодушное выражение, лишь только расслабятся мускулы.

– Но положение дел далеко не так безнадежно, как вам, возможно, представилось. Мы выигрываем – медленно, но верно. Клавэйн вернулся двадцать два года назад и сразу начал действовать. До его прибытия мы лишь оборонялись, загоняли сами себя в ловушку. Действовали как типичный коллективный разум, – и оттого враг с легкостью предсказывал наши ходы. Клавэйн вывел нас из тупика шаблонных представлений.

Галиана попыталась изгнать память о межзвездных волках, вспоминая, как впервые повстречала Клавэйна. Это случилось на Марсе. Клавэйн воевал на стороне Коалиции за невральную чистоту, которая объединила противников экспериментов по усовершенствованию мозга, и поставил целью полное уничтожение сочленителей. Никаких договоренностей и компромиссов он не признавал.

Но Клавэйн видел дальше и шире. Прежде всего, еще будучи пленником, он сумел объяснить Галиане, насколько жуткими ее эксперименты кажутся людям. Клавэйн делал это медленно и упорно, в течение нескольких месяцев. Позднее, когда его освободили и состоялись переговоры о перемирии, именно он попросил демархистов выступить посредниками, нейтральной третьей стороной. Те и сформулировали договор о перемирии, а Клавэйн сумел принудить Галиану к подписанию. Ход оказался гениальным, дав начало союзу между сочленителями и демархистами, продлившемуся столетия. А Коалиция за невральную чистоту вскоре канула в Лету, осталась лишь примечанием на странице учебника истории.

Сочленители продолжили эксперименты с усовершенствованием мозга. Им не противились, их даже всемерно приветствовали – при условии, конечно, отсутствия попыток навязать их другим культурам. Демархисты активно пользовались технологиями сочленителей и поставляли их другим фракциям.

Все были довольны.

В глубине души Галиана понимала: Скади права. Союз сочленителей и демархистов был непрочным. Рано или поздно неизбежно разразилась бы война. Ее обязательно спровоцировала бы трагедия, подобная эпидемии.

Но чтобы война продлилась чертову полвека с лишним? Клавэйн бы этого не потерпел. Не смирился бы с чудовищной и бессмысленной растратой труда и жизней. Несомненно, он бы либо отыскал способ выиграть быстро, одним ударом, либо принудил бы стороны к долговременному перемирию.

Странная мигренеподобная боль и пугающее ощущение чужого присутствия в мозгу усилились. Словно чужой смотрит сквозь твои глаза, распоряжается в голове, сделав тебя, прежнего хозяина, лишь жильцом.

«Мы приблизились к вашим кораблям неспешно и обстоятельно – древние хищники, чья раса не знала неудач и поражений. Вы ощутили наши разумы: блеклые, почти растворившиеся в холодной машинной логике, безликие, словно межзвездная пыль.

Вы ощутили наш голод».

– Но Клавэйн... – прошептала она.

– Что Клавэйн? – спросила Скади.

– Он бы нашел способ покончить с войной так либо иначе.

Скади отвернулась, гребень на ее голове показался тонкой линией. Когда посмотрела снова, лицо приобрело странное выражение, – похоже, Скади попыталась изобразить сочувствие.

А чужое в голове Галианы все настойчивее говорило о себе:

«Вы видели, как мы обволокли ваш первый корабль сплошным покровом черных машин: грызущих, проникающих, исследующих. Мы разломали корабль на части – и он взорвался. Вспышка отпечаталась розово на вашей ретине, словно огненный лебедь. Вы ощутили вскрик множества гибнущих разумов – будто тысячи гибнущих детей. Ваших детей.

Вы попытались убежать – но было слишком поздно.

Настигнув ваш корабль, мы действовали осторожней».

– Галиана, все не так просто, – сказала Скади.

– Что не просто?

– Я о Клавэйне.

– Вы сказали: он вернулся.

– Да. С Фелкой. Мне больно говорить об этом, но они погибли. – Слова падали медленно, тяжелые как вздохи. – Одиннадцать лет назад. Демархистам повезло. Атака на Гнездо, удачное попадание.

Рациональный, искренний ответ Галиана отыскала лишь один, и это было полное отрицание.

– Нет!!!

– Мне очень жаль. – Гребень Скади сверкнул ультрамарином. – Досадная случайность. Как бы я хотела, чтобы все обернулось по-другому. Клавэйн и Фелка были ценнейшими компонентами общества...

– Компонентами общества?

Скади уловила ярость Галианы и поспешила исправиться:

– Я хотела сказать, их очень любили. Галиана, мы глубоко скорбим о них. Все мы.

– Так покажите мне эту скорбь. Откройте разум, уберите заслоны. Я хочу видеть ваш разум!

Скади замерла, стоя у контейнера:

– Галиана, зачем?

– Не войдя в разум, я не смогу понять, правду вы говорите или лжете.

– Я не лгу, – тихо проговорила Скади. – Но я не могу открыть прямую связь между нашими разумами. Видите ли, в вашем мозгу находится кто-то посторонний. Незнакомый нам. Возможно, чуждый и, скорее всего, враждебный.

– Я не верю...

Но вдруг давление за глазами резко усилилось, и Галиана испытала отвратительное, унижающее чувство беспомощности: ее, хозяйку разума, бесцеремонно отпихнули, подавили, сунули в далекий угол, и осталось лишь бессильно наблюдать. Нечто невыразимо древнее и злое завладело мозгом, выглянуло наружу из глаз.

И она услышала собственный, звучащий против воли голос:

– Не меня ли вы имеете в виду?

Скади лишь чуть замешкалась. Галиана восхитилась крепостью ее нервов и силой духа.

– Возможно. И кто же вы?

– У меня нет имени, кроме данного мне ею.

– Ею? – спросила Скади насмешливо, но гребень мерцал бледной зеленью, выдавая страх.

– Галианой. Перед тем, как я ею завладел, – ответила чуждая сущность. – Она назвала нас – то есть мой разум – волком. Разрушив первый корабль, мы догнали ее корабль и внедрили. Поначалу мы не понимали многого. Но, проникая в мозг, поглощая центральную нервную систему, мы узнавали многое. Читали мысли, выявляли способы коммуникации, определяли произошедшее с разумами.

Галиане хотелось кричать, но волк – именно такое название она дала захватившему разум существу – полностью овладел ее голосом.

Прежний кошмар вернулся.

– Почему вы не убили ее? – спросила Скади.

– Зачем убивать? – с насмешливым укором спросил волк. – Вам бы стоило другой вопрос задать: отчего Галиана не убила себя, прежде чем вошла в такое состояние? Знаете, она ведь могла. В ее власти было уничтожить весь корабль, просто пожелав того.

– И каков же ответ?

– После уничтожения всей ее команды мы пришли к соглашению: если позволим Галиане вернуться домой, она не убьет себя. Она понимала, что это значит: я вторгнусь в ее череп, просею память.

– Почему вы пощадили ее?

– Скади, она же ваша королева. Прочитав память команды, мы поняли: нам нужна именно Галиана.

Скади молчала. По гребню от носа к затылку медленно бежали аквамариновые, бирюзовые волны.

– Она бы никогда не подвергла Гнездо такому риску.

– Подвергла при условии, что мы ей позволим заблаговременно предупредить Гнездо. Как видите, взаимовыгодная сделка. Она дала нам время – и надежду – узнать больше.

Скади прикоснулась пальцем к верхней губе, потом выставила его перед собой, словно определяя направление ветра.

– Если вы и в самом деле намного превосходящий нас разум, узнавший наше местонахождение, вы бы уже могли истребить нас.

– Отлично, Скади. В определенном смысле – вы правы. Одно но: мы не знаем, куда Галиана нас привезла. То есть я знаю, но не могу сообщить остальным. Правда, это не имеет значения. Вы – освоившая межзвездные перелеты цивилизация, хотя и не все фракции человеческого сообщества на такое способны. Но для нас ваши различия несущественны. Из поглощенной памяти и той, где мы сейчас гнездимся, нам известно приблизительное расположение области пространства, где вы обитаете. Эта область расширяется, ее поверхность растет как квадрат ее поперечника. Соответственно, растет вероятность нашей встречи. Она произошла однажды, а значит, может произойти снова, в другом месте.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросила Скади.

– Чтобы напугать. Зачем еще?

Но Скади на такую несложную уловку не поддавалась.

– Нет, полагаю, есть причина серьезнее. Вы хотите внушить мне, что можете быть полезным.

– И с чего бы мне это внушать? – игриво промурлыкал волк.

– С того, что я могу убить вас прямо сейчас, это проще простого. Галиана вернулась, предупреждение доставлено.

Если бы Галиана могла двигаться, хотя бы шевельнуть веком, немедля бы просигналила: «Да!» Она хотела умереть. Ради чего теперь жить? Клавэйн мертв. Фелка мертва. В этом она не сомневалась – равно как и в том, что никакие технические ухищрения нынешних сочленителей не уберут черную тварь у нее из головы.

Скади права: Галиана исполнила свой долг перед Материнским Гнездом. Теперь известно: волки приближаются, крадутся на запах теплой крови.

Более нет причины оставлять ее в живых. Несмотря на все меры предосторожности, волк способен высвободиться из ее головы и удрать. Конечно, Материнское Гнездо может получить новые сведения – к примеру, выяснить мотивы либо уязвимые места черного хищника, – но это не перевешивает риск его побега, непременно влекущего за собой катастрофу.

Все это Галиана хорошо понимала. Когда волк получил доступ к ее памяти, его собственные воспоминания стали просачиваться в ее рассудок – возможно, не случайно. Нельзя исключать, что чужак допустил это сознательно. Его память оказалась бесформенной, едва облакаемой в слова. Но она рождала мысли о длящемся миллиарды лет геноциде, осуществляемом с хирургической точностью, о беспощадном выкашивании всего разумного. Память хищника сохранила с мертвенной бюрократической точностью множество актов истребления по всей Галактике. Каждый акт – всего лишь отдельная карточка в огромной пыльной картотеке. Иногда бывали хлопоты, лихорадочная деятельность – истребление начиналось позже предусмотренного срока. А иногда – очень редко – волки свирепо добивали разум, сумевший уцелеть после недостаточно тщательной зачистки.

Но Галиана не обнаружила ни единого воспоминания о неудачах.

С шокирующей внезапностью волк отступил, позволил говорить.

– Скади! – взмолилась она.

– Что такое?

– Пожалуйста, убей меня. Убей!

Глава первая

Антуанетта Бакс наблюдала, как робот-полицейский выбирается из шлюза. Машина – небольшой черный округлый корпус, членистые острые конечности. Скульптура из ножиц. И ужасно холодная, ведь она была пристыкована снаружи полицейского катера. Три катера догнали и взяли в клещи корабль. С робота испарялось рабочее вещество химических движков, едкая жижа цвета мочи, застывшая симпатичными разводами: спиральками, вихорьками.

– Отступите! – посоветовал робот. – Физический контакт не рекомендуется.

Испарения робота пахли мерзко. Антуанетта опустила визор шлема, когда машина просеменила мимо.

– Не понимаю, что вы надеетесь отыскать, – сказала она, держась позади на безопасном расстоянии.

– Пока не найду, не узнаю, – ответил робот, уже определивший частоту интегрированной в ее скафандр рации.

– Эй, я контрабандой не занимаюсь! Мне покойницей стать не хочется.

– Они все так говорят.

– Ну кому придет охота тащить контрабанду в хоспис «Айдлвилд»? Там же сборище сдвинутых на религии нищенствующих фанатиков, а не притон контрабандистов.

– Так мы знаем, что такое притон контрабандистов?

– Я не говорила, что...

– Ладно, не важно. Мисс Бакс, сейчас военное время. Может случиться всякое.

Робот остановился, пошевелил суставами. С них посыпались куски желтой ледяной корки. Корпус – продолговатое черное яйцо с фланцами, многочисленными членистыми конечностями и оружием. Места для пилота нет, лишь для рации, обеспечивающей связь с пилотом. Тот находился в полицейском катере и представлял собой главным образом мозг, лишенный несущественных придатков и помещенный в контейнер жизнеобеспечения.

– Если хотите, свяжитесь с хосписом, проверьте, – предложила Антуанетта.

– Я уже справлялся там. Но в подобных ситуациях следует быть абсолютно уверенным, что нет подвоха. Вы согласны?

– Я соглашусь с чем угодно, лишь бы вы убрались с моего корабля.

– Хм. А почему вы так торопитесь?

– Потому что у меня на борту сля... пардон, пассажир в криогенном анабиозе. И я не хочу, чтобы он прямо тут и разморозился.

– Я очень хочу посмотреть на этого пассажира. Это возможно?

– А я могу отказаться?

Антуанетта подобного ожидала, а потому заранее облачилась в скафандр.

– Отлично. Больше минуты это не займет, и вы сможете спокойно лететь дальше. – Машина замолчала и спустя секунду добавила: – Конечно, если не будут выявлены нарушения.

– Сюда, – показала Антуанетта.

Она повозилась у контрольной панели возле люка, и открылся путь в главный грузовой трюм «Буревестника». Позволила роботу идти первым, решив говорить как можно меньше и проявлять еще меньше инициативы. Конечно, это не слишком-то доброжелательно по отношению к стражу закона, но если суетиться, стараясь угодить, возбудишь куда больше подозрений. Полицию Феррисвилльской конвенции население не очень любило, и та давно привыкла учитывать это в отношениях с гражданскими.

– Антуанетта, а ведь у вас приличный кораблик.

– Для вас я мисс Бакс. Не помню, чтобы мы переходили на «ты».

– Хорошо, мисс Бакс. Но это не отменяет справедливости моих слов. Ваш корабль, пусть он внешне непримечательный, весьма прочен, надежен и пригоден для дальней навигации. Такой корабль непременно заработает достаточно денег на вполне легальных торговых путях, даже и в наши беспокойные времена.

– Ну, так мне и причины нет заниматься контрабандой, согласитесь.

– Возможно. Но тем не менее передо мной встает вопрос: зачем упускать отличные деловые возможности, выполняя странное поручение хосписа? У них есть определенное влияние, но, насколько мне известно, деньгами они не сорят. – Машина снова приостановилась. – Признаться, тут налицо загадка. Обычно замороженных доставляют из хосписа, а не в него. И перемещать замороженное тело – не слишком-то рядовая процедура. Как правило, всех размораживают в «Айдлвилде».

– Мне платят не за вопросы, а за работу.

– А мне платят как раз за вопросы. Мы уже пришли?

Грузовой отсек не был герметизирован, потому заходить пришлось через внутренний шлюз. Антуанетта включила освещение. В огромном пространстве трюма находилась лишь трехмерная решетка для размещения грузов, теперь пустая. Начали пробираться сквозь хитросплетение. Робот двигался с проворством и сноровкой тарантула.

– А, так вы и в самом деле путешествуете с пустым трюмом! Здесь ни единого грузового контейнера.

– Это не преступление.

– Я и не говорил, что преступление. Однако это до крайности странно. Нищенствующие, должно быть, заплатили очень неплохие деньги, раз вы решились на такой рейс.

– Они поставили условия, не я.

– Да, дело мне кажется все более странным.

Антуанетта понимала: у полицейского есть веские причины для недоумения. Все знали, что в хосписе заботятся о «слякоти» – пассажирах, покинувших криокапсулы звездолетов. В хосписе «Айдлвилд» их размораживали, лечили от амнезии, реабилитировали. Орден ледяных нищенствующих ухаживал за пациентами, пока те не достигали состояния, позволяющего покинуть хоспис, или по крайней мере не приучались соблюдать необходимые нормы человеческого общежития. Некоторые, так и не восстановив память, оставались в хосписе, проходили обучение, служили братьями и сестрами ордена. Но для хосписа было весьма необычно принимать замороженного, прибывшего не на космическом корабле.

– Ну хорошо, я расскажу. – Антуанетта вздохнула. – Как мне сказали, произошла ошибка. При разгрузке перепутали документы. Моего клиента приняли за другого мерзляка. Того хоспис должен был лишь проверить, а потом отправить на разморозку в Город Бездны.

– Необычно, – изрек робот.

– Кажется, парню не нравилось путешествовать в космосе. Случилось полное дерьмо. Пока ошибку обнаружили, клиент был уже на полпути к Йеллоустону. Хоспис захотел все быстро исправить, пока дело не получило огласку. Для того-то меня и позвали. Я подобрала замороженного в Ржавом Поясе и теперь спешу в «Айдлвилд».

– Но к чему спешка? Если человек заморожен, то...

– Послушайте, эта криокапсула – чуть ли не музейный экспонат. Последние несколько дней с ее содержимым обращались, мягко говоря, неделикатно. К тому же семьи клиентов уже начали задавать трудные вопросы. Чем скорее замороженных обменяют, тем лучше.

– Я понимаю: нищенствующие хотят оставить все в тайне. Если история всплывет, их репутация первоклассных специалистов обязательно пострадает.

– Да, – подтвердила Антуанетта, позволив себе чуточку расслабиться.

И поборола опасное искушение снова позлить полицейского. Вместо этого миролюбиво произнесла:

– Теперь вы все знаете. Почему бы не отпустить меня? Вы ж не хотите испортить отношения с хосписом?

– Ни в коем случае! Но раз уж я здесь, было бы постыдным упущением не проверить пассажира.

– Да, постыдным, – уныло поддакнула она.

Они подошли к невзрачному матово-серебристому анабиозному устройству, лежавшему у задней стены отсека. Сверху имелось прямоугольное окошко, позволяющее заглянуть внутрь. Под тонированным стеклом, прикрытая отдельной стеклянной же крышкой, виднелась контрольная панель. На ней мигали, перемещались расплывчатые цветные огоньки.

– Не странно ли – держать ценный груз так далеко от входа?

– По мне – нисколько. Тут рядом нижний грузовой люк, так что капсулу быстро доставили сюда – и выгрузят столь же быстро.

– Да, логично. Вы не против, если я посмотрю как следует?

– Пожалуйста.

Робот встал в метре от криокапсулы, протянул оснащенные датчиками конечности, но притрагиваться не стал. Он соблюдал чрезвычайную осторожность, не желая причинить ни малейшего ущерба собственности хосписа либо содержимому контейнера.

– Говорите, этот человек недавно прибыл в «Айдлвилд»?

– Я не знаю ничего сверх того, что мне сообщил хоспис.

Полицейский робот задумчиво постучал конечностью по собственному корпусу:

– Странно. В последнее время большие корабли не прибывали. Теперь-то известие о войне достигло самых далеких систем. Йеллоустон – не та возжеленная цель, какой был раньше.

Антуанетта пожала плечами:

– Если сомневаетесь, переговорите с хосписом. Мне лишь известно, что им нужен клиент, и я его везу.

Робот вытянул манипулятор с чем-то похожим на видеокамеру, поднес к окошку.

– Да, это определенно мужчина, – заключил он таким тоном, словно сообщал важную новость. – И он находится в глубоком анабиозе. Вы позволите мне глянуть на панель управления поближе? Если возникнут проблемы, я без труда организую вам эскорт, вы в мгновение ока окажетесь в хосписе...

Не успела она ответить, придумать разумное возражение, а робот уже откинул тонированное стекло, склонился над панелью, уцепившись для устойчивости за балки грузовой решетки, и принялся методично сканировать дисплей.

Антуанетта похолодела. Показания индикаторов и дисплеев выглядели убедительно, но у любого, знакомого с криокапсулами, тут же родились бы подозрения. Параметры данных существенно отличались от свойственных обычным людям, находящимся в криогенной гибернации. А подозрения нетрудно подтвердить – вызвать несколько дополнительных показателей, обычно не отображающихся, и все станет ясно.

Робот, изучив показания, отодвинулся с удовлетворенным видом. Антуанетта опустила веки, ощутив тихую радость. Как оказалось, преждевременно. Робот снова придвинулся к контейнеру, вытянул тонкий манипулятор.

– Я бы на вашем месте не трогала это, – тихо предупредила она.

Робот проворно напечатал команду. Показания дисплея изменились, по экранам побежали корчащиеся ярко-голубые волновые пакеты, дрожащие гистограммы.

– Что-то не в порядке, – заметил робот.

– Что же?

– Похоже, человек в контейнере уже мертв...

Внезапно связь заполонил мощный басовитый голос:

– Юная леди, прошу прощения...

Антуанетта чертыхнулась вполголоса. Наказала же Зверю молчать, пока робот на борту. Но, возможно, это и к лучшему, что Зверь решил пренебречь запретом. Ситуация повернулась не лучшим образом.

– Зверь, в чем дело?

– Юная леди, входящее сообщение. Прямая трансляция. Источник – хоспис «Айдлвилд».

Робот отдернулся от капсулы:

– А говорили, вы одна на корабле! Кто это?

– Я одна. Это всего лишь субличность корабля, Зверь.

– Так велите ему заткнуться. А передача с хосписа адресована не вам. Это ответ на мой отправленный ранее запрос.

– Юная леди, как с передачей? – прогудел голос.

– Черт возьми, да проигрывай скорее!

Она улыбнулась. Робот снова отдернул манипуляторы.

Зверь транслировал передачу прямо на визор шлема, и Антуанетте казалось, будто нищенствующая стоит посреди грузового отсека. Несомненно, пилот робота также видел передачу, проходящую через полицейский катер.

Нищенствующая сестра была из новых стариц. Как всегда, на Антуанетту произвел неприятное впечатление вид по-настоящему старого человека. Сестра носила белый накрахмаленный плат и орденскую рясу с орнаментальными снежинками – эмблемами хосписа. Она стояла, сложив на груди руки – морщинистые, в сеточке вен.

– Прошу прощения за задержку с ответом. Вы же знаете, наша сеть работает нестабильно. Впрочем, перейдем к формальностям. Я сестра Амелия, и я хочу подтвердить, что тело... замороженный индивидуум... находящийся на попечении мисс Бакс, является временной и весьма ценной собственностью хосписа «Айдлвилд» и святого ордена ледяных нищенствующих. Мисс Бакс оказывает неоценимую помощь по его немедленному возвращению...

– Но это мертвое тело! – возразил полицейский.

– И ввиду того мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей, – невозмутимо продолжала сестра. – Ранее мы неоднократно прибегали к услугам мисс Бакс и сейчас выражаем полное удовлетворение их качеством. – Сестра улыбнулась. – Полагаю, Феррисвилльская конвенция понимает необходимость сдержанности и непубличности в подобных делах. В конце концов, нам необходимо заботиться о репутации.

Изображение нищенствующей замерцало, затем исчезло.

Антуанетта пожала плечами:

– Видите? Я не лгала вам.

Робот направил на нее датчик:

– Здесь происходит что-то ненормальное. С медицинской точки зрения в капсуле лежит мертвое тело.

– Я же говорила вам: капсула – музейная древность. Контрольная панель барахлит, только и всего. Было бы до крайности глупым везти мертвеца в криокапсуле, согласитесь.

– Я еще разберусь с этим, – пообещал робот.

– Отлично, разбирайтесь! Но, как я понимаю, на сегодня у вас все? Вы же слышали, что сказала милая женщина из ордена нищенствующих? «Мы были бы чрезвычайно благодарны за минимально возможное вмешательство со стороны властей». Кажется, именно так и выразилась. Очень важно и официально.

Она протянула руку и захлопнула стеклянную крышку над контрольной панелью.

– Не знаю, что тут к чему и в какие игры вы играете, но разберусь, – пообещал полицейский. – Уж в этом не сомневайтесь.

– Ну и чудесно. – Она улыбнулась. – Желаю успеха. А сейчас, пожалуйста, убирайтесь с моего корабля.

После ухода полиции Антуанетта держалась прежнего курса еще час, делая вид, что направляется в хоспис. Затем резко повернула – и скривилась, увидев, сколько на это потребовалось топлива. Еще через час покинула зону, на которую распространялась юрисдикция Феррисвилльской конвенции, оставила Йеллоустон и окружающее его кольцо анклавов. Полиция больше не пыталась ее остановить, но это и неудивительно. Слишком много потребуется топлива. Здесь чужая территория. И не просто чужая – зона боевых действий. Велика вероятность того, что преследующая непонятные цели Антуанетта Бакс скоро превратится в труп. К чему полиции суетиться зря?

На этой оптимистической ноте Антуанетта составила и отослала полное завуалированных намеков письмо хоспису. Благодарила за помощь и, как всегда делал отец в подобных обстоятельствах, обещала не оставить без ответа просьбу хосписа о помощи.

Вскоре от сестры Амелии пришел ответ: «Удачного и скорого перелета! Благослови тебя бог, Антуанетта! Джим гордился бы тобой».

«Надеюсь», – подумала Антуанетта.

Следующие десять дней прошли непримечательно. Корабль функционировал безупречно, даже не приставал с напоминаниями о мелких поломках, которые следовало бы устранить. Однажды на самом краю радарной досягаемости промелькнула пара теней – едва заметных, маскирующихся, подкрадывающихся. Баньши. На всякий случай подготовила оборонные системы, а потом заложила маневр уклонения от abordaja, продемонстрировав противнику, насколько тяжело будет пристыковаться к «Буревестнику». Обе тени исчезли – вероятно, отправились искать добычу полегче.

За исключением этого небольшого приключения, десятков дней Антуанетта скучала. Делать нечего, ешь да спи – а спать она старалась как можно меньше, чтобы только с ног не валиться от недосыпания. Сон приходил один и тот же, тревожный и пугающий: пауки выволакивали ее из подбитого горящего лайнера, дрейфующего между поселениями Ржавого Пояса, везли на свою базу в сердцевине кометы на краю системы. Там раскалывали череп, совали блестящие металлические приборы в дрожащий серый студень мозга. И вот, когда до превращения в паука всего ничего, когда память на пороге стирания, голова напичкана имплантатами, а разум вот-вот навсегда привяжется к коллективному сознанию пауков, являются зомби. Стая клиновидных штурмовых кораблей вламывается в комету, выстреливает вращающиеся, со спиральной нарезкой буры, которые плавают лед, прокладывают тоннели до самых логовищ пауков. Из кораблей высыпают доблестные воины в красной броне, несутся сумрачными тоннелями, истребляют пауков с поразительной точностью, приученные не тратить зря ни единой пули, дротика либо энергетической емкости. Симпатичный зомби-новобранец выносит Антуанетту из допросно-индоктринационной комнаты, применяет экстренные медицинские процедуры, чтобы очистить мозг от машин, чинит череп и наконец погружает ее в целебную кому на долгий срок путешествия в центр системы, в гражданский госпиталь. Когда Антуанетту замораживают, он сидит рядом, держа за руку.

И почти всякий раз во сне происходила одна и та же дрянь. Чертовы зомби заражали ее пропагандистским сном. Хотя Антуанетта принимала рекомендованные средства, толком прочистить мозги никак не удавалось. Впрочем, стараться не особо хотелось.

Когда же не снилась демархистская пропаганда, приходили грустные сны об отце.

Антуанетта знала: пропаганда демархистов подчас расходится с истиной. Но лишь в деталях. Никто не сомневался в том, что сочленители проделывают со своими несчастными пленниками. Но, конечно же, попасть в лапы к демархистам – тоже далеко не сахар.

Бои идут далеко отсюда, хотя формально «Буревестник» находится в зоне военных действий. Антуанетта специально выбрала маршрут в обход тех мест, где недавно бушевали сражения. Время от времени она замечала далекие вспышки – свидетельства чудовищных схваток в световых часах от «Буревестника». Но вспышки эти казались нереальными – лишь напоминания об окончившейся войне, не разрушавшие иллюзию мирного межпланетного рейса. Впрочем, воображаемое было не так уж далеко от реальности. Все независимые наблюдатели соглашались: конец войны не за горами. Зомби проигрывают на всех фронтах. А пауки с каждым месяцем напиваются все сильнее, продвигаются все ближе к Йеллоустону.

Но хотя исход войны ясен, она еще не закончилась, и риск оказаться ее случайной жертвой весьма велик. Тогда уж точно выяснишь, насколько правдив пропагандистский сон.

Антуанетта размышляла об этом, направляясь к Мандариновой Мечте – юпитероподобной планете, самой большой в системе Эпсилона Эридана. Приближалась с максимальным ускорением – три g . Двигатели «Буревестника» надрывались. Газовый гигант предстал впереди зловещей бледно-оранжевой громадой – раздутый, сулящий перегрузки. Вокруг гиганта висели охранные спутники, уже зафиксировавшие чужой корабль и засыпавшие предупредительными сообщениями, одно другого грознее.

– Это спорное пространство! Вы нарушаете...

– Юная леди, вы уверены? При всем уважении к вашим навигаторским талантам, не премину заметить: выбранная вами траектория для выхода на орбиту совершенно не годится.

Антуанетта скривилась – при трех g нормально улыбнуться трудно.

– Зверь, я знаю. У меня есть причина. Мы не выходим на орбиту, а погружаемся в атмосферу.

– В атмосферу?!

– Да.

Зверь мучительно думал; Антуанетта будто слышала, как ворочаются ржавые шестеренки, извлекая на свет забытые, не использовавшиеся десятилетиями программные процедуры.

Корабельный мозг, пристанище Зверя, лежал в охлажденном цилиндрическом контейнере размером примерно со шлем скафандра. Антуанетта видела его лишь дважды, когда в ходе капитального ремонта вместе с отцом перебирала аппаратуру в носу корабля. Облачившись в тяжелые перчатки, отец вынул контейнер из шахты. Оба смотрели на вместилище Зверя чуть ли не с благоговением.

– Я не ослышался, вы сказали «в атмосферу»? – переспросил Зверь.

– Знаю, это не слишком обычное дело для «Буревестника».

– Юная леди, вы абсолютно уверены?

Она вынула из нагрудного кармана клочок бумаги – овальный, с истрепанными краями, со сложным рисунком, выполненным сверкающими золотой и серебряной красками. Погладила, словно талисман.

– Да, Зверь, абсолютно. Я больше ни в чем так не уверена.

– Хорошо, юная леди.

Зверь понял, что попытки разубедить результата не дадут, и занялся приготовлениями к полету сквозь атмосферу.

Диаграммы на пульте показывали: внешние датчики, кронштейны и манипуляторы втягивались внутрь, люки и иллюминаторы закрывались, – надо было сделать корпус как можно более гладким. Процесс занял несколько минут. Но и после него «Буревестник» не вполне годился для атмосферных полетов. Конечно, некоторые узлы на внешних балках без проблем перенесут погружение в газовый гигант, но часть стыковочной аппаратуры, подвешенной на кронштейнах, трения об атмосферу не выдержит. Придется «Буревестнику» обходиться без нее.

– Слушай внимательно: где-то в подвалах твоей памяти должны храниться процедуры для полета в атмосфере. Папа мне рассказывал про них однажды, так что не делай вид, будто впервые слышишь.

– Постараюсь локализовать соответствующие подпрограммы как можно быстрее.

– Хорошо, – кивнула она, воодушевившись.

– Тем не менее хочется спросить: отчего об этих подпрограммах не упоминалось ранее?

– Если б ты знал, что у меня на уме, из кожи бы вылез, отговаривая.

– Вот оно как.

– Не изображай обиду, пожалуйста. Я всего лишь постаралась обойтись без лишних хлопот.

– Как пожелаете, юная леди. – Зверь выдержал паузу – чтобы Антуанетта осознала свою вину и устыдилась.

– Процедуры локализованы. Со всем уважением отмечаю: в последний раз их задействовали шестьдесят три года назад. С тех пор корпус претерпел ряд модификаций, что может ограничить эффективность применения...

– Отлично. Я уверена: ты сможешь импровизировать, если придется.

И все же окунуть предназначенный для межпланетного вакуума корабль, пусть и отлично бронированный и обтекаемый, нырнуть в атмосферу, пусть и в верхние слои оболочки газового гиганта, – дело непростое. В лучшем случае отделаешься тяжелыми повреждениями корпуса. Хорошо, если они не помешают добрести домой, в Ржавый Пояс. В худшем случае просто не вырвешься из атмосферы.

А с кораблем неизбежно погибнет и мисс Антуанетта Бакс.

Ну что ж, хоть одно тут утешение: если разобьется корабль, не придется рассказывать печальную новость Ксавьеру.

В общем, нет худа без добра.

Контрольная панель пискнула.

– Зверь, это именно то, о чем я подумала?

– Юная леди, это весьма вероятно. Радарный сигнал, восемнадцать тысяч километров, три градуса прямо по курсу, два градуса по эклиптике к галактическому северу.

– Вот же мать его! Это не маяк? Не орудийная платформа?

– Юная леди, объект слишком большой.

Тут уж особо задумываться не пришлось. Сигнал означал: между «Буревестником» и гигантом, на полпути к атмосфере, чужой корабль.

– Что можешь сказать о нем?

– Юная леди, он движется медленно, держит курс на атмосферу. Похоже, хочет исполнить тот же маневр, что и вы, хотя летит быстрее на несколько километров в секунду. Он войдет в атмосферу под гораздо более крутым углом.

– Похоже на корабль зомби? – быстро проговорила Антуанетта, стараясь убедить себя, что это кто угодно, только не зомби.

– Юная леди, тут гадать не приходится. Корабль сфокусировал передачу на нас. Протокол передачи демархистский.

– Да какого черта они вздумали фокусировать на нас?

– Со всем уважением, юная леди, – выясняйте сами.

Передача фокусированным пучком – ненужная роскошь, когда корабли так близко. Обычная радиопередача сработала бы не хуже. Кораблю зомби не пришлось бы нацеливать трансляционный лазер на движущийся «Буревестник».

– Сообщи о приеме, – приказала Антуанетта. – Можем мы сфокусироваться на них?

– Юная леди, для этого нужно заново выдвигать только что убранное.

– Так выдвигай... но не забудь потом снова убрать.

Она услышала шум – кронштейн с лазером снова выбрался наружу. Последовал скоротечный обмен протоколами, и вдруг перед Антуанеттой возникло женское лицо. Как ни странно, незнакомка выглядела даже более издерганной и утомленной, чем хозяйка «Буревестника».

– Здравствуйте, – сказала Антуанетта. – Вы меня тоже видите?

Женщина едва заметно кивнула. В ее глазах плескалась едва сдерживаемая, долго копившаяся ярость – точно напившаяся на дамбу вода.

– Да, я вижу вас!

– Я не ожидала никого тут встретить, – осторожно произнесла Антуанетта. – Но на всякий случай решила ответить по фокусированному лучу.

– Можно было и не беспокоиться!

– Не беспокоиться?

– После того, как нас высветил ваш радар!

Женщина посмотрела вниз, и ее бритый череп блеснул синевой. Она казалась ненамного старше Антуанетты, но о возрасте зомби очень трудно судить по внешности.

– А-а... Я сделала что-то не так?

– Да, потому что мы пытаемся спрятаться. Не знаю, зачем вы здесь, и, честно говоря, мне наплевать. Предлагаю отказаться от затеянного. Эта планета в спорном пространстве. А значит, я имею полное право разнести вас в клочья.

– Да у меня никаких проблем нет и не было с зом... пардон, с демархистами!

– Очень приятно слышать! А теперь разворачивайтесь.

Антуанетта снова посмотрела на овальный клочок бумаги, вынутый из нагрудного кармана. Рисунок на нем изображал космонавта в древнем скафандре, со складками гармошкой на месте суставов, поднявшего бутылку на уровень глаз. Воротник, где должен присоединяться шлем, был обозначен сверкающей серебряной полосой. Космонавт улыбался, глядя на бутылку. Там золотисто мерцала жидкость.

Антуанетта решила: не время поворачивать. Время твердо стоять на своем.

– Назад я не поверну. Но обещаю ничего не украсть с планеты. Не собираюсь приближаться к вашим обогатительным фабрикам и прочему в том же роде. Я даже люки не раскрою. Нырну и вынырну, только и всего.

– Прекрасно. Я очень рада это слышать. Проблема в том, что обещать нужно не мне.

– Не вам?

– Нет, конечно. – Женщина ободряюще улыбнулась. – Кораблю за вашей спиной, который вы, похоже, еще не заметили.

– За спиной?

Женщина кивнула:

– У вас пауки на хвосте.

Вот тогда Антуанетта поняла: пришла настоящая беда.

Глава вторая

Сигнал тревоги застиг Скади втиснувшейся между двумя округлыми черными глыбами машин. Датчик зарегистрировал изменение позиции корабля, переход в состояние максимальной готовности к отражению атаки. Едва ли можно назвать это фундаментальной проблемой, но она требовала немедленного внимания.

Скади отсоединила компад, оптоволоконные кабели-выходы скользнули внутрь прибора. Прижала ровную пластину гаджета к животу – и та немедленно зафиксировалась, сцепилась с усиленной, подбитой смягчающим слоем тканью черного платья. Коммуникатор немедленно принялся транслировать собранные данные, записывать в долговременную память Скади.

Она ползла в узком проходе между машинами, изгибаясь, ввинчиваясь в теснейшие проходы. Через двадцать метров достигла выходного люка, небольшого круглого отверстия в стене. Близ него сосредоточилась в полной неподвижности – даже цветные переливы на гребне прекратились. Сеть имплантатов в мозгу не зарегистрировала ни одного сочленителя в радиусе пятидесяти метров и подтвердила: все наблюдательные системы в коридоре не заметят появления Скади.

Но все равно она двигалась с чрезвычайной осторожностью, осматривалась – словно кошка, обследующая незнакомую территорию.

Вблизи никого не оказалось.

Вот она миновала отверстие в стене, затем мысленно приказала – и проем исчез без следа. Только Скади знала, где находятся входные люки, и открывались они только перед ней. Кла-вэйн, даже если бы заметил присутствие скрытых машин, не сумел бы отыскать путь к ним. А примени он грубую силу, чтобы проломиться, – машины самоуничтожились бы.

Пока еще корабль находился в свободном падении. Должно быть, приближался к преследуемому вражескому судну. Отсутствие веса было на руку Скади. Она прыгала по коридору, отталкиваясь в нужных местах всеми четырьмя конечностями. Двигалась экономно и точно – словно распоряжаясь силой тяжести по собственному усмотрению.

– Скади, доложите обстановку.

Послания от Ночного совета всегда приходили неожиданно. Скади, давно к этому привыкнув, не пугалась и не терялась.

– Ничего экстраординарного. Мы задействовали лишь немногие способности этих машин. Пока все в порядке.

– Хорошо. Конечно, следует провести расширенное тестирование.

Скади ощутила прилив раздражения.

– Я уже говорила вам: сейчас присутствие нашей аппаратуры может быть обнаружено только путем тщательных измерений. А это позволяет нам тестировать под прикрытием обычных военных операций.

Скади подлетела к развилке, оттолкнулась, понеслась к рубке. Заставила себя успокоиться, отрегулировала телесную химию.

– Я согласна: прежде чем приступить к оснащению флота, нужно провести более обширные и тщательные испытания. Но это означает риск разглашения. Многие смогут узнать о нашем технологическом прорыве. И не только в Материнском Гнезде.

– Разумное возражение. И не стоит напоминать нам о риске разглашения лишний раз. Мы просто констатируем факт. Каким бы ни был риск, испытания необходимы. И провести их нужно как можно скорее.

Скади проплыла мимо сочленителя. На ходу заглянула в его мозг, окинула взглядом поверхностную мешанину недавних впечатлений и эмоций. Ничего интересного либо полезного для операции. Под мутной поверхностью лежали слои памяти, мнемонические струк-

туры, погруженные в опалесцирующий сумрак, словно огромные затонувшие обелиски. Все открыто – просеивай, изучай. И снова ничего интересного. На самом дне она обнаружила пару интимных воспоминаний. Сочленитель думал, что Скади не сумеет их прочесть. Подмывало перестроить поставленную сочленителем блокаду, завладеть парой дорогих воспоминаний, спрятать их от хозяина. Но Скади справилась с искушением. Достаточно знать, что она способна на такое.

Мужчина послал в ее мозг запрос – и поспешно отпрянул, встретив яростное отрицание доступа. Бедняга интересовался: почему на борту находится член Узкого совета?

Забавно. Этот типчик знал о существовании Узкого совета и, наверное, догадывался о сверхсекретной главенствующей группе в совете, о Внутреннем святилище. Но он наверняка не подозревал о существовании Ночного совета.

Встречный остался за спиной. После мимолетного контакта оба отправились по своим делам.

– Скади, вы сомневаетесь?

– Конечно сомневаюсь! Мы играем с огнем, способным пожрать нас всех! Я бы не спешила в него бросаться.

– Скади, волки ждать не станут.

Она разозлилась. Зачем напоминать о том, что и так не оставляет ни днем ни ночью? Страх может подстегнуть и добавить энтузиазма, но всему есть предел. Как говорится, манх-эттенский проект не за день строился. Или это говорилось про Рим? В любом случае что-то связанное со старушкой Землей.

– Я про них не забыла!

– Отлично, Скади. И мы тоже. И мы очень сомневаемся, что волки забыли о нас.

Она почувствовала, что Ночной совет отключился, ушел в крошечный, не поддающийся обнаружению участок мозга – ждать до следующего контакта.

Скади явилась в рубку «Паслена», ощущая, что гребень пульсирует яркими переливами алого и розового.

Рубка – круглая комната без окон в самом центре корабля – была просторна, свободно вмещала пять-шесть сочленителей. Но сейчас там находились лишь Клавэйн и Ремонтуар – как и в тот момент, когда Скади уходила отсюда. Оба покоились, закрыв глаза и сложив на груди руки, в амортизационных гамаках посреди сферы, погруженные в поток данных с корабельных систем. Выглядели они до смешного умиротворенными.

Скади подождала, пока рубка выбросит сеть гибких контактов, сплетет защитный гамак для новой гостии. Лениво прощупала разумы коллег. Мозг Ремонтуара был открытой книгой, даже барьеры на пути к информации, полученной от Узкого совета, казались опознавательными метками, а не глухими стенами. Его разум был словно город из стекла, тут и там тонированного, но всегда прозрачного. Одним из первых ухищрений, каким научил Ночной совет, был способ проходить сквозь барьеры членов Высшего совета. Когда Скади присоединилась к нему сама, умение очень пригодилось. Не все члены Узкого совета имели доступ к тайнам – в конце концов, существовало еще и Внутреннее святилище. Но от Скади не укрывалось ничто.

Однако разум Клавэйна оказался на удивление непрозрачным. Это злило ее, восхищало, будоражило и наполняло отвращением. Его нервные имплантаты были намного старше, чем у любого другого сочленителя. Клавэйн не позволял усовершенствовать свою нервную сеть. Немалая часть его мозга вовсе не была охвачена сетью, нервные связи оставались редкими, распределенными неэффективно. Конечно, поисковые алгоритмы Скади могли извлечь данные из тех элементов, которые входили в сеть имплантатов, – но и это на деле оказывалось непросто. Поиск в мозгу Клавэйна – все равно что раскопки в библиотеке, побывавшей в эпицентре смерча. Пока отыщешь нужное, оно безнадежно устареет.

Тем не менее Скади сумела узнать многое. С возвращения Галианы прошло уже десять лет, но Клавэйн все еще не обнаружил правды о случившемся.

Это если верить результатам чтения его разума.

Как и все в Материнском Гнезде, он знал: в глубинах космоса корабль Галианы повстречался с враждебным чуждым разумом, с машинами, которых люди прозвали волками. Они проникли на корабль, сумели прочесть, уничтожив притом разумы людей. Галиану пощадили, ее тело сохранилось – но в мозгу осталась внедренная волками структура.

Чего Клавэйн не знал и даже не подозревал до сих пор, так это того, что Галиана пришла в сознание и пребывала в здравом уме и твердой памяти, пока ее рассудком не овладел волк, заговоривший ее устами. В себя Галиана приходила не раз.

Скади вспомнила, как сказала праматери всех сочленителей, что Клавэйн и Фелка мертвы. Решиться на ложь было непросто. Как и все сочленители, Скади глядела на Галиану с благоговейным трепетом. Эта женщина породила сочленителей и многие годы возглавляла их. Однако Ночной совет напомнил: долг по отношению к Материнскому Гнезду важнее чувства благодарности к Галиане. Долг же перед Гнездом заключался в том, чтобы максимально использовать периоды умственной ясности Галианы и узнать как можно больше о волках. А значит, не следовало тревожить Галиану сверх необходимого. Хотя ложь далась нелегко и стала причиной стресса, Ночной совет заверил: с течением времени все обернется к лучшему.

Постепенно Скади поняла суть: ведь лгала-то на самом деле она не Галиане, но лишь ее тени, призраку былого величия. А одна ложь естественным образом влекла другую, и потому Клавэйн и Фелка так и не узнали о разговорах с праматерью.

Скади прекратила попытки внедриться, установила обычный уровень общения. Предоставила Клавэйну доступ к лежащим на поверхности воспоминаниям, ощущениям и эмоциям – вернее, к тщательно отредактированным их версиям. В то же время Ремонтур видел в разуме Скади именно то, что ожидал увидеть, – опять же подправленное и модифицированное в соответствии с ее целями.

Амортизационный гамак подтянул ее к центру комнаты-сферы, к двум уже находящимся там сочленителям. Скади сложила руки на изогнутой поверхности компада, который нашептывал полученные данные в долговременную память.

Клавэйн подал голос:

– Скади, приятно видеть тебя рядом.

– Клавэйн, я ощутила изменения в статусе боеготовности. Это имеет отношение к кораблю демархистов?

– Дела обстоят даже интереснее. Взгляни сама.

Клавэйн предложил ей подключиться к сенсорной сети корабля. Скади так и сделала, приказав имплантатам направлять информацию на ее сенсоры, используя стандартные фильтры и параметры.

Приятное мгновение – мимолетное ощущение выхода из собственного тела. Оно вместе со спутниками, рубкой, огромным угольно-черным конусом корабля растворилось, стало ничем.

Газовый гигант висел впереди, исчерченный постоянно меняющейся, сложнейшей сетью запретных зон и фарватеров. Вокруг по тесным прецессионным орбитам крутилось сонмище орудийных платформ и спутников слежения. Чуть ближе виделся демархистский корабль, преследуемый «Пасленом». Вражеская машина уже вошла в верхние слои атмосферы и начала разогреваться. Капитан рискнул нырнуть в атмосферу, надеясь спрятаться внизу, в нескольких сотнях километров под облаками.

Скади поняла: этот риск рожден отчаянием.

Проходы сквозь атмосферу опасны даже для судов, сделанных в расчете на погружение в газовые гиганты. Капитану приходится тормозить перед погружением, и возвращаться также

нужно медленно. Выгоды от пребывания в атмосфере малы. Спрятаться в облаках можно лишь в том случае, если датчики преследователя не способны отследить добычу, а шансы на это невелики. К тому же за движением беглеца могут проследить спутники, обращающиеся по низким орбитам, и плавающие в атмосфере роботы-разведчики. Кроме сомнительной маскировки, единственная выгода погружения – дозаправка.

В первые годы войны обе стороны использовали антивещество как главный источник энергии. Сочленители с их спрятанными на краю системы фабриками производили и хранили антиматерию в достаточных для военных действий количествах. Было общеизвестно, что им доступны и более мощные источники энергии. Демархисты уже десятилетие не могли производить антиматерию в нужных количествах, они вернулись к термоядерному синтезу. Для него требовался водород, который лучше всего добывать в океанах на газовых гигантах, где он уже сжат до металлического состояния. Но обычно заправка происходила так: корабль выдвигал топливные насосы, забирал и сжимал водород из атмосферы, а иногда даже нырял в жидкий водородный океан, лежащий поверх оболочки из металлического водорода, которая окружала каменное ядро газового гиганта.

Однако для поврежденного в бою корабля это рискованный маневр. Скорее всего, капитан надеялся, что субсветовику не придется самому собирать водород. Рассчитывал встретить танкер, управляемый мозгом китообразного. Их много скиталось в атмосфере, занимаясь сбором и обогащением топлива, уныло крутясь в турбулентностях. Танкер снабдит обработанным металлическим водородом, который служит и топливом, и взрывчаткой.

Погружение в атмосферу – отчаянная игра. Но все же шансы на успех ненулевые – в отличие от бессмысленного бегства в пространстве от сильнейшего и быстрее него противника.

Скади оформила мысль и поделилась ею с коллегами:

– Я восхищена решимостью капитана. Но это ему не поможет.

Клавэйн ответил сразу:

– Не ему, а ей. Мы перехватили ее фокусированную на другой корабль передачу. Они проходили сквозь край пылевого кольца. Концентрация пыли оказалась достаточной, чтобы нам удалось уловить рассеянную часть сигнала.

– А гражданское судно?

Ответил Ремонтуар:

– Едва заметив его выхлоп, мы заподозрили, что это каботажник из Ржавого Пояса. Так оно и оказалось. Прочее остается неясным.

Ремонтуар предоставил свой канал данных. Скади приняла его предложение с благодарностью.

В ее воображении возник размытый образ каботажника, понемногу делающийся более четким – словно дорисовывался на глазах набросок. Судно вдвое меньше «Паслена», типичный внутрисистемный грузовик, построенный век либо два назад. Несомненно, до эпидемии. Корпус, похоже, когда-то имел обтекаемые очертания и был рассчитан на посадку на Йеллоустоне либо на других планетах с атмосферой. Но теперь из корпуса торчало столько надстроек и выступов, что он походил на рыбу, подвергшуюся некой редкой рецессивной мутации. На оболочке тут и там мерцали загадочные символы, перемежаемые обширными кусками глухого металла в местах, где корпус ремонтировался.

Ремонтуар предугадал вопрос, сообщив:

– Это «Буревестник», зарегистрированный в «карусели» Новый Копенгаген, в Ржавом Поясе. Владелец и капитан – Антуанетта Бакс. В обеих ролях она всего лишь месяц. Предыдущий владелец – Джеймс Бакс, вероятно родственник. Что с ним случилось, неизвестно. Согласно архиву, семья Бакс владела кораблем задолго до войны, возможно и до эпидемии. Бизнес – обычная смесь законных и маргинально законных сделок. Несколько небольших пра-

вонарушений, одна-две незначительные стычки с полицией Феррисвильской конвенции. Но ничего заслуживающего ареста, даже по законам военного времени.

Скади ощутила, как где-то в необозримой дали ее тело кивнуло, выражая согласие. Пояс жилых спутников вокруг Йеллоустона издавна содержал целый флот транспортов: от современных, скоростных и маневренных, для грузов подороже, до неторопливых, дешевых, с термоядерными или ионными двигателями; эти суда выполняли работу без лишних формальностей. Даже после эпидемии, превратившей некогда знаменитый Блестающий Пояс в Ржавый, для разномастных торговцев нашлось место – конечно, для тех, кому хватило смелости и умения его занять. Требовалось обходить карантин и заключать сделки с новой клиентурой, родившейся на дымящихся руинах демархистского правления. Среди этих клиентов попадались и такие, с которыми не хотелось иметь дело во второй раз.

Скади не знала ничего о семействе Бакс, но полагала, что оно добилось процветания после эпидемии – и, возможно, преуспело еще больше в войну. Теперь можно проходить сквозь блокады и кордоны, помогать агентам противоборствующих сторон в их шпионской деятельности. И не важно, что Феррисвильская конвенция, управляющая делами Йеллоустона и окрестностей, – один из наименее толерантных режимов в истории. Хотя наказания за нарушение законов были суровыми, всегда находились готовые платить за риск.

Таким образом, Скади нарисовала для себя почти исчерпывающий психологический портрет Антуанетты Бакс. Осталось непонятным, что она делает так далеко в зоне военных действий? И если задуматься, почему она еще жива?

– Капитан демархистов разговаривала с ней? – спросила Скади.

– Предупредила ее, велела уходить, угрожала карами за непослушание, – ответил Клавэйн.

– И она послушалась?

Клавэйн направил Скади данные о курсе и положении каботажника. Он шел напрямик в атмосферу газового гиганта, как и корабль демархистов перед ним.

– Предупреждать в такой ситуации бессмысленно. Капитану следовало просто уничтожить гражданское судно за вторжение в спорное пространство.

– Капитан и грозила уничтожением, – ответил Клавэйн. – Но Бакс проигнорировала. Заверила, что не собирается красть водород, но недвусмысленно дала понять: разворачиваться не собирается.

– Это чрезмерная отвага или крайняя глупость?

– Скорее всего, простая удача, – возразил Клавэйн. – Очевидно, у капитана нет средств выполнить обещанное. Наверняка она истратила последнюю ракету в недавнем бою.

Скади обдумала узнанное, предугадывая очевидное предложение Клавэйна. Если корабль демархистов действительно безоружен, это легкая цель для абордажа. Естественно, капитан пытается всеми силами скрыть беспомощность от «Паслена». Даже на этой стадии войны на вражеском борту может отыскаться ценная информация. Добавим к этому возможность захвата и вербовки команды.

– Полагаете, капитан надеялся, что каботажник подчинится приказу?

Скади уловила согласие Клавэйна до того, как прибыла его мысль.

– Да. После того как Бакс высветила радаром корабль демархистов, его капитану ничего другого не оставалось, как выйти на связь. Обычной реакцией на поведение гражданского транспортника была бы ракета, выпущенная на поражение. Капитан демархистов имела право на это. Но она имела право и просто предупредить. Однако Бакс не послушала – и вынудила капитана раскрыть свою беспомощность. Подкрепить угрозу ей нечем.

– Клавэйн прав, – подтвердил Ремонтуар. – Ее арсенал пуст. И теперь мы это знаем.

Скади поняла, что оба задумали. Хотя демархистский корабль уже нырял в атмосферу, он оставался досягаем для снарядов «Паслена». Вероятность поражения не стопроцентная, но

высокая. Однако Клавэйн с Ремонтуаром не хотят сбивать врага. Они предпочитают дожидаться, когда враг вынырнет, тяжело нагруженный водородом, медлительный, но вооруженный не лучше прежнего, и взять на абордаж. Выкачать данные из баз, завербовать команду.

– Я не могу разрешить абордажную операцию, – возразила Скади. – Риск нанести ущерб «Паслену» перевешивает все мыслимые выгоды.

Тут же она почувствовала, как Клавэйн пытается прощупать ее разум.

– Скади, что делает «Паслен» столь драгоценным? Почему я об этом не знаю?

– Клавэйн, эта информация – прерогатива членов Узкого совета. У вас была возможность присоединиться к нему.

– Но даже если бы он и присоединился, по-прежнему не знал бы всего, – заметил Ремонтуар.

– Вам же известно, что я здесь по делам Узкого совета, – огрызнулась Скади, злясь. – И для меня важны лишь они!

– Я член Узкого совета, но даже я не знаю, что вы здесь делаете. Это секретная операция, инспирированная святилищем?

Скади подумала с досадой, что ей бы работалось куда проще, не будь необходимости возиться со стариками-сочленителями.

– Да, это очень ценный корабль. Прототипы всегда ценны. Но вы ведь знаете о его свойствах. Нелепо было бы потерять его в случайной стычке.

– Похоже, этим его ценность не исчерпывается.

– Возможно. Но сейчас не время это обсуждать. Подготовьте ракетный залп по вражескому субсветовику. А затем по транспорту.

– Нет. Мы подождем, пока оба вынырнут из атмосферы. Тогда и атакуем – если они выживут, конечно.

– Этого я позволить не могу.

Скади надеялась, что до крайностей дело не дойдет, но Клавэйн вынуждал к решительным мерам. Она сосредоточилась, затем ввела в сеть сложную последовательность команд. Ощутила ответ: боевые системы признали первостепенность ее доступа и подчинились. Контроль в скорости и точности уступает контролю над ее собственными машинами, но и этого достаточно. Ведь задача всего лишь запустить несколько ракет.

– Скади?!

Должно быть, это мысль Клавэйна. Он понял, что управление оружием перехвачено. Она почувствовала его удивление. Разве возможен такой перехват? Скади задала цели, и ракеты с ищущими цель боеголовками вздрогнули в шахтах.

– Скади, прекрати, – спокойно произнес голос в ее голове.

Ночной совет.

– Что?

– Верни контроль над арсеналом. Сделай, как желает Клавэйн. В конце концов, это обернется нам на пользу.

– Нет, но я...

Голос Ночного совета сделался пронзительным:

– Скади, верни контроль!

Униженная и разозленная, Скади выполнила приказ.

Антуанетта подошла к гробу отца. Контейнер был принайтован к решетке грузового трюма, зафиксирован в том же месте, где находился и во время визита робота-полицейского. Девушка положила руку, одетую в перчатку скафандра, на крышку контейнера. Сквозь стекло виднелся профиль отца. Очевидное фамильное сходство – хотя возраст и гравитация отчасти исказили черты, будто хотели превратить их в мужеподобную карикатуру на лицо Антуа-

нетты. Глаза закрыты, выражение, насколько можно разобрать, спокойное, почти скучающее. Это характерно для отца – дремать в самые острые моменты. Вспомнилось, как сочный храп разносился по всей летной палубе. Однажды дочь подловила старика: он лишь притворялся спящим, подглядывал сквозь ресницы. Отец любил наблюдать, как Антуанетта управляется с полетными неожиданностями. Знал, что рано или поздно ей придется все делать самой.

Антуанетта проверила крепежи. Все в порядке, ничто не ослабло и не сместилось в ходе недавних маневров.

– Зверь?

– Что такое, юная леди?

– Я в трюме.

– Юная леди, я знаю. И это меня тревожит.

– Пожалуйста, уменьши скорость. Перейди на дозвуковую. Когда сделаешь, сообщи.

Она заранее приготовилась услышать возражения, но их не последовало. Корабль наклонился. Подступила легкая тошнота – мозг пытался совладать с одновременными ощущениями падения и замедления. «Буревестник» не был способен планировать, его корпус практически не производил подъемную силу. Поддерживала судно лишь тяга, направленный вниз выхлоп двигателей. Небольшую подъемную силу обеспечивал трюм, огромный пузырь вакуума. Но глубоко с ним не погрузишься, придется пустить в него атмосферу.

Антуанетта очень хорошо понимала, что выжила чудом. Корабль демархистов должен был разнести ее в клочья, как и обещала его капитан. И преследующий корабль пауков должен был атаковать до нырка в атмосферу. Даже само погружение могло убить. Получилось не запланированное, осторожное, постепенное снижение, а отчаянная попытка нырнуть под облака, пробиться сквозь вихрь, область пониженного давления, созданную идущим впереди кораблем демархистов. Как только резкое снижение прекратилось, Антуанетта оценила повреждения, и те оказались скверными. Если даже и доберешься домой, к Ржавому Поясу (а это очень и очень маловероятно, в особенности если пауки поджидают снаружи), у Ксавьера будет работы на несколько месяцев.

Впрочем, это хоть удержит его от авантюры.

– Мы на дозвуковой, – отрапортовал Зверь.

– Отлично, – кивнула Антуанетта, в третий раз проверяя, как принаитовила себя к грузовой решетке, и просматривая показания датчиков скафандра. – А теперь, пожалуйста, открой грузовой люк номер один.

– Юная леди, один момент!

Рядом возникла ослепительно сияющая щель. Антуанетта прищурилась, затем опустила бутыльно-зеленый дополнительный визор шлема.

Щель расширилась. Затем поток ворвавшегося атмосферного газа ударил, придавил Антуанетту к балке решетки. С ревом он в пару секунд заполнил трюм, крутясь вокруг вихрем. Датчики скафандра проанализировали состав и выдали совет: не пытайся снять шлем. Давление превышало обычное земное, но газ был люто холодным и для человека смертельно ядовитым.

Атмосфера из страшных ядов с не менее страшными перепадами температуры – вот цена красивой яркой раскраски, видимой из космоса.

– Опусть нас еще на двадцать километров, – приказала Антуанетта Зверю.

– Юная леди, вы уверены?

– Мать твою, да!

Пол наклонился. Барометр скафандра отсчитывал давление: две атмосферы, три. Четыре – и это не конец. Хорошо бы «Буревестник», которого мощно плющит со всех сторон, не сложился и не облепил трюм на манер мокрого бумажного пакета.

«Что бы еще ни случилось, – подумала Антуанетта, – про гарантию на „Буревестник“ уже и разговора быть не может...»

Собравшись с духом, а вернее, подождав, пока пульс немного успокоится, Антуанетта шажок за шажком двинулась к люку, таща за собой контейнер. Процедура трудная – через каждую пару метров надо откреплять и закреплять найтовы заново. Но уж чего-чего, а терпения у девушки хватало.

Глаза приспособились к яркому свету и различили его серо-серебристый оттенок. Свет понемногу тускнел, он приобрел оттенок железа, потом старой бронзы. Эпсилон Эридана – звезда неяркая, большая часть ее света поглощается верхними слоями атмосферы. Если опуститься ниже, станет темно – как на океанском дне.

Но именно этого хотел отец.

– Зверь, держи «Буревестника» ровно. Я сейчас сделаю дело.

– Осторожнее, юная леди!

Грузовые люки имелись в самых разных местах судна. Этот был в судовом подбрюшье, смотрел вниз и назад. Антуанетта подобралась к самому краю, края подошв повисли над бездной. Боязно – однако страховка надежная. Сверху – темный потолок трюма, мягко скругляющийся к хвосту, а внизу – зияющая пустота.

– Папа, ты был прав, – проговорила Антуанетта очень тихо, чтобы Зверь не разобрал слов. – Это поразительное место.

– Юная леди?

– Зверь, все в порядке.

Антуанетта начала расстегивать крепления гроба-контейнера. Зверь держал судно хорошо. Оно лишь дернулось пару раз, качнулось вправо-влево, заставив девушку вздрогнуть от страха, а гроб – стукнуться о решетку. Установилась скорость гораздо меньше звуковой. «Буревестник», по сути, плыл, несомый ветром, но это и требовалось. За исключением одного-двух случайных порывов, за бортом царил штиль.

Контейнер почти освободился от креплений, он был готов лететь за борт. Отец выглядел усталым, будто прикорнул на диване после тяжелого дня. Бальзамировщики поработали отлично, ветхие, но еще функционирующие системы контейнера справились. Поверить трудно, что отец умер месяц назад.

– Пап, ну вот, – выговорила Антуанетта. – Мы уже прилетели. Добрались. Думаю, больше и говорить ничего не стоит.

Зверю хватило такта промолчать.

– Не знаю, правильно ли поступила... Ты говорил когда-то, что хочешь таких похорон, но ведь...

Она оборвала себя: «Молчи! Не смей опять мусолить! Решила так решила».

– Юная леди? – спросил Зверь с тревогой.

– Да?

– Я бы не советовал медлить.

Антуанетта вспомнила этикетку пивной бутылки. Сейчас вынуть ее не могла, но будто наяву видела ее во всех подробностях. Антуанетта уже давно сняла наклейку с бутылки. Блеск золотой и серебряной краски потускнел со временем. Но в воображении они сияли, как прежде. Этикетка дешевого, производимого огромными партиями пива для Антуанетты давно стала настоящей иконой. Тогда ей исполнилось то ли двенадцать, то ли тринадцать лет. Отцу удалось хорошо заработать, и он на радостях взял дочь с собой в бар, где собирались торговцы и перевозчики. Смутно помнились бесшабашное веселье, смех, рассказы об удивительных приключениях. А к концу вечера беседа пошла о том, кто отправился в последний путь и какой способ похорон лучше. Сперва отец помалкивал и улыбался, когда разговор переходил от серьезного

к шутливому и обратно, смеялся хохмам и вычурным ругательствам. А потом, удивив дочь, заявил, что для него лучшая могила – атмосфера газового гиганта.

В другое время Антуанетта подумала бы: острит отец, высмеивает идеи приятелей. Но его тон, выражение лица сказали: это всерьез. Раньше он ни разу такое не обсуждал, но наверняка обдумывал, взвешивал, решал. И тогда дочь пообещала себе: если отец однажды умрет и ей придется его хоронить, она вспомнит высказанное в баре пожелание.

Шли годы, и так легко было воображать, что вот она, взрослая Антуанетта, исполняет давнюю клятву. Потому и думать о похоронах перестала – все же давно решено! Но вот отец умер, и настала пора исполнить детское обещание, пусть теперь и кажущееся безответственным, смешным и глупым. Но тем вечером в его голосе звучала такая убежденность... И пусть Антуанетта была еще ребенком, пусть ее мог обмануть нарочито серьезный вид отца – она поверила, поклялась себе. А значит, надо сделать дело, пусть и подвергая свою жизнь опасности.

Антуанетта открепила последние найтовы, подтолкнула гроб. Он на треть завис над пустотой. Один хороший толчок, и отец получит могилу, которую хотел.

Какая чушь, если вдуматься. За все годы после того разговора в баре он ни единожды не упомянул о своем желании быть похороненным в газовом гиганте. Но разве это важно? Ведь тогда он высказал искреннее, давно обдуманное. Отец не знал, когда умрет, и не мог привести дела в порядок заранее перед несчастным случаем. Не было повода объяснить дочери, что делать с останками родителя.

Да, это чушь... Но искренняя, идущая из глубины сердца.

Она столкнула гроб.

На мгновение он завис в потоке позади корабля, словно не желал начинать долгое падение в никуда. Затем медленно пошел вниз. Закрутился, тормозя в налетевшем вихре, остался позади. Вот он уже размером с мизинец, вот точка, отражающая слабый звездный свет, – она блеснула и потухла, канув в клубящихся облаках.

На доли секунды показалась снова – и скрылась навсегда.

Антуанетта прислонилась к балке. Не ожидала, что обещанные похороны дадутся так трудно, что потом навалится свинцовая усталость. Словно вся тяжесть атмосферных слоев легла на плечи. Она не ощущала больше горечи, не плакала – достаточно погоревала раньше. Придет время – заплачет снова. Обязательно. Никуда от того не деться. Но сейчас – только полное изнеможение.

Она закрыла глаза, простояла несколько минут.

Затем приказала Зверю задрать грузовой люк и отправилась в долгий путь назад, к летной палубе.

Глава третья

С удобной для обзора позиции в шлюзе Невил Клавэйн наблюдал, как раскрылся лепестковый люк в округлой части корпуса «Паслена». Высыпавшие наружу боевые роботы напоминали вшей-альбиносов: панцирные сегментированные корпуса со множеством членистых конечностей, датчиков, боевых систем. Они быстро добрались до вражеского корабля, уцепились за его конусовидный корпус ногами, снабженными адгезивными элементами. Затем засеменили по поврежденной оболочке, отыскивая шлюзы и прочие известные для данного типа кораблей слабые места.

Механизмы шныряли, словно жуки в поисках пропитания. Конечно, штурмовые роботы-скараabei проломились бы внутрь быстро, но с риском уничтожить выживших, прячущихся в сохранивших воздух отсеках. Потому Клавэйн настоял, чтобы роботы пользовались шлюзами, хоть это и задерживало – сквозь узкие люки приходилось лезть по одному.

Но беспокоился он зря. Данные от первого же проникшего внутрь робота показали: не будет ни сопротивления, ни эвакуации выживших. На борту было пусто, темно и тихо.казалось, из коридоров веяло смертью.

Роботы шли сквозь корабль, их камеры показывали лица мертвых, оставшихся на постах у своей аппаратуры. Повсюду лишь трупы.

Тогда Клавэйн отозвал большинство роботов и отправил небольшую группу сочленителей по тому же маршруту, какой использовали скараabei. Робот показывал их прибытие: угловатые белые силуэты, словно призраки, по одному проходили через шлюз.

Группа прочесала корабль, двигаясь через тесные помещения, уже посещенные роботами, – но обследуя их с человеческой тщательностью. Штурмовики находили тайные камеры, открывали люки, пробирались по эксплуатационным тоннелям, ежеминутно ожидая найти скорчившихся, забившихся в угол членов команды.

Никого.

Тела толкали, дергали – не притворяется ли кто мертвым. Они уже остывали, распределение тепла на лицах показывало: смерть произошла недавно. Ни ран, ни иных следов насилия.

Клавэйн оформил мысль и отправил ее Скади и Ремонтуару: «Я иду внутрь. Никаких условий и оговорок, я принял решение. Обернусь быстро, без лишнего риска».

– Клавэйн, нет!

– Прости, Скади. Я не член вашего милого интимного сообщества, а это значит, могу идти куда хочу. Нравится вам или нет, но это мое право.

– Клавэйн, вы пока еще объект первостепенной важности для Гнезда.

– Обещаю: буду осторожен.

Он ощутил раздражение Скади, вливающееся в его собственные эмоции. Недовольство исходило и от Ремонтуара.

Им, членам Узкого совета, немыслимо было бы подвергать себя такой опасности, подниматься на борт только что взятого на абордаж корабля. Они и так слишком рисковали, выйдя за пределы Материнского Гнезда. Многие сочленители, включая Скади, хотели, чтобы Клавэйн стал членом Узкого совета, где его опыт и мудрость станут доступнее Гнезду и где можно уберечь этого человека от опасности. А если бы Клавэйн упорствовал, Скади использовала бы свое влияние в совете, чтобы отравить жизнь старику, не позволить ему активные действия. Она могла добиться назначения на символическую должность либо вообще отправить в почетную отставку. Существовали и другие способы наказать непослушного. Клавэйн не склонен был недооценивать их и даже рассматривал всерьез возможность присоединиться к совету. По крайней мере, он бы многое узнал и, вероятно, получил бы рычаг давления на агрессивных выскочек типа Скади.

Но до тех пор, пока этого не случилось, он прежде всего солдат. Никакие ограничения риска к нему пока не применимы, и будь он проклят, если станет плясать под чужую дудку.

С тем он и продолжил готовить скафандр. Когда-то, два-три века назад, подготовка была гораздо проще. Надеваешь дыхательную маску, цепляешь коммуникационную аппаратуру, затем просто шагаешь сквозь мембрану «разумного» вещества, натянутую на люк, открывающийся прямо в космос. Мембрана облепляет тебя, мгновенно образуя тесно прилегающий к коже скафандр. При возвращении человек ступал назад через мембрану, и скафандр возвращался на место, соскальзывая будто волшебная слизь. Выйти в открытый космос было не сложнее, чем надеть солнечные очки. Конечно, подобные технологии не годятся на войне – слишком уязвимы. И едва ли они годятся в мире, пострадавшем от эпидемии. Ее пережила только самая устойчивая, грубая аппаратура.

Другого необходимость в дополнительных усилиях могла бы разозлить. Но Клавэйна новая процедура успокаивала, придавала ему уверенности: словно облачение средневекового рыцаря в доспехи. Проверка систем, присоединение оружия, датчиков – как исконный ритуал, призванный оградить от невезения и вреда. А может, это просто напоминало о юности.

Он покинул шлюз, оттолкнулся, направляясь к вражескому кораблю. Тот, похожий на коготь, четко выделялся на темном фоне гигантской планеты. Несомненно, он поврежден – но выхода газов не видно. Оболочка осталась герметичной. Есть шанс найти выживших. Хотя тепловое сканирование не дало определенных результатов, лазерные сканеры зарегистрировали незначительные колебания всего корабля. Этому могло быть много объяснений, но самое очевидное – присутствие живого внутри: оно двигается, отталкиваясь от стен. Однако уцелевших не обнаружили ни скарабеи, ни штурмовая группа.

Внимание вдруг привлекла неровная корчащаяся полоса зеленого пламени на темном полумесяце гиганта. После того как демархистский корабль вынырнул из атмосферы, Клавэйн и не вспоминал о каботажнике. Тот до сих пор так и не всплыл. Скорее всего, Антуанетта Бакс мертва, ее постигла одна из тысяч смертей, поджидающих в глубинах свирепой планетной атмосферы. Не имел даже малейшего представления о том, чем она внизу занималась, но не сомневался: это вряд ли что-либо заслуживающее одобрения. Но ведь одна. Скверно умирать одной на разбитом судне. Как храбро отказалась эта женщина подчиниться капитану демархистов. Жаль. Кем бы ты ни была, Антуанетта Бакс, храбрости тебе не занимать.

Он стукнулся о корпус вражеского корабля, смягчил удар, согнув колени. Подошвы прикрепились к обшивке корабля. По старой привычке приложив руку к визору шлема, Клавэйн повернулся к «Паслену»; он был рад редкой возможности посмотреть на корабль снаружи. «Паслен» был настолько темным, что трудно разглядеть на фоне темного же пространства. Затем включились имплантаты, на пространство легла подрагивающая зеленая сетка, контур корабля выделился, обозначились красным шкалы, расстояния и размеры.

«Паслен» – корабль звездолетного класса, субсветовик, способный на длительные перелеты между системами. Изящный конический корпус, игольно-тонкий нос – для эффективного передвижения со скоростью, близкой к скорости света. В самом широком месте, где корпус снова начинал сужаться, переходя в тупоконечный хвост, на длинных балках – пара ускорителей. Другие фракции называли их паучьими двигателями, по очевидной причине: лишь сочленители умели их строить. Столетиями пауки позволяли демархистам, ультра и прочим практикующим межзвездные перелеты фракциям использовать эти двигатели, но не делились знаниями, позволяющими их воспроизвести. Сами же двигатели было невозможно разобрать, чтобы выяснить таинственную физику, лежащую в основе их работы.

Но производство и продажа двигателей внезапно прекратились столетие назад. Никаких объяснений, никаких обещаний когда-либо возобновить производство.

С этого момента оставшиеся двигатели превратились в огромную ценность. Ради них совершались пиратские нападения, преступления и злодейства. Обладание двигателями стало одной из причин нынешней войны.

Клавэйн знал: ходили слухи, что сочленители продолжали строить двигатели для себя. Также знал с полной определенностью, что эти слухи лживы. Решение прекратить производство было внезапным, окончательным и бесповоротным. Более того, оставшиеся корабли стали использовать гораздо реже даже сами сочленители. Но Клавэйн не знал, отчего приняли решение. Несомненно, за ним стоял Узкий совет, но помимо того не имелось и намека на истинную причину.

И вдруг совет решил построить «Паслен». На время пробного вылета командовать им доверили Клавэйну, но Узкий совет раскрыл лишь немногие секреты звездолета. Вне сомнений, Скади и Ремонтуар знали больше, и наверняка Скади осведомлена гораздо лучше, чем Ремонтуар. Она постоянно где-то пропадала – скорее всего, возилась со сверхсекретной военной аппаратурой. Все попытки разузнать, чем именно она занимается, оканчивались ничем.

И все же почему Узкий совет разрешил строительство нового звездолета? Какой смысл? Война кончается, враг отступает повсеместно. Если вступить в совет, конечно, всех ответов не получишь – есть еще и Внутреннее святилище. Но тем не менее узнаешь гораздо больше, чем теперь.

Звучит привлекательно. Почти искушающе.

Но как же нагло и беззастенчиво Скади и прочие шишки манипулируют обычными людьми!

Клавэйн отвернулся, осторожно пошел к шлюзу. Зеленая сетка перед глазами исчезла.

Вскоре он оказался внутри корабля, направился по коридорам и проходам, обычно не изолированным от внешнего космоса. Запросил сведения об устройстве корабля – они явились в мгновение ока. Пришло странное, жутковатое ощущение знакомых мест, словно дежавю. Сквозь шлюз было непросто протиснуться в неуклюжем бронированном скафандре. Клавэйн задраил за собой люк, воздух с ревом хлынул внутрь, затем открылся другой люк, позволяя ступить в герметично закупоренное корабельное нутро. Темнота. Датчики скафандра быстро отреагировали, предоставили инфракрасную картину плюс данные эхолокации; все это отобразилось на визоре шлема.

– Клавэйн?

В коридоре ожидала женщина, штурмовик из пришедшей ранее группы. Клавэйн повернулся к ней, ухватился за стену, чтобы остановиться.

– Нашли что-нибудь?

– Ничего. Все мертвы.

– Ни одного выжившего?

Мысли женщины, лаконичные и четкие, врывались в его голову как пули.

– Умерли недавно. Никаких ран. Похоже, самоубийства.

– Мы полагали, что остался по крайней мере один выживший.

– Никого.

Женщина предложила доступ к своей памяти. Он приготовился увидеть неприятное.

И увидел. Еще хуже, чем ожидал. Массовое быстрое самоубийство. Ни единого свидетельства борьбы, принуждения. Даже признаков нерешительности нет. Команда умерла на боевых постах, будто кто-то обошел корабль с таблетками яда и раздал всем. А возможно, случилось и более жуткое: команда сошлась на собрание, получила средства самоубийства, а затем спокойно вернулась на посты. И работала до тех пор, пока капитан не приказала покончить с собой.

При нулевой гравитации головы не обвисают безжизненно. Даже рты не раскрываются. Мертвые тела остаются в тех же позах, что и при жизни, и не важно, закреплены они или

свободно плавают в коридорах. Один из первых и наиболее жутких уроков космической войны: в невесомости мертвых трудно отличить от живых.

На всех телах – признаки истощения, часто крайнего. Похоже, эти люди месяцами жили на аварийных пайках. У многих язвы, следы скверно заживших ран. Возможно, умерших ранее выбросили с корабля, чтобы уменьшить его массу и сэкономить топливо. Под головными уборами, наушниками – жесткая недавняя щетина. Одеты все одинаково, на комбинезонах не знаки различия, а эмблемы специализации. В тусклом свете аварийных фонарей кожа мертвецов кажется одинаковой, серо-зеленой.

Перед Клавэйном возник плывущий по коридору труп с растопыренными руками, словно загребаящий воздух. Рот приоткрыт, мертвые глаза смотрят вперед. Труп ударился о стену, и Клавэйн ощутил ее легкую дрожь.

– Пожалуйста, зафиксируйте трупы, – попросил он женщину.

Она исполнила.

Затем Клавэйн приказал всем штурмовикам закрепиться и замереть. Трупы уже не плавают, корабль должен оставаться в абсолютном спокойствии.

Пришли новые данные лазерного сканирования с «Паслена».

Сначала Клавэйн не поверил им.

Какая нелепость! Внутри корабля отмечалось движение!

– Юная леди?

Антуанетта хорошо знала этот тон, и ничего хорошего он не сулил. Вдавленная в амортизационное кресло, она проворчала в ответ несколько слов. Никто не разобрал бы их, кроме Зверя.

– У нас беда?

– К сожалению. Юная леди, полностью я не уверен, но, кажется, неисправен главный реактор.

Зверь спроецировал разрез судового термоядерного реактора на окно рубки, наложил его сверху на картинку облаков, сквозь которые карабкался «Буревестник», выбираясь назад, в космос. Участки реактора на схеме были выделены зловеще пульсирующим красным цветом.

– Вот же мать вашу! Токамак сдал?

– Юная леди, похоже, именно он.

– Черт возьми, надо было поменять его на последнем капремонте!

– Юная леди, прошу, следите за своей речью. И позволю себе вежливо напомнить: что сделано, то сделано. Прошлого не исправить.

Антуанетта быстро прошла по данным диагностики. Но приятнее от этого новости не стали.

– Это Ксавьер виноват.

– Юная леди, Ксавьер? И в чем же виновен мистер Лиу?

– Он же поклялся: токамак еще как минимум три рейса выдержит!

– Юная леди, возможно, он и ошибся. Но прежде, чем винить его, прошу принять к сведению резкую остановку двигателя по требованию полиции на выходе из Ржавого Пояса. Та встряска вовсе не пошла токамаку на пользу. Плюс добавочные повреждения от вибрации при полете в атмосфере.

Антуанетта скривилась. Иногда и не поймешь, на чьей стороне Зверь.

– Ладно, Ксавьер тут ни при чем – по крайней мере, пока не выяснится что-нибудь еще. Но от этого мне не легче.

– Юная леди, отказ вероятен, но не гарантирован.

Антуанетта проверила данные.

– Нужно еще десять километров в секунду, чтобы выйти на орбиту. Зверь, сможешь?

– Юная леди, приложу все мыслимые усилия.

Она кивнула. Конечно, уж корабль-то выжмет из себя все возможное. Слой облаков сверху стал тоньше, небо приобрело густую полуночную синеву. Вот он, космос. Рукой подать. Но еще так далеко...

Клавэйн наблюдал, как снимали последнюю преграду на пути к укрытию единственного выжившего. Штурмовик посветил фонарем в унылую комнатенку: выживший скорчился в углу, укрывшись запятнанным термоодеялом. У Клавэйна polegало на душе: поиски увенчались успехом, и теперь ничто не мешает с чистой совестью взорвать демархистский корабль. «Паслен» может спокойно вернуться к Материнскому Гнезду.

Отыскать выжившего оказалось гораздо проще, чем представлялось сначала. Полчаса потратили на локализацию, уточнение данных биосенсорами и эхолокацией. Затем просто разбирали стену и приборные блоки, пока не достигли замаскированной камеры размером в два платяных шкафа. В эту часть корабля команда заглядывала нечасто – вблизи термоядерных двигателей уровень радиации был высок.

Укрытие выглядело сооруженным наспех – что-то вроде тюрьмы на корабле, не предназначенном для перевозки заключенных. Пленника сунули в дыру, затем вернули блоки оборудования и листы обшивки на место, оставив лишь неширокий проход для воздуха и пищи. В комнатенке было грязно. Клавэйн приказал скафандру взять пробу воздуха, направить часть к своему носу. Смердело калом. О пленнике никто особо не заботился. Интересно, его держали в таких условиях с самого начала рейса или позабыли с приближением «Паслена»?

В общем-то, импровизированная тюремная камера была неплохо оборудована. Стены хорошо обиты смягчающим материалом, есть крепления, чтобы зафиксировать себя и не ушибиться во время маневров. Есть коммуникационная система, хотя, кажется, и односторонняя, чтобы передавать сообщения пленнику. Одеяла, остатки недавней трапезы. Клавэйн видел тюрьмы и похуже. В некоторых даже и сидел.

Он оформил мысль и послал солдату с фонарем:

– Снять с него одеяло! Хочу видеть, с кем имеем дело.

Солдат полез в дыру. Клавэйн же задумался, перебирая возможности. Кто этот бедняга? В последнее время сочленители в плен не попадали, а если бы и попали, едва ли остались бы в живых. И вряд ли о них так заботились бы. Скорее всего, свой: дезертир или предатель.

Солдат сдернул одеяло.

Пленник сжался, приняв позу зародыша, взвизгнул, защищая привыкшие к темноте глаза от яркого света.

Клавэйн был удивлен безмерно. Вот уж неожиданность! На первый взгляд можно принять за человеческого подростка – пропорции и рост схожи. Причем за раздетого донага подростка. Розовая человеческая плоть. На предплечье – след страшного ожога, бугры и узлы рубцов, мертвенно-белесые, сизые, красные.

Это гиперсвинья. Генетическая химера, помесь свиньи и человека.

– Здравствуйте! – раскатился усиленный скафандром голос Клавэйна.

Свинья шевельнулась – и словно распрямилась туго скрученная пружина. Никто этого не ожидал. Тварь ткнула вперед чем-то длинным. Предмет металлически блестел, его окончность дрожала, словно камертон. Она ударила в грудь Клавэйна. Лезвие, дрожа, поехало по броне, оставив узкую сияющую борозду, но нащупало место у плеча, где сходились пластины. Скользнуло в щель – и скафандр оповестил пронзительным пульсирующим сигналом о вторжении постороннего предмета.

Сочленитель отшатнулся, и лезвие не смогло пробить внутренний слой скафандра, достать плоть под ней. Клавэйн с грохотом врезался спиной в стену.

Лезвие вылетело из руки свиньи, закрутилось в невесомости, словно потерявший управление корабль. Понятно, это пьеэзонож – Клавэйн носил похожий на пояс скафандра. Наверное, свинья украл оружие у демархистов.

– Что ж, начнем разговор заново, – сказал Клавэйн, переведя дыхание.

Солдаты схватили гиперсвинью, обездвигили. Он же проверил скафандр, вызвал на экран схему повреждения. Небольшая утечка воздуха у плеча. Удушьем не грозит, но на чужом корабле возможны еще не обнаруженные загрязнения либо инфекция. Почти рефлекторно командир сочленителей снял с пояса баллон с изолирующей смесью, выбрал сопло нужного диаметра, нанес быстро твердеющий эпоксидный состав на пораженное место. Смесью затвердела, уподобилась пронизанной жилами серой опухолью.

Еще до начала эры демархистов – то ли в двадцать первом, то ли в двадцать втором столетии, не столь уж далеко от даты рождения самого Клавэйна – набор человеческих генов пересадили обычной домашней свинье. Сделали это, пытаясь решить проблему своевременного поиска органов для пересадки. Модифицированные свиньи могли растить органы, пригодные для использования человеком. Потом были созданы более совершенные методы замены либо лечения пораженных частей тела, но эксперименты со свиньями не прошли бесследно. Генетическое смешение зашло слишком далеко, обеспечив не только совместимость органов, но и подарив свиньям разум.

Никто, даже сами свиньи, не знали в точности, что же произошло. Вряд ли кто-то сознательно пытался развить умственные способности подопытных животных до уровня человеческих. Но, определенно, говорить свиньи научились не случайно. Научились не все. Существовали группы с разными способностями к мышлению и общению. Но часть свиней была изменена именно с целью общения. Переделке подвергся не только мозг, но также глотка, легкие и челюсти. Кто-то дал этим существам возможность овладеть человеческим языком.

Клавэйн шагнул вперед и обратился к пленнику.

– Вы меня понимаете? – спросил он на норте, затем на каназиане, главном языке демархистов. – Меня зовут Невил Клавэйн. Вы теперь находитесь в распоряжении сочленителей.

Свинья ответил. Его деформированные челюсти и глотка безукоризненно воспроизводили человеческие слова.

– Да мне плевать, в чьем я распоряжении! Отвали и сдохни!

– Ни то ни другое в мои сегодняшние планы не входит.

Свинья осторожно приоткрыл налитый кровью глаз:

– А ты что за хрен? Где остальные?

– Команда этого корабля? Похоже, все мертвы.

Удовольствия от новости свинья не выказал.

– Их твои уколошили?

– Нет. Когда мы поднялись на борт, нашли экипаж умерщвленным.

– А вы кто?

– Как я уже говорил, сочленители.

– Пауки... – Почти человеческий рот свиньи скривился в гримасе отвращения. – Знаешь, что я делал с пауками? В толчке топил!

– Что ж, отлично.

Клавэйн, видя, что простой разговор ничего не даст, мысленно приказал солдатам ввести пленнику успокоительное и транспортировать на борт «Паслена». Он понятия не имел, кто этот свинья, и как он оказался на борту, и какую роль играет в стремительно разворачивающихся финальных сценах войны. Но после траления памяти, несомненно, будет известно многое. А доза сочленительских препаратов сделает свинью на удивление добродушным и приветливым.

Клавэйн оставался на корабле, пока штурмовые команды не закончили прочесывание и не удостоверились, что враг не оставил на борту полезной информации. Все бортовые записи и

архивы были тщательно стерты. Обследование техники не выявило ничего нового, до сих пор не известного сочленителям. Оружейные системы не стоили изъятия. Стандартная процедура предписывала уничтожить корабль, чтобы он не оказался снова в руках врага.

Клавэйн размышлял, как лучше это сделать – пустить ракету или взорвать заряд на борту, – когда уловил посланную Ремонтуаром мысль.

– Клавэйн?

– В чем дело?

– Мы приняли сигнал бедствия от каботажника.

– Антуанетта Бакс? Я думал, она мертва.

– Еще нет, но вряд ли продержится долго. У нее проблемы с двигателем. Похоже, отказ токамака. Судно не достигло второй космической, да и орбитальной тоже.

Клавэйн кивнул – скорее в подтверждение своих догадок, а не слов Ремонтуара. Представил вероятную параболическую траекторию. Апекса каботажник еще не достиг, и вскоре он неизбежно заскользит назад, к облакам. Как же нужно отчаяться, чтобы отправить призыв о помощи, когда единственный возможный спаситель – корабль пауков? По его опыту, большинство предпочло бы смерть.

– Клавэйн, вы же понимаете: мы не можем откликнуться на ее просьбу.

– Понимаю.

– Это создаст нежелательный прецедент. Тем самым мы продемонстрируем одобрение незаконной деятельности. У нас не останется иного выбора, как завербовать ее.

Клавэйн снова кивнул, думая о многочисленных пленниках, которых он видел собственными глазами. О вопящих, вырывающихся, не желающих, чтобы их голову напичкали нейросетевой аппаратурой. Конечно, нелепо бояться ее, уж он-то знал. Сам когда-то сопротивлялся из страха. Стоит ли подвергать такой пытке Антуанетту Бакс?

Немного погодя Клавэйн заметил яркую синюю искру: вражеский корабль врезался в атмосферу газового гиганта. Случайно получилось так, что он вошел на ночной стороне планеты. Иссиня-фиолетовое пламя высветило, пульсируя, слои облаков – и это было потрясающе. На мгновение захотелось показать Галиане – она любила такие красочные зрелища. И одобрила бы способ избавиться от ненужной техники: не истрачена ни ракета, ни взрывное устройство. Три реактивных тягача с «Паслена», крохотные машины, прилипли к оболочке, словно моллюски-паразиты. Роботы подтянули корабль к гиганту и отсоединились, когда оставались лишь минуты до нырка в атмосферу. Угол вхождения был почти прямым; корабль стремительно разогнался и впечатляюще загорелся.

Тягачи на полной тяге заспешили домой, к «Паслену», а тот уже повернул к Материнскому Гнезду. С возвращением роботов операцию можно будет считать завершенной. Осталось только решить судьбу пленника, но в этом срочности нет. Что же касается Антуанетты Бакс... каковы бы ни были мотивы этой женщины, Клавэйн восхищался ее храбростью. И не только из-за дерзкого вхождения в зону военных действий. Так решительно и безоглядно не подчиниться капитану боевого корабля, а затем осмелиться на просьбу о помощи! Ведь она должна понимать: права на помощь у нее нет. Войдя нелегально в зону военных действий, она потеряла все права. Боевой корабль едва ли стал бы тратить топливо и время, помогая заплывшему транспорту. И уж наверняка Антуанетта Бакс знает: если сочленители и выручат, то платой за спасение и нарушение закона станет вербовка. А уж ее демархистская пропаганда изобразила в самых черных красках.

Нет, она едва ли ожидает пощады. Но все равно, решиться на просьбу – это поступок.

Клавэйн вздохнул, борясь с отвращением к себе. Мысленно сформулировал приказ «Паслену» сфокусировать передающий лазер на транспорте. Когда связь установилась, произнес:

– Антуанетта Бакс? Это Невил Клавэйн. Я на борту корабля сочленителей. Слышите меня?

Ответ пришел не сразу, и был он плохо сфокусирован. Как будто голос доносился откуда-то из-за дальнего квазара.

– Ах ты, сволочь! Соизволил напоследок ответить? Ты меня бросил подыхать!

– Мне попросту стало интересно, – ответил он и затаил дыхание: что она скажет на это?

– Что тебе интересно?

– Что заставило вас просить о помощи? Вы не боитесь попасть к нам в руки?

– Почему я должна бояться?

Небрежно-равнодушный голос не ввел Клавэйна в заблуждение.

– У нас есть правило: захваченных в зоне боевых действий мы принимаем в свои ряды. Бакс, мы внедрим имплантаты вам в череп. Вас это не пугает?

– Сейчас меня куда больше пугает перспектива врезаться в эту гребаную планету!

– Весьма прагматичное отношение к жизни. Бакс, я вами восхищен.

– Угу. А теперь катись-ка подальше и дай мне спокойно подохнуть!

– Антуанетта, выслушайте внимательно. Я хочу, чтобы вы для меня кое-что сделали, и срочно.

Должно быть, девушка почувствовала смену тона. Она заинтересованно, хотя и по-прежнему недоверчиво, спросила:

– О чем речь?

– Пусть ваш корабль передаст свой подробный план. Мне нужна точная схема оболочки с возможными точками нагрузки. Если заставите корпус расцветкой указать места, находящиеся под наибольшим напряжением, будет еще лучше. Хочу знать, где можно нагрузить корпус, не разрушив притом корабль.

– Ты меня уже не спасешь, даже если прямо сейчас развернешься. Слишком поздно.

– Поверьте, способ есть. А сейчас, пожалуйста, пришлите данные. Иначе я буду вынужден полагаться на интуицию, а это небезопасно.

Антуанетта ответила не сразу. Клавэйн поскреб в задумчивости бороду и с облегчением вздохнул, когда «Паслен» сигнализировал о поступлении данных. Сочленитель проверил их на нейровирусы, затем допустил в свой мозг. Сведения о каботажнике загрузились в кратковременную память, раскрылись во всей полноте.

– Антуанетта, большое спасибо. Именно этого я и хотел.

Он послал приказ одному из тягачей. Тот оставил спутников, развернувшись с чудовищным ускорением: будь на борту кто-нибудь живой, он бы неминуемо превратился в бесформенное месиво. Клавэйн снял все внутренние ограничения с робота, позволил тратить сколько угодно топлива, не заботясь о возвращении на борт «Паслена».

– Что ты затеял? – спросила Антуанетта.

– Посылаю к вам робота. Он прикрепится к судну и вытащит его из гравитационной ловушки в открытый космос. Затем толкнет в направлении Йеллоустона. Затем, боюсь, вам придется рассчитывать только на себя. Надеюсь, сумеете починить токамак – либо путь домой будет весьма продолжительным.

Казалось, смысл его слов доходил до Антуанетты целую вечность.

– Так ты не собираешься брать меня в плен?

– Сегодня – нет. Но обещаю, Антуанетта: если еще раз попадетесь на пути, я вас убью. Угрожать не хотелось. Но, может, угроза ее вразумит.

Клавэйн отключился, прежде чем девушка успела ответить.

Глава четвертая

В доме, находящемся в городе Кювье на планете Ресурге, у окна стояла женщина, сцепив за спиной руки. Не глядя на дверь, она скомандовала:

– Следующий!

Пока втаскивали подозреваемого, женщина смотрела на мрачный, суровый ландшафт за окном. Огромная стеклянная панель простиралась от пола до потолка, вверху загибаясь наружу. За ней открывалась панорама промышленного города. Куда ни глянь, везде нагромождение кубов и параллелепипедов, безжалостная прямоугольность, депрессивная однородность. Царство металлических штамповок, где нет места радости.

Офис женщины – лишь малая часть Дома инквизиции – находился в перестроенной части Ресургема. Хроники утверждали, что еще до учреждения инквизиции на месте ее нынешней штаб-квартиры находился эпицентр взрыва мощностью около двух килотонн. Фракция «Истинный путь» взорвала крупную антиматерию. Женщина имела дело с бомбами куда посерьезнее. Но не столько важна мощность бомбы, сколько результаты ее применения.

Террористы едва ли смогли бы найти более подходящую цель – и результаты оказались катастрофическими.

– Следующий! – повторила инквизитор громче.

Дверь приоткрылась на ширину ладони.

– Мэм, на сегодня все, – осторожно проговорил стоявший за дверью охранник.

Да, конечно же – дело Иберта было последним в кипе.

– Спасибо. Вы, случайно, не знаете, что нового по делу Торна?

Охранник смутился. Переносить новости между соперничающими отделами – занятие небезопасное.

– Я слышал, клиента допрашивали, но потом пришлось отпустить. У парня было железное алиби, вот только вытягивать его чуть ли не клещами пришлось. Вроде он жене изменял. – Охранник пожал плечами. – Обычное дело.

– Представляю себе, как ребята старались: пара-тройка нечаянных падений с лестницы? Значит, по Торну ничего?

– Похоже, скорее вы триумвира прищучите, чем они этого Торна. Уж простите за прямоту, мэм.

– Да ничего, – проговорила она, намеренно растягивая звуки.

– Мэм, вам еще что-нибудь нужно от меня?

– Пока нет.

Скрипнув, дверь закрылась.

Женщину официально титуловали инквизитором Виллемье. Она снова посмотрела в окно. Солнце системы, звезда Дельта Павлина, уже опустилось к горизонту, и на металлические бока зданий легли оранжево-ржавые тени.

Женщина стояла у окна, пока на город не опустилась ночь. Вспоминала, сравнивала его с Городом Бездны, с городами Окраины Неба. Припомнила, как однажды, вскоре после прибытия в Город Бездны, разговаривала с человеком по фамилии Мирабель. Поинтересовалась тем, когда ему начал нравиться город. Произошло ли это в какой-то переломный момент? Ведь Мирабель, как и она, прибыл с Окраины Неба. Тот ответил, что привыкал постепенно. Нашел способ привыкнуть. Она сомневалась, но затем осознала его правоту. Лишь когда судьба увела ее из Города Бездны, она начала вспоминать о нем с теплотой.

Но Ресурге подобных чувств не вызывал.

Фары правительственных электромобилей плескали в стены домов серебряный свет, разливали его по улицам.

Женщина отвернулась. Прошла в изолированную допросную. Прикрыла за собой дверь.

Безопасности ради комната была лишена окон. Женщина уселась в мягкое кресло у огромного подковообразного стола. Когда-то он был мощным офисным процессором, но его кибернетические внутренности извлекли, заменив куда более примитивной техникой. У края стола на встроенной электроплитке стоял кувшин со старым, едва теплым кофе. От жужжащего вентилятора пахло озоном.

Три стены комнаты, включая стену с дверью, занимали полки с накопившимися за пятнадцать лет материалами следствия. В иных обстоятельствах было бы абсурдом целое ведомство отрывать на охоту за единственной женщиной, которую даже нельзя с уверенностью числить среди живых и уж едва ли стоит разыскивать на Ресургеме. Потому задача инквизитора свелась к сбору информации о внешних угрозах ресургемской колонии. Так же как дело триумвира стало наиболее важной из задач инквизиции, дело Торна и руководимого им подполья стало главной задачей соседнего ведомства, Департамента внутренних угроз. Хотя со времени преступления прошло более шестидесяти лет, высокие чины в правительстве продолжали качать средства на поиски, надеясь арестовать триумвира и устроить показательный процесс. Ее использовали как фокус общественного недовольства, которое иначе могло бы обрушиться на правительство. Старейший трюк власть имущих – дать народу объект ненависти.

У инквизитора хватало работы и без поисков полумифического военного преступника. Но если ведомство выкажет недостаточно энтузиазма в важной миссии, его наверняка расформируют, а задачу передадут другим. Вот этого допускать нельзя ни в коем случае. Существует малая, но ненулевая вероятность того, что новый департамент добьется успеха.

Поэтому инквизитор прикладывала максимум усилий. Дело легальным образом оставалось открытым, ведь триумвир принадлежала к фракции ультранавтов и потому вполне могла дожить до сего дня. В ее деле имелись списки с десятками тысяч подозреваемых, протоколы тысяч допросов, сотни биографий, личных характеристик. Дюжина «клиентов» заслуживала изрядного куска отдельной полки. А на них умещалась лишь малая часть архивов – распечатки, которые удобно иметь под рукой. В подвалах этого здания и во многих других размещались колоссальные архивы. Чудесно продуманная, большей частью секретная сеть пневмочты позволяла доставить нужные дела из офиса в офис за секунды.

На столе лежало несколько открытых папок. Имена в текстах были обведены кружками, подчеркнуты, соединены извилистыми линиями. К описаниям на картонках приклеены фотографии, лица, выхваченные из толпы длиннофокусными объективами.

Женщина пролистала папки. Надо учитывать очевидные улики, проверять версии. Надо собирать информацию у внедренных агентов и читать доносы. Надо делать все возможное, чтобы убедительно изобразить заинтересованность в поимке триумвира.

Вдруг внимание инквизитора привлекла четвертая стена, на которой кое-что изменилось.

Ее занимала карта Ресургема в равноугольной цилиндрической проекции. Она автоматически преобразовывалась в процессе терраформирования, показывая небольшие пятнышки зелени и синевы среди обширных полей серого, ржавого и белого – века назад они занимали всю карту. Кювье до сих пор оставался главным поселением, но уже дюжину форпостов можно было с уверенностью считать городами. К большинству позволяли добраться скоростные железные дороги, к остальным – каналы, шоссе либо грузовой магистральный трубопровод. Имелось несколько аэродромов, но способных быстро летать устройств катастрофически не хватало. По воздуху путешествовали только высокопоставленные чиновники. До небольших поселений – метеорологических станций, немногих оставшихся мест раскопок, – добирались на дирижаблях либо вездеходах, что занимало недели.

Красный огонек на карте мигал в северо-восточном углу, в сотнях километров от крайнего приличного поселения. Вызов от агента. Оперативники различались по кодовым номерам, что мерцали рядом с огоньком, указывающим на местоположение.

Оперативник номер четыре.

У инквизитора холодок побежал по спине. Агент номер четыре не выходила на связь уже давно. Очень давно.

Женщина набрала двумя пальцами запрос на клавиатуре стола, мучительно выискивая нужные клавиши, черные, тугие. Следовало проверить, доступен ли еще агент. Аппаратура сообщила: огонек мигает лишь два часа. Оперативник на связи, ожидает ответа.

Инквизитор взяла телефон со стола, прижала черный брусок к уху.

– Аллю?

– Отдел связи слушает.

– Соедините меня с оперативником номер четыре, повторяю, с оперативником номер четыре. Только аудио. Третий протокол передачи.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии! Связь установлена.

– Переключитесь на защищенный канал!

Шипение в трубке чуть изменилось – офицер-связист отключился.

Инквизитор вслушивалась в шум, затаив дыхание.

– Четвертый? – выдохнула она в трубку.

Последовала мучительная пауза. Наконец сквозь помехи прорвался голос – слабый, захлестываемый статикой:

– Я слушаю!

– Четвертый, сколько лет, сколько зим...

– Да, – подтвердил женский голос, так хорошо знакомый. – Инквизитор Виллемье, как дела?

– По-разному. И удачи, и разочарования.

– Я понимаю. Нам необходимо встретиться. Срочно. У твоей конторы еще остались ее скромные возможности?

– В определенных рамках.

– Ну, так я предлагаю вплотную подойти к этим рамкам. И даже перешагнуть через них. Ты знаешь, где я сейчас. В семидесяти пяти километрах от меня есть небольшое поселение под названием Зольнхофен. За сутки я доберусь туда, остановлюсь в гостинице.

Затем агент назвала адрес гостиницы, где уже зарезервировала номер.

Инквизитор привычно прикинула в уме: по железной дороге и по шоссе до Зольнхофена ехать два-три дня. Если нанять дирижабль на конечной станции железной дороги, получится быстрее, но гораздо заметнее. Зольнхофен лежит в стороне от обычных аэромаршрутов. Конечно, что-либо быстролетающее доставило бы скорее, за полтора дня, даже если учесть необходимость облетов, уклонения от атмосферных фронтов. В обычной ситуации, получив срочный вызов от агента, Виллемье без колебаний воспользовалась бы самолетом. Но это же агент номер четыре. Нельзя привлекать внимание к операции. А меньше всего внимания будет привлечено, если инквизитор вообще не воспользуется воздушным транспортом.

Хотя будет труднее. Гораздо труднее.

– Это по-настоящему срочно и важно? – спросила инквизитор, предчувствуя ответ.

– Конечно. – В трубке раздался сухой смешок, похожий на кудахтанье. – Иначе вряд ли бы я позвонила.

– И это касается ее... то есть триумвира?

Конечно, это игра воображения – но так ярко представилась лукавая усмешка собеседницы...

– Кого же еще?

Глава пятая

У кометы не было имени. Конечно, в свое время ее описали и внесли в каталог, но теперь информации о ней не осталось ни в одной общедоступной базе данных. О комете не знали пилоты транспортов, бороздящих систему, угонщики не приставали к ней, чтобы извлечь керн и узнать химический состав ядра. Со всех точек зрения – абсолютно непримечательное небесное тело в огромном рое таких же холодных обломков, дрейфующих на окраине системы. Миллиарды их медленно обращались вокруг Эпсилона Эридана. С момента образования системы к большинству этих обломков никто и ничто не прикасалось. Лишь изредка гравитационные возмущения срывали несколько штук с обычных мест и отправляли на орбиты, близкие к звезде. Но для других комет будущее состояло лишь из бесчисленных витков вокруг светила – пока оно не раздуется и не поглотит холодный мусор.

Эта комета по сравнению с ее сестрами была велика, хотя и не исключительно – можно найти по крайней мере миллион комет большего размера. Она представляла собой двадцатикилометрового диаметра шар из грязного черного льда, пористой смерзшейся смеси метана, окиси углерода, азота и кислорода, разбавленной соединениями кремния, простейшими углеводородами и несколькими искрящимися на свету фиолетовыми либо темно-зелеными прожилками органических макромолекул. Все это кристаллизовалось несколько миллиардов лет тому назад, когда Галактика была моложе и спокойней. Но теперь свет сюда практически не попадал, и сверкающая красота кометы пребывала во мраке. До Эпсилона Эридана – тринадцать световых часов, он кажется немногим больше остальных звезд.

Но однажды к безвестной комете прилетели люди. Их привезла флотилия черных кораблей, чьи трюмы распирало от машин. Комету одели в оболочку из прозрачного пластика, укрепив ее пористую, непрочную структуру. Издали оболочка оставалась совершенно незаметной. Отраженный сигнал радара либо данные спектрального анализа показывали лишь малейшие изменения, за порогом точности демархистской аппаратуры.

Укрепив комету оболочкой, люди затормозили ее вращение. Умело размещенные на поверхности ионные ракеты постепенно замедлили его и отцепились лишь после того, как остаточный угловой момент достиг минимума, не вызывающего подозрений.

К тому времени люди уже вовсю работали внутри кометы. Восемьдесят процентов ее массы пошло на создание твердой тонкой оболочки, укрепившей наружный слой. Образовалась сферическая полость пятнадцати километров в диаметре. Скрытые шахты позволяли сообщение с внешним миром, они были достаточно широки для умеренных размеров космического корабля. Верфи и ремонтные доки усеивали внутреннюю поверхность, словно кварталы городской застройки. Тут и там выступали приземистые черные купола, похожие на лакколиты, – криоарифметические процессоры, квантово-вычислительные машины, локально нарушающие второй закон термодинамики, охлаждающие поверхность кометы.

Клавэйн уже столько раз проделывал вход в комету, что не обращал внимания на внезапные, хаотично следующие друг за другом изменения курса, необходимые для того, чтобы не столкнуться со стенками вращающейся кометной оболочки. Во всяком случае, он успешно делал вид, что не обращает внимания, – на самом же деле всякий раз затаивал дыхание, проходя по шахте. Слишком уж это напоминало попытку протиснуться в закрывающуюся дверь. А с кораблем размера «Паслена» маневры были еще судорожней.

Рассчитывать вход он доверил компьютерам. Процедура была хорошо описана и просчитана, а строго определенные динамические задачи со многими неизвестными компьютеры решали гораздо лучше, чем люди. Даже лучше, чем сочленители.

Все, прошли! Корабль внутри.

Не в первый уже раз Клавэйн ощутил легкое головокружение при взгляде на внутреннее устройство кометы.

Полость недолго оставалась пустой. Ее заполнили движущимися конструкциями, огромными концентрическими ободьями, сложно совмещенными пространственно, так что в целом они напоминали древнюю сферическую астробию.

Клавэйн смотрел на главную твердыню своего народа – Материнское Гнездо.

Оно состояло из пяти слоев. Внешние четыре вращались, создавая искусственное тяготение, с градацией в половину g . Каждый слой состоял из трех колец почти равного диаметра, с плоскостями вращения, повернутыми друг относительно друга на шестьдесят градусов. Места схождения колец закрывала гексагональная структура, где находились переходы между кольцами и механизмы, обеспечивающие вращение и поддержку равновесия посредством магнитных полей. Сами кольца были темными, испещренными мириадами крошечных светящихся окошек – и кое-где большими сияющими окнами.

Самая внешняя тройка колец поддерживала гравитацию в два g . В километре от них вращалось три меньших кольца, создавая тяготение в полтора g . Еще в километре находились три самых толстых кольца, наиболее тесно заселенных, где большинство сочленителей находилось почти все время. Затем следовали три тонких кольца, где создавалось тяготение в половину g . И наконец, в центре находилась неподвижная прозрачная сфера. Ядро, где отсутствовало тяготение. Там были и зеленая растительность, и яркие лампы, имитирующие солнечный свет, и места обитания различных животных. Там жили и играли дети, туда отправлялись умирать пожилые сочленители. Там Фелка проводила почти все время.

«Паслен» затормозил, придя в неподвижность относительно внешнего кольца. Оттуда уже вышли обслуживающие техники. Корабль чуть тряхнуло – к оболочке присоединились буксиры. Когда бригада покинет «Паслен», его отбуксируют к доку на внутренней поверхности оболочки. Там уже пришвартовалось множество кораблей. Темные продолговатые силуэты окружал лабиринт ремонтной и погрузочной техники. Однако большинство судов уступало размерами «Паслену» – и не было ни одного по-настоящему большого.

Клавэйн покинул корабль с обычным легким ощущением дискомфорта от не до конца выполненной работы. Много лет не понимал, отчего оно возникает всякий раз. Оказалось, оттого, что сочленитель покидает корабль не прощаясь, хотя они вместе провели много месяцев, трудясь и подвергаясь немалому риску.

У шлюза встретила автоматическая шлюпка – просторная коробка с большими окнами, на прямоугольной платформе, оснащенной реактивными двигателями и пропеллерами. Клавэйн взошел на борт, наблюдая, как от соседнего шлюза отчалила шлюпка большего размера. Сквозь ее окна заметил Ремонтуара, еще пару сочленителей и свинью, захваченную на корабле демархистов. Издали пленника, сгорбившегося, покорного, можно было принять за человека. Клавэйну подумалось, что бедняга смирился с участью и успокоился, но тут мелькнул металл обруча-усмирителя на голове.

По пути к Материнскому Гнезду разум свиньи протралила, но не отыскиали ничего интересного. Память оказалась сильно заблокированной, и не сочленительским способом, а на криминальный манер Города Бездны: грубо и топорно, спецнами с черного рынка. Так делали, чтобы защитить доказывающие вину и просто особо важные воспоминания от инструментов, применяемых полицией Феррисвилльской конвенции: «сирен», «серпов», «мозгостуков» и «стирателей памяти». С техникой траления памяти, доступной в Материнском Гнезде, блокировку, вне сомнений, уберут без труда. А пока обнаружили только обычный набор мелкоразрядного уголовного с пристрастием к насилию – скорее всего, это член одной из бандитских группировок, орудующих в Йеллоустоне и Ржавом Поясе. Наверняка демархисты поймали его за чем-нибудь незаконным, но это для свиней обычно.

Клавэйн к гиперсвиньям относился с безразличием. На своем веку встречал их достаточно, чтобы убедиться: морально и эмоционально они не проще людей, создавших их в качестве слуг. Каждую нужно оценивать индивидуально. Свинья с застроенного фабриками спутника Ганеш трижды спасала жизнь Клавэйна во время пограничного Шива-Парватского инцидента в 2358 году. Двадцатью годами позже на спутнике Ирравель, на орбите Фанда, бандиты-свиньи захватили восемь солдат Клавэйна в заложники. Когда те отказались выдать нужную информацию, свиньи принялись поедать их заживо. Сбежать сумел лишь один. Клавэйн принял его мученические воспоминания и сохранил как свои. Хранились они в отдаленном углу памяти, хорошо защищенном – чтобы не заглянуть ненароком. Но даже это не заставило ненавидеть расу свиней в целом.

Но вот Ремонтуар может оказаться не настолько гуманным и терпимым. Некогда ему случилось побывать в плену у пирата-свиньи по кличке Седьмая Проба. Плен был долгим и страшным. Седьмая Проба был ранней версией гиперсвиньи, разум ему искалечили неудачные эксперименты по генетическому усовершенствованию мозга. Пират захватил Ремонтуара, изолировал от остальных сочленителей. Одно это стало пыткой. Но пират любил и старомодные истязания. А ремеслом палача он владел в совершенстве.

В конце концов Ремонтуар сумел вырваться. Пират умер. Но память Ремонтуара о пытках и ужасе осталась живой, душевные травмы не излечились – их последствия сказывались по сей день.

Клавэйн тщательно проследил за тем, как Ремонтуар тралит память свиньи – ведь траление легко превратить в пытку, и очень мучительную. И хотя Ремонтуар не сделал ничего выходящего за рамки и даже как будто трудился без особого энтузиазма, ощущение неправильности, без малого преступности происходящего не отпускало Клавэйна.

Лучше бы Ремонтуар не брался за это дознание. Вряд ли он относится к свинье так же, как и к пленнику-человеку.

Клавэйн смотрел вслед шлюпке, отвалившей от «Паслена», и думал, что видит свинью наверняка не в последний раз. И результат встречи еще не раз скажется. Затем улыбнулся и упрекнул себя в нелепой подозрительности. Это же просто мелкий бандит.

Он мысленно сформулировал команду для примитивной субличности, управлявшей шлюпкой. Та вздрогнула, отваливая от темной китообразной туши корабля. Понесла его сквозь огромный часовой механизм, меж крутящихся исполинских колес, к зеленой сердцевине, пребывающей в невесомости.

Эту крепость сочленители построили последней. Хотя у них всегда было нечто вроде Материнского Гнезда, на ранней стадии войны оно являлось лишь наибольшей из крепостей. Две трети сочленителей располагались на мелких базах по всей системе. Но разделение означало проблемы. Отдельные группы находятся в световых часах друг от друга, линии коммуникации доступны для перехвата. Невозможно разрабатывать стратегию в реальном времени, коллективное сознание нельзя распространить на несколько поселений. Общество сочленителей распадалось, люди нервничали. В конце концов они с большой неохотой приняли решение соединить все меньшие базы в одно огромное Материнское Гнездо, надеясь, что полученные за счет централизации преимущества перевесят риск сосредоточения всех важных объектов в одном месте.

Теперь стало ясно: решение оказалось исключительно удачным.

Приближаясь к наружной оболочке ядра, шлюпка замедлилась. Клавэйн ощущал себя ничтожным карликом рядом с исполинской зеленой сферой. Она мягко светилась, будто изобилующая растительностью, полная жизни планета. Шлюпка продавилась сквозь внешнюю мембрану в ядро.

Клавэйн опустил окно, чтобы смешать воздух внутри шлюпки с атмосферой ядра. В ноздрах защипало от запахов леса. Воздух был прохладный, свежий, как после отбушевавшей

грозы. Хотя Клавэйн много раз бывал в ядре, запах неизменно напоминал не о прежних посещениях, а о детстве. Не мог уже вспомнить, когда и где – но ведь брел через лес, вдыхал такой запах. Где же это было? Может, в Шотландии?..

Хотя в ядре отсутствовала гравитация, заполнявшие его растения не плавали свободно в воздухе. От края до края сферы простирались огромные дубовые стволы-балки длиной до трех километров. Они хаотически сливались, ветвились, образуя цитоскелетную структуру удивительной сложности. Местами расширялись достаточно, чтобы в их толще умещались комнаты и залы, из чьих окон лился мягкий свет. Пространство заполняла сеть тонких ветвей – к ней и крепилась большая часть растительности. Сквозь всю конструкцию тянулись трубопроводы для подачи питательных веществ, соединенные с аппаратурой в самом центре ядра. К наружной оболочке изнутри крепились лампы солнечного спектра; освещение следовало двадцатипятичасовому суточному циклу Йеллоустона. Подобные же лампы распределялись по всему объему сферы. Теперь они излучали холодный голубой свет полной луны, но вскоре заалекот рассветными красками, затем пройдут сквозь всю гамму цветов дня до рыже-красного закатного зарева.

Наступит ночь. В сумраке лес огласится стрекотанием, пением, призывами тысяч причудливо эволюционировавших ночных существ. Сидя на дубовом стволе в центре леса среди ночи, легко поверить, что он простирается во все стороны на тысячи километров. Едва ли можно заметить огромные вращающиеся колеса в паре сотен метров за наружной мембраной. К тому же их движение бесшумно.

Шлюпка нырнула в гущу леса, завиляла в зарослях. Робот-пилот знал, куда доставить Клавэйна. Он то и дело замечал сочленителей – преимущественно стариков и детей. Дети рождались и росли на кольцах с нормальным тяготением, но с шестимесячного возраста их регулярно привозили сюда. Под руководством стариков дети обучались движению и ориентированию в невесомости. Для большинства это выглядело игрой, но самых перспективных замечали – и готовили для участия в войне. Очень немногие показывали такие способности к ориентированию в пространстве, что их предназначали для штабной работы, для планирования сражений.

Старики, как правило, были слишком слабы для жизни в кольцах с тяготением. Зачастую, прибыв в ядро, уже до смерти его не покидали. Клавэйн миновал двоих, одетых во внешние экзоскелеты, служившие и медицинской системой жизнеобеспечения, и средством передвижения. Ноги стариков бессильно волочились позади. Эти люди уговаривали пятерку детишек прыгнуть с ветви в открытое пространство.

Наблюдаемая невооруженным глазом, сцена казалась зловещей: черные одежды детей, шлемы, защищающие головы от столкновения с ветками. Глаза спрятаны за черными очками, выражения лица не разобрать. Старики тоже в однотонной блеклой одежде, хотя и без шлемов. На лицах – никакого удовольствия. Клавэйну они напоминали могильщиков за отправлением погребального ритуала.

Клавэйн приказал имплантатам показать, как дети видят друг друга и взрослых. Перед глазами замельтешило, из воздуха соткалось яркое разноцветье. Теперь дети были облачены в красочные пышные одежды, со спиральными и зигзаговидными узорами, указывавшими на происхождение и занятия родителей. Шлемы исчезли с голов. Двое оказались мальчиками, три – девочками. Возраст – между пятью и семью. Особой радости на их лицах не отмечалось, но страдания либо скуки тоже не было. Все выглядели немного испуганными, возбужденными. Несомненно, дети смотрели друг на друга как на соперников, прикидывали, стоит ли риска слава храбреца, первым отважившегося на полет.

Пара стариков выглядела почти как раньше, но теперь Клавэйн подстроился к их мыслям и настроению. Желаящие подбодрить и воодушевить детей, старики выглядели не унылыми,

а скорее серьезными и очень терпеливыми. Готовыми денно и нощно ухаживать за подопечными.

Изменилась и обстановка вокруг. Воздух наполнили похожие на самоцветы бабочки, стрекозы, спешащие по своим насекомым делам. Неоново лучащиеся гусеницы ползли сквозь зелень. Колибри зависали над цветками, передвигались от одного к другому с точностью отлаженных заводных игрушек. Обезьянки, лемуры и летяги, сверкая глазами, вольно скакали через пространство.

Теперь Клавэйн наблюдал упрощенный, сказочный мир, воспринимаемый детьми на протяжении всей их жизни. С возрастом поступающие в их мозг данные будут слегка редактироваться. Малыши не заметят изменений – но по мере взросления существа, населяющие лес, сделаются более реалистичными, меньше размером, проворней и пугливей; цвета их шерсти и перьев приблизятся к настоящим. В конце концов дети станут видеть лишь настоящих животных. К тому времени – к возрасту десяти-одиннадцати лет – детям осторожно и тщательно разъяснят роль машин, до тех пор определявших видение мира. Подрастающее поколение узнает о нейроимплантатах, о способе изменить восприятие реальности, придать видимому любую воображаемую форму.

У самого Клавэйна взросление и обучение были куда жестче. Учиться пришлось при втором попадании на Марс, в гнездо Галианы. Она показала детский сад, где воспитывались подрастающие сочленители, но тогда Клавэйн еще не имел своих имплантатов. После он был ранен, и в его мозг ввели наномашин. Навсегда запомнилось шокирующее осознание того, что человеческим мировосприятием можно управлять извне. Невероятное ощущение: сотни и сотни разумов прикасаются к твоему, и ты – часть целого. Но наиболее потрясло видение мира, в котором жили сочленители. У психологов имелся особый термин для подобных ощущений: «когнитивный прорыв». Правда, немногие из них испытали когнитивный прорыв на себе.

Дети вдруг обратили внимание на гостя.

– Клавэйн! – Мальчик втолкнул мысль-возглас в его разум.

Клавэйн приказал шлюпке остановиться посреди пространства, используемого детьми для обучения полетам, сманеврировал, чтобы оказаться на одном уровне с малышами.

– Здравствуйте! – Он выглянул наружу, стиснув поручни – словно проповедник на кафедре.

– Где вы были? – спросила девочка, глядя пристально.

– Снаружи, – ответил он, посмотрев на пару наставников.

– Снаружи? За Материнским Гнездом? – допытывалась девочка.

Клавэйн не мог определиться с ответом. Не помнил, сколь много знали об окружающем мире дети этого возраста. Конечно, о войне им неизвестно. А упоминания о ней избежать трудно, если рассказывать о том, чем он занимался снаружи.

– Да, за Материнским Гнездом, – ответил он осторожно.

– В корабле?

– Да, в очень большом космическом корабле.

– А можно мне его увидеть?

– Думаю, когда-нибудь станет можно. Но не сегодня.

Он ощутил беспокойство стариков, хотя оформленной мысли те не передали.

– А что вы делали на корабле?

Клавэйн поскреб в бороде. Он не любил обманывать детей, никогда толком не умел добродушно и беззлобно лгать. Лучше кое о чем умолчать, не пускаться в подробности.

– Я помог человеку.

– А кто он?

– Одна юная леди.

– А почему ей нужно было помогать?

– С ее кораблем случилась беда. Ей требовалась помощь, а я как раз пролетал неподалеку.
– Как зовут эту леди?
– Бакс. Антуанетта Бакс. Я подтолкнул ее, чтобы не упала на газовый гигант.
– А зачем она летала у газового гиганта?
– Честно говоря, не знаю.
– Клавэйн, а почему у нее два имени?
– Потому что... – начал он и вдруг понял: если продолжать в том же духе, неизбежно уткнешься в войну. – Послушайте, дети, мне нельзя вас отрывать от важного дела!
Он почувствовал перемену в настроении стариков – те испытали огромное облегчение.
– Ну и кто мне покажет, как хорошо он умеет летать?
Такого подбадривания от знаменитого взрослого детям как раз и не хватало. Сразу в голове зазвучал хор: «Клавэйн, я, это я!»
Он смотрел, как дети, спеша опередить друг друга, прыгают в пустоту.

Мгновение назад он еще смотрел на сплошную стену растительности, но шлюпка вдруг прорвала зеленое мерцание и выплыла на поляну. После встречи с детьми полет продолжался всего три-четыре минуты. Робот знал, где искать Фелку.

Поляна имела сферическую форму, окруженная зеленью со всех сторон. Ее прорезала дубовая балка, к которой лепились жилища. Шлюпка приблизилась к балке и зависла, позволяя Клавэйну сойти. Тот поплыл, цепляясь за лозы и лестницы, отыскивая проход внутрь. Слегка закружилась голова. В глубине мозга рождался крик протеста против этого безрассудного полета сквозь крону высокого леса. Но долгие годы приучили не замечать этого беспокойства.

– Фелка! – позвал он. – Это Клавэйн!

Ответа не последовало. Клавэйн полез дальше, головой вперед.

– Фелка? – смущенно позвал он.

– Клавэйн, здравствуй!

Голос, сфокусированный причудливыми изгибами полости, показался грохотом, хотя самой Фелки вблизи не было видно.

Не уловив ее мыслей, Клавэйн поплыл на голос. Фелка редко участвовала в умственном единении сочленителей. А когда участвовала, Клавэйн сохранял дистанцию, не пытаясь проникнуть в ее разум. Уже давно они договорились не соприкасаться разумами, разве что на самом поверхностном уровне. Большее воспринималось как непрошеное вторжение в личное пространство.

Колодец завершился расширением, похожим на матку. Там, в своей лаборатории-студии, Фелка жила почти безвылазно. На стенах – головокружительно сложная древесная текстура. Клавэйну ее эллипсы и узлы напоминали геодезические контуры сильно деформированного пространства. Настенные светильники порождали грозные монстрообразные тени.

Он оттолкнулся пальцами, проплыл, касаясь причудливых деревянных фигурок, свободно парящих в комнате. Большую их часть узнал, но появилась и парочка новых. Подхватил на лету одну, брякнувшую глухо, поднес к глазам. Спираль в форме человеческой головы, в проеме видна голова поменьше, а в ней еще одна. Возможно, есть и другие. Клавэйн выпустил предмет, подхватил другой – сферу, ошетилившуюся деревянными шипами, выдвинутыми на разные расстояния. Потрогал один – и тотчас внутри сферы шелкнуло и передвинулось, будто в личинке замка.

– Фелка, вижу, ты времени зря не теряла.

– И не я одна, – ответила она. – Я слышала отчет. Загадочный пленник?

Клавэйн проплыл мимо дрейфующих деревянных устройств, обогнул балку. Протиснулся сквозь входное отверстие в небольшое помещение без окон, освещенное лишь фона-

рями. Их свет окрашивал розовым и изумрудно-зеленым землистые стены. Одна состояла целиком из деревянных лиц, со слегка искаженными, укрупненными чертами. С краю находились лица лишь полуоформленные, напоминающие изъеденных кислотой горгулий. Воздух благоухал смолой.

– Вряд ли пленник – персона значительная. Личность еще не установили, но, скорее всего, это обычный уголовник из гиперсвиной. Траление открыло с полной определенностью: недавно он убивал людей. О деталях распространяться не буду, щадя твой слух, но этот подонок весьма изобретателен в убийствах. Творческая личность. Свиной зря считают лишенными воображения.

– Я их никогда не считала лишенными воображения. А что за дело со спасенной женщиной?

– Забавно, как быстро распространяются слухи. – Он тут же вспомнил, что сам рассказал детям про Антуанетту Бакс.

– Она удивилась?

– Не знаю. А ей стоило удивиться?

Фелка фыркнула.

Она парила среди студии, в мешковатой рабочей одежде похожая на раздувшуюся планету, окруженную множеством хрупких деревянных спутников. Дюжина неоконченных поделок крепилась к талии нейлоновыми шнурами. Такие же шнуры удерживали у пояса инструменты: от простейших штихелей и напильников до лазеров и крошечных роботов-бурильщиков.

– Наверное, она ждала смерти. В лучшем случае присоединения к нам.

– Кажется, тебя смущает, что нас боятся и ненавидят.

– Да, над этим стоит задуматься.

Фелка вздохнула, словно они говорили об этом много раз и никак не могли убедить друг друга.

– Клавэйн, мы давно знакомы?

– Для обычного людского знакомства – очень давно.

– Да. И большую часть этого времени ты был солдатом. Конечно, не всегда воевал. Но в воображении ты всегда был на войне.

Не отводя от Клавэйна взгляда, Фелка подхватила неоконченную конструкцию, посмотрела сквозь ее проемы.

– И отчего-то мне думается: не поздно ли для нравственного самокопания, а?

– Возможно, ты права.

Фелка прикусила нижнюю губу. Ухватившись за шнур потолка, подтянулась к стене; рой прицепленных к поясу инструментов и поделок заклацал, застучал. Она взялась готовить чай для гостя.

– Тебе не потребовалось ощупывать мое лицо, – заметил Клавэйн. – Следует воспринимать это как хороший знак?

– Знак чего?

– Того, что ты стала лучше распознавать лица.

– Не стала. Ты заметил стену лиц по пути сюда?

– Похоже, ты соорудила ее недавно.

– Когда приходят те, кого я не могу узнать, я ощупываю лица, запоминая ощущения в кончиках пальцев. Затем щупаю деревянные лица на стене, пока не отыщу схожее. Затем читаю подпись. Конечно, временами приходится добавлять новые лица. Но некоторым достаточно и грубого подобия.

– А я?

– У тебя же борода, много морщин. И редкие седые волосы. Насчет тебя едва ли можно ошибиться. Ты не похож ни на кого.

Она протянула колбу с чаем. Клавэйн выдавил в рот струйку обжигающей жидкости.

– Да уж, не похож. Тут, пожалуй, и сказать нечего...

Он постарался взглянуть на Фелку со всей возможной беспристрастностью, сравнивая ее теперешнюю и давешнюю, какой она была до его путешествия на «Паслене». Миновала только пара недель, однако Фелка казалась замкнутой, отделившейся от мира. Такого не было уже несколько лет. Рассказывала о гостях – но их вряд ли было много.

– Фелка, посмотри на меня, – попросил он.

Ее черные волосы – такие же длинные, как у Галианы, – были спутаны и грязны. В уголках глаз – крупитцы засохшей слезы. Радужки бледно-зеленые, почти нефритового оттенка – и бледно-розовые белки в сеточке кровавых жилок. Под глазами синеватые дрябловатые мешочки. В отличие от большинства сочленителей Фелке, как и Клавэйну, требовался сон.

– Пообещай мне.

– Что именно?

– Если... вернее, когда станет совсем плохо, ты же мне скажешь, правда?

– И какой в этом смысл?

– Ты ведь знаешь, я всегда стараюсь сделать как лучше для тебя. Галианы больше нет с нами, остается лишь мне...

Ее красные от бессонницы глаза смотрели внимательно и строго.

– Ты всегда старался как мог. Но не в твоих силах изменить мою суть. Ты не волшебник.

Он уныло кивнул. Печальная истина. Сделать и впрямь ничего нельзя.

Фелка не была похожа на других сочленителей. Впервые Клавэйн ее встретил, когда во второй раз посетил Гнездо Галианы на Марсе. Фелка была крошечным ущербным ребенком, результатом неудачных экспериментов с мозгом зародыша. Она не только не распознавала лица – вообще была не способна к общению с людьми. Весь ее мир составляла единственная, без остатка поглощающая игра. Гнездо Галианы окружало гигантское сооружение, известное как Великая Марсианская Стена, плод неудачной попытки терраформирования, поврежденный предыдущей войной. Но Стена не обрушилась, поскольку игра Фелки включала принуждение аппаратов самовосстановления Стены к действию – бесконечный увлекательный процесс выявления неполадок и распределения скудных драгоценных ресурсов. Стена высотой в двести километров сложностью не уступала человеческому телу, а Фелка управляла всем ее существом, была ее иммунитетом, контролируя вплоть до крохотной клетки. Справлялась Фелка гораздо лучше компьютера. Хотя и не могла общаться с людьми, она с удивительной легкостью решала сложнейшие задачи.

В конце концов Стена пала под натиском прежних соратников Клавэйна, Коалиции за невральную чистоту. Галиана, Фелка и Клавэйн предприняли отчаянную попытку удрать из Гнезда. Галиана пыталась разубедить Клавэйна, не хотела брать Фелку. Говорила, что для нее стресс расставания со Стеной окажется горше смерти. Но Клавэйн все равно забрал девочку, убежденный, что она не безнадежна, ее разум способен найти замену Стене.

И оказался прав, но на доказательство правоты ушло много лет.

На протяжении четырех веков – хотя субъективно Фелка прожила лишь столетие – ее мягко подталкивали, уговаривали, обучали, приведя к нынешнему хрупкому душевному равновесию. Осторожные, кропотливые модификации мозга вернули ей многие способности, разрушенные экспериментами с мозгом зародыша. В ней крепло убеждение в том, что люди – не просто движущиеся объекты, а нечто живое, разумное и подобное ей. Многое восстановить не удалось. Например, Фелка не научилась узнавать лица. Но успехов было гораздо больше. Она нашла для себя интересные занятия; она никогда не была так счастлива, как во время долгого

межзвездного путешествия. Каждый новый мир представал перед ней восхитительно сложной головоломкой.

Но в конце концов Фелка решила повернуть домой. С Галианой она не поссорилась и отношения к ней не изменила. Просто ощутила, что настало время осмыслить и обобщить узнанное, а этим лучше всего заниматься в Материнском Гнезде с его огромными вычислительными ресурсами и базами данных.

Но по возвращении она застала Материнское Гнездо увязшим в войне. Клавэйн тут же отправился сражаться с демархистами, а Фелка обнаружила, что анализ привезенных экспедицией данных более не первостепенная задача.

Клавэйн наблюдал, как год за годом Фелка очень медленно, едва заметно отступала в свой мир, закрытый для остальных. Принимала все меньше участия в жизни Материнского Гнезда, изолировала разум от других сочленителей, открываясь лишь изредка. Когда вернулась Галиана в жутком промежуточном состоянии, не живая и не мертвая, Фелке стало заметно хуже.

Окружавшие ее поделки были отчаянной попыткой занять разум хоть чем-то соответствующим его способностям. Но все это было обречено рано или поздно наскучить. Клавэйн уже наблюдал подобное. Знал, что нужное ей он дать не в силах.

– Возможно, когда война окончится, мы снова полетим к звездам, будем исследовать... – беспомощно забормотал он.

– Клавэйн, не давай обещаний, которых не можешь выполнить.

Фелка швырнула свою колбу с чаем на середину комнаты. Принялась рассеянно ковырять недоделанную игрушку – куб, сделанный из меньших кубов, с квадратными отверстиями в гранях. Сунула резец в отверстие, заскребла, почти не глядя на вещь.

– Я ничего не обещаю, – возразил Клавэйн. – Просто говорю: сделаю, что смогу.

– Жонглеры образами мне вряд ли помогут.

– Не попробуешь – не узнаешь, разве нет?

– Да, попробовать можно.

– Вот и прекрасно!

В поделкебрякнуло. Фелка зашипела, будто рассерженная кошка, отбросила испорченную вещь. Та врезалась в ближайшую стену, рассыпалась на сотни угловатых кусочков.

Почти машинально Фелка схватила новую поделку и принялась работать над ней.

– А если не помогут жонглеры, можем попытаться счастья у затворников.

– Давай не будем забегать вперед, – улыбнулся Клавэйн. – Если не получится с жонглерами, подумаем о других возможностях. Но это потом. У нас осталось небольшое, но важное дело – выиграть войну.

– Говорят, исход известен. Война скоро кончится в нашу пользу.

– Говорить легко.

Резец неловко повернулся в руке Фелки, скользнул по пальцу. Чуть вспорол кожу, отделил лоскуток. Фелка сунула палец в рот, потянула воздух, будто высасывала из лимона сок до последней капли.

– И отчего же ты сомневаешься?

Захотелось понизить голос, хотя в этом не было никакого смысла.

– Не знаю. Возможно, я попросту старый дурак. Но для чего еще старые дураки нужны, если не для сомнений?

– Клавэйн, пожалуйста, не говори загадками, – терпеливо попросила Фелка.

– Дело в Скади и Узком совете. Что-то затевается – и я не знаю что.

– И что конкретно тебе не нравится?

Клавэйн задумался над ответом. Как бы он ни доверял Фелке, все же она член Узкого совета. Да, она в последнее время не участвует в заседаниях и, скорее всего, не знает о событиях, но это мало что меняет.

– Мы уже целый век не строим корабли. Никто не объяснил мне почему, и я давно понял: спрашивать бесполезно. Но с некоторых пор до меня доходят слухи о секретных разработках, о негласных экспериментах, о тайных программах развития технологий. Когда демархисты уже готовы капитулировать, Узкий совет вдруг объявляет о совершенно новом звездолете. «Паслен» – это прежде всего оружие. Фелка, ну против кого они его применяют, если не против демархистов?

– Они?

– Я имел в виду – мы.

– И ты задумался, не планирует ли Узкий совет что-то большое и важное?

– Имею право поинтересоваться, – ответил Клавэйн, посасывая чай.

Фелка замолчала. Резец мерно скреб по древесине.

– Клавэйн, ты же знаешь: если я могу ответить на твои вопросы, я отвечаю. Но никогда не раскрою доверенного мне Узким советом. И ты бы не раскрыл на моем месте.

– Я ничего другого и не ожидал. – Он пожал плечами.

– Но если бы я и захотела раскрыть, не смогла бы. Похоже, я не знаю очень многого. Например, чем занимается Внутреннее святилище. Меня никогда не подпускали к нему, и уже несколько лет я не имею доступа к материалам Узкого совета. – Фелка указала резцом на свою голову. – Кое-кто даже хочет, чтобы оттуда вычистили все воспоминания об Узком совете, о моей активной деятельности в нем. Их останавливает лишь непонятная анатомия моего мозга. Нет уверенности, что сотрешь нужное.

– У каждой монеты две стороны.

– Да. Но у этой проблемы есть решение. Притом очень простое.

– И какое же?

– Ты всегда можешь присоединиться к Узкому совету.

Клавэйн вздохнул. Задумался, отыскивая лучший ответ. Впрочем, к чему стараться? Никакой ответ Фелку не убедит.

И тогда он попросил:

– А можно еще чаю?

Скади шагала по плавно изгибающимся серым коридорам Материнского Гнезда. Гребень на ее черепе пылал ярко-фиолетовым цветом крайней сосредоточенности и гнева. Она спешила в зал, договорившись о встрече с Ремонтуаром и представительной группой способных явиться во плоти членов совета.

Разум Скади работал почти на предельной скорости, готовя эту очень важную и ответственную встречу – быть может, самую важную в деле привлечения Клавэйна в совет. Большинство членов совета сделалось пешками в руках Скади, но оставались упрямы, которых убедить будет очень нелегко.

Также она просматривала результирующие данные о работе аппаратуры, смонтированной на «Паслене». Они поступали в мозг с компада, – закрепленный на животе, тот напоминал пластину бронежилета. Данные воодушевляли: похоже, кроме проблемы сохранения секретности, ничто более не препятствует испытаниям крупнее и серьезнее. Скади уже сообщила главному конструктору хорошую новость, с тем чтобы последние модификации, опробованные на «Паслене», были применены на кораблях, предназначенных для исхода.

Вдобавок ко всему разум Скади был занят еще и осмыслением свежего послания от Феррисвильской конвенции.

И послание это не предвещало хорошего.

Скади воспроизвела его снова, не убавляя шага. Перед лицом плясало изображение говорящего. Проигрывалась запись на скорости, десятикратно превышающей нормальную, отчего жесты казались нервными судорогами.

– Это формальный запрос ко всем членам фракции сочленителей, – говорил представитель. – Феррисвильской конвенции известно, что судно сочленителей взяло на бордаж демархистский корабль вблизи газового гиганта, находящегося в спорном пространстве...

Скади ускорила шаг. Она воспроизвела послание уже восемнадцать раз, отыскивая нюансы, указывающие на скрытые оттенки смысла либо обман. В запросе содержался длинный и чрезвычайно скучный список отсылок к законам и уложениям конвенции. Их Скади проверила, осмыслила и нашла совершенно непробиваемыми.

– Сочленители не были осведомлены о том, что капитан корабля демархистов Марушка Чанг уже вступила в контакт с официальными представителями Феррисвильской конвенции касательно передачи в их ведение находящегося на борту заключенного. Упомянутый заключенный появился на борту корабля демархистов, будучи арестован на подлежащем юрисдикции демархистов астероиде, где находится военная база, согласно...

Опять нудный список актов и законов. Надо прокрутить вперед.

– Упомянутый заключенный, гиперсвинья, известный Феррисвильской конвенции как Скорпион, находится в розыске по подозрению в совершении следующих нарушений закона о чрезвычайном положении...

Скади просмотрела послание еще раз, но не обнаружила ничего, не замеченного ранее. Законники конвенции слишком озабочены мельчайшими юридическими деталями, чтобы решиться на обман. С очень высокой вероятностью сказанное о гиперсвинье – правда. Скорпион – известный властям преступник, злобный убийца, склонный к насилию, прежде всего над людьми. Должно быть, Чанг сообщила конвенции о передаче преступника, используя сфокусированный луч, причем до того, как «Паслен» сумел приблизиться на расстояние, достаточное для перехвата таких сообщений.

А Клавэйн, будь он неладен еще раз, не сделал должное, не уничтожил корабль демархистов при первой возможности. Конвенция бы поворчала, но ведь Клавэйн имел полное право так поступить. Он мог не знать о наличии на борту заключенного и уж вовсе не был обязан расспрашивать врага перед тем, как открыть по нему огонь. А вместо этого взял и спас гиперсвинью.

– Требуем немедленного предоставления пленного в наше ведение, в нормальном состоянии здоровья, без каких-либо нейроимплантатов в мозгу, в течение двадцати шести стандартных дней. Неподчинение этому требованию приведет... – Представитель конвенции замолчал, с нелепой значительностью потер руки и продолжил: – Неподчинение этому требованию неизбежно приведет к значительному ухудшению отношений между фракцией сочленителей и Феррисвильской конвенцией.

Скади хорошо понимала представителя. Не то чтобы свинья-уголовник сам по себе такая ценность. Но его передача исключительно важна как пример и прецедент. В пространстве, формально контролируемом силами конвенции, дела с поддержанием законности обстоят до крайности скверно. А свиньи – могущественное и не слишком чтящее закон сообщество. Преступность захлестывала Феррисвильскую конвенцию и в ту пору, когда Скади по поручению Узкого совета отправилась на тайную операцию в Город Бездны, где едва не погибла. С тех пор обстановка определенно не улучшилась. Захват свиньи, образцово-показательный суд и казнь весьма отчетливо просигналят преступному миру, а в особенности криминальным слоям общества свиней: закон силен и действен. На месте представителя конвенции Скади тоже добивалась бы выдачи преступника.

Но оттого ситуация с гиперсвиньей проще не становилась. С одной стороны, в теперешних обстоятельствах – тех, о каких знали лишь немногие, – не было никакой необходимости

идти на поводу у конвенции. Еще немного, и он потеряет всякую значимость для сочленителей. Главный конструктор заверил: строительство эвакуационной флотилии завершится через семьдесят дней. Причин сомневаться в точности прогноза нет.

Менее чем через три месяца все прочее потеряет значение. Но и тут кроется серьезная проблема. Существование флота и, главное, причину его строительства следует держать в полном секрете. У всякого внешнего наблюдателя должно создаться впечатление, будто пауки просто рвутся к победе, наращивают силы. Любая другая мотивация непременно вызовет подозрения и в Материнском Гнезде, и снаружи. А если правду откроют демархисты, есть шанс – пусть и крохотный, но отнюдь не пренебрежимо малый, – что они сумеют сплотиться и переломить ход войны. Используют полученную информацию, чтобы привлечь прежде нейтральные стороны. Сейчас демархисты обессилены, но если соединятся с ультра, они смогут серьезно помешать планам Скади.

Нет. Чтобы наверняка обеспечить победу, следует хотя бы внешне придерживаться конвенции. Придется найти способ возвращения свиньи, причем до того, как начнут разрастаться подозрения.

Гнев захлестнул Скади целиком. Она заставила изображение представителя замереть, почернеть – и решительно ступила сквозь него. Оно разлетелось черными хлопьями, стайей воронья.

Глава шестая

Служебный самолет в кратчайшее время доставил бы инквизитора в Зольнхофен, но она решила последний участок пути проделать наземным транспортом, высадившись у ближайшего к месту назначения городка.

Назывался он Одюбон и представлял собой россыпь складов, лачуг и жилых куполов, пронизанную грузовыми трубопроводами, линиями железной дороги и шоссе. На окраине вонзались в шиферно-серое северное небо ажурные мачты причалов для дирижаблей. Но все пустовало – и непохоже было, что дирижабли прибывали в последнее время.

Самолет выпустил пассажирку на забетонированную полосу между складами, выщербленную, со следами колес. Инквизитор шла быстро, шурша сапогами о колючую поросль приспособленной к Ресурге му травы, пробивавшейся тут и там через бетон. Тревожась немного, она посмотрела, как самолет взлетает и уходит назад, к Кювье, готовый служить другому чиновнику, пока инквизитор не закажет обратный рейс в столицу.

За ней наблюдали копошившиеся поблизости рабочие, но в таком отдалении от Кювье инквизиция особого интереса не вызывала. Конечно, и здесь многие сразу узнают в неожиданной гостье чиновника, пусть и в гражданской одежде, – но уж вряд ли предположат, что она преследует военного преступника. Скорее, посчитают сотрудницей полиции либо одного из множества отделов правительства, присланной для контроля расходов. Если бы она прибыла с вооруженным конвоем – отрядом полиции либо роботом, – то привлекла бы больше внимания.

Люди поспешно отворачивались, заметив, что инквизитор на них смотрит, отходили прочь. До придорожной гостиницы она добралась беспрепятственно.

Виллемье носила темную, ничем не выделяющуюся одежду, поверх нее – длиннополый плащ, оставшийся с той поры, когда на планете бушевали бритвенные бури. У ворота спереди располагался карман для дыхательной маски. Наряд дополняли черные перчатки. На спине висел рюкзачок с личными вещами. Лоснящиеся черные волосы были коротко пострижены, челка спадала на глаза. Она скрывала небольшую рацию с наушником и ларингофоном. Это устройство инквизитор собиралась использовать исключительно для вызова самолета. Вооружена она была небольшим пистолетом-бозером, изготовленным ультра; в глазу сидела контактная линза-прицел. Но пистолет – лишь для уверенности. Использовать его вряд ли придется.

Гостиница представляла собой двухэтажное здание у главной трассы на Зольнхофен. Огромные грузовики с широкими дутыми колесами рокотали на шоссе, под их высокими рамами свисали перезрелыми гроздьями гофрированные контейнеры. Водители сидели в герметичных кабинах, закрепленных на суставчатых кронштейнах. Такая кабина могла и опускаться до земли, и высоко подниматься, позволяя водителю перебраться в нее с верхнего этажа здания.

Обычно водитель находился в головной машине каравана из четырех-пяти машин. Никто не доверял автоматике настолько, чтобы оставить грузовики без присмотра.

Гостиница выглядела ветхой и грязной, потому инквизитор решила не снимать перчаток. Она подошла к компании шоферов, которые сидели за столом и вели скучный разговор, в основном жалуясь на скверную работу. На столе – чашки с недопитым кофе, тарелки с объедками и плохо отпечатанная газета со свежим портретом Торна. Статья перечисляла его новые антиобщественные деяния. Коричневая дуга подсохшего кофе окружала голову террориста, словно нимб.

Инквизитор долго стояла рядом с шоферами. Показалось – несколько минут. Наконец один соизволил обратить внимание.

– Меня зовут Виллемье, – сообщила она. – Мне нужно в Зольнхофен.

– Виллемье? Что-то я такое слышал...

– Я рада. Но это обычное на Ресургеме имя.

Водитель смущенно кашлянул, затем проговорил с сомнением:

– В Зольнхофен, значит?

Будто услышал впервые.

– Именно в Зольнхофен. Это небольшое поселение у дороги. Больше того, оно первое на трассе после этого городка. Наверняка вы его проезжали пару раз.

– Милашка, Зольнхофен мне вовсе не по пути.

– Разве? Как интересно. А я думала, ваш путь напрямик идет через Зольнхофен. Трудно представить, как он может быть не по пути. Разве что вовсе с дороги съехать.

Она достала деньги. Хотела положить на усыпанный объедками стол, но передумала. Покачала ими перед носом водителей, купюры хрустели, зажатые черной кожей перчатки.

– Вот мое предложение: половина сразу – тому, кто доставит меня в Зольнхофен, на четверть больше – если выезжаем в пределах получаса, остальное – если прибудем до рассвета.

– Я бы в принципе мог, – сказал один. – Но в такое время года несподручно...

– Торговаться не стану, – перебила Виллемье, решившая не играть в дружелюбие.

Она не надеялась понравиться водителям. Чиновников эти парни на дух не переносят и соглашаются делить с ними кабину только за приличные деньги. Едва ли можно винить шоферов за это. Здешние чиновники любого калибра – малоприятная публика.

Если бы Виллемье сама не была инквизитором, она боялась бы инквизиторов до дрожи.

Но деньги умеют творить чудеса. Через двадцать минут она уже сидела в кабине мощного грузовика и смотрела, как тускнеют позади огни Одиубона. Машина везла лишь один контейнер. Она мягко пружинила на огромных колесах, покачивалась, убаюкивала. В кабине было тепло и спокойно. Водитель предпочел слушать музыку, а не вести пустые разговоры.

Поначалу Виллемье следила за работой шофера. Машина лишь изредка требовала его участия. Несомненно, она вполне удержалась бы на дороге и без человеческой помощи, но местный профсоюз настоял на присутствии водителя.

Изредка проносились встречные грузовики, но большей частью впереди расстилалась только бескрайняя и безлюдная ночь. Казалось, они едут в никуда, в сплошную темноту.

На коленях Виллемье лежала газета со статьей о Торне. Инквизитор перечитала ее несколько раз, ощущая усталость. Мертвый казенный стиль, спотыкающиеся фразы. В статье Торна и его сподвижников представляли бандой отъявленных бандитов, озбоченных свержением правительства с единственной целью: ввергнуть колонию в хаос анархии. Лишь мельком упоминалась объявленная Торном цель – эвакуировать Ресургем, используя субсветовик триумвира. Инквизитор знала достаточно о Торне, чтобы представлять его истинное намерение. Еще со времен Силвеста одно правительство за другим упорно отрицало грозящую колонии опасность, возможность повторения того, что погубило амарантийцев миллион лет назад. Со временем – в темные, отчаянные годы, последовавшие за падением режима Жирардо, – перспективу гибели колонии во внезапной катастрофе прекратили обсуждать публично. Одно упоминание об амарантийцах, не говоря уже об их судьбе, обеспечивало человеку клеймо потенциального бунтовщика, нарушителя порядка. Но Торт был прав. Хотя катастрофа не угрожала разразиться в ближайшем будущем, опасность сохранялась.

Его сподвижники и в самом деле совершали теракты против правительства, но они нанесли точно рассчитанные удары, с минимумом посторонних жертв. Иногда это делалось ради саморекламы, но большей частью ради грабежа. Свержение нынешнего правительства, безусловно, входило в планы Торна, но единственной целью не являлось.

Торт полагал, что субсветовик триумвира еще находится неподалеку, в пределах звездной системы. И считал, что правительство знает, где именно этот звездолет. Утверждал, что у правительства есть два работающих шаттла, способных перевезти население на корабль «Ностальгия по бесконечности».

Потому Торн составил несложный план: сперва выяснить, где находятся шаттлы, потом свергнуть правительство либо так ослабить его, чтобы беспрепятственно захватить корабли. Наконец предоставить населению возможность собраться в одном месте, откуда шаттлы смогут перевезти желающих на субсветовик. Последнее действие подразумевало захват власти, но Торн неоднократно подчеркивал, что хочет обойтись наименьшей кровью.

Судя по статье, в нежелании проливать кровь Торна уж точно нельзя заподозрить. Угроза Ресургему объявлялась смехотворной, цели Торна извращались, сам он выставлялся безумным маньяком, число гражданских жертв сильно преувеличивалось.

Инквизитор внимательно рассмотрела портрет. Она никогда не встречала Торна лично, но знала о нем многое. Рисунок мало походил на оригинал, но Департамент внутренних угроз счел изображение достаточно правдивым. Что ж, тем лучше.

– Я бы на вашем месте не тратил время на эту чепуху, – заявил вдруг водитель, когда Виллемье наконец задремала. – Парень уже труп.

– Кто? – спохватилась она, моргая.

– Торн. – Шофер ткнул толстым пальцем в газету. – Ну, тот, который на рисунке.

Интересно, этот человек специально выжидал, когда она задремлет? Это у него такие невинные игры с пассажирами?

– Я не знаю, жив он или нет. В газетах не читала про его смерть и в новостях не слышала.

– Правительство его шлепнуло. Давно на него зуб точило.

– Как же его могли шлепнуть, даже не зная, где он?

– Да знали они, вот в чем дело. И пока не хотят, чтобы нам про это стало известно.

Виллемье подумала, что шофер издевается над ней. Наверное, догадался, что везет правительственного чиновника, и решил: она слишком занята своим делом, чтобы доносить о мелком зубоскальстве.

– Если застрелили, так почему не объявляют? Тысячи людей считают, что Торн отведет их к земле обетованной.

– Да, но единственное, что для них хуже живого мессии, – это мессия, превратившийся в мученика. Если разлетится слух о его смерти, беды не оберешься.

Виллемье пожала плечами, сложила газету:

– Вообще-то, я не уверена, что он вообще существовал. Может, правительство как раз и хотело создать фигуру народного вождя, бунтаря, чтобы сильнее придавить народ. Вы же вряд ли верите всем историям про него.

– Про спасение с Ресургема? В это уж точно не верю. Хотя было бы здорово, если б это оказалось правдой. Мы бы избавились разом от всех нытиков.

– Вы и в самом деле так считаете? Что желающие покинуть планету – нытики?

– Прости, милашка. Я вижу, с какой ты стороны баррикад. Но кое-кому нравится эта планетка. Уж не обижайся.

– Я не обижаюсь.

Она откинулась на сиденье, прикрыла газетой лицо. Если этот сигнал не дойдет до водителя, тогда уж ничего не поделаешь. Придется терпеть.

К счастью, до него дошло.

На этот раз дрема благополучно перешла в глубокий сон. Снилось былое, являлись воспоминания, разбуженные голосом агента номер четыре. Виллемье так давно ее не видела! И уже старалась не думать о ней как о реальном человеке. Живые воспоминания были слишком болезненными. За ними тянулись воспоминания о прибытии Виллемье на Ресургема, о жизни, в сравнении с теперешним блеклым существованием казавшейся волшебной сказкой.

Этот голос – он будто дверь в прошлое. А там многое, от чего нельзя убежать и спрятаться. И забыть о нем тоже нельзя.

Какого же черта агент номер четыре позвонила?

Она проснулась, ощутив перемену в движении. Водитель загонял машину к месту разгрузки.

– Где мы?

– Зольнхофен как он есть. Рекламы нету, здесь тебе не столица. Но ты ведь сюда и хотела. Сквозь щель в стене склада виднелось небо с кровавым отливом. Рассвет.

– Мы слегка опоздали, – заметила Виллемье.

– Милашка, мы прибыли в Зольнхофен четверть часа назад. Но ты спала как убитая. Я будить пожалел.

– Да уж, пожалел, – проворчала инквизитор, но все же отдала водителю остаток денег.

Ремонтуар наблюдал, как пришедшие последними члены совета рассаживаются по ярусам кресел. Из старейших кое-кто мог добраться самостоятельно, но большинству помогали роботы, экзоскелеты либо целые рои черных летающих дронов величиной не больше наперстка. Некоторые из членов совета были настолько близки к концу телесного существования, что уже почти покинули бранные тела. Они представляли собой головы на паукообразных устройствах для перемещения. У двоих напичканный машинерией мозг раздался настолько, что уже не помещался в черепной коробке. Собственно, кроме мозга, плавающего в прозрачной куполовидной емкости, присоединенной к пульсирующей аппаратуре жизнеобеспечения, ничего телесного у этих людей не оставалось. Они принадлежали к числу наиболее обобществившихся сочленителей, теперь едва ли не вся их умственная деятельность проходила в сети. Если бы не многолетняя привычка к телесному существованию, они бы отказались и от мозга. Так древний аристократический род не спешит разрушать свое ветхое гнездо, хотя там уже никто не живет.

Ремонтуар ловил мысли каждого новоприбывшего. Явились люди, которых уже давно считали мертвыми, те, кто никогда на памяти Ремонтуара не участвовал в заседаниях Узкого совета.

Дело Клавэйна привлекло всех, даже давно отошедших от дел.

Ремонтуар вдруг ощутил присутствие Скади. Она появилась на полукруглом балконе. Зал совета был изолирован от всех потоков информации, воспринимаемых мозгом сочленителей. Находящиеся внутри могли общаться без помех, но были полностью отрезаны от остальных разумов Материнского Гнезда. Это позволяло совету общаться свободно, не опасаясь прослушки.

Ремонтуар оформил мысль, обозначил ее как имеющую первостепенную важность, чтобы привлечь общее внимание, и разослал членам совета.

– Клавэйну известно об этом заседании?

Скади резко повернулась к нему:

– С какой стати ему знать?

– Но ведь мы собрались говорить о нем – за его спиной.

Скади улыбнулась:

– Если бы он согласился присоединиться к нам, не было бы нужды в этом разговоре. Проблема не во мне – в Клавэйне.

Ремонтуар встал. Теперь все взгляды были направлены на него. А кто не имел глаз, тот навел сенсорное устройство.

– Скади, разве он создал какие-либо проблемы с ним? Я против того, чтобы мы обсуждали судьбу Клавэйна втайне от него.

– Я не вижу в этом ничего дурного. Мы все желаем ему только хорошего. И я полагала, что вы, его друг, лучше других поймете это.

Ремонтуар окинул взглядом зал. Фелки не видно, и это вовсе не удивительно. Она имеет полное право быть здесь, но вряд ли Скади захотела ее пригласить.

– Да, признаю: мы с Клавэйном друзья. Он не раз спасал мне жизнь. И мы через многое прошли вместе. Это значит, что мое отношение к нему может быть слишком субъективным. Но, думаю, моя субъективность никого здесь не введет в заблуждение. И я скажу вам вот что...

Ремонтуар помолчал, обводя зал взглядом, всматриваясь в лица.

– Нужно ли кому-либо напоминать, чем нам обязан Клавэйн? Что бы вам ни внушала Скади, правда такова: ничем не обязан. Если бы не он, никого из нас здесь бы не было. Он был для нас не менее важен, чем Галиана. Не менее. Помните об этом.

– Конечно, Ремонтуар прав, – подхватила Скади. – Но заметьте: он говорит о Клавэйне в прошедшем времени. Все его великие подвиги в прошлом, причем в далеком. Я не отрицаю, что после возвращения из экспедиции он хорошо послужил Материнскому Гнезду. А остальные разве справлялись плохо? Клавэйн проявил себя не хуже, но и не лучше прочих старших сочленителей. Но разве мы не вправе ожидать от него большего?

– Чего же именно?

– Большого, чем упрямое солдафонство, чем постоянный риск.

Ремонтуар понял: хотел того или нет, стал адвокатом Клавэйна. И ощутил легкое презрение к прочим членам совета. Знал: многие из них обязаны Клавэйну жизнью. И могли бы о том заявить. Но здесь и сейчас – промолчат. Не осмелятся перечить Скади.

Защищать друга придется в одиночестве.

– Кому-то ведь нужно патрулировать границы.

– Несомненно. Но у нас есть для этого люди гораздо моложе, быстрее и, откровенно говоря, менее ценные. Бесценный опыт Клавэйна нужен здесь, в Материнском Гнезде, доступный всем нам. Я не верю, что он совершает экспедиции за пределы Гнезда, исходя из чувства долга. Нет, им руководит чистейший эгоизм. Он пользуется принадлежностью к нашему сообществу, принадлежностью к выигрывающей стороне, не принимая полностью обязательств сочленителя. Это указывает на несовпадение его интересов с нашими, на самоуверенность – на то, что враждебно нашему образу мыслей. Полагаю, это указывает даже на предрасположенность к предательству.

– Предательство? Да никто не показал большей верности сочленителям, чем Невил Клавэйн! Может, кое-кому нелишне было бы освежить свои знания по истории?! – воскликнул Ремонтуар.

Голова на паучьих ногах шевельнулась в кресле.

– Я согласен с Ремонтуаром. Клавэйн ничем не обязан нам. Он доказал свою верность тысячи раз. Если не хочет работать в совете – имеет на то полное право.

На другом конце зала засиял контейнер с мозгом. Свет пульсировал в соответствии со спектром речи.

– В этом нет сомнений. Но несомненно и то, что у него есть моральное обязательство перед нами. Нельзя разбрасываться такими способностями, они должны использоваться в совете.

Мозг замолчал, питающие его насосы забулькали, захрипели. Узловатая масса нервной ткани медленно вздымалась, опадала, будто кусок доходящего теста.

– Я не одобряю провокационную риторику Скади, – продолжил мозг. – Но если ее отбросить, остается факт: отказ присоединиться к совету заставляет серьезно усомниться в верности Клавэйна Гнезду.

– Прекратите нести чушь! – прервал его Ремонтуар. – Неудивительно, что Клавэйн не спешит присоединиться к таким, как вы.

– Это оскорбление! – зашипел мозг.

Ремонтуар уловил общее настроение. Многих позабавила перепалка с мозгом, хотя открыто чувства и не выказывали. Распухший мозг не был настолько уважаемым, каким считал себя. Чувствуя, что чаша весов склонилась в нужную сторону и настал подходящий момент, Ремонтуар подался вперед, сжав ладонями балюстраду, и резко спросил:

– Скади, ответьте нам, что происходит? Почему вы требуете его присутствия в совете именно сейчас, хотя совет многие годы прекрасно обходился без Клавэйна?

– Что вы имеете в виду под «именно сейчас»?

– Я имею в виду причину вашего требования. Что-то делается втайне от нас, я прав?

Гребень Скади полыхнул фиолетовым. Она стиснула челюсти, отступила, выгнув спину – будто загнанная в угол кошка. А Ремонтуар продолжал давить:

– Сперва мы ни с того ни с сего возобновляем строительство субсветовиков. Причем целый век мы не строили корабли по причинам столь секретным, что даже Узкому совету узнать о них не позволили. Затем явился на свет корабль – прототип нового флота, набитый под завязку машинами непонятного происхождения и назначения – опять же настолько секретными, что Высшему совету не позволено знать о них. Эскадра подобных кораблей строится в комете неподалеку отсюда, но опять же это все, что нам изволили сообщить. Уверен, Внутреннему святилищу следует дать нам дополнительные сведения.

– Ремонтуар, будь осторожен.

– Отчего же? Невинными рассуждениями я подвергаю себя смертельному риску?

Встал сочленитель с гребнем на голове, немного похожим на гребень Скади. Этого члена совета Ремонтуар хорошо знал и был уверен: он не принадлежит к святилищу.

– Ремонтуар прав. За нашей спиной происходит нечто значительное, и дело Клавэйна – лишь часть этого. Прекращение строительства субсветовиков, странные обстоятельства возвращения Галианы, новые корабли, тревожные слухи об «адском» оружии. Нынешняя война – пустяк, не более чем маскировка для всей этой активности, о чем Внутреннему святилищу прекрасно известно. Может быть, истинная картина событий слишком некрасива для того, чтобы мы, простые члены Узкого совета, смогли ее понять и принять? Если так, то мне, как и Ремонтуару, не остается ничего, кроме предположений и рассуждений. И знаете, куда эти рассуждения приводят?

Сочленитель пристально посмотрел на Скади:

– Есть еще один странный слух, касающийся так называемого «Пролога». Уверен, не нужно напоминать вам, что это название Галиана дала финальной серии своих экспериментов на Марсе – и поклялась никогда их не повторять.

Ремонтуар заметил – а может, лишь показалось, – как на гребне Скади при упоминании «Пролога» сменились оттенки.

– При чем здесь «Пролог»? – спросил Ремонтуар.

Сочленитель перевел взгляд на него:

– Не знаю в точности, но могу предположить с немалой уверенностью: Галиана не хотела повторения экспериментов. Результаты оказались невероятно полезными, но и страшными. Слишком страшными. Но когда Галиана в глубоком космосе, кто помешает Внутреннему святилищу повторить «Пролог»? И Галиане об этом сообщать вовсе не обязательно.

Слово «Пролог» Ремонтуар определенно уже слышал. Но если оно и в самом деле относилось к марсианским экспериментам... Это же четыре века назад! Потребуется весьма деликатная мнемоническая археология, чтобы пробиться сквозь слои памяти, – очень трудная работа, поскольку предмет раскопок окружает тайна.

Он решил, что проще спросить: «Что такое „Пролог“?»

– Ремонтуар, я отвечу на этот вопрос.

Звук обычного человеческого голоса, разнесшийся над тишиной зала, показался шокирующим: резким, неприятным.

Ремонтуар проследил, откуда донесся голос, – и обнаружил его хозяйку сидящей близ входа. Должно быть, Фелка явилась уже после начала заседания.

Скади впечатала в разумы собравшихся яростную мысль: «Кто ее позвал?!»

– Я, – ответил Ремонтуар добродушно и, ради Фелки, вслух. – Предположил, что вы не удосужитесь ее пригласить. А поскольку тема заседания – Клавэйн, присутствие Фелки я счел в высшей степени уместным.

– Именно так, – подтвердила Фелка.

Ремонтуар заметил движение в ее руке. Присмотрелся: Фелка принесла на заседание Узкого совета живую мышь.

– Скади, я не права? – осведомилась Фелка.

– Нет нужды разговаривать вслух. – Скади фыркнула. – Это слишком долго. Фелка способна слышать мысли не хуже любого из нас.

– Но если вы услышите мои мысли, вполне вероятно, все сойдете с ума, – улыбнулась Фелка.

От ее улыбки у Ремонтуара холодок пошел по коже. А ведь Фелка, похоже, права.

– Уж лучше не рисковать...

Фелка глянула на свою руку, где мышь гонялась за собственным хвостом.

– У вас нет права быть здесь!

– Есть, Скади. Иначе как бы прошла в зал? Меня бы не пропустила автоматика. И не будь я членом Узкого совета, едва ли могла бы знать о «Прологе».

Сочленитель, впервые упомянувший это название, заговорил вслух. Его высокий голос дрожал.

– Скади, значит, мои предположения верны?

– Не обращайтесь на нее внимания. Ей ничего не известно о программе.

– Значит, я могу разглашать что угодно? Это все равно не будет правдой? Хорошо, слушайте. Ремонтуар, «Пролог» – это эксперимент по неклассическому коррелированию сознания и квантового объекта. Думаю, вы должны помнить о том, как он проводился на Марсе. Результат далеко превзошел ожидания Галианы. Она свернула программу, испугавшись того, что обнаружила. На том дело и должно было закончиться. Но ведь не закончилось, правда?

Фелка посмотрела на Скади:

– Век назад эксперименты возобновились. Здесь. Именно сведения, полученные через «Пролог», побудили нас прекратить строительство кораблей.

– Мы получили послание через «Пролог»? – удивился Ремонтуар.

– Послание из будущего, – пояснила Фелка, словно растолковывая само собой разумеющееся.

– Вы шутите!

– Я совершенно серьезна. Кому знать, как не мне, – я принимала участие в экспериментах.

Мысли Скади разлетелись по комнате, будто холодные лезвия:

– Мы собрались, чтобы обсуждать Клавэйна, а не «Пролог»!

В лице Фелки не дрогнул ни единый мускул. Ремонтуар подумал, что она – единственная из собравшихся, кого не смогла подавить либо запугать Скади. В сознании Фелки уже жили страхи, каких Скади и не представить.

– Но ведь нельзя обсуждать одно, не затрагивая другое. Эксперименты продолжились, не правда ли? И они имеют прямое отношение к происходящему сейчас. Внутреннее святилище узнало нечто такое, к чему предпочитает нас не подпускать.

Скади заиграла желваками:

– Внутреннее святилище распознало приближающийся кризис.

– Что за кризис? – спросила Фелка.

– Наитяжелейшего рода.

Фелка кивнула понимающе, отодвинула спавшую на глаза тонкую черную прядь:

– И какова же роль Клавэйна во всем этом?

Мучительное замешательство Скади ощущалось почти физически. Мысли прибывали разрозненные, оборванные, будто, едва оформив их, она дожидалась подсказки от неслышного для остальных советчика.

– Клавэйн... может помочь... Он нужен... Кризис будет облегчен... если он поможет.

– И какой же помощи вы от него хотите? – не отставала Фелка.

На лбу Скади дернулась жилка. По гребню бежали друг за другом цветные волны, сталивались, мерцали – словно краски на стрекозиных крыльях.

– Когда-то мы потеряли нечто очень ценное. И сейчас узнали, где оно. Клавэйн поможет нам его вернуть.

– Это «ценное», случаем, не оружие? – осведомилась Фелка.

Инквизитор попрощалась с водителем, подвезшим до Зольнхофена. Пока ехала, проспала пять-шесть часов, предоставив водителю прекрасную возможность покопаться в вещах, а то и выкинуть пассажирку в глухомани. Но все осталось нетронутым, включая пистолет. Водитель даже оставил вырезку про Торна.

Убожеством и нищетой Зольнхофен вполне оправдал ожидания. По его центру Виллемье блуждала всего несколько минут. Затем обнаружила «культурный центр» поселения – унылый пятачок, окруженный двумя неописуемо жалкими ночлежками для приезжих, парой невзрачных административных зданий и разномастными кабаками. За «центром» возвышались громоздкие ангары ремонтных мастерских – причина существования Зольнхофена. Дальше к северу огромные терраформирующие машины превращали атмосферу Ресургема в газовую смесь, пригодную для человеческого дыхания. Несколько десятилетий они работали безукоризненно, но теперь, обветшав, легли тяжким бременем на неповоротливую централизованную экономику Ресургема. Городки, подобные Зольнхофену, кое-как добывали средства к существованию, обслуживая и ремонтируя терраформирующие машины. Работа эта была тяжелой и очень ответственной, требовала весьма специфических человеческих свойств – и определенной породы людей, этими свойствами обладающих.

Об этом инквизитор вспомнила, войдя в гостиницу. Ожидала, что хотя бы с утра пораньше здесь будет тихо, но, едва ступив за дверь, обнаружила пиршество в полном разгаре. Гремела музыка, вокруг дико орали и хохотали. Виллемье вспомнила буйное веселье в казармах на Окраине Неба. Несколько гуляк уже отключились, сгорбившись над кружками, словно школьники над домашним заданием. От висящей в воздухе химической вони защипало глаза. Инквизитор стиснула зубы, выругалась вполголоса. Агент номер четыре всегда выбирала самые что ни на есть отвратительные дыры. Вспомнилась первая встреча с ней, на йеллоустонской «карусели», в баре. Наверное, худшей помойки во всем космосе не найти. Оперативница четыре обладала многими талантами, но выбор приличного места для встречи в их списке не значился.

К счастью, на появление инквизитора внимания никто не обратил. Она протиснулась мимо пьяных к заменителю стойки – к пробитой в стене дыре с торчащими по краям кирпичами. Угрюмая баба выпихивала кружки с выпивкой, словно баланду в тюрьме, и хватала деньги и пустые кружки с неприличной быстротой, будто опасалась, что клиенты своруют.

– Дайте кофе, – попросила инквизитор.

– Нету кофе.

– Тогда ближайший гребаный эквивалент кофе.

– Зачем хамить-то?

– Мать вашу, говорю так, как пожелаю. В особенности если не получаю кофе. – Виллемье подалась вперед, упершись в пластиковый край стойки. – Вы дадите мне кофе, правда? Я же не полмира хочу в подарок.

– Вы что, большая шишка?

– Нет. Просто женщина, которая хочет кофе. Притом она слегка не в себе. Я по утрам жить не люблю.

На плечо легла рука. Виллемье резко повернулась, инстинктивно потянувшись за пистолетом.

– Ана, снова буянишь? – спросила подошедшая сзади женщина.

Инквизитор растерянно моргнула. С тех пор как покинула Кювье, она представляла эту сцену много раз, но все равно происходящее показалось нереальным, дешевой мелодрамой.

Триумвир Илия Вольева кивнула барменше:

– Это моя подруга. Она хочет кофе. Принеси ей.

Баба зыркнула, нехорошо сощурившись, пробурчала неразборчивое и скрылась из виду. Чуть позже явилась вновь с чашкой жижи, каковую, судя по виду, только что нацедили из коробки передач дальнобойного грузовика.

– Ана, бери, – посоветовала Вольева, – лучше здесь не найдешь.

Инквизитор протянула за чашкой чуть подрагивающую руку и прошептала:

– Не следует меня так звать.

Вольева подвела ее к столу:

– Как не следует звать?

– Ана.

– Но это же твое имя!

– Нет, это больше не мое имя. Не на этой земле. Не в это время.

Облюбованный Вольевой столик прятался в углу, за штабелем пивных ящиков. Илия смахнула рукавом мусор со стола, уткнула в него локти, уставилась на Ану, уложив подбородок на сцепленные пальцы.

– Ей-богу, не стоит беспокоиться о том, что тебя узнают. На меня тут посмотрели с полным безразличием, а ведь я, после Торна, самый разыскиваемый на планете человек.

Инквизитор, много лет назад носившая имя Ана Хоури, осторожно попробовала густую вязкую жижу, поданную под видом кофе.

– Да уж, Илия, ты умеешь сбить с толку кого угодно...

Виллемье осмотрелась, сознавая, что выглядит неестественно и подозрительно.

– Тебя можно звать Илия?

– Так я себя и называю. Но вот фамилию пока упоминать не стоит. Ни к чему лишний раз искушать судьбу.

– Конечно ни к чему. Думаю, мне следует... – Ана против воли снова оглянулась – не подслушивает ли кто тайком? Затем тихо воскликнула: – Илия, я так рада тебя видеть! Честное слово, просто рада.

– Я тоже скучала по тебе. Подумать только, наше знакомство началось чуть ли не с попыток убить друг друга. Конечно, это дело прошлое...

– Я уже и тревожиться начала. Столько лет ты на связь не выходила...

– У меня были веские причины залечь поглубже.

– Да уж...

Несколько минут обе молчали. Инквизитор, наконец осмелившаяся думать о себе как об Ане Хоури, вспомнила причины дерзкой игры, которую вели теперь обе женщины. Игру придумали сами, поражая друг друга крепостью нервов и изобретательностью. Они прекрасно дополняли друг друга. Но ради максимально эффективной реализации плана пришлось работать поодиночке.

Хоури, не в силах более терпеть, первой нарушила молчание:

– Илия, какие новости? Хорошие или скверные?

– Ты же знаешь мои привычки. Угадай с трех раз.

– М-да. Значит, скверные. Даже очень.

– Именно.

– Ингибиторы?

– Прости за предсказуемость, но дело именно в них.

– Они здесь?

– Думаю, да, – кивнула Илия и добавила шепотом: – Происходит что-то странное. Я видела своими глазами.

Голос Вольевой зазвучал еще тише – Ане пришлось напрячься, чтобы расслышать.

– Это машины. Огромные, черные. Они уже в нашей системе. Я и не заметила их прибытия. Их не было – и вдруг возникли, прямо под носом.

Ане однажды довелось заглянуть в их разум, ощутить ледяную хищную ярость, запечатленную в древних записях. Ингибиторы походили на волчью стаю, терпеливо поджидающую во тьме. Не ведающих эмоций и переживаний, их переполняла смесь голода и жажды поиска. Они подвывали друг другу сквозь молчаливую пустоту галактической ночи, собираясь огромными стаями, когда запах свежей крови пробуждал их от зимней спячки.

– Господи...

– Ана, этого следовало ожидать. Когда Силвест начал копаться в том, чего не понимал, он предопределил их приход. Незвестным оставалось лишь одно: когда и где они объявятся.

Ана слушала и дивилась тому, сколь холодно и страшно вдруг стало. Невидимое воплощение ужаса... Триумвир Вольева выглядела непритязательно – обычная женщина, слегка даже похожая на бродяжку. Коротко остриженные седые волосы, круглое лицо, выдающее далеких монголоидных предков, морщинки у глаз. Илия не очень-то походила на вестницу жуткой судьбы.

– Мне страшно...

– Есть все причины бояться. Однако постарайся не показывать свой страх местным. Пока еще рано запугивать их.

– И что мы можем сделать?

Илия посмотрела сквозь стакан на свет, шурясь, будто лишь сейчас всерьез задумалась над случившимся.

– Не знаю. Амарантийцы пытались – и не слишком преуспели.

– Мы не птицы, которые даже не умели летать.

– Угу. Мы люди, бич Галактики. Или что-то в этом роде... Ана, я не знаю, что делать. Просто не знаю. Если бы речь шла только о нас с тобой, мы бы попробовали вывести капитана из комы и удрать. Могли бы даже применить оружие – вдруг от него был бы толк.

Хоури содрогнулась:

– Если мы смажем пятки, это вряд ли поможет Ресургему.

– Конечно не поможет. Не знаю, как с твоей совестью – моя и так не слишком бела. Не хотелось бы получить свежее пятно.

– Сколько времени у нас осталось?

– Трудно сказать. Все это выглядит странно. Ведь ингибиторы, если бы захотели, уже уничтожили бы Ресургем. Даже мы способны это сделать. Поэтому, мне кажется, Ресургем их мало интересует.

– Так, может, они не убивать нас явились?

Вольева залпом допила и сказала:

– Может, и не убивать. А может, как раз для этого.

В сердце роя черных машин процессоры, сами разумом не обладающие, пришли к выводу: необходимо вывести из спячки управляющий разум.

Решение это они приняли далеко не сразу. Большинство зачисток не требовало будить то, что машины по идее должны были уничтожать. Но сейчас им досталась очень непростая задача. В архивах значилось: здесь зачистка уже проводилась, причем не далее как 0,045 галактического оборота назад. Поскольку необходимость в повторении процедуры возникла так рано, требовались экстраординарные меры.

Управляющий разум для того и предназначался, чтобы применять эти экстраординарные меры. Всякая зачистка отличалась от остальных. Потому, к сожалению, лучший способ покончить с разумной жизнью требовал участия разума. Но когда дело будет сделано, когда машины выявят первичный источник заражения и уничтожат все выпущенные им споры – на что уйдет еще пара тысячных галактического оборота, полмиллиона земных лет, – управляющий разум заглушат, его самосознание погасят до тех пор, пока оно не понадобится снова.

А оно может и не понадобиться больше никогда.

Управляющий разум никогда не задавался вопросом, почему он занимается зачистками. Он знал, что по большому счету трудится ради спасения разумной жизни. Его вовсе не волновало, что катастрофа, последствия которой необходимо предотвратить, жуткий катаклизм, который обязательно случится, если не прекратить распространение разумной жизни, лежал в далеком будущем, в тринадцати галактических оборотах.

Огромность срока – три миллиарда лет – ингибиторов не смущала. Время для них ничего не значило.

Глава седьмая

- Скади? К сожалению, у нас еще один несчастный случай.
- Какого рода?
- Результат переключения во второе состояние.
- Надолго?
- На несколько миллисекунд. Но и этого оказалось достаточно.

Двое – Скади и главный двигателю – сидели на корточках в отсеке с черными стенами, близ кормы загнанного в док «Паслена». Отсек был тесным – пришлось согнуться, прижать колени к груди. Неприятно, но после нескольких визитов в машинную часть Скади приучилась не замечать дискомфорта, относиться к нему с равнодушным буддийским спокойствием. Могла проводить дни напролет в неимоверно узких проходах – и проводила. Мудреные агрегаты прятались в многочисленных тесных закоулках. Прямое управление двигательными системами, их тонкая настройка возможны были лишь здесь. Связь с общей сетью управления предусматривалась лишь самая базовая.

- Тело еще на месте?

– Да.

- Хочу его осмотреть.

– Вообще-то, смотреть там особо не на что, – возразил мужчина, но тем не менее отключил компад и двинулся наружу бочком, крабьим манером.

Скади последовала за ним. Ползли от закоулка к закоулку, иногда еле протискиваясь мимо выдающихся в проходы частей машин. Агрегаты занимали все пространство вокруг, слегка, но ощутимо искажая пространство-время.

Никто, даже Скади, не понимал целиком и полностью, как функционируют эти машины. Были теории, в том числе неплохо проработанные и научно убедительные, но в их фундаменте зияли огромные концептуальные дыры. Познания Скади о машинах главным образом состояли из таблиц, в которых разные формы воздействия на машины соотносились с результатами этого воздействия. Понимание же физической подоплеку результата отсутствовало. Во время работы машина, как правило, переходила в одно из нескольких дискретных квазистационарных состояний, каждое из них ассоциировалось с определенными изменениями локальной метрики. Но иногда система не входила в режим квазистационарности, осциллируя между состояниями. Метрика притом изменялась весьма диким образом, и возвращение к единственному квазистационару оказывалось крайне мучительным и сложным процессом.

- Вы сказали, во второе состояние? А в каком стационаре были до того?

– В первом, как и предусматривается по инструкции. Мы исследовали нелинейную геометрию искривленного континуума.

- Причина смерти? Как и в прошлый раз, сердечный приступ?

– Нет. Во всяком случае, она явно не среди главных причин смерти. Как я уже сообщал, от тела осталось немного.

Скади и двигателю, извиваясь, пробирались вперед по узкому каналу среди агрегатов. Поле сейчас находилось в нулевом стационарном состоянии. Это состояние видимых физиологических эффектов не вызывало. Но Скади все равно не могла отделаться от чувства сугубой неправильности, от назойливой мысли о сиюминутном, постоянном искажении мира. Конечно, это иллюзия. Чтобы сейчас зарегистрировать влияние прибора на метрику, потребовались бы высокоточные пробы, измеряющие относительный уровень энергии вакуума. Но чувство неправильности никак не желало уходить.

- Мы на месте.

Скади осмотрелась. Она оказалась в довольно просторном помещении – таких было несколько в недрах машины. Тут можно встать в рост; черные вогнутые стены испещрены портами для компадов.

– Это случилось здесь?

– Да. Градиент поля в этом месте был наивысшим.

– Я не вижу тела.

– Вы просто невнимательно смотрите.

Скади проследила за взглядом двигателя. Затем подошла к стене, коснулась натянутыми в перчатку пальцами. Издали такая же глянцево-черная, как и прочие стены, эта вблизи оказалась пунцово-алой. Немалая часть поверхности была покрыта ровным четвертьдюймовым слоем влажной вязкой субстанции.

– Надеюсь, это не то, про что я подумала?

– Боюсь, именно то.

Скади провела пальцем по субстанции. Та даже при нулевой гравитации была достаточно клейкой, чтобы образовать однородный, мягкий, прочно приставший к стене слой. Местами чувствовались твердые сгустки – наверное, обломки кости либо аппаратуры, – но ничего крупнее наперстка.

– Расскажите, что случилось.

– Он очутился вблизи фокуса. Скачок ко второму квазистационару длился лишь миллисекунды, но хватило и того. Любое движение могло оказаться роковым, даже непроизвольная судорога. Возможно, он умер еще до того, как ударился о стену.

– Как быстро он двигался?

– Думаю, с легкостью мог достичь нескольких километров в секунду.

– Скорее всего, боли он не ощутил. Удар был заметным?

– По всему кораблю. Будто взорвалась небольшая бомба.

Скади приказала перчаткам очиститься. Багровая слизь стекла назад, на стену. Скади вспомнила Клавайна и позавидовала. Уж он-то, наверное, совершенно равнодушен к подобным зрелищам. За солдатскую карьеру навидался жути – и приучился не реагировать на вид изуродованной человечины. Скади же, за одним-двумя исключениями, воевала лишь дистанционно.

– Скади?

Должно быть, игра цветов на гребне выдала смятение.

– Обо мне не беспокойтесь. Лучше выясните причину неисправности и примите меры к тому, чтобы она не повторилась.

– А как с программой испытаний?

– Конечно же, она продолжается. И пожалуйста, приберитесь здесь.

Фелка плавала в закоулке своего жилища. На месте многочисленных инструментов, ранее присоединенных шнурами к талии, теперь витали хаотичным роем клетки. Когда Фелка двигалась, они тихо клацали, соударяясь. В каждой клетке сновало несколько белых мышей, они обнюхивали и царапали решетки. Фелка на мышиное беспокойство внимания не обращала. Грызунам недолго сидеть взаперти, вскоре их накормят и предоставят свободу. Разумеется, в известных пределах.

Сошурившись, она глянула в сумрак. Свет просачивался лишь из соседней комнаты, отделенной от этой изогнутой горловиной коридора из дерева цвета карамели.

Фелка нащупала присоединенную к стене ультрафиолетовую лампу, включила. Одну стену комнаты застилала пластина бутылочно-зеленого стекла. За ней находилось нечто, на первый взгляд напоминающее деревянный водопровод: переплетение труб, каналов, клапанов, насосов и вентилей. Балки и рычаги непонятного назначения соединяли части лабиринта. У

каждого канала, у каждой трубы одна стенка оставалась стеклянной, так что все перемещающееся по этому лабиринту было видно снаружи.

Фелка уже запустила туда дюжину мышей через одностороннюю дверцу, расположенную у края пластины. Мыши быстро разбежались в разные стороны и теперь находились в метрах друг от друга; каждая вынюхивала себе путь. Отсутствие гравитации ничуть не смущало мышей, они цепко хватались за дерево и могли лазать без помех в любом направлении. Грызуны посмышленей приучались плыть в невесомости, лишь изредка отталкиваясь от стенок. Но происходило это лишь через несколько часов пребывания в лабиринте, после ряда обучающих циклов.

Фелка потянулась к одной из клеток, приставила ее к дверце, убрала решетку. Радуюсь свободе, мыши юркнули в лабиринт.

Фелка наблюдала, затаив дыхание. Рано или поздно мышь доберется до дверцы, соединенной со сложной системой подпружиненных деревянных рычагов. Мышь толкнет створку, рычаги задвигаются. Иное движение передастся далеко, и метра за два от мыши сдвинется заслонка. Другая мышь, перемещавшаяся в удаленном участке лабиринта, вдруг обнаружит, что проход заблокирован. Возникшая необходимость выбирать путь перегрузит озабоченностью и тревогой крошечный умственный аппарат грызуна. Весьма вероятно, что выбор второй мыши активизирует изменения в новой части лабиринта. А Фелка, плавающая у стеклянной стены, увидит череду изменений, множество пермутаций, осуществляемых программой, генерируемой случайно бездумными, примитивными существами.

Но Фелке быстро наскучивали даже такие интересные занятия. Лабиринт – всего лишь начало. Она запустила это устройство в почти полной темноте, лишь при ультрафиолетовом свете. Мыши были модифицированные; особые гены заставляли их белки флуоресцировать в видимом диапазоне под ультрафиолетовым облучением. За стеклом мыши казались ярко-фиолетовыми пятнами. Фелка наблюдала с энтузиазмом – впрочем, быстро гаснущим.

Лабиринт был целиком и полностью ее изобретением. Сама спроектировала его, изготовила деревянные механизмы. Сама заставила мышей светиться в темноте – и это было совсем несложным в сравнении с кропотливым вытачиванием деревянных механизмов, и в особенности с их подгонкой и отладкой. И одно время казалось, усилия того стоят.

Одним из немногих явлений, еще интересовавших Фелку, было возникновение разума. На Диадеме, первой планете, посещенной после бегства с Марса на самом первом сочлительском звездолете, Клавэйн, Галиана и Фелка изучали огромный кристаллический организм – живой, но тративший годы на выражение простейших «мыслей». По его синапсам не бежали электрические сигналы, вместо них по меняющейся системе капилляров, пронизывающей древний ледник, ползали черные безмозглые черви.

Клавэйн с Галианой не дали Фелке вдоволь насладиться изучением ледника, увезли ее – и она этого не простила. С тех пор питала интерес к системам, где непредсказуемым образом возникало сложное поведение из-за взаимодействия простых частей. Программировала и запускала множество численных моделей – но так и не убедила себя, что ухватывает сущность проблемы. Если сложное поведение и возникало – а это происходило нередко, – Фелка не могла избавиться от ощущения, что, сама того не ведая, изначально встроила это поведение в модель.

Другое дело – мыши. Фелка отказалась от цифровых моделей, и эксперименты с мышами стали очередным шагом на пути развития аналоговых.

Первая построенная Фелкой аналоговая машина работала на воде. Источником вдохновения послужило описание прототипа, обнаруженное в электронных архивах Материнского Гнезда. Века назад, еще до эпохи Транспросвещения, кто-то придумал компьютер, предназначенный моделировать перемещение денег в процессе функционирования экономики. Компьютер состоял из множества стеклянных колб, клапанов, тщательно отрегулированных сочленений. По-разному окрашенные жидкости представляли разные рыночные факторы и

экономические параметры: учетные банковские ставки, инфляцию, условия торговли. Машина булькала и журчала, решая отчаянно трудные интегральные уравнения посредством элементарной прикладной гидродинамики.

Устройство очаровало Фелку. Она воспроизвела прототип, добавила несколько искусных деликатных усовершенствований. Но машина, при всей ее занятости, дала лишь туманные намеки на возникновение сложности из простоты. Слишком детерминистичной она была, слишком жестко зарегулированной, чтобы выявить нечто воистину неожиданное и удивительное.

А потом появился лабиринт с мышами – воплощенными случайностями, четвероногим хаосом. Фелка соорудила машину для использования их хаотичности, для произвольного перехода из состояния в состояние. Сложнейшая конструкция из рычагов и переключателей, из люков с крышками и сочленений постоянно менялась, непрерывно ползла сквозь фазовое пространство – головоломную, огромной размерности, линейную оболочку всех возможных конфигураций.

В этом фазовом пространстве существовали аттракторы – как планеты и звезды, прогибающие ткань пространства-времени. Приближаясь к одному из них, лабиринт зачастую выходил на подобие орбиты, осциллировал вокруг, пока внутренняя нестабильность либо внешнее воздействие не отбрасывали систему от аттрактора. Обычно для схода с орбиты достаточно было запустить в лабиринт новую мышь.

Иногда лабиринт впадал в состояние аттрактора и вознаграждал мышей более чем обычным количеством пищи. Фелку интересовало, могут ли мыши, действуя неосмысленно, не будучи способны к согласованному поведению, тем не менее привести лабиринт в окрестность аттрактора. Если бы такое произошло, оно было бы очевидным признаком возникновения сложности из простоты.

Однажды нечто подобное случилось. Но с тех пор мышьяная стая ни разу не повторила успеха. Фелка запустила больше грызунов, но они лишь застопорили лабиринт, загнали к другому аттрактору, где ничего интересного не происходило.

Интерес к лабиринту еще не совсем пропал. Оставались нюансы поведения, не понятые до конца, и это сдерживало подступающую скуку. Но ее призрак уже встал в полный рост. Фелка знала: лабиринта хватит ненадолго.

Лабиринт беспрерывно щелкал и цокал, словно готовящиеся отбить время древние часы с кукушкой. Клацали открывающиеся и закрывающиеся дверцы. Детали машины с трудом различались сквозь стекло, но светящийся поток мышей с достаточной ясностью показывал меняющуюся геометрию лабиринта.

– Фелка!

В дверном проеме появился человек. Вплыл, задержался, упершись пальцами в полированное дерево стены. Фелка различила его лицо. Сумрак подчеркивал необычность лысой головы – удлиненной, серой, яйцеобразной. Фелка всмотрелась в лицо и по совокупности признаков предположила, что это явился Ремонтуар. Но если бы в комнату вошли шесть-семь мужчин того же физиологического возраста с подобными же неестественно детскими чертами, Фелка не смогла бы узнать среди них Ремонтуара. Только то, что он недавно посетил ее, и позволило сделать определенный вывод.

– Здравствуйте, Ремонтуар.

– Можно зажечь свет? Или нам лучше поговорить в другой комнате?

– Можем и здесь. Эксперимент на ходу.

– Свет его не испортит? – осведомился Ремонтуар, взглянув на стеклянную стену.

– Нет, но я не смогу видеть мышей.

– Клавэйн подойдет с минуты на минуту, – сообщил гость.

Она охнула, завозилась с контролем освещения. В комнате замерцал бирюзовый свет, затем его источник стабилизировался.

Фелка всмотрелась в лицо Ремонтуара, изо всех сил пытаясь прочесть выражение. Хотя она многое знала об этом человеке, его лицо казалось неясным, полным двусмысленности, постоянно меняющимся. Даже простейшие эмоции удавалось распознать ценой колоссального напряжения – будто невооруженным глазом изучаешь едва заметное созвездие. Иногда случалось, что устаревшие имплантаты Фелки улавливали мимику, которая целиком ускользала от внимания других людей. Но обычно доверять своим суждениям о лицах Фелка не могла. Имея это в виду, она решила, что на лице Ремонтуара, скорее всего, отражаются тревога и озабоченность.

– А почему Клавэйн еще не здесь?

– Решил дать нам время, чтобы мы могли обсудить наедине дела совета.

– Он знает о случившемся сегодня в зале?

– Ничего не знает.

Фелка подплыла к лабиринту и сунула в дверцу еще одну мышь, надеясь избавиться от застоя в нижнем левом квадранте.

– И не будет знать, пока не решится войти в совет. А если войдет и узнает – может быть сильно разочарован.

– Я догадываюсь, почему вы не хотите, чтобы он узнал о «Прологе».

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду...

– Вы пошли наперекор желаниям Галианы. Совершив на Марсе свои открытия, она прекратила эксперимент. А вы, когда вернулись из экспедиции, оставив Галиану странствовать, охотно приняли участие в возобновленном «Прологе».

– Ремонтуар, с каких это пор вы эксперт по «Прологу»?

– А какие тут сложности? Все сведения о нем есть в открытых архивах Гнезда, – конечно, надо знать, куда заглядывать. Факт проведения эксперимента вовсе не является секретом. – Ремонтуар помолчал, рассматривая с легким интересом лабиринт. – Конечно, результат эксперимента, причина, по которой Галиана его прекратила, – это совершенно другой вопрос. В архиве нет сведений о каких-либо посланиях из будущего. И что же такого опасного в этих посланиях, почему самое их существование – тайна?

– Вы столь же любопытны, как и я в свое время.

– Само собой. Но что побудило вас пойти против желания Галианы? Любопытство? Инстинктивное стремление взбунтоваться против матери?

Фелка постаралась сдержать гнев.

– Она не была мне матерью. Я унаследовала часть ее генов, не более того. И о бунте речь не идет. Я искала применение своему разуму. А «Пролог» как раз имел целью достижение нового состояния ума.

– Так вы не знали о посланиях из будущего?

– Доходили слухи, но я им не верила. Простейший способ убедиться в их правдивости – поучаствовать в экспериментах самой. Но не я дала толчок к возобновлению «Пролога». Программу снова запустили еще до моего возвращения. Скади хотела привлечь меня. Думала, уникальность моего разума может пригодиться в этом проекте. Но я сыграла лишь незначительную роль и отошла от дел после первых же экспериментов с моим участием.

– Почему? Эксперимент оказался не тем, на что вы надеялись?

– Эксперимент оказался именно тем. Он дал потрясающие результаты. И это было страшнее всего, что мне довелось испытать в жизни.

Ремонтуар улыбнулся – но затем улыбка медленно сползла с лица.

– Что вы имеете в виду?

– Раньше я не верила в существование зла. Теперь мое неверие сильно пошатнулось.

– Зла? – переспросил он, словно не расслышав.

– Да, – тихо ответила она.

Совершенно против воли вспомнились запах и вид камеры «Пролога». Произошедшее в той стерильной белой комнате всплыло в памяти с ужасающей ясностью, будто лишь вчера пережитое.

«Пролог» был логическим завершением работы, проведенной Галианой в марсианских лабораториях. Она решила усовершенствовать человеческий мозг – конечно же, ради блага всего человечества. В качестве модели выбрала развитие обычных цифровых компьютеров, в младенчестве медленных и громоздких. Предполагалось сначала шаг за шагом увеличивать вычислительные способности и скорость обработки данных. Так инженеры прошлого заменяли рычаги и шестеренки электромеханическими переключателями, их – лампами, лампы – транзисторами, уступившими в свою очередь интегральным микросхемам. На смену тем пришли квантовые логические контуры, работающие у порога квантовой неопределенности.

Галиана вторгалась в мозг подопытных – включая себя – и устанавливала крошечные агрегаты, связывающие нервные клетки параллельно уже существующей структуре, но позволяющие гораздо быстрее проводить сигналы. Когда нормальное прохождение сигнала по синапсам блокировалось химическими препаратами либо машинами, вторичная сеть Галианы принимала работу мозга на себя. Сознание оставалось нормальным, но функционировало намного быстрее немодифицированного: в десять, пятнадцать раз.

Конечно, не обошлось и без проблем. Перегруженный мозг не мог функционировать с огромной скоростью больше нескольких секунд кряду, но в общем и целом эксперименты оказались исключительно успешными. Человек в состоянии ускоренного сознания мог наблюдать, как падает с дерева яблоко, – и написать об этом стихотворение прежде, чем яблоко коснется земли. Мог видеть сокращение маховых мускулов крыла колибри, наслаждаться причудливой красотой разбивающейся капли молока. Излишне говорить, что из людей с разогнанным сознанием выходили отличные солдаты.

Добившись ускорения, Галиана шагнула дальше. Инженеры и ученые прошлого обнаружили, что некоторые проблемы решаются гораздо легче и быстрее сетью соединенных параллельно и обменивающихся данными компьютеров. Галиана соединила усовершенствованные разумы, дала им возможность обмениваться информацией и эмоциями, даже решать совместно определенные типы задач – такие, например, как распознавание образов.

Именно на этом шаге эксперимент вышел из-под контроля. Информация бесконтрольно передавалась от разума к разуму, уже установленные машины менялись, выходя из-под власти хозяина. Это дало начало явлению, позднее названному Транспросвещением. И в конечном счете привело к первой войне с сочленителями. Коалиция за невральную чистоту уничтожила союзников Галианы, а саму ее заперла за Великой Марсианской Стеной, в тесном укрепленном конгломерате лабораторий.

Там в 2190 году Галиана и встретила плененного сочленителями Клавэйна. Там несколькими годами позже родилась Фелка. Там же Галиана начала третью стадию экспериментов. Следуя модели прогресса, достигнутого инженерами прошлого, Галиана решила использовать квантовую механику для усовершенствования разума.

В конце двадцатого и начале двадцать первого веков – по меркам Галианы, практически в эпоху механических часов и логарифмических линеек – ученые применяли квантовую механику для решения проблем, классическим компьютерам недоступных. Например, для факторизации больших целых чисел. Сколь угодно огромный классический компьютер либо даже параллельная сеть компьютеров не отыскала бы все простые делители достаточно большого числа за время, сравнимое с возрастом Вселенной. А если использовать квантовый подход, пусть и реализованный на лабораторном столе в виде громоздкого набора линз, призм, лазеров и оптических преобразователей частоты, задача решается за миллисекунды.

Теоретики ожесточенно спорили о сути происходящего, практики радовались – число и в самом деле с легкостью факторизовались! Галиана не сомневалась в простейшем объяснении эффекта, а именно: квантовые компьютеры распараллеливали задачу с бесконечным множеством собственных копий в параллельных вселенных. Концептуально это было весьма вызывающим и влекло множество страннейших выводов, но казалось единственным в полной мере убедительным объяснением. Не высосанным единственно ради этого из пальца – концепция параллельных миров уже давно существовала в квантовой механике, будучи введенной ради объяснения происходящего при квантовом измерении.

Потому Галиана попробовала усовершенствовать человеческий мозг квантовым образом. Камера «Пролога» служила для связывания уже усовершенствованного мозга с когерентной квантовой системой, с подвешенным в магнитном поле облаком атомов рубидия, претерпевавших под внешним воздействием циклы перехода от чистого состояния к тепловому равновесному и обратно. В чистом состоянии облако находилось в суперпозиции с бесконечным набором своих копий в параллельных пространствах. В этот момент и предпринималась попытка связать с облаком мозг. Сама связь с классическим объектом, мозгом, приводила облако в классическое состояние, но переход осуществлялся не мгновенно. На некоторое, вполне поддающееся регистрации время возникали квантовые корреляции между мозгом и облаком атомов. То есть мозг оказывался слабо – но вполне ощутимо – связанным со своими бесчисленными копиями в параллельных мирах.

Галиана надеялась, что в это краткое время обозначатся изменения в сознании объекта эксперимента. Однако теория не позволяла предположить, какого рода будут эти изменения.

Результат получился абсолютно неожиданным.

Галиана, подвергавшая опытам и себя, не рассказывала Фелке о своих ощущениях, но, по-видимому, они были сходными. Еще в самом начале эксперимента, когда один либо несколько подопытных лежали на кушетках в белой комнате, а головы прятались в белесых пастях нейтротралов высокого разрешения, появлялось предчувствие – будто изменение активности мозга перед эпилептическим припадком.

Затем приходило ощущение, которое невозможно в точности описать, тем более воспроизвести вне эксперимента. Упрощая до полного утрирования, можно сказать так: каждая мысль бесконечно умножалась, рождала хор бесчисленных эхо. Но эти мысли-двойники не были точными копиями оригинала. И они не устремлялись в непонятную даль, но двигались к чему-то одному, сходились – и одновременно превращались в свою противоположность. Фелка словно на миг коснулась собственной противоположности.

Затем начиналось куда более странное: отзвуки мысли набирали силу, крепили – словно видения после нескольких часов сенсорной депривации. Впереди обозначилось нечто, не поддающееся определению, но вызывающее ощущение колоссальной удаленности, недоступности.

Разум отчаянно цеплялся за знакомое, пытался облечь в понятные образы. Вот он породил образ белого коридора, уходящего в бесконечность, омытого блеклым мертвенным светом – и непонятно на чем зиждившееся ощущение взгляда в будущее. Коридор усеивали белесые язвы-двери, уводившие, должно быть, в еще более далекие времена и пространства.

Галиана не надеялась и не хотела смотреть в глубину такого коридора, но ее эксперимент сделал взгляд в будущее возможным.

Фелка чувствовала: пройти по коридору нельзя. Можно лишь стоять у его начала и слушать доносящиеся голоса.

А голоса были.

Как и образ коридора, их вылепляло сознание, пытавшееся разобраться в воспринимаемом. Не удавалось понять, из какого будущего они приплыли, как оно выглядело. Как вообще может будущее сообщаться с прошлым, не производя тем самым парадокса?

В попытках найти ответ Фелка натолкнулась на почти забытые, двухсотлетней давности работы физика Дэвида Дойча. Тот предполагал, что время – не постоянно меняющаяся величина (откуда происходит известная аналогия с рекой), но серия сложенных вместе статических картин, так что «поток» времени – не более чем субъективная иллюзия. В нарисованной Дойчем картине мира путешествия в прошлое были вполне возможными и не вызывали парадоксов. Просто «будущее» одной вселенной могло сообщаться лишь с «прошлым» другой. Откуда бы ни звучали голоса и ни приходили послания, они были не из будущего самой Галианы. Вероятно, из очень близкого к нему, но все-таки иного, недоступного.

Но вопрос о характере этого будущего представлялся совершенно несущественным по сравнению с тем, что поведали голоса.

Фелка так и не узнала, что за послание получила Галиана, но представить могла. Наверняка схожее с полученным самой Фелкой, когда она участвовала в экспериментах.

Голоса объясняли, как делать приборы, описывали новые технологии – не в подробностях, но в общих чертах. Они не учили, а скорее подталкивали в нужном направлении. Либо предупреждали, запрещали. Попадая к участникам эксперимента, сообщения превращались в едва различимые отзвуки – как при чудовищно запутанной игре в «испорченный телефон», перемешанные с множеством непостижимых фраз и образов. Было похоже на то, что канал связи с будущим малоемкий, спектрально-узкий, – и каждое послание отнимало от возможности передать что-либо еще. Но встревожило и напугало Фелку не содержание этих посланий, а встававший за ними призрак.

Она догадалась об источнике. О разуме, пославшем их.

– Мы коснулись чего-то, – сказала она Ремонтуару. – Вернее, оно коснулось нас. Проникло сквозь коридор и ощутило наши разумы – в то самое время, пока мы слушали голоса.

– И это было зло?

– Да. Самое подходящее слово для описания – «зло». Мимолетная встреча, мгновенное считывание мыслей этой сущности убило либо свело с ума большинство подопытных.

Фелка посмотрела на свое отражение в стеклянной стене:

– Но я выжила.

– Повезло.

– Не совсем. Я познала чужой разум, и потому шок получился не столь сильным. И, кажется, чужой разум познал меня. Ушел из моего рассудка, едва проникнув туда, сосредоточился на остальных.

– И что это было? Вам удалось понять?

– Удалось – на мою беду. С тех пор я живу с этим знанием, и мне тошно.

– Так что же? – не отставал Ремонтуар.

– Галиана. Ее разум.

– Из будущего?

– Не из нашего будущего. Быть может, оно отличается лишь в мелочах, но оно не наше.

– Но Галиана мертва, сомнений нет, – неловко улыбнулся Ремонтуар. – Как же ее разум мог разговаривать из будущего? Неужели жизнь и смерть – лишь мелкие различия?

– Не знаю. И мне очень интересно, как разум Галианы напитался этим злом.

– Потому вы и покинули «Пролог»?

– На моем месте вы бы сделали то же самое. – Фелка с досадой отметила, чтомышь свернула не туда, куда хотелось бы. – Вы сердитесь на меня? Вам кажется, будто я предала Галиану.

– Вне зависимости от рассказанного вами – да, – тихо подтвердил он.

– Я не виню вас за это. Но я должна была поучаствовать. Хоть раз. И я не жалею ни о чем.

– Клавэйн... – прошептал Ремонтуар. – Ему что-нибудь известно?

– Конечно же нет. Это убило бы его.

По дереву стукнули костяшки пальцев. В комнату протиснулся Клавэйн. Глянул на лабиринт:

– Обо мне сплетничают?

– Вообще-то, мы о тебе почти не говорили, – заверила Фелка.

– Какая досада!

– Выпей чаю. Он еще вполне ничего.

Клавэйн принял из ее рук колбу с чаем:

– Не хотите ли поведать о прошедшем собрании?

– Детали мы раскрыть не можем, – ответил Ремонтуар. – Одно скажу: многие хотят твоего присоединения к совету. Некоторые считают, что твоя лояльность Гнезду сомнительна и будет оставаться таковой, пока ты не войдешь в совет.

– Вот же идиоты!

Ремонтуар и Фелка переглянулись.

– Но есть и союзники, те, кто уверен: ты в достаточной мере показал свою преданность Гнезду за многие годы.

– А разве это не так?

– Но и они считают: твое место в совете, – сказала Фелка. – По их мнению, ты не сможешь больше рисковать, соваться в опасные дела.

– То есть я проигрываю и так и этак? – Клавэйн поскреб в бороде.

– Есть меньшинство, вполне согласное с твоим нежеланием входить в совет, – добавил Ремонтуар. – Кое-кто из этого меньшинства всецело одобряет твое поведение. Но остальные считают, что позволить Клавэйну и дальше заниматься войной – вернейший способ его потерять.

– Приятно знать, что меня ценят. А вы двое как думаете?

– Ты нужен Узкому совету, – тихо проговорил Ремонтуар. – Сейчас – больше, чем когда-либо.

Фелка ощутила, как между Клавэйном и Ремонтуаром передалось нечто – не сигнал от имплантата к имплантату, но сущность гораздо древнее. То, чем могут обмениваться люди, дружившие и доверявшие друг другу много лет.

Клавэйн кивнул сурово, посмотрел на Фелку.

– Тебе известно мое мнение, – сказала она. – Я знаю тебя и Ремонтуара с детства. Знаю, что ты ради меня сделал. Даже вернулся в гнездо Галианы, чтобы спасти меня, когда она сама считала это безнадежным. И во все последующие годы ты никогда от меня не отступался. Ты меня изменил, сделал человеком.

– И что теперь?

– Галианы больше нет. Осталась лишь одна нить, связывающая меня с прошлым. Я не вынесу, если она порвется.

В ремонтной верфи, на краю «карусели» Новый Копенгаген, на внешней границе йеллоустонского Ржавого Пояса, у Ксавьера Лиу снова начались неприятности с обезьянами саймири. Бригадир, сам бывший вовсе не саймири, а модифицированным орангутангом, почти без предупреждения отозвал с верфи всех обезьян. Дело было не в самом Ксавьере, поддерживавшем с профсоюзом отличные отношения. Орангутанг приказал обезьянам оставить работу в знак солидарности с колобусами, бастующими где-то за полкольца отсюда. Насколько Ксавьер понял, забастовка случилась из-за лемуров, соглашавшихся на зарплату ниже обговоренных профсоюзом и отнимавших рабочие места у высших приматов.

Над таким впору посмеяться да и забыть – кабы не помеха делу. Подобных случаев стоило ожидать, если уж решил вести бизнес в Новом Копенгагене. Тут среди ремонтников и докеров есть и маргышки, и человекообразные, и лемуры, и даже попадаются карликовые ленивцы.

Внешняя жилая зона образовывала неровный, ошестиненный конструкциями тор в пределах Ржавого Пояса, вереницы относительно целых, полуразвалившихся и вовсе изуродованных спутников, которые, несмотря ни на что, еще удерживаются на орбите Йеллоустона. В прежние, благополучные времена они поражали своим разнообразием и роскошью. Некоторые представляли собой огромные заполненные воздухом шары либо цилиндры, украшенные зеркалами и золотистыми изящными противосолнечными экранами. Другие поселения располагались на обломках комет и астероидах, притягиваемых на орбиту бригадами угонщиков. Иные небесные тела были пронизаны тоннелями, соединявшими полости-залы и жилые квартиры. Строились поселения и на поверхности, ради упрощения контактов с внешним миром. Купола живущих при низкой гравитации сообществ лепились друг к другу, словно лягушачья икра, переливаясь зеленью и синевой искусственных биоценозов. Обычно на куполах виднелись следы поспешного ремонта, шрамы и паутины трещин, закрытых быстро схватывающейся аварийной эпоксидной смесью либо пеноалмазом. Часть куполов так и не изолировали вновь, и их внутренность осталась темной и безжизненной, словно кучка пепла.

Часть обиталищ имела не слишком практичный вид: причудливые спирали, винты, похожие на игрушки из дутого стекла либо раковины наutilusов, огромные наборы сочлененных сфер и труб, напоминающие органические молекулы. Эти конструкции постоянно менялись – эдакая медленная симфония чистого архитектурного творения. Другие же веками упрямо сохраняли изначальный старомодный облик, противясь новшествам и украшениям. Были и сооружения, скрывающие истинную форму под облаком измельченной материи.

Осталось на орбите и множество мертвых руин. Из некоторых анклавов население было эвакуировано во время эпидемии, и они остались в относительной целостности. Но большинство пострадало, соударяясь с осколками разрушенных, сожженных в прежних столкновениях спутников. Часть обезлюдивших поселений уничтожили, разнесли в куски ядерными зарядами, другие потом подверглись многолетней реконструкции и снова стали жилыми. А парочку удерживали вопреки всем усилиям Феррисвилльской конвенции упрямые и агрессивные скваттеры.

Хотя «карусель» Новый Копенгаген выдержала эпидемию успешнее многих прочих обиталищ, без повреждений не обошлось. Сейчас она представляла собой медленно вращающуюся, замкнутую в тор, толстую – километровой диаметра – трубу. Со стороны труба казалась усеянной причудливыми нарывами, будто снаружи на «карусель» прилепили полосу, выдранную из промышленного города. Вблизи нарывы превращались в кораллоподобную поросль кранов, причальных башен, доков, ремонтных верфей, ангаров. Сложные сетчатые конструкции тянулись в космос, сверкая миллионами сварочных огней, рекламных вывесок, маяков. Отчаливающие и причаливающие суда даже в военное время образовали у края «карусели» плотный, хаотичный рой. Управление движением в Новом Копенгагене всегда было делом очень хлопотным.

Некогда «карусель» вращалась вдвое быстрее, и ее обитатели жили при нормальной гравитации. Тогда она была колесом с центральной ступицей, где сила тяжести практически отсутствовала. Туда и швартовались корабли. Но в разгар плавающей чумы, превратившей Блестящий Пояс в Ржавый, шальной обломок жилого спутника разнес вдребезги ступицу. «Карусель» осталась вращаться сама по себе, колесом без спиц.

Столкновение унесло многие сотни жизней. К ступице пришвартовались эвакуационные корабли, готовые увезти беженцев вниз, в Город Бездны. Точность, с которой ударил обломок, выглядела подозрительной, но последующее расследование доказало, что это было всего лишь чрезвычайно неудачное совпадение.

Однако Новый Копенгаген выжил. Будучи устройством архаичным, он работал без новейших технологий, которые смогла бы поразить чума. Для миллионов людей, обходившихся без наноустройств, жизнь продолжалась, как и раньше. К тому же в отсутствие причалов для кораблей эвакуация была проблематичной. И потому, когда миновали худшие месяцы эпидемии,

Новый Копенгаген имел почти ту же плотность населения, что и ранее. В отличие от многих прочих спутников, где большинством процессов управляли машины, обитатели Нового Копенгагена поддерживали его жизнедеятельность сами. Они скорректировали орбиту, чтобы избежать столкновений, безжалостно уничтожили очаги эпидемии в пределах «карусели». Не считая прискорбного случая с Лайлом Мерриком, вогнавшим древнюю ракету на жидкостных двигателях прямо в «карусель» и сотворившим километровый «Кратер», Новый Копенгаген после эпидемии существовал без особых проблем. А поглазеть на «Кратер Лайла» теперь толпами сбегались охочие до душещипательных зрелищ туристы.

За годы восстановительных работ власти «карусели» многократно пытались собрать деньги на ремонт ступицы. Торговцы и судовладельцы жаловались на потерю клиентов и убытки – к вращающемуся кольцу чертовски трудно швартоваться. А жители отказывались останавливать вращение, поскольку привыкли к нормальной гравитации. В конце концов, был достигнут компромисс, не слишком устраивавший обе стороны. Скорость вращения замедлили наполовину, уменьшив искусственную гравитацию до половины g . Швартовка, хотя и осталась проблематичной, намного упростилась. К тому же, как указывали жители, отчаливающему кораблю «карусель» бесплатно придавала стартовый импульс по касательной – капитанам грех жаловаться. Но тех выгода не особо впечатляла. Они указывали, что сэкономленное при старте топливо – всего лишь компенсация за потраченное на маневры при швартовке.

Но сложность швартовки неожиданно обернулась немалой выгодой в последовавшие за эпидемией беспокойные годы. «Кarusель» оказалась иммунной к пиратству, скваттеры искали логово попроще, а часть шкиперов предпочитали швартоваться к Новому Копенгагену, поскольку определенные виды ремонта лучше было делать при гравитации, а не в обычных доках без тяготения, какие предлагали другие орбитальные поселения. Перед началом войны дела пошли в гору, и с внутреннего края «карусели» высунулись зародыши будущих спид. Запланировали уже и новую ступицу.

А на внешнем краю выстроились тысячи вакуумных доков самых разных форм и размеров, способные принять все типы внутрисистемных судов. Как правило, доки уходили под поверхность «карусели», наружу глядела лишь открывающаяся задняя стена. Суда заводили в док обычно с помощью робота-буксира и там надежно швартовали мощными захватами. Все непринайтованное вылетало в космос и чаще всего безвозвратно терялось. Оттого работа в доках была непростой и требовала отсутствия страха высоты. Но раз есть работа, нашлись и желающие за нее взяться.

Доставшееся Ксавьеру Лиу транспортное средство раньше не ремонтировалось, но со многими судами такого же типа он имел дело. Обычный каботажник Ржавого Пояса – маленький полуавтоматический грузовик, предназначенный для коротких рейсов между орбитальными станциями. Корпус – пустая рама, куда подвешиваются контейнеры, словно игрушки на елку. Каботажник курсировал между цилиндром Свифт-Августин и «каруселью», управляемой «Домом исправления», работающей полулегально и без лишней рекламы фирмой, специализирующейся на возвращении жертвам пластической хирургии оригинального облика.

На борту были и пассажиры, каждый находился в своей индивидуальной каюте-контейнере.

Когда грузовик обнаружил неполадку в системе навигации, он просканировал пространство, направился к ближайшей станции, оснащенной ремонтной техникой, и сделал конкурсную заявку. Фирма Ксавьера выдала лучшее предложение, и каботажник направился к ней. Ксавьер позаботился о роботе-буксире, чтобы завести судно в док, и теперь бродил по корпусу. Адгезивные участки на подошвах и перчатках надежно крепили к холодному металлу. С пояса скафандра свисал набор инструментов разной сложности, к левому рукаву был пристегнут компад довольно новой модели. Периодически Ксавьер подсоединялся шлейфом к портам на шасси грузовика, считывал цифры и кривился, прикидывая, что к чему. Знал, что ошибка в

навигационной системе наверняка простая, но ведь нужно ее отыскать. Если отыщешь, всего-то работы – заказать нужную для замены часть на складе, и обезьяны – будь они здесь, конечно, – принесли бы требуемое за несколько минут. Однако он бродил по грузовику уже три четверти часа, а ошибки так и не нашел.

Скверно, ведь по заявке Ксавьер обещал управиться за шесть часов. Первый час уже почти истек, учитывая время швартовки. Обычно пять часов – срок более чем достаточный, но уже появилось нехорошее предчувствие: заказ из тех, за которые приходится выплачивать неустойку.

Он пролез мимо контейнера. Пробормотал под нос:

– Хотя бы ты мне, гад, подсказал что-нибудь полезное...

В наушниках раздался визгливый голосок судовой субличности:

– Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно тороплюсь продолжить полет...

– Не нашел. Заткнись, не мешай думать.

– Я повторяю: чрезвычайно тороплюсь...

– Да заткнись ты, бога ради!

Впереди на контейнере обнаружился иллюминатор. До сих пор Ксавьер специально игнорировал и груз, и пассажиров, но сейчас против воли заглянул. Внутри находилось нечто похожее на лошадь с крыльями. Правда, лошади, даже с крыльями, обычно не имеют человеческих лиц. Симпатичных, женских. Ксавьер нечаянно встретился взглядом с существом – и поспешил отвернуться.

Он сунул разъем в очередной порт, надеясь выяснить причину неполадки. Может, с навигацией как раз все в порядке, а забарахлила система диагностики неисправностей... Такое случилось однажды, с тем транспортником, что вез слякоть к гостинице «Амнезия». Глянул на циферблат в нижнем правом углу визора: осталось пять часов десять минут, включая время, нужное для общей проверки и отчаливания. Нехорошо, право слово...

– Вы нашли ошибку во мне? Я чрезвычайно...

Зато отвлекает от тревожных мыслей. Когда стараешься наперегонки со временем и техническая проблема – крепкий орешек, не так часто вспоминаешь об Антуанетте. Без нее тяжело. А если беречь рану, так еще горше. Придумала же себе подвиг... Но отговаривать он не пытался. Понимал: у нее хватает и своих сомнений.

Но сделал, что мог, ради безопасности ее судна. Договорился с другой ремонтной фирмой, где простаивал док, – второй по величине в Новом Копенгагене. Загнал туда «Буревестник». Антуанетта нервничала, не верила, что швартовы могут удержать сотню тысяч тонн инерционного веса. Но швартовы не подвели, судно не вылетело, сорвавшись, в космос, и Ксавьеровы обезьяны проверили «Буревестник» от и до.

Когда работу окончили, Ксавьер и Антуанетта в последний раз занялись любовью. Потом Антуанетта шагнула в шлюз, и через несколько минут, чуть не плача, Ксавьер увидел отлет «Буревестника». Судно отплыло от «карусели», развернулось, ушло прочь. Издали «Буревестник» казался таким маленьким, хрупким.

Затем в офис явился назойливый робот-полицейский Феррисвилльской конвенции, жуткое паукоподобное устройство, сплошь лезвия и острые края. Он рыскал несколько часов – видимо, просто хотел запугать. Но ничего не нашел, потерял интерес и убрался восвояси.

Больше ничего интересного не случилось.

Антуанетта сказала, что из зоны военных действий посылать сообщения не будет, потому Ксавьер и не тревожился. Но затем в новостях промелькнули туманные сообщения о боях вблизи Мандариновой Мечты – газового гиганта, в котором Антуанетта хотела похоронить отца. Непредвиденное осложнение и очень неприятное. Антуанетта планировала полет с тем расчетом, чтобы в той части системы отсутствовали военные. В новостях не упоминали гражданское судно, оказавшееся в зоне боев, но это еще не повод для надежды. Возможно, «Буре-

вестник» попал под огонь с обеих сторон, сгинул мгновенно – и никому, кроме Ксавьера, нет дела до его гибели. Вероятно и то, что воюющие стороны знают о судьбе гражданского судна, но держат инцидент в тайне. Ведь это из ряда вон – гражданские не забредают так далеко в спорное пространство.

День сменял день, неделя – неделю, и Ксавьер заставил себя поверить: Антуанетта мертва. Благородная смерть, следствие мужественного, но бессмысленного поступка в ходе войны. Антуанетта не позволила себе уйти в циничное безразличие, забыть долг перед отцом. Ксавьер гордился тем, что знал и любил ее, и терзался невозможностью увидеть снова.

– Я вынужден обратиться к вам снова. Вы нашли ошибку?..

Ксавьер выстучал команду на компаде, чтобы отсоединиться от субличности. Подумал: «Пусть-ка зануда поварится в собственном соку, помучается».

Он посмотрел на часы: осталось четыре часа пятьдесят пять минут. А с проблемой не удалось продвинуться ни на шаг. По сути, стало хуже. Пара возможностей, выглядевших многообещающими несколько минут назад, обернулись глухими тупиками.

– Да провались этот кусок дерьма...

На рукаве замерцал зеленым сигнал. Ксавьер уставился на него, разозленный и растерянный. Подумал: «Вот же ирония судьбы. С Антуанеттой не улетел, а фирма все равно пошла к чертям...»

Оказывается, пришло срочное сообщение из пространства за «каруселью». Сообщение поступало в реальном времени, транслируемое глобальной коммуникационной системой. Аудиопослание, без возможности ответить в реальном времени – отправитель еще слишком далеко, за пределами Ржавого Пояса. Ксавьер приказал коммуникатору озвучить сообщение, и из динамиков шлема полился голос:

– Ксавьер, надеюсь, ты получишь мое сообщение. Надеюсь, фирма еще не разорилась и ты не слишком обременен обязательствами. Потому что я загоню тебя в долги по уши.

– Антуанетта! – воскликнул он, улыбаясь глупо и счастливо.

– Сейчас тебе нужно знать только то, что я сообщу. Остальное – с глазу на глаз. Я возвращаюсь к Ржавому Поясу, но на слишком большой скорости. Мне нужен буксир, чтобы затормозить, и как можно скорее. В доке у Ласло есть парочка «Таурусов» четвертой модели? Один такой вполне справится с «Буревестником». Ласло нам еще должен за ту прошлогоднюю работенку в Даксе-Утрише.

Антуанетта сообщила координаты и вектор скорости, предупредила: в том районе активны баньши. Ксавьер проверил: да, скорость чересчур велика. И что же такое произошло? Впрочем, пустое – все выяснится потом. Но времени совсем в обрез... Она ждала до последней минуты, чтобы отправить сообщение. Теперь нужно бежать сломя голову за «Таурусом». Достичь «Буревестника» буксир должен за полдня. Если опоздает, проблема усложнится раз в десять, и понадобятся такие средства и связи, каких Ксавьер отродясь не видывал.

Любит девушка жить опасно.

Вернулся к несчастному транспорту в доке. К решению проблемы с навигационной системой не приблизился ни на шаг, но теперь ее сложность и ответственность вовсе не давила на нервы.

Ксавьер потыкал в компад, опять открыв канал для субличности. Та немедленно зажужжала в ухо – наверное, нудила и зудела все время, даже когда Ксавьер ее не слушал.

– Вы нашли неисправность? Я настоятельно рекомендую отыскать неисправность в должный срок. Несоблюдение условий ремонтного контракта повлечет за собой штраф вплоть до, но не свыше шестидесяти тысяч единиц конвенции, либо вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч, если несоблюдение повлекло...

Ксавьер торопливо отключился. Снизолла благословенная тишина...

Он проворно слез с шасси судна, спрыгнул на широкую полку у стены. Приземлился среди инструментов и мотков кабеля. Отключил сцепление с поверхностью на перчатке, оперся о стену. Осмотрелся напоследок, не оставил ли на судне ценных инструментов.

Кажется, нет.

Ксавьер откинул измазанную маслом панель на стене. Под панелью обнаружилось много крупных, ярких, игрушечного вида, изрядно засаленных кнопок и рычагов. Одни управляли освещением и подачей электричества, другие – давлением, температурой. Не обращая внимания на остальные, Ксавьер взялся за приметный ярко-алый рычаг управления швартовыми.

Он посмотрел на каботажник. Ведь ей-богу, собрался сделать большую глупость. Возможно, час работы – и обнаружилась бы неисправность. Тогда грузовик мирно отправился бы восвояси, и сползание фирмы к банкротству прекратилось бы. Ну, по крайней мере, на пару недель.

С другой стороны, он мог бы провозиться все пять часов и не выявить неисправность. Тогда все равно будет штраф, в размере вплоть до, но не свыше ста двадцати тысяч. Каботажник так любезно проинформировал о санкциях, будто знание верхнего предела неким чудесным образом уменьшит неприятные последствия штрафа. И нивелирует тот факт, что времени на спасение Антуанетты останется на пять часов меньше.

В общем, выбирать не приходится.

Ксавьер потянул алый рычаг. Тот принял новое положение, старомодно щелкнул, фиксируясь. Тут же по всему доку замигали оранжевые фонари. В динамиках зазвучал сигнал тревоги, советуя держаться подальше от движущегося металла.

Зажимы отскочили, на мгновение каботажник завис, словно по волшебству. Затем центробежная сила взяла свое, и с величественной неспешностью судно выдвинулось из дока, вылетело плавно и элегантно – словно оброненный в пропасть канделябр. Полюбоваться дальнейшим продвижением каботажника не удалось – вращение «карусели» быстро скрыло его из виду. Можно, конечно, прождать оборот и посмотреть, но есть дела куда важнее.

Ксавьер знал: поспешное отплытие не причинило повреждений каботажному судну. Очень скоро оно найдет другую ремонтную фирму. А через несколько часов без проблем продолжит путь к «Дому исправления», повезет бедняг-пассажиров, чьи телесные модификации уже вышли из моды.

Конечно, иски могут посыпаться со всех сторон: и от пассажиров, если те прознают о случившемся, и от станции, где они сели на судно, и от картеля, владеющего транспортом, и, возможно, даже от самого «Дома исправления» – за создание ситуации, опасной для клиентов.

Да пошли они все куда подальше. Главное, Антуанетта прислала весточку. Теперь важно только это.

Глава восьмая

Клавэйн смотрел на звезды.

Он находился на поверхности кометного обломка, приютившего Материнское Гнездо. То ли висел вниз головой, то ли стоял в нормальном положении – решить трудно. Сила тяжести, рождаемая пустотелым остатком кометы, ничтожна. Вокруг, насколько хватает взгляда, ни человека, ни следов человеческого присутствия. Мимолетный наблюдатель увидит лишь одинокого космонавта, брошенного на поверхности кометы без убежища и припасов. Снаружи – никаких признаков огромного обитаемого устройства в кометном ядре.

Комета медленно вращалась, из-за горизонта периодически всплывал бледный огонек Эпсилона Эридана. Казалось, эта звезда ярче всех прочих на небе – но она всего лишь звезда, а не солнце этой системы. Клавэйн будто ощущал холод огромного пространства между ней и кометой. Сотня астрономических единиц. По сути, мелочь в сравнении с межзвездными расстояниями – но от осознания подобных масштабов бросало в дрожь. Клавэйн так и не избавился от благоговейного ужаса перед привычной многим колоссальностью космоса.

Внимание привлекла далекая вспышка, едва заметная искорка в плоскости эклиптики. Отсюда, с кометы, – на ширину ладони от Эпсилона Эридана. И опять резкая, колючая искра, почти на пределе видимости.

Нет, это не обман зрения. Новая искра, чуть поодаль от первых двух. Клавэйн приказал визору шлема отфильтровать звездный свет, чтобы глаза могли приспособиться к слабым сигналам. Визор заслонил Эпсилон Эридана точно подобранным черным пятном.

Сейчас уже не ошибешься, определяя природу вспышек. Это битва, происходящая в десятке световых часов отсюда. Участвующие корабли распределены в объеме нескольких световых минут, они стреляют друг в друга из тяжелых релятивистских орудий. Если бы Ксавьер находился в Материнском Гнезде, он бы соединился с общей базой тактических данных и выяснил, какие войска патрулируют тот сектор пространства. Но вряд ли узнал бы намного больше того, что видит сейчас собственными глазами.

Вспышки – это большей частью взрывы, в которых гибнут корабли. Иногда – инициирующие импульсы демархистских рейлганов, огромных, в тысячу километров длиной линейных ускорителей. Их накачивали энергией последовательно детонирующие кобальтовые бомбы. Они разносили ускорители на атомы, но перед тем разгоняли глыбу стабилизированного металлического водорода величиной в дом до скорости в семьдесят процентов световой. Глыба неслась, едва опережая волну обломков, созданных взрывами.

У сочленителей было оружие сравнимой эффективности, причем энергию для разгона снаряда качали из флуктуаций вакуума. Их пушки можно было перезаряжать, они прицеливались быстрее и мощных вспышек не производили.

Конечно, спектроскопический анализ вспышек однозначно указал бы на их происхождение. Но скорее всего, это главным образом результаты прямых попаданий в демархистские крейсера.

Там, вдали, умирали враги – в ярчайших вспышках, во взрывах столь быстрых и мощных, что никто не ощущал боли, не успевал узнать пришедшую смерть. Но безболезненная кончина – утешение слабое. В принявшей бой эскадре много кораблей. Уцелевшие видят гибель друзей и соратников. Ежесекундно они задают себе вопрос, кто же будет следующим. Они не узнают, когда к ним направится роковой снаряд, не узнают, когда он попадет.

Конечно, война всегда страшна, и Клавэйн знал об этом лучше многих. Но наблюдателю с кометы Гнезда битва кажется праздником, фейерверком в далеком городе. Война восхищает сияющей красотой – блеском лат Азенкура, пожарами Герники, ядерным пламенем Нагасаки,

инверсионным следом над плато Фарсида, а вот теперь и далекими вспышками релятивистского оружия в бархатно-черном небе двадцать седьмого века, усеянном искрами звезд.

Битва медленно уходила за горизонт. Сейчас она скроется вовсе, оставив небо чистым, не омраченным людским злодейством.

Клавэйн подумал о том, что узнал об Узком совете. Должно быть, с негласного одобрения Скади Ремонтуар рассказал о роли, отведенной Клавэйну в совете. Дело не только в том, чтобы не допустить его гибели в очередной рискованной операции, но еще и в его ожидаемом участии в некоем секретном проекте. Нужно вернуть ценные объекты, попавшие в чужие руки за пределами системы Эпсилон Эридана.

Какие именно объекты, Ремонтуар не сказал. Лишь упомянул, что они, потерянные в прошлом, сейчас принципиально важны для выживания Материнского Гнезда. Чтобы узнать больше – а узнать больше необходимо, если Клавэйн хочет быть по-настоящему полезным Гнезду, – нужно присоединиться к Узкому совету. Ошеломительная простота.

Теперь, обдумывая все заново в одиночестве, на поверхности кометы, Клавэйн пришел к выводу: да, факты говорят сами за себя. И все сомнения насчет участия в работе совета – на порядки меньше истины, встающей за фактами.

Тем не менее он не мог поверить Скади целиком. Она знала гораздо больше – и будет знать больше, несмотря даже на вступление Клавэйна в совет. Конечно, оказавшись в совете, ты на шаг ближе к Внутреннему святилищу – но все же остаешься вне его. И кто скажет, не существуют ли более глубокие уровни секретности, кроме святилища?

Место битвы снова появилось в поле зрения, выплыло из-за горизонта. Клавэйн заметил, что вспышки происходят гораздо реже. Бой заканчивался. Почти наверняка демархисты понесли куда более тяжелые потери, чем сочленители. Те вообще могли обойтись без потерь. Враги расползались по базам, пытаясь не вступить в новый бой по пути. Скоро о битве расскажут в новостях, демархисты попытаются перекроить факты так, чтобы увидеть хоть толику оптимизма в сокрушительном поражении. Такое случалось уже тысячи раз. Похожие битвы еще разыграются, но их будет не много. Враг не имел военных успехов уже много лет и уверенно скатывался к полному поражению. Так из-за чего тревожиться о выживании Материнского Гнезда?

Увы, был лишь один способ это выяснить.

Шлюпка отыскала причал с безошибочной, машинной точностью. Клавэйн высадился на «карусели» с нормальной гравитацией и несколько минут тяжело дышал, пока тело не приспособилось к новым условиям.

Он пошел по лабиринту изгибающихся коридоров и лестниц. По пути встречал сочленителей, не обращавших на него особого внимания. Улавливал мимолетные мысли о нем: спокойное уважение, восхищение, чуточку жалости. Основная масса населения не знала о попытках Скади привлечь Клавэйна в совет.

Коридоры стали темнее, теснее. По-спартански голые стены изукрашились трубами, контрольными панелями, вентиляционными решетками, сквозь которые шел теплый воздух. Под ногами и за стенами гудели машины. Нигде по пути не встретила запертая дверь, надпись «Проход запрещен». Но любой, не знакомый с этой частью «карусели», почувствовал бы, что он забрел в район, где работает важная аппаратура; ходить тут положено лишь персоналу. Немногие зашли бы так далеко. Прочие поскорей развернулись бы и поспешили перебраться в места поуютней.

Клавэйн же упорно продвигался и достиг части кольца, не отмеченной ни на строительных чертежах, ни на официальных картах. Большинство жителей Материнского Гнезда и не догадывались о его существовании. Клавэйн приблизился к бронзово-зеленой массивной гер-

метичной двери – неохраняемой, без каких-либо надписей. Рядом, на стене – толстый металлический штурвал с тремя спицами.

Он ухватился за две спицы, потянул. Штурвал поначалу не поддался – сюда давно уже никто не приходил. Затем плавно двинулся, подчинился усилию. В конце концов закрутился с легкостью, и дверь стронулась с места, роняя капли смазки и конденсата.

Клавэйн провернул штурвал еще раз, и дверь открылась, позволяя войти.

За ней было темней, чем в коридоре до нее. Клавэйн перешагнул через полуметровый комингс, пригнувшись, чтобы не оцарапать голову. Металл колеса был обжигающе-холодным. Пришлось подышать на онемевшие пальцы.

Войдя, покрутил такое же колесо, пока дверь не вернулась на место – но на сей раз прикрыл пальцы рукавами. Он направился в темноту, и зажглись бледно-зеленые лампы, разгоняя сумрак зала, огромного, низкого и длинного, словно пороховой погреб.

Здесь был заметен изгиб кольца. Стены загибались кверху и книзу, сливаясь с полом и потолком. Вдали тянулись ряды анабиозных контейнеров.

Клавэйн знал в точности, сколько их: сто семнадцать. Из экспедиции на корабле Галианы вернулось сто семнадцать человек, и никого из них невозможно оживить. Многие члены команды подверглись столь жестокому насилию, что останки различались лишь посредством генетического анализа. Тем не менее для них выделили отдельный анабиозный контейнер.

Клавэйн брел между рядами, под ногами лязгала решетка пола. Тихо жужжали механизмы. Все криокапсулы работали в нормальном режиме – не потому, что сохранялась надежда воскресить погибших. Их сочли благоразумным держать в замороженном состоянии. Хотя в них – за исключением, конечно же, одного тела – и не заметили признаков чужеродных машин, волков, – возможно, эти машины все-таки присутствовали. Ничтожных размеров паразиты, настолько мелкие, что человеческая аппаратура не способна их зарегистрировать, могли ждать, затаившись, своего часа. Останки несложно кремировать, но тогда исчезнет возможность узнать что-либо о волках. Обитатели Материнского Гнезда были людьми чрезвычайно благоразумными.

Капсула с телом Галианы стояла отдельно от прочих, на небольшом возвышении, чуть наклонно. Изъеденная коррозией аппаратура напоминала резьбу по камню. Криокапсула казалась саркофагом могучей королевы-чародейки, любимой народом отважной воительницы, защищавшей своих людей до конца и теперь покойной, окруженной вернейшими рыцарями, советниками, фрейлинами. Еще не подойдя к капсуле вплотную, сквозь ее прозрачный верх гость увидел профиль Галианы, ее плечи, лицо. Спящая королева казалась умиротворенной, спокойно принявшей судьбу. Руки сложены на груди, подбородок приподнят, так что выделяются волевые, сильные черты благородного лица. Глаза закрыты, на лбу ни морщинки. Будто потоки темной влаги, с головы спадают длинные, подернутые сединой волосы. На коже поблескивают мириады крошечных льдинок, переливаются мягкими тонами синего, розового, зеленого. В смерти Галиана выглядела утонченно-красивой, хрупкой, удивительной – словно изваянная из глазури.

Клавэйну хотелось плакать.

Он коснулся холодной крышки, провел пальцами, оставляя четыре едва заметных следа. Столько бы сказал ей, если бы она вырвалась из страшных объятий волка, столько бы объяснил... Ее размораживали лишь единожды, сразу после возвращения. Но через годы или века ее ведь снова могут согреть!

Он снова и снова думал, что скажет, если разум Галианы хоть на миг прорвется сквозь мрак. Вспомнит ли она Клавэйна и то, как были вместе? Вспомнит ли Фелку, близкую и дорогую обоим как родная дочь?

Бессмысленно терзать себя надеждой. С Галианой больше не поговорить. Никогда.

– Я решился, – сказал он вслух, и с каждым словом изо рта вырывалось облачко пара. – Не уверен, что ты бы одобрила. Ведь ты никогда не позволяла создавать закрытые клубы вроде этого совета. Говорят, это из-за войны. Тактическая необходимость, соблюдение военной тайны. Но зародыш совета образовался еще до войны. Всегда секреты, всегда попытки скрыть важное – даже от самих себя.

Пальцы онемели от холода.

– Я решил вступить в совет, потому что назревает очень плохое. Если нужно это остановить – сделаю все возможное. Если остановить невозможно – приложу все усилия, чтобы провести Материнское Гнездо сквозь бурю. Но вне совета я не смогу ничего. Галиана, никакая победа в войне не вызывала у меня столько сомнений, как эта. Наверное, и ты бы сомневалась на моем месте. Ведь всегда с подозрением относилась к слишком простому, подозревая обман. Я-то знаю. Сам попался в твои силки.

Он вздрогнул. Почему-то стало очень холодно и закололо меж лопаток – словно подглядывает кто. Но вокруг по-прежнему ровно гудели механизмы, огоньки капсул не изменились.

Клавэйн понял вдруг, что совсем не хочет здесь задерживаться.

– Галиана, – проговорил он поспешно и виновато, – я должен это сделать. Будь что будет, но я приму предложение Скади. Надеюсь, ты поймешь.

– Клавэйн, она поняла бы.

Он резко обернулся и тут же, узнав голос, понял: бояться нечего.

– Фелка! Как ты меня нашла?

– Догадалась. Всегда думала, что ты напоследок захочешь посоветоваться с ней.

Как же тихо Фелка вошла. Он присмотрелся – да ведь дверь открыта. И почувствовал холод от сквозняка.

– Я и сам не понимаю, зачем пришел сюда. Она ведь мертва.

– Она – твоя совесть.

– Потому я и любил ее.

– Мы все любили ее. И потому она кажется нам живой, все еще ведущей нас. – Фелка подошла вплотную. – Нет ничего зазорного в том, чтобы приходить сюда. Я не стану считать тебя слабее или меньше уважать.

– Я уже понял, как мне следует поступить.

Она вежливо кивнула, будто он всего лишь сказал, который час.

– Пойдем отсюда. Здесь слишком холодно для живых. Галиана не обидится.

Клавэйн двинулся следом за Фелкой к двери. Перешагнув комингс, взялся за колесо, закрывая тяжкую герметичную дверь, оставляя память и призраки прошлого в холоде и покое – там, где им и должно быть.

Клавэйна ввели в зал совета. Он ступил за порог, и сразу утих постоянный мысленный шум, будто порывом ветра унесло отголоски тысяч разумов Материнского Гнезда. Подобное умственное безмолвие было очень неприятным для большинства сочленителей, но даже если бы Клавэйн не вернулся только что из места упокоения Галианы, где царила такая же тишина, он едва ли ощутил бы нечто большее, чем мимолетное неудобство. Слишком много времени он провел на дальних окраинах владений сочленителей, чтобы беспокоиться об отсутствии чужих мыслей в голове.

Конечно, здесь одиночество не было полным. Он слышал разумы членов совета, хотя их обычные мыслительные блоки позволяли уловить лишь наиболее поверхностные, простые мысли. Сам же зал был неприметным: большая сфера с ярусами кресел, почти достигающими вершины купола. Пол гладкий, серый, блестящий, в центре – единственное кресло, жесткое, простое, сделанное зацело с полом, словно выдавленное из него.

– Клавэйн! – воззвала Скади.

Она стояла на краю далеко выступающего из стены балкона.

– Я слушаю.

– Садитесь в кресло!

Он ступил на блестящий пол, отзывавшийся отчетливым стуком на каждый шаг. Ощущение – будто ты в зале суда, идешь слушать собственный приговор.

Клавэйн сел в кресло – как и ожидалось, жесткое, неудобное. Закинул ногу на ногу, поскреб в бороде:

– Скади, давайте поскорей с этим покончим. Я готов.

– Клавэйн, всему свое время. Понимаете ли вы, что с новым знанием приходит и ответственность за сохранение его в тайне? Что секреты, доступные Высшему совету, не должны попасть в руки врага? И передача их другим сочленителям недопустима?

– Скади, я представляю, во что ввязываюсь.

– Клавэйн, мы просто хотим удостовериться. Едва ли вы можете нас упрекнуть в этом.

Ремонтуар встал:

– Скади, он же сказал, что готов. Этого достаточно.

Женщина посмотрела на него с равнодушием, показавшимся Клавэйну куда страшнее открытого гнева.

– Ремонтуар, благодарю вас за пояснение.

– Он прав, – вмешался Клавэйн. – Я полностью готов.

– Тогда будьте готовы и к тому, что сейчас в ваш мозг поступят ранее запретные для вас сведения.

Клавэйн против воли стиснул подлокотники кресла, хотя и понимал, сколь нелепо это инстинктивное движение. Похоже он ощущал себя четыреста лет назад, когда Галиана впервые продемонстрировала ему Транспросвещение. Произошло это в Гнезде на Марсе; раненному в мозг Клавэйну внедрили нейроимплантаты. Поначалу Галиана лишь издала показала общность разумов – но за миг до того он будто стоял на берегу и видел приближение цунами, считая секунды до чудовищного удара стихии. И хотя сейчас навряд ли можно было опасаться изменений в разуме, ожидание было пыткой. Ведь он получит доступ к знаниям столь удивительным и опасным, что ради них создали иерархию в прежде однородном сообществе, разделяющем мысли всех его членов, в коллективном разуме равных.

Клавэйн ждал, но ничего так и не происходило.

– Данные переданы, – объявила Скади.

Клавэйн расслабился:

– Но я не ощущаю перемен!

– Данные переданы.

Клавэйн посмотрел вокруг. Ничего не изменилось, восприятие осталось прежним. Заглянул в память, – кажется, все лежащее на поверхности присутствовало и минуту назад...

– Но я не...

– Перед тем как вы приняли решение и пришли сюда, мы позволили вам узнать, почему считаем вашу помощь необходимой. Нам нужно вернуть утраченные ценности. Клавэйн, вы это помните?

– Но что за ценности, вы мне не сказали. Я и сейчас про них не знаю.

– Потому что не задаете себе нужных вопросов.

– И какие это вопросы?

– Клавэйн, спросите себя об «адском» оружии. Уверена, ответы покажутся вам очень интересными.

– Да я не знаю ничего об оружии...

Пробормотал – и смолк. Ведь теперь знал в точности, о чем идет речь.

Эти новые сведения помогли вспомнить: за свою жизнь среди сочленителей он много раз слышал о новом жутком оружии, спрятанном в каком-то тайнике. Даже заклятые враги шептались об оружии последнего боя, столь разрушительном, что даже испытать его толком не удалось. И в сражениях это оружие не применяли. Оно было очень старым, его создали на заре истории сочленителей. Слухи разнились в деталях, но сходились в одном: единиц оружия произведено сорок, и среди них нет двух похожих друг на друга.

Клавэйн всерьез эти слухи никогда не принимал, считая их отголосками давней военной пропаганды, фальшивки, изготовленной одним из отделов контрразведки Гнезда. О реальности такого оружия и помыслить было трудно. Не было ни единого официального подтверждения его существования за всю историю общества сочленителей. И Галиана никогда не упоминала ни о чем подобном. А если оружие по-настоящему старое, еще с марсианских дней, Галиана не могла не знать о его существовании.

Но ведь это оружие существует!

Клавэйн с энтузиазмом, но без удовольствия покопался в новых знаниях. Он всегда подозревал о секретах Материнского Гнезда, но и вообразить не мог, что столь масштабную тайну скрывают столько времени. Словно обнаружил потайную комнату в доме, где прожил всю жизнь. Обидно и горько. Ему не доверяли.

Древние слухи не солгали про сорок единиц. Каждая пушка – уникал, концепт, использующий глубокие и до сих пор не исследованные полностью физические явления чудовищно разрушительного действия. Галиана знала об оружии. Именно она в разгар войны с сочленителями, ввиду нависшей угрозы, приказала создать его. В то время враги побеждали лишь за счет численного превосходства, но не технического. С новыми пушками Галиана могла легко склонить чашу весов в свою пользу – но в последний момент отказалась применить их. Посчитала, что лучше погибнуть, чем совершить геноцид.

Но судьба благоволила сочленителям. Народ Галианы оказался на самой грани – но вычеркнуть его из истории враги не смогли.

После войны оружие спрятали в другой звездной системе, в астероиде-крепости. В памяти плыли смутные образы: укрытые бункеры, свирепые роботы-сторожа, опаснейшие ловушки, мины. Несомненно, Галиана боялась нового оружия не меньше, чем врагов, и хотя не пожелала его немедленно разобрать, сделала все от нее зависящее, чтобы исключить возможность необдуманного использования. Чертежи и технические характеристики пушек были стерты из архивов, чтобы предотвратить попытки создания новых единиц. С той поры таких попыток и не предпринималось. Если бы вдруг оружие потребовалось снова, в случае угрозы самому существованию сочленителей можно было бы слетать за ним, готовым к применению. Правда, путь был неблизок – световые годы. Достаточно, чтобы охладить горячие головы. Сорок «адских» пушек могли быть использованы лишь в результате холодного, спокойного, взвешенного решения.

Но оружие украли. Непрístupный астероид взяли штурмом, и к тому времени, когда пришла группа для расследования, похитителей и след простыл. Вору мастерски обошли защиту и сумели в ходе штурма не разбудить оружие. А «спящие» пушки не разрушить дистанционно, не отследить и не обезвредить.

Клавэйн узнал: попыток выяснить, куда делось оружие, было много, но все завершились неудачно. Во-первых, само его существование держали в тайне, а уж о похищении знало лишь несколько старших сочленителей. И десятилетиями напролет они мучились неопределенностью, боялись. Ведь пушки способны разбивать целые миры, будто хрупкое стекло. Одна надежда на то, что воры не представляют себе всех возможностей добычи.

Десятилетия превратились в века. В занятом людьми пространстве случалось много бедствий и катастроф – но ни единого признака пробуждения оружия. Немногие осведомленные

сочленители мало-помалу успокоились. Может, пушки попросту забыты в глубинах космоса либо брошены в пылающие недра звезды.

Но оно внезапно нашлось.

Незадолго до возвращения Клавэйна из экспедиции признаки применения оружия были замечены в окрестности Дельты Павлина, подобной Солнцу звезды в пятнадцати световых годах от Материнского Гнезда. Нейтринный сигнал был несильным. Возможно, предыдущие сигналы оказались ниже порога чувствительности детекторов. Но недавно принятые сигналы уже позволили с уверенностью определить: активировано несколько пушек.

Система Дельта Павлина находится в стороне от торговых путей. Единственная обитаемая планета в ней, Ресургем, была заселена участниками археологической экспедиции с Йеллоустона, руководимой Дэном Силвестом, сыном кибернетика Кэлвина Силвеста, наследником одного из богатейших семейств демархистского общества. Экспедиция раскапывала останки птицеобразных разумных существ, обитавших на планете миллион лет назад. Колония постепенно разорвала официальные связи с Йеллоустоном, а чехарда во власти заменила первоначальные научные задачи не слишком внятной политикой терраформирования и заселения планеты. Возникали заговоры, и случались перевороты, но вряд ли оружием завладели поселенцы Ресургема. Изучение списков кораблей, покидавших Йеллоустон, показало: субсветовик «Ностальгия по бесконечности» прибыл в систему Дельта Павлина приблизительно в то же время, каким датируется пробуждение оружия. Сведений о корабле и команде отыскалось не много. В иммиграционных архивах Ржавого Пояса значилось: непосредственно перед отбытием корабля женщина по имени Илия Вольева искала человека для пополнения экипажа. Имя могло быть фальшивым – в суматошное время после эпидемии корабли и люди называли себя как угодно. Хотя лишь горстка сообщений с Ресургема достигла Ржавого Пояса, в одном, обрывистом и паническом, упоминалась Илия Вольева, которая терроризировала колонию и добивалась выдачи ее прежнего правителя. По непонятной причине Вольева и ее товарищи хотели видеть Дэна Силвеста на борту своего корабля.

Конечно, это не значило, что Вольева причастна к похищению – но, как справедливо заметила Скади, подозрения насчет этой ультра более чем весомы. В ее распоряжении был субсветовик достаточных размеров для размещения всех сорока пушек. Она угрожала колонии насилием; она прибыла в систему Дельта Павлина одновременно с пробуждением оружия. Непонятно, что Вольева хотела сделать с пушками, но ее причастность практически не вызывает сомнений.

Похоже, Скади права. Все аргументы за то, что похитительница – именно Вольева.

Гребень Скади пульсировал бирюзовым и бронзовым. Клавэйн обнаружил у себя новые сведения: видеофрагменты с Вольевой, обычные фотографии. Он ожидал чего угодно: злодея, уродства. А на снимках и кадрах оказалась совершенно обычная женщина: короткая стрижка, упрямое выражение на круглом лице. Если бы перед Клавэйном выставили галерею портретов возможных похитителей, Вольеву он бы заподозрил в последнюю очередь.

Скади улыбнулась. Догадалась, что Клавэйн заинтригован.

– Теперь вы понимаете, почему нам необходима ваша помощь. Местонахождение и состояние тридцати девяти оставшихся единиц...

– Постойте, тридцати девяти? Речь же шла о сорока!

– Разве я не упоминала об уничтожении одной пушки?

– Увы, не упоминали.

– Должна сказать, уверенности нет, очень уж велико расстояние. Оружие нестабильно, оно может пробуждаться и деактивироваться снова. Но сигнатуры одной из пушек не отмечались с две тысячи пятьсот шестьдесят пятого года по локальному времени Ресургема. Полагаю, это означает уничтожение орудия или, по крайней мере, его повреждение. Шесть из оставшихся тридцати девяти пушек отделены от основной группы. От них еще поступают сигналы –

но с другого края системы, от нейтронной звезды. Прочие тридцать три находятся в одной астрономической единице от Дельты Павлина, в коллинеарной точке либрации между звездой и Ресургемом. Скорее всего, эти тридцать три – в трюме субсветовика триумвира Вольевой.

– Подождите! – Клавэйн поднял руку. – Значит, вы зарегистрировали эти сигналы еще в две тысячи пятьсот шестьдесят пятом году?

– По местному времени Ресургема.

– Тем не менее это значит, что здесь вы зарегистрировали сигналы приблизительно в две тысячи пятьсот восьмидесятом году. Тридцать три года назад. Скади, какого же черта вы не отреагировали раньше?

– Клавэйн, мы воевали. И едва ли могли предпринять сложную, трудоемкую, дорогостоящую операцию по возврату оружия.

– А теперь можем?

Скади выразила снисходительное согласие едва заметным кивком.

– Теперь чаша весов определенно склоняется на нашу сторону. Наконец-то мы способны выделить необходимые ресурсы. Но не стоит недооценивать врага. Задача не из легких. Следует вернуть пушки, похищенные из крепости, в которую мы сами пробились бы сейчас с огромным трудом. У Вольевой есть и собственное оружие, помимо украденного у нас. Свидетельства ее преступлений на Ресургеме указывают: она без колебаний применяет силу. Но мы должны вернуть украденное, сколько бы времени и ценных ресурсов это ни потребовало.

– Ценных ресурсов? Вы имеете в виду жизни?

– Клавэйн, вы отлично представляете цену войны и победы и можете принять ее без колебаний. Потому мы и предложили вам руководить операцией по возвращению оружия. Если сомневаетесь в собственной пригодности, загляните еще раз в вашу память.

И тотчас в разум Клавэйна вломились куски прошлого, эпизоды былых битв. Это напоминало кадры военных фильмов, старых, плоских, монохромных. Такие он смотрел в самом начале своей карьеры в Союзе за чистоту разума, пытаясь отыскать – как правило, напрасно – тактические приемы, применимые против нынешнего врага. Но «кино» от Скади прокручивалось рывками, на огромной скорости, и главным героем был сам Клавэйн. Исторически точный фильм, эдакий военный парад. Вот операция по спасению заложников фракции Гильгамеш – Изиды. Тогда Клавэйн потерял руку от серного ожога, рана заживала год. Вот Клавэйн и женщина-сочленитель крадут мозг ученого-демархиста у фракции изменников-миксмастеров вблизи Глаза Марко. Партнершу Клавэйна модифицировали, с тем чтобы она могла поддерживать жизнь украденного мозга в своем чреве, а Клавэйну пришлось сделать ей кесарево сечение – не для того, чтобы вынуть плод, а для того, чтобы вложить похищенный орган. Тело ученого оставили преследователям, и те сочли похищенного мертвым. А сочленители вырастили клон и пересадили ему трофейный мозг.

Вот Клавэйн возвращает сочленительский двигатель, украденный отщепенцами-угонщиками, засевшими в одном из внешних модулей аграрного комплекса-улья Пухляк. Вот защищает мир жонглеров от алчных ультранавтов, пожелавших брать плату за доступ к изменяющему разуму океану.

Битв, операций и рейдов было много. Очень много. Клавэйн всегда выживал – и почти всегда побеждал. Наверное, в какой-нибудь параллельной Вселенной он бы погиб давным-давно. Может, не менее искусен был бы в военном деле, но просто отвернулась бы удача. Цепь успехов экстраполяции не поддается. Сколь бы длинной ни была их черед, она не гарантирует новых побед.

Однако сейчас, хоть успех и не гарантирован, вероятность достичь его у Клавэйна больше, чем у любого другого члена совета.

Он невесело улыбнулся:

– Похоже, вы знаете меня лучше, чем я сам.

– Клавэйн, я уверена: вы поможете. Иначе и не старалась бы привлечь вас, не прилагала бы столько усилий. Я ведь права, да? Вы поможете?

Клавэйн осмотрел зал совета. Какой удручающий зверинец! Дряхлые, сморщенные человеческие останки, непристойно обнаженные мозги тех, кто уже почти растворился в общем разуме. И все эти без пяти минут призраки напряженно ждут ответа, даже едва различимые за стеклом мозги замедлили пульсацию. Конечно, Скади права. Клавэйн никому бы не доверил подобную работу. Даже сейчас, на склоне карьеры и жизни. Но время... почти два десятилетия, чтобы достичь Ресургема. Столько же – назад. Но что такое сорок лет по сравнению с четырьмя веками? К тому же большая часть этого времени придется на анабиозный сон.

Сорок лет. И еще пять лет на подготовку, и с год на саму операцию... Вместе – почти полстолетия. Он посмотрел на Скади. Заметил: цвета на ее гребне прекратили переливаться. Знал, что глубинные слои его разума она просканировать не в силах. Непрозрачность его разума одновременно интриговала и бесила Скади. Но общий ход мыслей она, скорее всего, улавливала прекрасно.

– Я согласен. Но на определенных условиях.

– Каких же?

– Я сам набираю команду. Если попрошу Ремонтуара и Фелку отправиться со мной и они согласятся – совет не будет возражать.

Скади задумалась, затем кивнула с грациозностью куклы из театра теней.

– Разумеется. Сорок лет отсутствия – долгий срок. Это все?

– Я не выйду против Вольевой, если не получу максимального тактического преимущества, превосходства в силах. Так я действую всегда – достигаю полного превосходства на моем участке фронта. Значит, одним кораблем не обойтись. Самое малое два, а лучше три. Возьму и больше, если Материнское Гнездо успеет их собрать. Мне нет дела до запрета на производство субсветовиков. Мне нужны они, оснащенные самым тяжелым и мощным оружием. Одного корабля мало. Учítывая, сколько времени требует их строительство, начинать его нужно прямо сейчас. Нельзя просто ткнуть пальцем в астероид, сказать волшебное слово и через неделю получить готовый субсветовик.

Скади коснулась пальцем нижней губы, прикрыла глаза, и Клавэйну показалось, что идет оживленный и непростой спор с кем-то далеким. Ресницы и веки Скади вздрагивали, словно у мучимой лихорадкой сомнамбулы.

– Клавэйн, вы правы. Нам необходимы корабли – новые, с модификациями, уже опробованными на «Паслене». Но не тревожьтесь, они уже заложены. Фактически монтаж близится к завершению.

– Новые корабли? Где же они?

– Неподалеку отсюда.

– Прекрасно. Ведь делу не повредит, если я их осмотрю? Очень хотелось бы это сделать до того, как уже поздно будет что-либо менять.

– Клавэйн...

– Здесь торг неуместен. Если я берусь за работу, мне нужно хорошенько изучить орудия труда.

Глава девятая

Инквизитор отстегнулась от кресла, встала, очертила прямоугольник в матовой стене шаттла, принадлежащего триумвиру. Прямоугольник послушно сделался прозрачным, и впервые за пятнадцать лет Ана смогла посмотреть на Ресургею из космоса.

Даже за такое ничтожное по планетным масштабам время изменилось многое. Раньше облака были всего лишь зыбкими перышками пара, плывущими на большой высоте, а теперь клубились ватные плотные тучи, закручивались в причудливые спиральные узоры. Неосмысленное художественное творчество Кориолисовой силы. Блестели под солнцем эмалево-голубые зеркальца озер и миниатюры морей. Там и тут – скопления четко очерченных зеленых, золотистых фигур, пронизанных серебристо-голубыми ирригационными каналами, достаточно глубокими для судоходства. Видны серые царапины шоссе и скоростной железной дороги. Города и поселки – расплывчатые пятна застройки в перекрестьях улиц, отдельные сооружения различаются с трудом даже при увеличении, какое сумело выдать окно. У центров старых поселений, сравнимых по возрасту с Кьюе, проглядывают остатки старых жилых куполов либо их фундаментов. В стратосфере – яркие движущиеся бусины транспортных дирижаблей, изредка – крохотная искорка правительственного самолета, спешащего по делам. Но с такой высоты человеческая активность на планете практически незаметна. Глядишь на шар внизу и будто видишь под микроскопом оболочку диковинного вируса.

Инквизитору после многих лет жизни под придуманной личиной казалось странным и непривычным прежнее имя, Ана Хоури. Новая судьба въелась крепко. Хотя Ана не испытывала привязанности к Ресургею, глядя сверху, не могла не отметить: теперь планета не кажется лишь временным пристанищем. Теперь это дом для множества людей. Большинство из них и не знало другого, родившись здесь. Попадают, конечно, люди скверные, но ведь и столько хороших, добрых. Их нельзя винить за грехи нынешнего правительства и за несправедливости прошлых лет. Как бы то ни было, люди имеют право спокойно прожить свой век и умереть на планете, которую зовут своей родиной. Умереть естественной смертью.

К сожалению, как раз этой возможности судьба могла им и не дать.

Шаттл был крохотный, проворный, шел на автопилоте. Триумвир Илия Вольева дремала в соседнем кресле, опустив на глаза капюшон неимоверно засаленной мешковатой серой куртки. Автопилот умел уклоняться от радаров, которыми правительство прочесывало пространство вокруг Ресургема. Тем не менее полеты лучше было предпринимать в самых исключительных случаях. Даже если и не поймают, одно лишь подозрение о регулярных визитах из космоса произведет катастрофический эффект. Головы покатаются во многих ведомствах, пострадают и высокие чины, и мелкие. Волна паранойи не минует инквизицию, и положение Аны станет чрезвычайно опасным. Несомненно, прошлое и настоящее всякого высокопоставленного лица подвергнется тщательнейшей проверке. И тогда, несмотря на все предосторожности, может раскрыться истинное лицо инквизитора Виллемье.

Скрытность отлета с планеты требовала медленного набора скорости, но, когда вышли за атмосферу и предельную досягаемость радаров, двигатели шаттла развили ускорение в три g. Пассажиров вдавило в кресла. Хоури потянуло в сон, и она с легкой досадой поняла: в салон накачивается замаскированный приятной отдушкой снотворный газ.

Спала она крепко, без снов. А пробудилась все с тем же ощущением легкой досады.

И вдалеке от Ресургема.

– Надолго ты меня отключила? – спросила она у равнодушно курящей Вольевой.

– Почти на сутки. Надеюсь, ты запаслась надежным алиби. Оно очень пригодится по возвращении.

– Я сообщила, что отправляюсь в глухомань на встречу с глубоко законспирированным агентом. Не беспокойся: я уже давным-давно обеспечила себе такое алиби.

Шаттл двигался по инерции. Ана расстегнула зажимы кресла, зашарила рукой, пытаясь почесать ягодицу.

– Там, куда направляемся, есть шанс принять душ?

– Трудно сказать. Зависит от того, куда именно направляемся.

– У меня жуткое подозрение, что в месте нашего назначения я уже побывала.

Илиа раздавила окурок, включила передний обзор – нос корабля стал прозрачным. Шаттл находился в глубоком космосе, еще в плоскости эклиптики, как минимум в нескольких световых минутах от каких-либо небесных тел, – но звезды впереди заслоняло обширное темное пятно.

– Вот она, наша старая добрая «Ностальгия по бесконечности». Практически не изменилась, пока ты отсутствовала.

– Спасибо. А еще что-нибудь ободряющее можешь сообщить?

– Когда проверяла в последний раз, душевые не работали.

– А когда ты проверяла в последний раз?

Илиа цокнула языком и скомандовала:

– Пристегивайся, будем стыковаться.

Шаттл понесся к темной бесформенной массе субсветовика. Инквизитор вспомнила, как впервые подлетала к «Ностальгии по бесконечности». Тогда она попала на борт, не подозревая, что ее ждет. Ану Хоури просто обманули. А корабль снаружи выглядел вполне нормальным, как и полагается выглядеть умеренно старому крупному торговому субсветовику. Тогда не было ни загадочных выростов, ни башенок, ни острых, на кинжалы похожих зубьев – лишь местами изношенная обшивка, кое-где с выступами и нишами механизмов: датчиков, антенн, шлюзов и портов. Ничто во внешности корабля не будило подозрений, не выдавало ненормальности. Тогда поверхность не покрывали акры чешуйчатой структуры, похожей на ящеричью кожу, и пласты засохшей, растрескавшейся грязи. Ничто не предсказывало биомеханического буйства, пожравшего все под обшивкой и вырвавшегося в конце концов наружу.

Теперь «Ностальгия по бесконечности» вовсе не походила на то, к чему применимо слово «корабль». Если уж уподоблять ее чему-либо, то ближайшая ассоциация – свихнувшийся дворец из волшебной сказки, некогда чудесное собрание шпилей, башен и обелисков, изуродованное гнуснейшим колдовством. Хотя основные элементы конструкции субсветовика еще различались: главный корпус, два далеко выступающих пилона с двигателями, каждый с ангар для большегрузных дирижаблей. Но эти черты почти скрыла неистовая поросль, чудовищная опухоль. Нынешний вид корабля был результатом нескольких противоборствующих тенденций, отчасти умиряемых системами ремонта и перепланировки. Как будто над кораблем потрудился безумный гений, давший полную волю своему дерзкому, дикому мастерству, восхищавшему и ужасавшему одновременно. Среди поросли вились спирали, словно раковины аммонитов, слоистые, ветвистые, сплетающиеся в узлы образования с текстурой как у древесины, зубцы, перемиčky, сети, леса тончайших игл, нарывоподобные массы слипшихся, сросшихся кристаллов. Местами одни и те же конструкции повторялись во все меньших размерах, образуя фракталы, вплоть до не различимых невооруженным глазом. Причуды структур и текстур распространялись по всей размерной шкале, от километров до нанометров. Если долго вглядываться, то в изувеченной оболочке корабля появятся гротескно искаженные лица. Если смотреть и дальше, увидишь карикатуру на собственное лицо.

– М-да, – заключила Ана Хоури, – пока меня не было, эта гребаная хреновина уж точно не исправилась.

Вольева ухмыльнулась под капюшоном.

– Вот теперь я точно слышу не инквизитора, а старую подружку Ану.

- Да неужто?.. Жаль, что по возвращении приходится видеть этот смердящий кошмар.
- Это еще цветочки, – весело заявила Вольева. – Вот внутри – там самые ягодки.

Чтобы подобраться к шлюзу ангара, шаттл протиснулся сквозь дыру со сморщенными краями, похожую на глазницу трупа. Но сам ангар внутри порадовал прямоугольностью, и причальная механика, лишенная наносистем, осталась на месте, она распознавалась и даже работала. В ангаре содержалась целая эскадра для внутрисистемных перевозок, от тупоносых вакуумных буксиров до вместительных шаттлов.

Причалили. В этой части корабля не было искусственной гравитации, поэтому пришлось цепляться за поручни. Ана охотно пропустила Вольеву вперед. Обе женщины несли фонари и аварийные кислородные маски. Свою Ане захотелось надеть немедленно. Воздух на корабле был застоялым, сырым, теплым, полным гниlostной вони – будто вдыхаешь желудочные газы.

Ана прикрыла нос рукавом, стараясь совладать с тошнотой.

– Илия...

– Привыкнешь, это безвредно, – сообщила та, копаясь в кармане. – Сигарету?

– Ты когда-нибудь слышала, чтобы я согласилась взять эту мерзкую едкую дрянь?

– Все когда-нибудь случается впервые.

Хоури подождала, пока Илия зажжет для нее сигарету, взяла, осторожно затянулась. Гадость, но существенно лучше корабельного воздуха.

– Конечно, привычка дурная, – заметила Вольева, улыбаясь. – Но дурные времена требуют таких же привычек. Полегчало?

Хоури кивнула, впрочем без особой уверенности.

На стенах кишкоподобных коридоров блестела корабельная слизь и выросты кристаллов обманчиво правильной формы. Хоури брезгливо отряхнула комбинезон затянутой в перчатку рукой. Иногда прежнее обличье корабля узнавалось: вентиляционная шахта, дверь в переборке, панель управления. Но обычно и эти знакомые элементы выглядели полурасплавленными, вдавленными в стену, сюрреалистично искаженными. Прежде твердые поверхности стали фрактальным мхом, с торчащими бесформенными, размытыми выступами. Свет фонарей странно преломлялся на разноцветной слизи, образуя тошнотворные узоры. В воздухе плыли амебоподобные сгустки, иногда по течению воздуха, а иногда, казалось, и против.

Сквозь скрежещущие люки женщины прошли во вращающуюся часть корабля. Хоури обрадовалась, войдя в отсек с искусственным тяготением, но радость была кратковременной. Теперь слизи было куда стекать. Она капала с потолка и стекала по стенам, обрушивалась водопадиками, скапливалась на полу, прежде чем уйти в канализационное отверстие. От слизи росли сталактиты и сталагмиты – желтые, ядовито-зеленые клыки от пола и потолка. Хоури изо всех сил старалась не касаться этих смердящих изваяний, но задача была не из легких. А Вольева не страдала подобной брезгливостью. Пара минут, и ее куртка оказалась в пятнах и кляксах разнообразных корабельных выделений.

– Расслабься, – посоветовала Вольева, заметив сконфуженность товарки. – Все безопасно. Ничто на корабле нам не повредит. Кстати, э-э... ты удалила свои стрелковые имплантаты?

– Тебе бы следовало помнить. Ты же их и вынимала.

– Ну, убедиться лишний раз не вредно.

– Тебе просто нравится издеваться.

– Используя доступные развлечения. Это помогает, особенно в период острого экзистенциального кризиса...

Вольева швырнула окурок в темноту и вынула новую сигарету.

Дальше шли в тишине. Наконец очутились у шахты главного лифта, пронизывающего весь корабль вдоль, словно лифт небоскреба. Конечно, когда субсветовик не ускорился, вблизи

его оси продвигаться было несложно. Но от носа до кормы – четыре километра, потому имело смысл использовать лифт в полной мере. К большому удивлению Хоури, кабину ждать не пришлось. Ана ступила за Вольевой внутрь не без опаски, но кабина оказалась вполне нормальной и разогналась плавно.

– Значит, лифты еще работают? – спросила Ана.

– Это же важнейшие корабельные системы. Не забывай, у меня есть средства сдерживать эпидемию. Они небезупречные, но я, по крайней мере, могу не подпускать вирус к тому, что хочу видеть в относительной целостности и сохранности. Да и сам капитан иногда соглашается помочь. Кажется, трансформации корабля происходят не совсем без его участия.

Наконец-то Вольева упомянула капитана. До сих пор Ана цеплялась за обрывки надежды. Может, ужас, случившийся с Бреннигеном, – просто дурной сон, кошмар, перепутавшийся в памяти с реальностью? Но это не сон. Капитан остался жив, он даже живее прежнего.

– Как насчет двигателей?

– Насколько я знаю, они вполне исправны. Но контролирует их капитан.

– Ты с ним разговариваешь?

– Кажется, слово «разговаривать» здесь не совсем уместно. Я с ним общаюсь... Хотя и это слово можно употреблять с большой натяжкой.

Кабину повело – она перемещалась от шахты к шахте. Их стволы были большей частью прозрачными, но за стенами проносились либо заполненные техникой рабочие ярусы, либо монолит корпусного материала. Иногда за стеклом мелькали сумрачные залы, слишком обширные, чтобы разглядеть содержимое в падающем из кабины свете. В пяти огромнейших залах могли разместиться целые земные соборы. Ана вспомнила об отсеке, служившем тайным складом Вольевой при первом визите. В том помещении содержалось сорок древних чудовищ. Теперь осталось меньше, но хватит, чтобы достичь желаемого. Конечно, против ингибиторов и они могут оказаться бесполезными. Но чтобы проверить, необходимо убедить капитана.

– Вы с ним уладили разногласия? – спросила Хоури.

– Думаю, то, что он не убил нас, хотя имел такую возможность, говорит само за себя.

– И он не злится за то, что ты с ним учинила?

– А что я с ним учинила? – В голосе Вольевой впервые зазвучало раздражение. – Ана, с ним я учинила великую милость. Я попросту... в общем, закрепила положение вещей и прописала лекарство.

– Которое еще горше болезни.

Вольева пожала плечами:

– Он умирал. А я ему дала новый смысл жизни.

Хоури охнула, увидев проносящийся мимо уровень, полный слившихся уродливых конструкций.

– Если это можно назвать жизнью...

– Мой тебе совет, – Вольева придвинулась, зашептала на ухо. – Вполне возможно, он слышит наш разговор. Ты это имей в виду, поняла? Ну и молодец.

Если бы кто-нибудь другой вздумал заговорить так с Анной Хоури, через пару секунд с воплем схватился бы за вывихнутую конечность. Но с Вольевой лучше было пропускать подобное мимо ушей.

– А где он сам? На том же уровне?

– Зависит от того, что ты имеешь в виду под «он». Можно сказать, что эпицентр на прежнем месте. Но теперь разделять капитана и корабль нет особого смысла.

– Так где же он теперь? Повсюду, вокруг?

– Да. Всевидящий. Всезнающий.

– Илиа, мне это не нравится.

– Быть может, тебя утешит то, что ему это не нравится тоже.

После многих задержек, смещений и отклонений кабина привезла их наконец в рубку «Ностальгии по бесконечности». К немалому облегчению Хоури, общения с капитаном пока не предвиделось.

Рубка осталась почти такой же, какой Ана запомнила ее. Этот отсек был изуродован – к чему сама Хоури приложила руку – еще до воцарения капитана. Она даже ощутила легкую геростратову гордость, увидев проделанные ее оружием дыры. Вспомнился бунт на орбите нейтронной звезды Гадес, на краю системы Дельта Павлина.

Все тогда балансировало на краю пропасти, но Ана и Илия выжили – и Ана сочла это величайшей победой. Однако явились черные машины, и победа обернулась поражением. Скорее всего, поражение было неминуемо еще до первых выстрелов. Но все же две женщины выиграли немного времени. И теперь следовало этим временем правильно распорядиться.

Хоури села в кресло, обращенное к обзорной сфере. Со времен мятежа ее починили, и теперь она показывала Ресургом в реальном времени. В системе имелось одиннадцать крупных планет. Экран также демонстрировал их спутники, наибольшие астероиды и кометы – все потенциально важное. Отображал их координаты и векторы скорости. Наложенные на изображение бледные конусы показывали области глубинного сканирования, доступные датчикам корабля, с учетом поправки на конечность скорости света. Вольева отправила на разные орбиты несколько спутников слежения, чтобы закрыть слепые пятна субсветовика и увеличить плечо интерферометра для дальних измерений – но спутники использовала осторожно, лишь при крайней надобности.

– Готова к уроку новейшей истории? – спросила Вольева.

– Ты же знаешь, я всегда готова. Но лучше бы наша маленькая экскурсия того стоила. По возвращении в Кювье мне придется ответить на пару неприятных вопросов.

– После того, что ты сейчас увидишь, они вряд ли покажутся неприятными. И уж тем более важными.

Илия велела дисплею показать одну из лун второго по величине газового гиганта системы.

– Там разбили лагерь ингибиторы? – спросила Ана.

– Там и еще на паре планет сравнимого размера. Повсюду занимаются одним и тем же.

Вокруг спутника роились темные силуэты. Сбивались в кучи, разлетались стаями испуганных ворон. Вот в мгновение ока сели на поверхность, образовав отчетливо единую конструкцию. Воспроизведение было ускорено – часы, очевидно, спрессовались в секунды. Черные машины мгновенно трансформировались, захлестывали поверхность быстрыми волнами. Дальнейшее увеличение показало: основа структуры – черные кубы самых разных размеров. Огромные лазеры отводили сопутствующее трансформации тепло в пространство. На местности громоздились нелепых очертаний горы черных кубов, чужие машины застилали поверхность, снизив ее отражательную способность до такой степени, что лишь в инфракрасном диапазоне и можно было рассмотреть детали происходящего.

– Что они делают? – спросила Ана.

– Я тоже сначала не поняла. Смотри дальше.

Промелькнули две недели, прежде чем прояснился смысл. На экваторе выстроились на равных расстояниях друг от друга исполинские машины наподобие толстых вулканических конусов, выдававшихся в космическое пространство на процент диаметра спутника. Внезапно они извергли колоссальные пыльные фонтаны скальной породы – раскаленной, но не расплавленной. Она полетела над спутником, выходя на орбиту.

Другая группа машин, до того не заметная, уже обращавшаяся по орбите, принялась обрабатывать пыль и обломки, собирая, охлаждая и спрессовывая их. За ней образовывалось

аккуратное кольцо, тщательно упакованные гигатонны вещества. Позади миногами сновали машины поменьше, заглатывая избранные участки и подвергая дальнейшей переработке.

– Что происходит?

– Похоже, машины разбирают луну.

– Это я уже поняла. Но, кажется, способ разборки они выбрали крайне трудоемкий. Наши боеголовки, предназначенные для пробоя литосферы, справились бы в два счета.

– И притом испаряют и расшвыривают по системе половину лунной массы. Думаю, ингибиторам это как раз ни к чему. Им нужно как можно больше обработанной и упорядоченной материи. Одной луны не хватает – они разбирают целых три. Конечно, часть материи не сумеют перегнать в твердое состояние, по крайней мере без какой-нибудь монструозной алхимии, но, по моим скромным оценкам, они заполучат этак десять в двадцатой степени тонн сырого твердого материала.

– Немаленькая куча щебня.

– Да. Напрашивается вопрос: на кой черт им это надо?

– Кажется, у тебя уже есть теория на этот счет.

Илиа Вольева улыбнулась:

– Пока только предположения. Разборка луны еще продолжается, но кажется ясным, что материал они хотят использовать для постройки. И знаешь что? Я очень подозреваю, что они не облагодетельствовать нас собираются, а совсем даже наоборот.

– Полагаешь, оружие?

– Увы-увы, к старости я делаюсь предсказуемой. Да, боюсь, речь идет об оружии. Но каком – даже предположить страшно. Несомненно, если бы они хотели уничтожить Ресургом с налета, уже разнесли бы в пух и прах. Для этого аккуратно разбирать спутник не нужно.

– Видать, у них на уме кое-что другое.

– Это уж точно.

– Илиа, мы можем помешать им. И должны. У нас есть мощное оружие, почти весь клад сочленителей. Даже сейчас мы могли бы сильно осложнить им работу.

Вольева отключила дисплей.

– Пока они, кажется, не подозревают о существовании «Ностальгии». Мы попали в радиус их детектирования только вблизи Гадеса. Хочешь выдать нашу позицию, используя сочленительское оружие?

– Будь это нашим последним крупным шансом, почему бы нет... Думаю, в такой ситуации и ты не возражала бы.

– Я просто хочу сказать: если мы применим оружие, назад пути не будет. Ты это уясни крепко-накрепко.

Вольева помолчала немного, затем добавила:

– Есть еще одно немаловажное обстоятельство.

– Какое же?

– Мы управлять оружием не можем. Оно под контролем капитана. Без его помощи мы бессильны. А капитана еще нужно уговорить.

Конечно же, сами себя черные машины не называли ингибиторами. Они никогда не видели необходимости в самоназвании. Просто существовали ради задачи невероятной важности, обеспечивали самое возмозможность разумной жизни. Ингибиторы не надеялись, что их поймут, не ожидали сочувствия, поэтому любое имя либо намерение оправдать свою деятельность казалось им избыточным. Тем не менее они смутно сознавали, что им дали название после колоссальных зачисток, после истребления разумных рас, после Войны Рассвета. Название не кануло в Лету, оно передавалось со слухами, с легендами, с призывами на помощь от одной разумной расы к другой. Все они были уничтожены, стерты с лица Галактики. Ингибиторы – те, кто уничтожает обладающие сознанием расы.

Управляющий разум отметил с сожалением, что название является подходящим.

Трудно сказать, когда именно началась работа ингибиторов. Война Рассвета стала первой масштабной катастрофой в истории обитаемой Галактики, столкновением миллионов развившихся культур – первых, освоивших межзвездные перелеты, игроков дебюта разумной жизни.

По большому счету Война Рассвета произошла из-за стремления обладать единственным необходимым для всех ресурсом.

Это была война из-за металла.

Ана вернулась на Ресургом.

Само собой, пришлось отвечать на вопросы.

Ответила с максимальным равнодушием, какое смогла изобразить. Была в глухомани, встречалась с агентом, давшим чрезвычайно важные сведения. Открылся новый след, возможно ведущий прямо к триумвиру. Очень свежий и многообещающий. Чтобы доказать весомость находок, инквизитор Виллемье подняла закрытые прежде дела и распорядилась доставить давних подозреваемых в Дом инквизиции для новых допросов.

А женщине по имени Ана Хоури было тошно. Столько мерзости придется сотворить для сохранения статус-кво. Брать в оборот невинных, да так, чтобы поверили в угрозу жизни или, по крайней мере, в свободу. Подлость от начала до конца. Когда-то Ана старалась подсластить пиллюлю, запугивала и мучила лишь тех, кто подозревался в других преступлениях – таких личностей немало обнаружилось при изучении выкраденных архивов других департаментов и отделов. Это помогло на время усыпить совесть. Но теперь и такой прием казался грязным.

А ситуация ухудшалась. На самом верху появились сомнения в эффективности инквизиции. Требовалось срочно продемонстрировать успехи, жесткость, даже жестокость. В Кювье должен распространиться слух о том, на какие крайности готова пойти инквизиция. Ради прикрытия Виллемье пострадают люди.

Конечно, всегда оставалось главное утешение: эта работа во благо Ресургема и его населения. Несколько запуганных, замученных – небольшая плата за спасение целого мира.

Ана стояла у окна кабинета и смотрела на улицу. Там «клиента», прошедшего допрос, заталкивали в серую округлую коробку электромобиля. Охранники привели его, шатающегося и спотыкающегося, с мешком на голове, со связанными за спиной руками. Электромобиль, пропетляв по городу, к сумеркам достигнет жилых кварталов, и жертву сбросят в придорожную канаву в нескольких кварталах от дома.

Перед этим бедолагу развяжут, но наверняка он еще несколько минут не встанет. Будет лежать, пытаясь отдышаться, не в силах поверить, что остался на свободе. Может, его обнаружат друзья, возвращающиеся с фабрики или направляющиеся в бар. Сперва не узнают, ведь от побоев лицо распухло и говорить несчастному трудно. А когда узнают, помогут добраться домой, опасливо осматриваясь – а вдруг агенты правительства топчутся поблизости?

А возможно, человек сам кое-как встанет на ноги и, глядя из-под распухших, окровавленных век, сумеет как-то отыскать дорогу домой. Жена, перепуганная еще сильнее его, испытает такую же смесь облегчения и ужаса, какую ощутил избитый, очнувшись. Супруги обнимутся, несмотря на боль в ранах. Потом жена осмотрит их и очистит. Переломов не будет, хотя, чтобы убедиться в этом, понадобится основательное обследование в больнице. Человек подумает, что ему попросту повезло. Наверное, избивавшие агенты устали за целый день допросов.

Поздней, возможно, он приковыляет в бар – встретиться с друзьями. За выпивкой в укромном углу бедняга покажет синяки и кровоподтеки. И разнесется слух о том, что наградили ими в Доме инквизиции. Друзья спросят, как же так случилось, как он навлек подозрение в пособничестве триумвиру. А он рассмеется и ответит: инквизиция вовсе слетела с катушек. Хватает любого, кого заподозрит в создании помех расследованиям. Достаточно малейшего,

туманнейшего подозрения. Паранойя достигла такого градуса, что любое административное нарушение могут посчитать актом пособничества триумвиру.

Хоури проводила взглядом набирающий скорость электромобиль. Подумала, что уже едва помнит допрошенного. Все они, запуганные, трясущиеся мужчины и женщины, быстро становились на одно лицо – одна невнятная маска смертельного ужаса. Завтра привезут новые жертвы.

Ана посмотрела вверх, на небо цвета кровоподтека. Представила, что сейчас делается за пределами атмосферы Ресургема. Не более чем в паре световых часов отсюда огромная, неумолимая машинерия пришельцев перемалывает три планеты в тончайшую металлическую пыль. Неторопливо, обстоятельно, не обращая внимания на совершаемое людьми, в своем особенном темпе. Словно могильщики на кладбище.

Хоури вспомнила, что узнала об ингибиторах, после того как внедрилась в команду Илия Вольевой. На заре времен Галактику сотрясала война, вовлекшая многочисленные культуры и расы. В послевоенном запустении одна-единственная раса – либо конгломерат рас – пришла к решению: разумная жизнь не должна распространяться. Выжившие создали стаи черных машин, чьим назначением было ждать появления разумной жизни, освоившей межзвездные перелеты. По Галактике были рассыпаны ловушки, привлекательные необычные объекты, приманка для любопытных. Ловушки сообщали ингибиторам о появлении новой расы, а заодно и описывали, каким образом та приступила к изучению загадочного объекта; эти сведения помогали оценить мышление потенциальных жертв и выбрать способ зачистки.

Ловушки оценивали степень технологического развития и делали прогноз о том, как новая поросль будет противодействовать ингибиторам. Правда, Хоури не поняла сама и не получила ни от кого объяснений, отчего же ингибиторы всегда соизмеряли усилия по зачистке со свойствами новой культуры. Черные машины не стремились полностью уничтожить жизнь в Галактике либо в какой-либо ее области. Казалось, в безжалостной работе ингибиторов есть некий, пока недоступный смысл. Возможно, человек даже не способен найти его и постичь.

Все же черные машины были небезупречны. Они все хуже справлялись с работой. Ухудшение это обнаруживалось лишь по прошествии миллионов лет. Большинство разумных видов столько не могло прожить, и перед жертвами всегда представляла лишь безжалостно-эффективная машина смерти. Наблюдать упадок ингибиторов можно было, лишь сравнивая частные различия в истории истребления культур за очень долгое время. Финальный результат оставался прежним, но методы становились все менее действенными, и откликались черные машины на сигнал о появлении новой расы все медленней. Постепенно всплывал глубинный, до того не сказывавшийся дефект в конструкции ингибиторов. Уже появлялись культуры, сумевшие проникнуть в межзвездное пространство и далеко распространиться, прежде чем ингибиторы выслеживали и уничтожали их. Зачистки становились все грубее, больше походили на бессмысленную тотальную бойню, а не на хирургическое вмешательство.

Случай с амарантийцами, жившими на Ресургеме за миллион лет до людей, – одна из тактических неудач ингибиторов. Зачистка растянулась надолго, позволив отдельным группам амарантийцев скрыться в убежищах. Последним актом зачистки стало полное уничтожение биосферы Ресургема. Ингибиторы спровоцировали колоссальную вспышку на Дельте Павлина. Звезда вскоре вернулась к нормальному состоянию, но жизнь на Ресургеме возобновилась лишь с приходом людей.

Сделав дело, ингибиторы канули в межзвездную стужу. Прошло девятьсот девяносто тысяч лет.

Затем явились люди, привлеченные загадкой исчезнувшей расы амарантийцев. Привел людей Силвест, амбициозный отпрыск богатого семейства из Йеллоустона. Когда Вольева, Хоури и «Ностальгия по бесконечности» прибыли к Дельте Павлина, Силвест активно продвигал свой план исследования нейтронной звезды на окраине системы, убежденный, что

Гадес имеет отношение к гибели амарантийцев. Он сумел привлечь команду «Ностальгии» на свою сторону, использовал сочленительское оружие, чтобы проломиться сквозь многослойную защиту искусственного объекта величиной с Луну, обращавшегося вокруг нейтронной звезды.

Объект назвали Цербером.

Силвест оказался целиком и полностью прав насчет амарантийцев. Ради доказательства своей правоты он вошел в ловушку ингибиторов. Проникнув в недра Цербера, Силвест погиб в мощном аннигиляционном взрыве.

Но в то же время он обрел иное существование. Хоури знала об этом, поскольку встречалась и разговаривала с этим человеком после его «смерти». Насколько она смогла понять, Силвест с женой продолжили существовать как бестелесные личности в коре нейтронной звезды. Гадес оказался одним из убежищ, созданных амарантийцами, которые искали спасения от ингибиторов. Гадес был частью чего-то неизмеримо более древнего, чем амарантийцы и ингибиторы, огромным хранилищем данных и процессором. Амарантийцы лишь нашли проход в него, как позднее это удалось и Силвесту.

Помимо этого Ана почти ничего не знала о Гадесе и судьбе Силвеста. Да и не хотела знать.

В обычной человеческой жизни она встречалась с Силвестом лишь однажды. С тех пор минуло шестьдесят с лишним лет. Вольева потратила это время на осторожное внедрение своего агента в общество, боявшееся и ненавидевшее ее. А Хоури позволила себе забыть, что Силвест в определенном смысле жив, запечатленный в вычислительной матрице Гадеса. В те редкие моменты, когда она все же размышляла о Силвесте, неизменно спрашивала себя, задумался ли тот хоть на секунду о последствиях своих действий. Избавили ли его знания об ингибиторах от тщеславных мечтаний, от сомнений и высокомерия? Вряд ли. Не был он похож на человека, привыкшего задумываться о последствиях. Да и в любом случае время в матрице Гадеса течет гораздо быстрее обычного. По субъективному ощущению Силвеста, прошли уже века со времени его поспешных поступков. Для него натравливание ингибиторов на человечество может выглядеть давней детской шалостью. В нейтронной звезде ему ничто не угрожает. Уж о ком, а о нем беспокоиться точно не стоит.

Чего не скажешь об оставшихся вне матрицы. Из шестидесяти с лишним лет, прошедших с той поры, двадцать Илия и Ана провели не в анабиозе. Внедрение было делом долгим и непростым, оно требовало неусыпного внимания. И каждый день из этих двадцати лет Ана думала о неминуемом пришествии ингибиторов.

Теперь, по крайней мере, страхи обрели реальность. Черные машины явились. То, чего Хоури боялась, началось.

Однако машины не учинили быструю зачистку. Вместо этого они занялись изготовлением чего-то исполинского, потребовавшего материю трех планет. Пока еще работа ингибиторов не заметна с Ресургема, ее не видит даже система сканеров, предназначенных для обнаружения чужих кораблей. Но вряд ли блаженное неведение продлится долго. Рано или поздно люди поймут: в небе происходит нечто странное.

И тогда, скорее всего, воцарится хаос.

Но вполне возможно, к тому времени происходящее на Ресургеме уже не будет иметь никакого значения.

Глава десятая

Ксавьер увидел, как от разноцветного транспортного потока в главном входном фарватере Нового Копенгагена отделилось судно. Он опустил на глаза биноклярные очки, поискал, фокусируясь. Изображение увеличилось, стабилизировалось – вот он, медленно вращающийся контур «Буревестника», похожего на раздувшегося иглобрюха. Судно разворачивалось. Буксир «Таурус» еще висел, прицепившись к корпусу, будто паразит, торопящийся дососать жертву.

Ксавьер моргнул, требуя большего увеличения. Изображение заколыхалось, вспухло, стало четким.

– Господи, что же ты сделала с кораблем?

С любимым «Буревестником» и в самом деле произошло жуткое. Целые куски выдраны напроочь; обшивка выглядит так, будто в последний раз ее ремонтировали еще до эпидемии, а не пару месяцев назад. Интересно, куда Антуанетта залезла? Неужто за Завесу Ласкаля? А может, сцепилась всерьез с бригадой баньши?

– Ксавьер, судно не твое. Я просто плачу тебе за ремонт и осмотр. Разбить его или сохранить – это мне решать.

– Ох ты черт... – Ксавьер забыл, что канал связи до сих пор открыт. – Я не хотел...

– Ксав, с нашей птичкой еще хуже, чем можно судить по ее внешности, ты уж мне поверь.

Спасательный буксир отсоединился в последнюю минуту, выписал ненужный сложный пируэт и помчался домой, на другую сторону «карусели». Ксавьер прикинул, во сколько обойдется использование буксира. Уже не важно, кому придется оплачивать счет, ему самому или Антуанетте. Дела настолько связаны, что практически фирма одна. Это будет очень болезненный удар по кошельку. И кредит доверия почти исчерпан. Придется год вкалывать как минимум, чтобы восстановить репутацию и ресурсы.

Но ведь могло быть и хуже. Гораздо хуже. Еще три дня назад он и не надеялся снова увидеть Антуанетту. М-да, но как же быстро радость сменилась обычными тоскливыми страхами перед банкротством. И вышвыривание того грузовика ничуть не поправило финансовые дела...

Ксавьер ухмыльнулся. Черт побери, оно того стоило!

Когда Антуанетта послала запрос о заходе в док, Ксавьер облачился в скафандр, вышел на поверхность «карусели» и взял напрокат реактивный космоцикл, похожий на металлический скелет. Пронесся пятнадцать километров, оставшихся до «Буревестника», облетел вокруг, убеждаясь: да, изуродована птичка еще хуже, чем показалось сначала. Конечно, в утиль ее рано списывать, все можно отремонтировать, но денег на то уйдет немало.

Он развернулся, полетел вперед, завис перед носом. На темном корпусе выделялись два ярких узких пятна – окна рубок. Антуанетта находилась в верхней – тоненький силуэт за окном. Верхняя рубка использовалась только для швартовки, требовавшей точных маневров. Одну клавиатуру Антуанетта зажала под мышкой, свободной рукой потянулась вверх, к переключателям. Казалась она такой маленькой, беспомощной, что злость испарилась мгновенно. Ксавьер укорил себя: вместо того чтобы переживать из-за ущерба, радовался бы! Антуанетта жива, «Буревестник» ее уберег.

– Не так уж все и страшно, – сообщил он. – Повреждения поверхностные, исправим в два счета. У тебя двигатели еще тянут, сможешь пришвартоваться сама?

– Только покажи куда.

Он кивнул и заложил крутой вираж на космоцикле, уносясь прочь.

– Иди за мной!

Под ногами разрослась громада «карусели». Ксавьер вел «Буревестник» вдоль нее, тормозя, пока не уравнивал скорость с его вращением. Глухо рокоча нутром, космоцикл повис на

стационарной псевдоорбите. За спиной остался конгломерат меньших доков, ремонтных верфей, сияющих золотистым и синим, пестрящих вспышками сварки. Над головой пронесся ракетный поезд, идущий вдоль «карусели». Наконец космоцикл и седока накрыла тень «Буревестника». Ксавьер оглянулся. Грузовик, хоть и выглядел огромным неуклюжим айсбергом, шел точно и ровно.

Проскользнул сверху, снизился, пролетел над полусферической выемкой в «карусели», известной как «Кратер Лайла» – его оставила допотопная ракета на реактивной тяге. Ее владелец, закоренелый контрабандист, врезался в «карусель», пытаясь удрать от полиции. «Кратер» был единственным повреждением, которое Новый Копенгаген получил в ходе войны. Ремонт не составил бы труда, но как аттракцион для туристов пробоина давала куда больше денег, чем невредимый участок «карусели». Со всего Ржавого Пояса являлись зеваки поглазеть на место катастрофы и послушать рассказы о смерти и героизме. Ксавьер подметил очередную группку охотников до жути, выведенных на поверхность экскурсоводом. Вся компания была подстрахована шнурами, подвешенными к сети тросов у края «Кратера». Ксавьер знал лично несколько жертв столкновения, а потому искренне презирал туристов.

Док Ксавьера лежал за «Кратером». По величине он был вторым на «карусели», и все же казалось, «Буревестник» там не поместится, хоть его корпус и лишился части надстроек и многих акров обшивки.

Громада судна остановилась относительно «карусели», повернулась носом вниз. Сквозь клубы пара и газов, вырывающихся из вентиляции «карусели», и выхлопов маневровых двигателей грузовика Ксавьер увидел координатную сетку красных лазерных лучей, покрывшую «Буревестник»; лазеры считывали его координаты и скорость с точностью до ангстрема. Все еще выдавая тягу в половину g маневровым приводом, судно начало входить в док. Ксавьер застыл, борясь с желанием закрыть глаза, – зрелище было жуткое.

Грузовик перемещался теперь со скоростью не более четырех-пяти сантиметров в секунду. Ксавьер дождался, когда нос скроется из виду, а снаружи останется три четверти корабля, затем двинулся вдоль корпуса вперед. Опустился на полку у стены дока, слез с космоцикла и приказал ему вернуться на место парковки. Посмотрел, как скелетообразная конструкция умчалась в космос.

Финал швартовки был самым неприятным зрелищем, и Ксавьер все-таки закрыл глаза. Открыл, когда услышал грохот стыковочных захватов, дошедший через подошвы. За «Буревестником» закрылись ворота шлюза. Похоже, кораблю суждено задержаться здесь надолго. Стоит, пожалуй, наполнить док воздухом, чтобы обезьяны-ремонтники могли работать без скафандров. Но это решится позже.

Ксавьер удостоверился, что коридор герметично состыкован со шлюзом «Буревестника», подрегулировал контакт вручную. Затем направился к доковому шлюзу. Торопился, поэтому снял лишь перчатки и шлем. Сердце колотилось в груди, будто сорвавшийся с рамы насос.

Он специально выбрал шлюз, ближайший к летной палубе. В конце коридора мигали сигналы – заработал шлюз с другой стороны.

Антуанетта спешила навстречу.

Ксавьер уложил перчатки и шлем на пол. Побежал – поначалу медленно, но разгоняясь во всю мочь. Лепестковый люк шлюза раскрывался с невыносимой медлительностью, конденсат валил густым белым облаком. Коридор словно растянулся впереди, самое время растянулось, словно в дрянной мелодраме, где любовники все никак не подбегут друг к другу.

Наконец люк открылся. Среди пара показалась Антуанетта, в скафандре, но со шлемом под мышкой. Коротко остриженные светлые волосы растрепаны, грязны и засалены, лицо изжелта-бледное, мешки под усталыми глазами с сеточкой кровавых прожилок. Даже оттуда, где стоял Ксавьер, ощущалось: Антуанетта не мылась, должно быть, не одну неделю.

Да наплевать! Все-таки она красивая и выглядит чудесно. Он кинулся навстречу. Скафандры грохнули друг о дружку. Ксавьер ухитрился поцеловать ее.

- Рад, что ты добралась!
- А уж я как рада...
- Сделала?
- Да. У меня получилось!

Он замолчал, не желая принижать неуместными словами то, что ей удалось совершить. Понимал, как важно для нее было исполнить задуманное. Торжество успеха нельзя омрачить случайной глупостью.

- Я тобой горжусь! – выдавил он.
- Черт возьми, я сама собой горжусь!
- Наверное, без трудностей не обошлось?
- Если вкратце, то пришлось нырять в атмосферу немножко быстрее, чем предполагала.
- Зомби?
- И зомби, и пауки.
- Ничего себе, оказалась меж двух огней! Как же ты сумела отделаться от пауков?

Антуанетта вздохнула:

– Долгая история. И не совсем понятная. Я до сих пор не разобралась в том, что произошло у газового гиганта.

- Расскажешь?
- Расскажу. Но сперва поедим.
- Поедим?
- Угу. – Она ухмыльнулась, показав давно не чищенные зубы. – Ксав, я ужасно голодная.

И напиться хочу. Очень. Тебя кто-нибудь когда-нибудь перепивал? Так, чтобы ты под столом валялся?

Ксавьер Лиу напряг память:

- Хм, никто не перепивал, пожалуй. И никогда я не валялся.
- Ну, так не упуси такую возможность!

Они разделись, вымылись, занялись любовью, час лежали рядом, вымылись снова, оделись – Антуанетта натянула свой лучший, сливового оттенка жакет, – пошли в ресторан, наелись до отвала и напились вдрызг. Антуанетта наслаждалась каждой минутой. До чего же здорово снова быть чистой – по-настоящему, не кое-как соскребая с кожи грязь на борту покалеченного судна. Невыразимо приятно опять почувствовать силу тяжести, пусть искусственную и только в половину *g*. Одно лишь тревожило: назойливое, неизбежное ощущение того, что роскошь и чудеса вокруг недолговечны.

Пауки выиграют войну. Захватят всю систему, включая Ржавый Пояс. Конечно, могут и не превратить всех поголовно в членов коллективного разума. Утверждают, что это не входит в их планы. Но где гарантия, что, победив, они не поступят как заблагорассудится? Йеллоустон уже побывал под их властью. И оказалась она вовсе не сахарной. И куда деваться дочери капитана, у которой за душой только старая каботажная калоша?

Но черт подери, это же не сегодня случится! Так стоит ли портить удовольствие?

Любовники поехали на поезде, идущем вдоль «карусели». Антуанетта хотела зайти в бар под «Кратером Лайла», где пиво было замечательное. Ксавьер возразил, что в это время бар полон и лучше направиться в другое место. Она пожала плечами: будь по-твоему. И очень удивилась, когда Ксавьер повел в бар за пол-«карусели» от своего дока, в местечко под названием «Роботник», отчего-то практически пустовавшее. Синхронизировав часы с локальным временем Йеллоустона, Антуанетта поняла отчего: три часа дня, мертвое время для гуляк. Серьезные развлечения начнутся позже, когда в Городе Бездны настанет «ночь».

– Так и «Лайл» пустой, – сказала она Ксавьеру.

– Не люблю я его.

– А-а...

– Слишком много зверья. Когда весь день работаешь с обезьянами... или не работаешь, как у нас получается, – роботы-официанты кажутся куда привлекательнее.

– Резонно, – заметила она, глядя поверх меню.

Фирменная черта «Роботника»: персонал – одни роботы. На «карусели» было не много мест, за исключением ремонтных верфей, где машины исполняли хоть какую ручную работу. Да и тогда использовались древние механизмы, примитивные и помятые, дешевое выносливое железо, иммунное к эпидемии. Таких роботов еще могли делать на самой «карусели», вопреки промышленному упадку из-за войны и последствиям чумы.

Антуанетта хмурилась. Конечно, в старомодных машинах есть некий шарм, но когда хромающая недоделка четырежды роняет пиво на пути от стойки к столу, шарм отчетливо слабеет.

Потом Антуанетта спросила:

– Слушай, тебе на самом деле нравится эта дыра? Или просто бар «Лайл» нравится еще меньше?

– Знаешь, это не слишком нормально, когда место гибели стольких людей превращают в достопримечательность для туристов.

– Папа, наверное, согласился бы с тобой.

Ксавьер неразборчиво пробурчал, затем выговорил уже внятно:

– Давай выкладывай, что там было с пауками.

Антуанетта принялась отдирать этикетку с бутылки пива – как много лет назад, когда отец впервые рассказал про лучший способ похорон.

– Я толком и сама не поняла...

– Ну, так расскажи, что поняла, – посоветовал Ксавьер, стирая пену с губ.

– Я и сама не заметила, как угодила в переplet. Сперва все шло как по маслу. Я неторопливо и уверенно подходила к Мандариновой Мечте, а потом – бац! – Наглядности ради Антуанетта ткнула пальцем в картонный кружок, подкладываемый под бокал. – Впереди корабль зомби лезет в атмосферу. Я его радаром высветила и получила в ответ кучу любезностей от капитанши.

– А ракетой та не угостила в знак благодарности?

– Не-а. Или пустая шла, или не хотела демаскироваться пуском. А нырять она решила, потому что на хвосте у нее сидел корабль пауков.

– Кошмар!

– Еще бы! Потому я и кинулась в атмосферу очертя голову. Катитесь подальше, предосторожности, только бы вниз. Зверь согласился, но пострадали мы немало.

– Все лучше, чем угодить в плен к паукам. Правильно сделала. Небось дождалась внизу, пока они уберутся?

– Не совсем...

– Эх, Антуанетта!

– Послушай, похоронив отца, я не хотела задерживаться там ни на минуту. И Зверь тоже. Надо было выбираться как можно скорее. И тут у нас токамак вырубился. Напрочь.

– Веселый конец.

– Куда уж веселее. Тем более что пауки так и не убрались.

Ксавьер откинулся на спинку кресла, хлебнул как следует пива. Теперь, когда Антуанетта рядом и в безопасности, слушать про такие ужасы – одно удовольствие.

– И что же случилось потом? Перезапустила токамак?

– Да, но позже, когда мы уже выбрались в космос. Реактор продержался достаточно, чтобы разогнать корабль до Йеллоустона, но тормозить пришлось уже с буксиром.

– Так ты сумела набрать вторую космическую или хотя бы выйти на орбиту?
– Ни то ни другое. Я падала на планету. Поэтому сделала единственно возможное: попросила о помощи.

Она допила пиво, наблюдая с ухмылкой за реакцией собеседника.

– Помощи?

– Да. У пауков.

– Серьезно? Их просить – крепкие нервы нужны!

– Ну, с нервами тогда были проблемы. – Антуанетта хихикнула. – А что мне оставалось? Сидеть сложа руки и ждать путешествия на тот свет? Когда валишься в облака газового гиганта, перспектива подключиться к коллективному разуму не слишком пугает.

– Поверить не могу... и это после назойливого сна, который все никак от тебя не отцепится?

– Я пришла к выводу, что это пропаганда. Правда не может быть настолько плохой.

– Там и полстолька – хуже некуда.

– Ксав, когда смерть дышит в затылок, выбирать не приходится.

Он ткнул в ее сторону бутылкой:

– И все-таки ты здесь.

– Да, здесь, перед тобой. Рада, что заметил.

– Так что же случилось?

– Они меня спасли. – Антуанетта помолчала и затем повторила, будто убеждая себя в реальности произошедшего: – Пауки пришли на выручку. Прислали что-то вроде робота-буксира. Эта штука прилепилась к корпусу и выдернула меня из гравитационного колодца. Один рывок – и я уже тихонько дрейфую к Йеллоустону. Пришлось еще повозиться с токамаком, но времени на это уже было хоть отбавляй.

– А пауки... взяли и запросто улетели?

– Ну да! Их главный, старикашка, говорил со мной, прежде чем выслать буксир. Неласково, надо сказать. Пообещал прикончить, если снова попадусь ему. И не похоже, чтобы шутил.

– В рубашке ты родилась. Когда дело касается пауков, предупреждением отделяются нечасто.

– Я в курсе.

– А этот старик, паук-начальник, – он кто?

– Не знаю. Назвал имя – Клавэйн. А кто такой – ума не приложу.

– Да ты шутишь. Тот самый Клавэйн?!

Антуанетта перестала вертеть в пальцах картонку, посмотрела внимательно на Ксавьера:

– Что значит «тот самый»?

Ксавьер взглянул на девушку с тревогой и сочувствием, словно на заторможенное дитя.

– Знаешь, есть такая штука – история. Всякие скучные вещи, которые еще до эпидемии случились.

– Знаешь, я после эпидемии родилась. И твои скучные вещи на самом деле скучные!

Антуанетта посмотрела сквозь бутылку на свет:

– Я еще хочу. Как думаешь, есть у нас шанс получить по второй хотя бы через час?

Ксавьер щелкнул пальцами, подзывая ближайшего робота-официанта. Машина развернулась, вытянулась по стойке «смирно», шагнула к столику – и грохнулась на пол.

Вернувшись домой, Антуанетта все-таки занялась скучными вещами. К вечеру, когда похмелье сошло, оставив звенящую пустоту в голове, девушка пробралась в офис Ксавьера, включила допотопный терминал и запросила у базы данных «карусели» информацию о Клавэйне. Да, как ни крути, а старик – интересный тип. По пути домой Антуанетта о нем не вспоминала. Правда, если бы и вспомнила, не смогла бы ничего узнать – база данных на «Буревест-

нике» небогатая. А посылать с судна запрос центральной информационной системе слишком уж рискованно.

Антуанетта родилась после эпидемии и знала только сложившийся после этого бедствия мир. Потому не рассчитывала найти полезную информацию, даже если та и присутствовала когда-то в базе. После эпидемии информационную сеть восстанавливали почти с нуля, многие старые архивы испортились либо стерлись вообще.

Но, к немалому удивлению Антуанетты, о людях с именем Клавэйн нашлось немало сведений. Знаменитый Клавэйн, про которого рассказывал Ксавьер, родился на Земле еще в двадцать втором столетии, в один из последних мирных годов перед тем, как ледники спустились с полюсов и превратили планету в безжизненный мерзлый мяч. Клавэйн отправился на Марс, там он сражался с первыми сочленителями. Антуанетта перечитала на всякий случай еще раз. Да, воевал против сочленителей.

В Марсианской войне Клавэйн прославился, и не лучшим образом. Получил прозвище Фарсидский Мясник, повернув ход битвы за плато Фарсида. Он приказал использовать красную ртуть, ядерное оружие и бомбы на металлизированном водороде против пауков. Из-за Клавэйна на поверхности Марса появились многокилометровые остекленевшие кратеры. Кто-то посчитал его военным преступником. Но менее пристрастные источники утверждали, что он сохранил миллионы жизней – и пауков, и своих союзников. Долгая война на поверхности планеты стоила бы огромных жертв. Еще встречались в изобилии рассказы о героизме Клавэйна: о том, как он в безвыходной ситуации выручал военных и гражданских, о его многочисленных ранениях, оправившись от которых он неизменно возвращался на передовую. Клавэйн находился в причальной башне на равнине Христа, пауки подвергли ее бомбардировке. Он пролежал под руинами восемнадцать дней без пищи и воды, поддерживая жизнь лишь тем, что имелось в скафандре. Когда Клавэйна вытащили, обнаружили у него в руках кота с перебитым позвоночником. Клавэйн кормил и поил его своими небогатыми припасами. Кот умер через неделю. А Клавэйн через три месяца вернулся в строй.

На том его карьера не закончилась. Клавэйна захватила королева пауков, некая Галиана, создавшая сочленительскую орду. Несколько месяцев держала его в плену, пока они не заключили перемирие. А после между прежними врагами установилась странная связь. Когда неустойчивое перемирие оказалось на грани срыва, именно Клавэйн отправился к паучьей королеве улаживать дела. И тогда он, как считают, дезертировал, решив разделить судьбу сочленителей, принять в мозг их машины и сделаться элементом коллективного разума.

После того он практически выпал из наблюдаемой истории. Антуанетта бегло просмотрела оставшиеся записи. Похоже, Клавэйн анекдотичным образом появлялся то тут, то там за прошедшие четыре века. И ничего сверхъестественного. Клавэйн к моменту своего дезертирства был уже в возрасте, но с учетом анабиоза и растяжения времени в межзвездных путешествиях за эти века он мог биологически прожить всего пару-тройку десятилетий. А ведь еще есть технологии омоложения, широко распространенные перед эпидемией. Так что, возможно, это тот самый Клавэйн, а не просто тезка. Надо же, Антуанетта Бакс встретила с настоящим историческим героем! В ее жизни прежде ничего подобного не случалось.

Снаружи донеслись странные звуки – что-то падало, переворачиваясь, скрежетало и лязгало. Ксавьер громко возмущался. Антуанетта выключила терминал и вышла наружу.

И охнула.

Ксавьера придавило к стене, каблуки – в дюйме от пола. Держал его – без особой жалости и, должно быть, болезненно – манипулятор многорукого глянцево-черного полицейского робота. Машина, похожая на вязанку черных ножниц, будто вывалилась из фильма ужасов прямоком в офис, расшвыряв столы и горшки с цветами.

Антуанетта присмотрелась. Хотя все полицейские роботы на одно лицо, сомневаться не приходится: тот самый робот, что обыскивал «Буревестник».

– Мать твою! – выговорила Антуанетта.

– Мисс Бакс, – идентифицировала ее машина, отпустив Ксавьера.

Тот закашлялся, потирая красное пятно на шее. Хотел заговорить, но из глотки вырвался лишь хрип.

– Мистер Лиу препятствовал в проведении расследования, – сообщил робот.

– Я... не успел быстро убраться... с его пути, – прохрипел Ксавьер и закашлялся.

– Ксав, ты как?

– Нормально, – ответил он уже не так хрипло и взглянул на машину, занявшую большую часть кабинета; она расшвыривала вещи, копалась тут и там многочисленными конечностями. – Какого черта вам тут нужно?

– Мистер Лиу, я ищу ответы. Те, которые не получил во время моего предыдущего визита сюда.

– Этот гад являлся сюда в мое отсутствие? – спросила Антуанетта, яростно уставившись на полицейского.

– Естественно, мисс Бакс. Вы не проявили желания сотрудничать, и мне пришлось побывать здесь.

– Этот тип уже вламывался на борт «Буревестника», – сказала девушка.

– И что? – спросил Ксавьер.

Полицейский перевернул конторский шкаф, покопался без особого интереса в рассыпавшихся бумагах.

– Мисс Бакс заявила мне, что перевозит пассажира в анабиозном контейнере. Притом утверждала, что произошла административная путаница и тело возвращают в хоспис «Айджилд». Представитель хосписа рассказ подтвердил.

Антуанетта пожалала плечами, уверенная, что и на этот раз блеф прекрасно сработает.

– И что?

– Пассажир был мертв. И вы так и не прибыли в хоспис. Вскоре после нашего разговора вы развернулись и направились в открытый космос.

– И с чего бы мне так поступать?

– Мисс Бакс, именно это я и желаю выяснить.

Робот перестал копаться в бумагах и, скрипнув гидравликой сустава, отшвырнул перевернутый шкаф.

– Я спросил у мистера Лиу, но тот оказался неразговорчивым. Правда, мистер Лиу?

– Я рассказал все, что знал.

– Мистер Лиу, кажется, вами тоже стоило бы как следует заняться. Судя по архивам полиции, у вас очень интересное прошлое. Кажется, вы неплохо знали Джеймса Бакса?

– А кто его не знал? – Ксавьер пожал плечами.

– Вы на него работали. А это предполагает, как мне кажется, не просто мимолетное знакомство.

– Чисто деловые отношения. Я ремонтировал его судно. Я много ремонтирую.

– Но вы, несомненно, знали, что мы интересуемся Джеймсом Баксом. Он плохо отличал правильное от неправильного. И мало думал о таком пустяке, как закон.

– А как ему отличать правильное от неправильного? – спросил Ксавьер. – Вы же, лоботрясы, законы на ходу придумываете.

Полицейский переместился с неуловимой глазу скоростью. Метнулось, жужжа, черное. В лицо Антуанетте дохнул ветер, и Ксавьер в мгновение ока оказался придавлен к стене, и на этот раз гораздо выше. Похоже, и давил робот сильнее. Задыхаясь, Ксавьер хватался за черные манипуляторы, тщетно пытался высвободиться.

– Вам известно, мистер Лиу, что дело Меррика не закрыто?

Ксавьер ответить не смог бы, даже если бы и хотел.

– Дело Меррика? – недоуменно спросила Антуанетта.

– Лайла Меррика. Вам известно, кто он. Торговец, как и ваш отец. По ту сторону закона.

– Но Лайл Меррик умер...

Ксавьер начал синеть.

– Но дело не закрыто, поскольку слишком многое осталось невыясненным. Вам известен акт Мандельштама?

– Случайно, не очередной ваш новоиспеченный гребаный закон?

Машина выпустила Ксавьера, тот свалился как куль. Антуанетта взмолилась про себя, чтобы он оказался всего лишь без сознания.

– Мисс Бакс, ваш отец знал Лайла Меррика. А Ксавьер Лиу знал вашего отца и, с высокой степенью вероятности, Лайла Меррика. Принимая во внимание эти факты, а также вашу склонность без видимых разумных причин везти мертвые тела в зону военных действий, едва ли стоит удивляться нашему интересу к вам.

– Если ты еще раз тронешь своей поганой лапой Ксавьера...

– То что, мисс Бакс?

– Я...

– Вы ничего не сделаете. Вы бессильны. В этой комнате нет ни камер наблюдения, ни даже прослушки. Я знаю. Я проверил.

– Подонок.

Машина приблизилась:

– А теперь я подозреваю, что вы скрытно носите некий опасный прибор.

– Что?

Антуанетта прижалась спиной к стене, затаив дыхание. А робот вытянул манипулятор, погладил ей щеку – осторожно, мягко. Но Антуанетта знала, как нежное касание может превратиться в увечающий захват. Манипулятор погладил шею, переместился к груди, замер над ней.

– Сволочь!

– Возможно, вы прячете оружие либо наркотики.

Снова мелькнул жужжащий металл, снова дохнул в лицо зловонный ветер. Антуанетта попыталась отодвинуться, но куда там. Робот мгновенно сдернул жакет, ее любимый, сливовый. Разорвал в клочья. Под ним Антуанетта носила черную облегающую безрукавку с кармашками. Она забилась, сквернословя, но машина держала прочно. Потянула безрукавку, ткнула манипулятором, ощупывая:

– Мисс Бакс, мне нужно проверить.

Она подумала о пилоте робота, прячущемся в стальной канистре где-то на борту полицейского катера. Всего лишь мозг с системой жизнеобеспечения, почти ничего больше.

– Скотина, маньяк!

– Мисс Бакс, я всего лишь... провожу обыск.

За машиной лязгнуло, заклацало. Робот замер. Антуанетта, заинтригованная, затаила дыхание. Может, пилот оповестил коллег о грядущей забаве и те явились поглазеть?

Робот отступил, медленно развернулся. За ним стояла оранжево-бурая стена. Похоже, спасти шефа явилось не меньше дюжины приматов – шесть-семь орангутангов и столько же модифицированных горных горилл. Все они умели перемещаться на задних лапах, а в передних держать импровизированное, а иногда и не импровизированное оружие.

Среброспинный главарь сжимал в лапе огромный гаечный ключ. Он заговорил таким низким и мощным голосом, что Антуанетта ощутила его скорее нутром, чем ушами.

– Отпусти ее!

Полицейский задумался, прикидывая. Скорее всего, он мог бы справиться со всеми гиперприматами. Робот имел и тазеры, и клеевыбрасыватели, и прочие средства усмирения. Но суеты вышло бы много, а объяснять пришлось бы еще больше. И повредить его приматы могут,

и времени на борьбу с ними потребуются немало. Не стоит связываться – за всеми видами приматов стоят мощные лобби и профсоюзы. Куда сложнее объяснить чиновникам Феррисвилльской конвенции смерть орангутанга или гориллы, чем человека, в особенности на «карусели» Новый Копенгаген.

Робот отступил, втянув большую часть конечностей. Приматы расступились не сразу, и Антуанетта успела испугаться. Но кровопролития не произошло: спасители всего лишь захотели показать, кто здесь главный.

В конце концов они дали дорогу полицейскому, и тот юркнул наружу.

Антуанетта вздохнула с облегчением. Хотела поблагодарить приматов, но сперва бросилась к Ксавьеру. Упала на колени рядом, коснулась шеи, проверяя пульс. Ощутила кожей горячее дыхание.

– Порядок? – пророкотало над ухом.

Она глянула в суровое лицо. Горилла напоминала вытесанную из угля скульптуру.

– Да, похоже. А как вы узнали?

В ответ загудело подземно, мощно:

– Ксавьер нажать кнопку – мы прийти.

– Спасибо!

Самец выпрямился, огромный, словно башня.

– Мы любить Ксавьера. Он обращаться с нами хорошо.

Позже Антуанетта осмотрела останки жакета. Его подарил отец на семнадцатилетие. Жакет всегда был маловат, напоминал камзол матадора, но все равно оставался любимейшей одеждой. И вот теперь – лохмотья, не подлежащие восстановлению.

Когда приматы удалились, а Ксавьер встал на ноги, перепуганный до полусмерти, но почти невредимый, пара занялась уборкой. Провозились несколько часов, сортируя рассыпанные бумаги. Ксавьер всегда был мелочно аккуратным в бухгалтерских делах. Говорил, пусть фирма и катится к банкротству, но будь он проклят, если даст охотникам до чужих денег лишний козырь против себя.

К полуночи навели порядок. Но Антуанетта не сомневалась: дела с полицейским далеко не закончились. Мерзавец явится снова и на этот раз будет уверен, что приматов нет поблизости. Даже если и не докопается, зачем понадобилось лететь в зону военных действий, у властей отыщутся сотни способов выдавить Ксавьера и Антуанетту из бизнеса. Пилот робота – Антуанетте приходилось все время напоминать себе, что за железом стоит человек, – уже мог попросту арестовать «Буревестник». Вместо этого решил поиграть, запугивая. Развлечься, превращая чужую жизнь в лохмотья.

Может, стоило бы расспросить Ксавьера, отчего полицейская жестянка так интересуется приятелями отца, а в особенности Лайлом Мерриком. Но Антуанетта решила отложить неприятное до утра, а пока выкинуть копа с его дознаниями из головы.

Ксавьер вышел прикупить еще пару бутылок пива. Хлебнув немного, любовники завершили уборку – расставили мебель по местам.

– Антуанетта, все утрясется, – пообещал Ксавьер.

– Уверен?

– Да. Тебе ничего не грозит. Ты ж ничем таким не занималась. Всего лишь исполнила волю отца.

– Тогда почему я чувствую себя такой идиоткой?

– Зря, – заключил он и поцеловал.

Снова занялись любовью. Казалось, уже несколько дней не занимались. После Антуанетта погрузилась в дрему, в смутную, все нарастающую тревогу – пока не отключилось сознание и

не запустился снова демархистский пропагандистский сон. С лайнером, захваченным пауками, с кометной базой, с аппаратурой, которую готовились вставить в череп.

Но сон отличался от прежних. Когда сочленители вскрыли череп, склонившийся над ней мужчина сдернул белую хирургическую маску, открыл лицо, теперь знакомое по многим историческим источникам. Седобородый морщинистый патриарх, чьи черты выражали одновременно и горе и радость. В любое другое время это лицо показалось бы добрым и мудрым. Лицо многое повидавшего дедушки.

Над Антуанеттой стоял Невил Клавэйн.

– Я же предупреждал: не попадайся мне больше, – сказал он.

Материнское Гнездо оставалось в световой минуте позади, когда Клавэйн приказал корвету развернуться дюзами к цели и начать торможение. Небосвод казался циферблатом хорошо смазанных старинных часов, зыбкие тени звезд скользили по лицам Клавэйна и двух его спутников. Корвет был самым проворным кораблем в планетарном флоте сочленителей, но с кабиной для трех человек явно не предназначенной. Упаковаться пришлось плотно. Клавэйн еле втиснулся в пилотское кресло, но сумел расположиться так, что с легкостью доставал до панели управления и видел показания приборов. Конечно, кораблик мог обойтись и без пилота, но имел систему ручного управления на случай кибернетической атаки, разрушающей обычный нейроконтроль. Но Клавэйн всегда вел корабль сам, пусть и через мысленный контроль, порой целыми днями не касаясь пульта. Сводки тактической обстановки так и роились перед глазами, но в радиусе шести световых часов не замечалось признаков вражеской активности.

За спиной Клавэйна и перпендикулярно ему лежали в промежутках между орудийными блоками и контейнерами с топливом Скади и Ремонтуар, облаченные, как и пилот, в легкие скафандры. Их черная бронированная поверхность казалась продолжением внутренней обшивки корвета. Для уже одетых в скафандры людей место отыскивалось с огромным трудом, но облачиться в скафандр внутри тесного корвета было попросту невозможно.

– Скади?

– Да, Клавэйн?

– Думаю, можно уже без опаски сказать, куда мы направляемся.

– Следуйте плану полета. Прибудем уже скоро и вовремя. Главный конструктор встретит нас.

– Главный конструктор? Я с ним знаком?

В оконном стекле отразилась кривая ухмылка Скади.

– Клавэйн, я вас с удовольствием познакомлю.

Он хорошо представлял себе положение корвета. Суденышко не вышло за пределы кометного пояса, содержавшего Материнское Гнездо. Вокруг – лишь пустота, изредка перемежаемая кометами. Некоторые ледяные глыбы сочленители превратили в приманку для врага, другие оснастили датчиками, глушителями связи и мощными минами. Но столь близко от Гнезда кометы едва ли могли быть опасными.

Во время полета он слушал новости. Теперь лишь самые твердолобые ура-патриоты твердили, что демархисты могут победить. Большинство комментаторов говорило о поражении открыто, хотя употребляли термины двусмысленные, успокаивающие: «прекращение боевых действий», «уступка некоторым требованиям противника», «начало новых переговоров с сочленителями». Политкорректные заклинания лились нескончаемым потоком, но стоящая за ними правда угадывалась без труда.

Сочленителей атаковали все реже, а процент успешных нападений упал почти до нуля. Демархисты сосредоточились на защите баз и крепостей, но терпели поражения даже там. Базы приходилось снабжать припасами, материалами и оружием; надо было отправлять на автопилоте конвои по длинным траекториям сквозь систему. Сочленители перехватывали их без

труда. Дошедший же до цели груз, как правило, не окупал затрат на перевозку. Демархисты запустили экстренные программы, стараясь восстановить хоть часть былых нанотехнологий. Но доходившие из лабораторий слухи намекали на жуткие катастрофы: целые институты превращались в серую слизь под натиском взбесившихся нанореplikантов. Уничтоженное плавающей чумой восстановить не удавалось. Технология оставалась на уровне двадцать первого века.

И чем отчаяннее были попытки, тем хуже выглядели неудачи.

Оккупационные силы сочленителей уже захватили несколько окраинных поселений, установили марионеточные режимы и позволили обычной жизни продолжаться, как и раньше. Никого к присоединению не принуждали, хотя злые языки и утверждали: дайте срок, и всем засунут в головы имплантаты, присоединят насильно к безликому коллективному разуму. В марионеточных анклавах случилось несколько терактов, причинивших серьезный ущерб власти сочленителей. За этими акциями стояли угонщики, баньши, гиперсвины и прочие маргиналы системы, объединившиеся против новых хозяев. Клавэйн подумал, что они, сами того не ведая, как раз и приближают насильственное приобщение населения к коллективному разуму, – это оправдано хотя бы необходимостью успокоить народ.

Но пока Йеллоустон и его ближайшие окрестности – Ржавый Пояс, лежащие на высоких орбитах отдельные жилые станции, «карусели», причалы для кораблей – оставались вне зоны боевых действий. Феррисвилльской конвенции хватало проблем, но видимость контроля над Ржавым Поясом она все же сохраняла. Обе враждующие стороны устраивала возможность иметь нейтральную зону, где резиденты разведок могут обмениваться информацией, а тайные агенты – внедряться в самые разные слои общества, вербовать информаторов, находить симпатизирующих, распознавать дезертиров. Кое-кто утверждал: это лишь на время, сочленители не остановятся, захватят всю систему. Несколько десятилетий назад они уже владели Йеллоустоном, поэтому не откажутся от шанса завладеть им навсегда. В прошлый раз пауки явились по приглашению демархистов, но теперь установят такой тоталитарный режим, какого история не знала уже несколько веков.

А за строками угадывалось, что это может быть еще и оптимистическим прогнозом. Клавэйн подумал, что под страхами может лежать зерно истины.

Скади говорила, что сигнал от потерянного оружия зарегистрировали более тридцати лет назад. Данные совета, секретные прежде архивы подтверждали ее слова. Но непонятно, отчего возврат оружия стал задачей первостепенной важности для Гнезда. По словам Скади, из-за войны нельзя было раньше снарядить экспедицию – но это, несомненно, лишь часть правды. Наверняка назревает кризис, вот и понадобилось срочно вернуть оружие. Внутреннее святилище чего-то очень сильно боится.

Возможно, Скади и Внутреннее святилище, членом которого она, безусловно, является, – недоговаривают о волках. После возвращения Галианы их определили как реальную, но второстепенную угрозу, способную стать первостепенной лишь при дальнейшем углублении людей в космос. Быть может, получена новая информация? Вдруг волки уже на пороге?

Хотел отбросить эту мысль, посчитать несущественной, – но из головы она не шла. Весь остаток перелета Клавэйн упорно возвращался к ней, рассматривал под разными углами, разбирал по косточкам, осаждал аргументами.

Он оторвался от мучительных размышлений, прикрыл их сиюминутными соображениями, лишь когда Скади настойчиво впихнула в голову мысль:

– Клавэйн, мы уже почти на месте. Вы понимаете, что увиденное не должно быть разглашено?

– Разумеется. Надеюсь, вы постарались обеспечить секретность происходящего здесь. Если на вашу деятельность обратили внимание враги, это может дорого обойтись всем нам.

– Мы ничье внимание не привлекли.

– Суть не в этом. В пределах десяти световых часов от Гнезда не должно быть никакой деятельности...

– Послушайте, Клавэйн! – Скади попыталась нагнуться, и ее черный скафандр натянул ремни, удерживающие в нише. – Вам следует понять: война для нас теперь далеко не самая важная забота. Мы ее выигрываем.

– Не стоит недооценивать демархистов.

– Мы их оцениваем адекватно. Намного важнее сейчас вернуть оружие.

– Его правда необходимо вернуть? Не достаточно ли уничтожить?

Клавэйн очень внимательно изучил реакцию Скади на вопрос. Даже сейчас, после допуска в совет, ее разум оставался закрытой книгой.

– Зачем его уничтожать?

– Но вы же сказали: главная цель – не допустить, чтобы оружие попало в чужие руки.

– И это правда.

– Значит, вы позволите уничтожить пушки? Рассуждая логически, это самый простой выход.

– Для нас желательно было бы вернуть оружие целым.

– Желательно?

– В высшей степени.

Двигатели корвета заработали интенсивнее. Из сумрака выплыла едва различимая темная громада кометы. Локаторы зашарили по ее поверхности, пытаясь добыть побольше данных. Похоже, комета вращалась медленно. Немного быстрее, чем Материнское Гнездо, но в пределах нормы. Клавэйн оценил протяженность этого грязного снежка в семь-восемь километров, на порядок меньше крепости сочленителей. Комету с легкостью можно было бы спрятать в полом ядре Гнезда.

Корвет завис вблизи черной пористой поверхности, синхронизировался, выбросив дрожащие струи фиолетового пламени, затем выстрелил якорями. Те врезались, пробив тончайшую, почти невидимую эпоксидную пленку, обтягивающую комету прочности ради.

– Ваши пчелки-грузицы изрядно поработали. Сколько занято людей?

– Нисколько. Наведывались сюда немногие, надолго не оставался никто. Вся работа целиком автоматизирована. Периодически представитель Узкого совета является проверить дела, но большую часть времени роботы функционируют автономно.

– Но роботы не настолько умны!

– У нас очень умные роботы.

Клавэйн, Ремонтуар и Скади покинули корвет через донный люк, пролетели несколько метров до поверхности, ударились о пленку. Та подцепила, словно мух на липучку, заколебалась, гася энергию удара. Когда прекратила колебаться, Клавэйн медленно отлепил руку, принял вертикальное положение. Поверхностная структура пленки позволяла двигаться по ней в нормальном темпе, но на любое резкое движение отвечала повышенной вязкостью и клейкостью, не давая оттолкнуться с силой, достаточной для удаления от кометы. Пленка же в целом при воздействии на нее с небольшой силой практически не прогибалась, но при ударе со скоростью несколько метров в секунду становилась эластичной. То есть медленно идти она позволяла, но попытка ускориться неизбежно приводила к запутыванию и обездвиживанию неосторожного.

Скади, чей гребнистый шлем отличал ее безликий в остальном черный скафандр от прочих двух, шла первой, следуя неким ориентирам, похоже известным лишь ей. Спустя пять минут достигли небольшой впадины. В самом низу Клавэйн различил отверстие входа, почти незаметное на фоне бархатной черноты кометной поверхности. Вокруг дыры пленку удерживал кольцообразный комингс.

Скади опустилась у дыры на колени. Липкая поверхность будто потекла, охватывая ноги. Скади постучала дважды о комингс, замерла, ожидая. Прошло не больше минуты, и вынырнул робот. Просунулся сквозь узкую горловину, и на поверхности тут же растопырил множество манипуляторов. Типовой строительный робот, один из тысяч автоматических тружеников Материнского Гнезда. Но держался он с обескураживающей уверенностью, даже с нахальством.

– Клавэйн, Ремонтуар, позвольте представить вас Главному конструктору.

– Этот робот – Главный конструктор?

– Уверю вас, это непростой робот.

Затем Скади произнесла вслух:

– Главный конструктор, мы хотим осмотреть верфь. Пожалуйста, пропустите нас.

Голос робота напоминал осиное жужжание:

– Я не знаком с этими персонами.

– Клавэйн и Ремонтуар имеют разрешение совета. Просканируйте мой разум, убедитесь, что меня не принудили.

Робот целиком вылез из прохода, приблизился к Скади, выставив многочисленные конечности – одни с острьями, другие с захватами, инструментами либо датчиками. По обеим сторонам клиновидной головы – основные датчики, собранные в пучки и похожие на фасеточные глаза. Скади не шелохнулась, когда громоздкая машина нависла, склонила голову, покачала ею. Затем отстранилась:

– Хорошо. Я хочу просканировать их разумы тоже.

– Пожалуйста.

Робот придвинулся к Ремонтуару, склонил голову. Потратил чуть больше времени, чем на Скади. Затем, очевидно удовлетворенный, переместился к Клавэйну. Тот ощутил механическое копанье в рассудке, безжалостное, холодное и методичное. Из прочесываемой памяти хлынул хаос звуков, запахов, образов, сменяясь в мгновение ока. Иногда машина замедлялась, снова обращалась к уже прочесанному участку памяти, явно подозревая неладное. Другие же участки пропускала, не выказывая интереса. Процесс проверки был милосердно коротким, но все равно показался унижительным, словно грабеж.

Сканирование прекратилось, хаос воспоминаний улегся, и власть над собственным разумом вернулась.

– Этот имеет внутренний конфликт. Сомнения. Не могу прочесть глубинные слои. Возможно, следует использовать высокое разрешение. Умеренная хирургическая процедура позволит...

– Этого не нужно! – прервала работа Скади. – Клавэйн имеет право сомневаться. Ты пропустишь нас?

– Это исключено! Непорядок! Чрезвычайное происшествие! Умеренное хирургическое вмешательство...

Машина по-прежнему нацеливала датчики на Клавэйна.

– Главный конструктор, я приказываю: пропусти нас!

Робот отскочил:

– Я подчиняюсь! Но предупреждаю: пребывание должно быть кратким!

– Мы тебя надолго не задержим! – заверила Скади.

– Да, не задержите. Я также настаиваю, чтобы вы отдали оружие! На моей комете не могут находиться генераторы излучения большой плотности!

Клавэйн глянул на пояс скафандра. Почти забыл, что там кобура со штатным маломощным бозером. Вынул его, хотел положить на лед, но тут мелькнул манипулятор робота, мгновенно выдернув оружие из руки и швырнув в пространство. Пистолет закувыркался, уносясь прочь – робот бросил его с огромной силой, чтобы не оставить на орбите кометы. Затем Глав-

ный конструктор так же поступил с оружием Скади и Ремонтуара. Развернулся – стремительно движущиеся конечности слились в одно целое – и нырнул в отверстие.

- Пойдем! Он не любит гостей и, если задержимся, начнет злиться.
- А разве он еще не разозлился? – передал мысль Ремонтуар.
- Скади, что это за наглец? – Клавэйн не скрывал раздражения.
- Просто робот... но чуть умнее обычных. Это вас беспокоит?

Клавэйн нырнул вслед за ней в тоннель, отталкиваясь от стен, скорее плывя, чем идя. Когда пистолет висел на поясе, его присутствие почти не ощущалось, но без оружия как-то не по себе. Клавэйн пошарил на поясе и не нашел ничего, способного повредить роботу. Зажимы, миниатюрные крючья, пара сигнальных маячков с ноготь величиной, стандартный баллон с изолирующей пеной. Видом он похож на пистолет, но смесь выбрасывает всего на два-три сантиметра. Единственное оружие – пьезонож, способный разрезать скафандр, но против бронированного либо просто хорошо тренированного соперника бесполезный.

– Черт возьми, знаете же: беспокоит, и еще как. Раньше в мою голову машины не лезли, по крайней мере так бесцеремонно.

- Робот должен знать, можно ли доверять нам, – ответила Скади.

Во время сканирования Клавэйн ощутил интеллект машины – резкий и холодный.

- Насколько он умен? Способен пройти тест Тьюринга?

– Гораздо выше. По крайней мере, альфа-уровень. Клавэйн, не смотрите на меня с таким отвращением. Некогда вы соглашались работать с машинами, почти не уступавшими вам интеллектом.

- Со временем мое мнение о таких машинах сильно изменилось.

- Быть может, вы просто ощутили угрозу с его стороны, испугались?

– Я?... Скади, мне жалко и больно смотреть на машину, которую вы сделали разумной – но лишили свободы, поработили. Это противоречит всему, ради чего мы живем.

– Я согласен с Клавэйном, – холодно и спокойно заметил Ремонтуар. – До сих пор мы обходились без разумных машин. Не из страха перед ними, а потому, что разумное существо должно само выбирать свою судьбу. Но ведь этот робот не свободен в поступках. У него нет воли, только разум. Одно без другого – ничто. Мы воевали из-за меньшего насилия над природой.

Впереди разгорелся бледно-лиловый свет, показавший структуру стен. Теперь насекомоподобный силуэт робота четко выделялся в жерле тоннеля. Наверняка машина прислушивалась к обмену мыслями о своей рабской сути.

– Я сожалею об этом, – ответила Скади. – Но выбора не было. Нам необходимы разумные машины.

- Это рабство, – упрямо повторил Ремонтуар.

- Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Клавэйн всмотрелся в лиловый сумрак:

– Что же в них такого отчаянного? Я полагал, мы всего лишь хотим вернуть потерянную собственность.

Главный конструктор привел всех троих в полую внутренность кометы, к небольшой кабине, подвешенной на стене. Там прищельцы проткнули руки в петли, прикрепленные к прочному металлическому каркасу. Кабина была герметично изолирована, поскольку вокруг подерживался столь чистый вакуум, что его могли серьезно загрязнить даже микроскопические газовые утечки из скафандров.

Глазам гостей предстала колоссальная пещера, залитая безжалостно ярким голубым светом, заполненная огромными машинами: царство невероятно целеустремленной деятельности, копошение мириад механических созданий. Даже голова шла кругом. Казалось, смотришь

в ожившую средневековую картину, тонущую в мелких подробностях: башни, перекрывающиеся арки блистающего небесного города, на постройках – сонмища среброкрылых ангелов, растворяющихся в дали, закутанной первозданной синевой. Затем постепенно пришло ощущение перспективы, и ангелы вдруг стали просто машинами, тысячными стаями стерильных роботов, носящихся по своим делам. Сообщались друг с другом лазерными импульсами. Рассеянные, они и наполняли пещеру дрожащим голубым сиянием. Внутри было очень холодно: стены испещрены усеченными черными конусами криоарифметических процессоров, отбирающих генерируемое интенсивной работой тепло. Без них комета уже давно испарилась бы.

Клавэйн с удивлением следил за этой лихорадочной деятельностью. Конечно, ожидал увидеть корабли, причем межзвездные, но степень их готовности поразила. Думал, обнаружит полусобранные остовы. Представшее его глазам было почти готово к полету. Целая дюжина субсветовиков, стоят вплотную друг к другу, окутанные геодезической сеткой строительных лесов. Одинаковые, гладкие и черные, словно торпеды или выброшенные на берег киты, у кормы – колючие отростки лонжеронов, держащих сочленительские двигатели. Хотя сопоставить не с чем, чтобы правильно оценить размер; похоже, всякий корабль как минимум трех-четырекилометровой длины, гораздо больше «Паслена».

Скади, заметившая реакцию Клавэйна, улыбнулась:

– Впечатлены?

– Это любого впечатлит.

– Теперь понимаете, почему Главного конструктора так страшит риск шального выстрела или перегрузки охлаждающих процессоров? Думаю, вы давно уже спрашиваете себя, зачем мы снова начали строить звездолеты.

– Само собой. А еще спрашиваю: при чем здесь волки?

– По-вашему, отчего мы прекратили строить субсветовики?

– Увы, никто мне этого не соизволил рассказать.

– Но вы же разумный человек! Уверена, у вас есть пара идей на этот счет.

Поначалу Клавэйн хотел заявить: прекращение постройки субсветовиков его не слишком волновало. Решение было принято во время путешествия. Вернувшись, Клавэйн отнесся к нему как к свершившемуся факту. Война требовала немедленных действий, причем в непосредственной близости от Гнезда. Проблема субсветовиков казалась второстепенной.

Но, честно говоря, это было бы не вполне правдой. Прекращение строительства звездолетов всегда тревожило Клавэйна.

– По общему мнению, мы перестали их строить из-за экономических причин. А также чтобы не допустить их попадания к нежелательным элементам, вроде ультра. Возможно, мы обнаружили некий фатальный дефект в конструкции двигателей, приводящий к их случайным взрывам.

– Да, эти версии бытуют среди нашего населения. Равно как и дюжина прочих, от вразумительных до целиком параноидальных. А вы сами догадываетесь об истинной причине?

– По-моему, стабильные экономические отношения мы поддерживали только с демархистами. Ультра покупали корабли через вторые или третьи руки или просто крали. Но когда эпидемия подорвала экономику демархистов, наши отношения ухудшились, и мы потеряли главных партнеров. У них не осталось средств, чтобы покупать наши корабли, а мы не хотели продавать их тем, кто проявлял все большую враждебность.

– Здравая и прагматичная версия.

– У меня не было причин искать более глубокое объяснение.

– В ней есть зерно истины. И немалое. Политические и экономические факторы сыграли изрядную роль. Но не только они. Думаю, вы заметили, что мы прекратили строить даже корабли для собственных нужд.

– Шла война. Все средства тратились на нее. Нам хватало субсветовиков.

– Да, но даже имеющиеся звездолеты оставались в бездействии. Мы сильно сократили парк обычного межзвездного транспорта. Свели к минимуму сообщение между поселениями сочленителей в других системах.

– Но ведь война же...

– Которая на это решение почти не повлияла – разве что предоставила хороший повод. Прикрытие.

– Прикрытие? – Клавэйн чуть не расхохотался.

– Если бы вскрылась настоящая причина, паника распространилась бы по всему населенному людьми пространству. Потери в экономике и человеческих жизнях были бы несравнимо больше ущерба, причиненного нынешней войной.

– Полагаю, вы все-таки расскажете мне о настоящих причинах.

– Конечно. Ваша первая догадка была не так уж далека от истины. Дело в волках.

– Но это невозможно!

– Почему?

– Потому что мы узнали о них после возвращения Галианы. А она встретила волков только после раздела экспедиции.

Вряд ли стоило напоминать Скади, что строительство прекратилось задолго до обоих событий.

– В определенном смысле это верно. Лишь после возвращения Галианы Материнское Гнездо получило детальные сведения о природе и устройстве черных машин. Но о существовании волков и их намерениях стало известно задолго до того.

– Не может быть! Галиана встретила их первой.

– Нет. Она стала первой, кто сумел выжить после встречи с ними. Верней, сумел вернуться. До того к нам доходили лишь неясные слухи, известия о таинственно пропавших кораблях, непонятные просьбы о помощи. Проанализировав сведения за многие годы, Узкий совет пришел к выводу, что в межзвездном пространстве таится враг. Это само по себе было весьма печальным выводом, но еще горше оказалось то, что анализ однозначно указывал: чем бы ни был враг, он мог как-то следить за нашими двигателями. Мы предположили, что волки ловят излучаемые нашими двигателями и характерные именно для них тау-нейтрино.

– И что же Галиана?

– С ее возвращением мы убедились в своей правоте. К тому же она позволила нам увидеть и назвать врага. Мы благодарны ей хотя бы за это.

Затем Скади коснулась разума Клавэйна и переслала образ – беспросветную страшную тьму, усеянную россыпью слабых, едва заметных звезд. Их свет не рассеивал мрака, лишь делал его холоднее и страшнее. Скади представляла космос как нечто даже более антагонистичное жизни, чем бассейн с едкой кислотой. Но меж звезд угнездились материальное, предпочитающее мрак и стужу, – черные машины. Скади дала отведать их разума, безжалостного и бесчеловечного. По сравнению с ним Главный конструктор казался образцом гуманности и дружелюбия. Разум волков и в самом деле был отчетливо хищным, исполненным свирепого голода, затмевавшего всякую мысль.

– Они всегда ждали во тьме, наблюдая, оценивая, – послала мысль Скади. – Четыре века нам везло. Очень везло. Мы пробирались на ощупь, светили и шумели, рассылали известия о себе во все стороны. Думаю, ко многому волки слепы – или фильтруют поступающие сигналы, пропуская лишь небольшую часть. Они не реагируют на телепередачи и радио, иначе явились бы столетия назад. Возможно, они реагируют лишь на несомненные признаки культуры, освоившей межзвездные полеты, а не просто на развитую технологию. Разумеется, это домысел, но нам остается лишь полагаться на него. Другого нет.

Клавэйн окинул взглядом дюжину новеньких кораблей:

– Так почему же мы возобновили их строительство?

– Потому что теперь мы можем не бояться. «Паслен» – прототип этих звездолетов, а они намного крупнее. У них малошумящие двигатели. Улучшив топологию реакторов, мы сумели снизить поток тау-нейтрино на два порядка. Это, конечно, далеко от идеала, но теперь мы можем путешествовать, не боясь волков. Само собой, новыми двигателями должны владеть исключительно сочленители.

– Не сомневаюсь.

– Рада, что разделяете мою точку зрения.

Клавэйн снова посмотрел на субсветовики – двенадцать близнецов «Паслена», раздавленных в ширину не менее чем на четверть километра. Такие же толстобрюхие, как старые корабли переселенцев, спроектированные для перевозки десятков тысяч спящих в анабиозе.

– А как насчет прочего человечества? Насчет старых кораблей, еще активно используемых?

– Делаем все возможное. Агенты Узкого совета сумели вернуть немало кораблей – и, само собой, уничтожить. Их нельзя использовать, а их двигатели реконструировать, сделать тихими.

– Нельзя реконструировать?

Из разума Скади явился образ: небольшая планета или спутник, из чьей поверхности выдран огромный полусферический кусок, раскаленный докрасна.

– Да.

– Я полагаю, вам никогда не приходило в голову проинформировать все человечество?

За стеклом шлема Клавэйн разглядел снисходительную улыбку.

– Ах, Клавэйн... мы постоянно заботимся о благе всего человечества. Меня радует ваш идеализм, честное слово. Но посудите: какой толк от обнародования известного нам? Информация настолько ценна и опасна, что ею нельзя поделиться и с большинством сочленителей. Боюсь и представить, какой эффект она произведет среди остальных народов.

Клавэйн понимал: она права. Тут не поспоришь. Уже с полвека ни одному заявлению сочленителей не верят. В самом простом и ясном предупреждении о страшной опасности будут искать двойное дно.

Даже если сочленители безоговорочно сдадутся, капитуляция будет воспринята как очередная уловка.

– Возможно, вы и правы. Очень даже возможно. Но это не объясняет внезапное возобновление строительства.

– Это чисто предупредительная мера, на случай внезапной надобности в субсветовиках.

Взгляд Клавэйна снова переключился на корабли. Даже если каждый может нести пятьдесят-шестьдесят тысяч криокапсул – а эти звездолеты на вид способны взять намного больше, – то в эскадре поместится половина населения Материнского Гнезда.

– Чисто предупредительная мера, и все?

– Еще остается наша небольшая проблема: «адское» оружие. Пара этих кораблей и прототип отправятся за ним, вооруженные по последнему слову нашей техники. Также их оснастят новейшей аппаратурой, дающей немалое тактическое преимущество.

– Эту аппаратуру вы и испытывали на «Паслене»?

– Испытания еще не закончены, но да, речь о ней...

Скади запнулась, но тут же продолжила:

– Главный конструктор, мы завершили визит. Гости увидели достаточно. Каков, по вашему, срок, необходимый для приведения кораблей в полетную готовность?

Робот, прижавший все конечности к телу, повернул к Скади треугольную голову:

– Шестьдесят один день восемь часов тринадцать минут.

– Спасибо. Приложите все усилия, чтобы справиться раньше. Мы ведь не желаем отбирать у Клавэйна ни единой лишней минуты, не так ли?

Тот промолчал.

– Пожалуйста, следуйте за мной! – приказал Главный конструктор, указывая манипулятором в сторону выхода.

Торопился избавиться от гостей.

Клавэйн постарался идти первым после робота.

Он пытался избавиться от лишних мыслей, успокоить разум, сосредоточившись целиком на предстоящем деле. Путь назад, к поверхности кометы, показался намного длиннее, чем путь вниз. Впереди деловито шевелил конечностями Главный конструктор, продвигаясь сквозь темную дыру во льду. Настроение машины угадать было невозможно, но, скорее всего, робот радовался долгожданному избавлению от непрошенных визитеров. Он был запрограммирован ставить безопасность работы превыше всего, и, хоть с посетителями обращался не слишком вежливо, его ревностность в работе не могла не восхищать. Клавэйн видывал много носителей искусственного интеллекта, иногда весьма убедительно имитирующего самостоятельный разум и неприятного в общении. Но этот, кажется, искренне не любил людей.

На полпути назад Клавэйн внезапно остановился.

– Что такое?

– Не знаю. Скафандр регистрирует небольшую утечку в перчатке. Должно быть, зацепился за стену тоннеля.

– Клавэйн, это невозможно. Стена – слегка уплотненный кометный лед. Порезаться о него – все равно что о дым.

– Значит, я порезался дымом. Либо в стене оказался острый обломок породы.

Клавэйн обернулся, поднял руку. На тыльной стороне левой кисти мигала розовым область, где происходила медленная утечка.

– Он прав, – сказал Ремонтур.

– Это несерьезно. Исправим, когда вернемся на корвет.

– Рука мерзнет. Скади, я уже терял ее и не хочу потерять снова.

Скади не сдержала раздражения, прошипела:

– Так почините же скорей!

Клавэйн кивнул, вытащил из-за пояса баллончик с герметизатором. Сузил отверстие экс-трактора до предела, прижал наконечник к перчатке. Герметик выползал серым тонким червем, мгновенно связываясь с материей скафандра и твердея. Клавэйн поводил струей по перчатке, протягивая серые нити.

Руке было холодно. Она болела, ведь лезвие пьезоножа пробило ее насквозь. Клавэйн нанес себе травму одним быстрым движением, не снимая ножа с пояса, одной рукой проведя вдоль него, другой – наклонив инструмент. Оставалось лишь радоваться, что рана не оказалась серьезной.

Он повесил баллончик на пояс. В шлеме по-прежнему звучал предупреждающий сигнал, перчатка продолжала светиться розовым – герметик не целиком перекрыл мигающую область, – но ощущение холода ушло. Утечка осталась, но малая, не представляющая опасности.

– Каковы результаты? – спросила Скади нетерпеливо.

– Полагаю, с дырой справился. Рассмотрю получше, когда вернемся на корвет.

К большому облегчению Клавэйна, инциденту не придали особого значения. Робот засе-мнил дальше, люди поспешили за ним. Наконец выбрались на поверхность. Обычный момент головокружения. Кометная гравитация очень слаба, легко представить, что не стоишь на поверхности, а висишь на угольно-черном потолке, внизу – бескрайняя пустота. Но головокружение миновало, к движениям вернулась уверенность.

Главный конструктор протиснулся в жерло тоннеля и скрылся из виду.

Трое сочленителей пошли к корвету – черному клину на фоне космической темноты.

– Клавэйн?

– Скади, я слушаю.

– Вы не против, если я кое-чем поинтересуюсь? Главный конструктор заключил, что у вас серьезные сомнения... Вы и в самом деле сомневаетесь или робота смутила архаичность ваших имплантатов?

– Догадайтесь сами.

– Но вы же понимаете, что нам необходимо вернуть оружие? Я имею в виду, вы по-настоящему убеждены в этом?

– Как ни в чем другом. Я прекрасно отдаю себе отчет, для чего понадобились эти пушки.

– Я чувствую, ответ правдив.

– А как иначе? Продемонстрированное вами сомнений не оставляет.

Клавэйн опережал Скади и Ремонтуара на десять-двенадцать метров, двигаясь со всей возможной быстротой. Когда достиг первого швартовочного троса, ухватился за него одной рукой и внезапно развернулся лицом к спутникам. Те застыли, удивленные.

– Клавэйн?

Он выхватил из-за пояса установленный на максимальную остроту нож и ткнул в пленку, покрывавшую комету. Резко потянул, вспарывая, по-крабьи перемещаясь боком. Пленка резалась почти без усилий. Выпустить трос Клавэйн не мог, потому прорезал всего метра четыре.

Пока не сделал это, не мог оценить, достаточно ли окажется. Но движение под ногами дало понять: вполне. Пленка стремительно выползалась из-под корвета, движимая собственным натяжением. Без посторонних усилий разрез делался шире, длиннее: шесть метров, десять... Будто невидимая рука расстегивала молнию. Оказавшихся по другую сторону разреза Скади и Ремонтуара оттягивало в сторону пленкой.

Расправа с пленкой заняла пару секунд, но Скадихватило и их. С лихвой.

Как только Клавэйн ткнул ножом в пленку, он ощутил свирепую атаку на разум. Скади поняла, что он задумал. Обрушила мощь, о которой Клавэйн и не подозревал. Позабыв об осторожности, принялась грубой силой взламывать мозг. Низвергла лавину программ, ищущих контроль над основными функциями организма, лезущих в бессознательное, старающихся отключить рассудок, парализовать или просто умертвить. Будь Клавэйн обычным сочленителем, его мозг был бы захвачен в микросекунды. Скади приказала бы нейроимплантатам самоуничтожиться, раскалиться, взорваться – и убила бы. Но Клавэйн лишь ощущал страшную боль – словно в череп загоняли размеренными ударами стальной костью.

Все же он потерял сознание. Ненадолго, секунды на две-три. Но когда пришел в себя, ощутил лишь растерянность, не понимая, где он и что делает. Осталось похмелье от щедро выплеснувшегося адреналина, первобытной химии, выработанной древним животным страхом. Несомненно, Клавэйн удирал от чего-то, жутко опасного и все еще грозящего. Обнаружил, что держится рукой за натянутый металлический трос. Посмотрел вверх, увидел нависший корвет. Подумал – нет, скорее, понадеялся, – что нужно именно туда.

Полез, смутно припоминая, что собирался делать, но боль резко обострилась, и сознание уплыло снова.

Опять очнулся уже внизу, на окутывающей комету мембране. Будучи без сознания, выпустил трос, упал – вернее, мягко придрейфовал к поверхности. Снова ощутил необходимость что-то срочно доделать, завершить... Там, наверху, корабль. Видел его недавно. До того, как потерял сознание, лез к нему по канату. Или наоборот, лез вниз, пытаясь уйти от опасности, заключавшейся в корабле?

Глянул на поверхность небесного тела, на котором находился, и обнаружил две фигуры в скафандрах, машущие, призывающие:

– Клавэйн!

Возникший под черепной крышкой женский голос был властным, понуждающим... но не лишенным сочувствия, будто мудрый суровый учитель сожалел о лучшем ученике, не оправдавшем надежд. Но отчего разочарование? Оттого, что Клавэйн вот-вот не справится, или оттого, что вот-вот преуспее?

Этого он не знал. Но чувствовал: одна спокойная минута в одиночестве – и сложатся воедино куски головоломки, будет понято все. Ведь понять очень нужно. А сейчас вокруг словно простирается огромная комната, наполненная угрожающими тенями.

Хоть бы немного покоя...

В голове звенело – сигнал разгерметизации. Клавэйн глянул на скафандр, отыскивая розовое мерцание, указывающее на область утечки воздуха. Вот оно, пятно розового на тыльной стороне кисти, сжимающей нож. Прицепил нож к поясу, потянулся за баллончиком герметика и понял, что уже израсходовал его. Розовое просвечивало вокруг причудливого следа, оставленного на руке засохшим герметиком. След походил на надпись древними рунами.

Клавэйн посмотрел на перчатку под другим углом, и серые контуры сложились в слово «Корвет».

Клавэйн узнал почерк. Свой.

Фигуры в скафандрах достигли края разреза и зашпешили к Клавэйну. Он прикинул: будут через минуту, не позже. Вскарabкаться по тросу ему удастся за столько же. Думал прыгнуть, осторожно прицелившись, чтобы не пролететь мимо корвета, но из глубины памяти всплыло: пленка не позволит сильно оттолкнуться. Вопреки боли в голове, придется лезть по тросу, постоянно рискуя провалиться в беспамятство.

Он снова отключился, но совсем ненадолго, а потом, увидев перчатку и приближающиеся фигуры, понял: надо спешить на корабль. И достиг люка в тот момент, когда первая фигура добралась до зазубренного якоря, за который крепился швартов.

Память настойчиво твердила: поверхность кометы – черная стена, швартовы тянутся горизонтально. Двое в скафандрах – будто приклеенные к стене мухи, скорченные, уплощенные, готовые перейти по мосту, только что оставленному позади Клавэйном. Он залез в шлюз, включил экстренную подачу воздуха. Входной люк мгновенно скользнул на место, закупорив; в шлюзовую камеру потек воздух. Боль в голове тут же ослабла. Нахлынувшее облегчение было сродни экстазу.

Экстренный режим позволил внутреннему люку открыться едва ли не в тот самый момент, когда закрылся внешний. Клавэйн бросился внутрь, оттолкнулся от противоположной стены, грохнулся головой о переборку, врезался в приборную панель. Не стал садиться в кресло, пристегиваться – просто включил стартовые двигатели на полную аварийную мощность. Услышал, как завывали десятки сигналов тревоги, назойливо внушая: сейчас этого лучше не делать.

– Рекомендуются немедленно выключить двигатели! Немедленно выключить двигатели!

– Заткнись! – взревел Клавэйн.

Корвет рванулся прочь от кометы, но отдалился всего на два с половиной метра – предельное расстояние, на которое позволили натянутые тросы. От резкой остановки Клавэйна швырнуло на переборку, в теле, между сердцем и поясницей, что-то хрустнуло. Комета тоже передвинулась, но практически незаметно. Корвет был накрепко привязан к нерушимой каменной глыбе в центре Вселенной.

По корабельному радио донесся очень спокойный холодный голос:

– Клавэйн?

Его память наконец принялась восстанавливаться, и в ней удалось найти имя мучительницы.

– Привет, Скади!

Снова приступ боли. Наверняка сломал по меньшей мере одно ребро и как следует ушиб еще пару.

– Клавэйн, что вы задумали?

– Кажется, я угоняю этот корабль.

Он уселся в кресло, морщась от резкой боли. Пристегнулся эластичными ремнями, не сдержал стога.

Двигатели грозили отключиться автоматически, и пришлось лихорадочно отдавать команды, чтобы этого не допустить. Простым возвращением якорей не обойтись. Скади и Ремонтуар – вспомнил наконец имена обоих – обязательно ухватятся за них, окажутся на внешней оболочке корвета и покидать ее вряд ли захотят. Надо будет лишь стряхнуть их, оставить барахтающимися в пустоте. Конечно, большой опасности они не подвергнутся. Однако этот полет – секретный для всех, кроме членов Узкого совета. И из них почти никто не знает, куда полетели Клавэйн и Скади с Ремонтуаром.

– Полная тяга, – заключил вслух.

Полная тяга позволит уйти, или разорвав швартовы, или выломав куски кометного льда.

– Клавэйн, прошу, подумай хорошенько, – произнес мужской голос.

Ни Скади, ни Ремонтуар не могли посылать мысли сквозь оболочку корвета, она не пропускала сигналы подобного рода.

– Спасибо, Рем... Но знаешь, я уже думал об этом, и немало. Неспроста Скади понадобились пушки. Ведь дело в волках. Скади, я прав? Вам нужно оружие на случай появления волков.

– Клавэйн, я сказала практически открытым текстом: да, мы нуждаемся в оружии для защиты от волков. Что же тут плохого? Неужели желание обеспечить свое выживание предосудительно? А чего бы вы хотели, нашей капитуляции?

– Оттуда вы узнали, что они придут сюда?

– Мы не знаем. Мы просто считаем их прибытие весьма вероятным, основываясь на доступной нам информации.

– И это все?

Клавэйн взялся за управление главными двигателями. Еще несколько секунд, и придется давать полную тягу. Или оставаться.

– Мы уверены, что они придут. В чем причина уверенности – вам знать не обязательно. А теперь допустите нас на борт корвета. Уверю, ваш поступок останется тайной.

– Боюсь, ваши уговоры не слишком действенны.

Он включил главные двигатели, маневровыми же сориентировал корвет так, чтобы дюзы не были повернуты к поверхности кометы. Хоть он и не любил Скади, убить или ранить ее не желал. Ремонтуар же был другом, и с собой его Клавэйн не взял лишь потому, что не хотел впутывать в задуманное.

Корвет задрожал, удерживаемый швартовыми. Завибрировал весь корпус. Показалось, дрожь проникла до самого нутра, до костей. Индикаторы перегрузки двигателей засветились красным.

– Послушайте, Клавэйн! – возвала Скади. – Зачем вам угонять корабль? Куда вы денетесь с ним? Убежите к демархистам?

– Хорошая идея.

– Самоубийственная! Вам не добраться до Йеллоустона! Если мы не убьем вас, убьют демархисты.

Швартов лопнул. Корвет покачнулся, сместился. Сквозь окно кокпита было видно, как оборванный трос хлестнул по пленке на поверхности, рассек, оставив метровую дыру. Черная ледяная пыль вырвалась, будто осьминожки чернила.

– Скади права: ничего не получится. Тебе некуда деваться! Как друг, прошу тебя: не делай этого!

– Рем, ты что, не понимаешь? Эта дюжина кораблей не для войны или экспедиции. Они – всего лишь часть большего. Часть эвакуационного флота.

Корвет дернулся снова – еще один швартов оборвался, свирепо заскользил, свернулся змеей на поверхности.

– Ну и что с того?

– Скади, как насчет остального человечества? Что этим несчастным глупцам делать, когда придут волки? Выживать как могут?

– Выживает сильнейший.

– Скади, это неправильный ответ.

Едва Клавэйн успел договорить, как лопнул последний швартов. Корвет рванулся от кометы на полной тяге, ускорение вдавило Клавэйна в кресло. Он закричал от страшной боли в ребрах.

На приборной панели один за другим гасли красные огоньки, сменялись зелеными, белыми. Вой двигателей стал низким гудением, затем ушел за порог слышимости. Корпус прекратил дрожать. Комета Скади осталась вдалеке крошечным шариком.

Клавэйн сориентировал корабль на тусклый огонек, на звезду Эпсилон Эридана.

Глава одиннадцатая

Глубоко в чреве «Ностальгии по бесконечности» Илия Вольева стояла в эпицентре существования, некогда бывшего капитаном субсветовика, в другой, невероятно далекой теперь жизни называвшего себя Джоном Армстронгом Бреннигеном. Почему-то Илия не дрожала, и это казалось неправильным. Визиты к капитану всегда сопровождались физическими мучениями, уподобляясь паломничеству с самоистязанием ради искупления грехов. Капитана навещали, чтобы наблюдать за его разрастанием (каковое можно замедлить, но не остановить целиком), или просили у него совета по тому или иному поводу. Мучения представлялись закономерной платой за полезные сведения, хотя иногда советы капитана были не вполне здоровыми, а то и попросту безумными.

Сдерживать распространение плавящей чумы пытались, охлаждая капитана. До поры криокапсула, где хранилось капитанское тело, могла поддерживать температуру. Но в конце концов чума захватила и капсулу, изуродовав ее системы, встроив в себя. Определенным образом капсула продолжила работать, но потребовалось заморозить все пространство вокруг нее. Походы к капитану требовали многослойной теплой одежды. В его владениях было трудно дышать, легкие будто рассыпались на тысячи колючих осколков.

Навещая капитана, Вольева беспрерывно курила. Правда, для нее общение с Бреннигеном было не слишком опасным, поскольку имплантатов она не имела, подхватить заразу не могла. Многие насмехались над ней из-за отсутствия усовершенствований, называли слабой, трусливой. Все насмешники теперь были мертвы. Но и когда были живы, в их глазах читалась зависть. Ведь рано или поздно каждый был вынужден приблизиться к капитану. Тогда, пусть лишь на несколько минут, они отчаянно хотели стать как Илия Вольева.

Садзаки, Хегази, Суджик... Имена уже ускользают из памяти. Как будто это было так давно...

Теперь рубка не казалась холоднее прочих отсеков. И была жарче многих. Там висела влажная духота, все поверхности застлала мокро поблескивающая пленка. По стенам ручейками сбегал конденсат, капал с узловатых выступов. Время от времени с хлопком лопался нарыв, наполнявшая его жижка ползла вниз. Биохимический метаболизм корабля давно вышел из-под человеческого контроля. Но не прекратился, а развился хаотически, добавив новые циклы обмена, образовав загадочные приспособления. Приходилось вести постоянную утомительную борьбу за осушение корабля, иначе бы он захлебнулся в собственных выделениях. Вольева установила тысячи насосов, перекачивающих слизь в специальные отсеки, где она подвергалась химическому разложению. Гудение насосных роботов – ровная низкая органная нота – уже въелось в мозг Илия, неотступно сопровождая каждую мысль. Вольева перестала его замечать.

Если знать, где раньше стояла криокапсула, и уметь на глаз выделять черты упорядоченности среди хаоса, все-таки можно распознать в колдовском лесу прежнее капитанское вместилище. Когда Илия позволила капсуле разморозиться – просто выстрелила в систему управления, – капитан принялся разрастаться с чудовищной скоростью, пожирая корабль, разлагая на атомы и сращивая с собой. Притом жар шел невероятный, словно из жерла вулкана. Вольева не стала дожидаться финала, но и так было ясно: капитан продолжит расти, пока не поглотит весь корабль. Жуткая перспектива, но все же лучше, чем оставить «Ностальгию» во власти другого монстра, Похитителя Солнц. Возможно, Бренниген сумеет вырвать хотя бы толику власти у паразитического разума, захватившего субсветовик.

Расчет Илия полностью оправдался. Капитан захватил весь корабль, исказив его в угоду своей больной фантазии. Очевидно, здешняя разновидность заразы отличалась редкой оригинальностью. И это было тем более странно, что, судя по результатам многих исследований,

чума не порождала новых штаммов. Корабль был инфицирован тем же вирусом, что и Йеллоустон, и другие миры.

Вольева видела фотографии Города Бездны после эпидемии, донельзя изуродованную архитектуру, – будто город спал и видел кошмар о себе самом. И хотя в изменениях иногда угадывалась некая цель и даже художественная ценность, разума за ними явно не стояло. Принятые зданиями формы являлись лишь отклонениями от изначального биодизайна. На «Ностальгии» же случилось по-другому. Вирус прожил в капитане много лет, прежде чем начал его уродовать. Не исключено, что выработался некий симбиоз и, когда чума вырвалась наружу, поглощая и меняя корабль, преобразования стали отражением капитанского бессознательного.

Но лучше бы эта догадка не оказалась верной. Как ни посмотри, корабль стал монстром. Когда с Ресургема прилетела Хоури, Вольева изо всех сил постаралась представить ей уродство как нечто обыденное и не слишком интересное – а попутно убедить в этом и себя. Субсветовик сильно действовал на нервы. Причем разнообразно. Незадолго до того, как Илия позволила Бреннигену оттаять, она поняла наконец, какие злодеяния тот совершил. Она заглянула в капитанское сознание, в плотный страшный клубок ненависти и вины. Теперь же мозг Джона Бреннигена и его разум распространились настолько, что Вольева в буквальном смысле бродила внутри их. Капитан стал кораблем. Корабль унаследовал преступления капитана и стал им памятником.

Илия вгляделась в очертания того, что некогда было криокапсулой. На последних стадиях болезни из контейнера, стоявшего у стены, потянулись во все стороны серебристые отростки. Сквозь растрескавшуюся крышку было видно, что они выходят из капитана, сращенные с его центральной нервной системой. Теперь отростки пронизали всю «Ностальгию» осьминожьими щупальцами, змеясь, раздваиваясь и сливаясь опять. В нескольких десятках мест серебристые нити сплетались в чудовищные сгустки. Илия сочла их ганглиями, центрами обработки информации. От прежнего тела Джона Бреннигена не осталось практически ничего, но его призрачный растерянный разум, несомненно, все еще населял «Ностальгию по бесконечности». Вольева так и не решила, являются ли ганглии распределенным мозгом, или это просто небольшие части огромной нервной системы. О капитане теперь трудно было сказать что-нибудь определенное. Кроме одного: Джон Бренниген жив и находится рядом.

Когда-то Илия, беспомощная, кружила на неисправном шаттле вокруг Гадеса, веря в гибель Аны Хоури и ожидая, что «Ностальгия по бесконечности» казнит незадачливого триумвира. Ведь она разморозила капитана и сообщила, что знает о его преступлениях. Дала все поводы посчитаться.

Однако он пощадил – и спас. Позволил остаться на корабле, все еще поглощаемом, трансформируемом. Игнорировал любые попытки войти в контакт, но сделал возможным ее выживание. Сохранил места, измененные не слишком сильно, пригодные для существования человека. И если Вольева перебиралась в другую часть корабля, там возникали подобные же места. Управлявший кораблем разум, чем бы он ни был, знал о ее присутствии на борту, знал, что нужно для ее жизнеобеспечения. А когда вернулась Ана, пустил на борт и ее.

Вольева словно жила в доме, захваченном одиноким, но дружелюбным призраком. Корабль удовлетворял любые – в пределах разумного, конечно, – потребности Илии и Аны. Но к управлению не допускал. Он и двигаться не хотел, разве что соглашался на короткие перелеты внутри системы. Не давал и доступа к штатному оружию, не говоря уже про похищенное у сочленителей.

Триумвир не оставляла попыток заговорить с капитаном. Но все они проваливались. Обращалась – и не получала ответа. Писала, царапала на стенах – безрезультатно. Но вместе с тем не сомневалась: корабль все слышит и видит. Он впал в кататонию, замкнулся в собственных чувствах, погрузился в ад вины и самобичевания.

Корабль презирал себя.

А потом Хоури вернулась на Ресурге, чтобы, внедрившись в инквизицию, водить за нос всю чертову планету, имея доступ к самым потайным ее местам.

Несмотря на богатый опыт, первые месяцы одиночества оказались для Вольевой почти невыносимыми. В конце концов она была вынуждена сделать простой вывод: все-таки ей по душе человеческое общество. Соседство одного лишь озлобленного, обиженного на все и вся, молчаливо свихнувшегося разума едва не довело до беды.

Но постепенно корабль – понемногу, по-своему – начал отвечать. Сперва Илия не замечала этого. Каждый день нескончаемые хлопоты, сотни мелких дел, нет времени остановиться и присмотреться к неуклюжим жестам, попыткам помириться и сблизиться. Ежечасно новые и новые проблемы – то чрезмерное увеличение поголовья крыс, то неполадки в насосах, то необходимость не допустить заразу в жизненно важные места. Она применяла и активные нанокomпоненты, и огонь, и охлаждение, и химические атаки.

Но однажды роботы повели себя странно. Как и одичавшие крысы-уборщицы, они некогда были частью ремонтной системы корабля. Разумнейших из них сожрала чума, остались старейшие и глупейшие, продолжавшие трудиться в отведенных местах, почти не замечая перемен вокруг. Они почти не мешали, потому Вольева предоставила их самим себе. Иногда оказывались полезными, но такое случалось до того редко, что рассчитывать на их помощь она давно прекратила.

Но вдруг роботы стали помогать. Это началось с обыденной поломки насоса. Она отправилась посмотреть и с изумлением увидела там робота, принесшего набор исправных инструментов.

Конечно, перво-наперво следовало восстановить насос. А когда местный потоп чуть ослаб, Илия присела и хорошенько осмотрелась. Вроде корабль выглядел по-прежнему. Коридоры все так же походили на заросшие слизью водопроводные трубы. Жуткая дрянь ползла и капала из любого отверстия. Спертый воздух комом стоял в горле, разноголосое монотонное нытье сонма насосов давило на психику.

Но что-то определенно изменилось.

Вольева отдала роботу инструменты – и машина тут же развернулась и припустила, стрекоча, за поворот.

– Думаю, ты меня слышишь! – громко сказала Илия. – Слышишь и видишь. И знаешь, что я не желаю тебе зла. Джон, ты ведь с легкостью мог убить меня. Это ты управляешь роботами, правда?

Она подождала немного, но ответа не последовало. Илия ничуть не удивилась.

– Уверена, ты меня знаешь. Я та самая, кто тебя разморозил. Кто догадался о твоих делах. Может, думаешь, что я тебя наказываю? Нет. Это было бы так скучно. Садизм мне претит. Если бы хотела наказать, убила бы. Для этого есть тысячи способов. Но я не вижу смысла в таком наказании. По-моему, ты уже настрадался достаточно, искупил вину. Ведь ты же страдаешь, правда?

Илия умолкла, прислушиваясь к пению насоса, довольная, что тот не сломался сразу же после починки.

– Возможно, ты заслужил муку. Заслужил ад за все содеянное. Но лишь тебе одному известно, каково жить в твоём состоянии, причем так долго. Ты один знаешь, лучше ли ада твоя нынешняя жизнь.

Под ногами задрожало – словно отголосок далекого землетрясения. Интересно, это запланированная операция по массивированной откачке или капитанский ответ?

– Может, теперь тебе легче? Ведь ты освободился от брэнного тела, стал душой своего корабля. Чего еще желать настоящему капитану?

Ответа не последовало. Вольева помолчала несколько минут, ожидая внезапную дрожь в переборках или подобный же таинственный знак.

Ничего.

– Насчет робота... спасибо тебе. Он помог.

Но корабль не ответил.

Однако с тех пор роботы всегда помогали чем и где могли. Если намерения Илия были очевидными, ремонтники мчались к нужному месту с комплектом инструментов. Если работа затягивалась, приносили из действующей кухни пищу и питье. Если Вольева прямо просила корабль доставить что-либо, она не получала ничего. Если же говорила как бы сама с собой, желая вслух того или иного, корабль с готовностью исполнял. Не всегда его вмешательство оказывалось полезным, но оставалось впечатление искреннего желания удружить.

А может, сросшийся с кораблем капитан – не более чем абсурдная фантазия? Может, помочь старается не Джон Бренниген, а машинный низкоуровневый интеллект? А единственная причина помощи – заложенные в примитивный интеллект, на уровне рядового робота, базовые программы? Вдруг монологи, увещевания и просьбы слушал не капитан, а нечто, по-человечески разумное лишь в воображении Илия Вольевой?

Но потом объявились сигареты.

Илия о них не просила и не подозревала даже, что на корабле может быть запас – кроме сделанного ею самой и уже исчерпанного. Она тщательно исследовала сигареты. Похоже, их произвели несколько десятков лет назад на торговой планете, куда однажды занесло «Ностальгию по бесконечности». Вряд ли они сделаны на корабле из подручных материалов. Слишком хорошо пахнут. Илия глазом не успела моргнуть, как докурила до фильтра. Вкус чудесный! Выкурила вторую – ничуть не хуже.

– Да где же ты их взял?! – воскликнула Илия, не сдержавшись. – Почему я до сих пор...

Она недоговорила, глубоко затянувшись, – рада была заполнить легкие впервые за много недель чем-нибудь поприятнее застоялого корабельного воздуха.

– Впрочем, не важно. Зачем мне знать? Спасибо огромное!

С тех пор Илия не сомневалась: Бренниген рядом. Только член экипажа мог знать о привычках своего товарища. Как ни программируй машину на услужение человеку, по собственной воле она сигарет не подкинет. Значит, корабль хочет помириться и подружиться.

Но сближение продвигалось медленно и трудно. Временами корабль снова впадал в кататонию, роботы по несколько суток отказывались повиноваться. Иногда это случалось по вине Илия – она перегибала палку, пытаясь разговорить Бреннигена с помощью дешевых психологических трюков. Укоряла потом себя, понимая, что в психологии не сильна. Да и вся чудовищная заваруха началась, когда Вольева поэкспериментировала с артиллеристом Нагорным, а он сошел с ума. Если бы не экспериментировала, не пришлось бы нанимать Ану Хоури, и все могло бы пойти по-другому...

Когда жизнь возвращалась в нормальное русло и роботы снова слушались, Илия старалась не сболтнуть лишнего. Неделями не пыталась заговорить с капитаном. Но непременно возобновляла попытки, делаясь все наглее, пока снова не вызывала кататонический приступ. Но она не отступалась, чувствуя между обидами небольшой, но вполне явственный прогресс.

Очередной приступ случился спустя шесть недель после визита Хоури. Кататония растянулась на целых два месяца, чего не бывало раньше. Поэтому Илия прождала три недели, прежде чем снова отважилась на переговоры.

– Капитан, послушай. Я много раз пыталась до тебя достучаться. Кажется, пару раз удалось, и ты понял, чего я хочу. Честное слово, я догадалась: ты не был готов к ответу. Но мне очень нужно рассказать тебе кое-что про Вселенную, про тварей, явившихся сюда, к нам.

Стоя посреди рубки, Илия позволила себе говорить громче, чем требовалось для нормального разговора. Ведь могла произнести речь где угодно, корабль наверняка бы услышал. Но в этом месте, некогда служившем средоточием власти над кораблем, монолог звучал не

столь глупо и напыщенно. Звук отражался от стен, делал голос красочней, глубже. Илия нравилось. Она артистично взмахнула окурком:

– Возможно, ты и сам уже все знаешь. Наверняка успел присоединиться к датчикам и камерам внешнего наблюдения. Правда, я не представляю себе, как ты обрабатываешь потоки данных и интерпретируешь их. Не своими же глазами смотришь. Наверное, даже для тебя странно видеть Вселенную глазами четырехкилометровой машины. Но ты всегда был на диво живучим, ко всему приспосабливался с поразительной ловкостью. Рано или поздно приспособишься и к этому.

Капитан не ответил, но и признаков ухода в ступор не проявил. Браслет на руке Илия показывал: роботы функционируют по-прежнему.

– Но смею думать, про черные машины тебе пока ничего не известно – не считая того, что услышал от Хоури во время ее недавнего визита. Наверное, гадаешь, что это за штуковины. Объясню: мы имеем дело с пришельцами. Откуда они явились, мы не знаем. Но они уже здесь, в системе Дельта Павлина. Помнишь Силвеста? Как я догадываюсь, он-то их и вызвал, когда забрался в Цербер.

Само собой, если капитан был способен помнить прошлую жизнь, то уж точно помнил Силвеста. Именно его затащили на борт, чтобы вылечить Джона Бреннигена. Но Силвест вел свою игру, он обманул экипаж, чтобы проникнуть в Цербер.

– Конечно, я высказываю сплошные догадки, но они логичны и хорошо объясняют факты. Хоури знает о машинах больше меня. Но эти знания получены таким образом, что их вряд ли можно передать другим. Да и непонятого остается предостаточно.

Илия рассказала капитану о событиях последнего времени, подкрепив свои слова демонстрацией видеофрагментов на сферическом дисплее. Сообщила, что рой ингибиторов принялся разбирать три меньшие планеты, высасывая их внутренность и превращая материал в орбитальные кольца.

– Выглядит это грозно, – подытожила Илия. – Но не так уж и далеко за пределами наших возможностей. Пугаться не стоит, по крайней мере сейчас. Однако хотелось бы все-таки знать, что они нам готовят...

Забор планетного материала прекратился внезапно и согласованно две недели назад. Расположенные по экватору искусственные вулканы прекратили изрыгать материю, выбросив разом последнюю порцию на орбиту.

По оценке Вольевой, планеты лишились, по меньшей мере, половины массы, превратились в пустую скорлупу. Когда ингибиторы закончили операцию, планеты эффектно схлопнулись, сжались в оранжевые шарики радиоактивного шлака. Часть черных машин отсоединилась, многие же, по-видимому, исполнив свое предназначение, остались на руинах планет и погибли. От подобной расточительности у Вольевой мурашки побежали по спине. Похоже, машины совершенно не жалели средств, двигаясь к поставленной цели.

Но миллионы черных машин поменьше размерами сохранились. Орбитальные кольца обладали значительной собственной гравитацией, они требовали ухода. Орды машин плыли вдоль них, заглатывая материю, выплевывая в доработанном виде. Иногда при этом возникали вспышки странного излучения. Грубое планетное вещество превращалось в необычные соединения, какие свободно в природе не существуют.

Еще перед тем, как утихли сосущие планету вулканы, начался новый процесс. От орбиты каждого умерщвляемого мира потянулся язык обработанного вещества, достигнув протяженности в несколько световых секунд. Очевидно, черные машины придали добытому материалу достаточно энергии, чтобы преодолеть планетную гравитацию. Языки изогнулись в плоскости эклиптики, описывая параболу, растянулись на световые часы. Экстраполировать параболы труда не составляло: они сходились в одной точке.

Пока там ничего не было. Но к тому времени, когда потоки материи сойдутся, в этом месте окажется наибольший газовый гигант системы. И это не слишком похоже на совпадение.

– Вот что я думаю: до сих пор мы видели только сбор сырья, – сказала Вольева капитану. – Вещество стягивают туда, где начнется настоящая работа. Хотят что-то сделать с Рух. Что именно – неясно. Однако это вряд ли будет приятным для нас.

На сфере появилось схематическое изображение газового гиганта, с вырезанной долькой, будто яблоко, с чересполосицей слоев, уводящих в царство чудовищного давления и причудливой химии. В областях еще умеренных давлений газовая оболочка планеты переходила в океан жидкого водорода, начинавшийся в непосредственной близости от видимой планетной границы. А под океаном – и при мысли об этом у Вольевой заболела голова – находился металлический водород. Илия не слишком любила планеты, а газовые гиганты вообще не терпела: они напоминали о человеческой хрупкости и мелкости. Водородные чудовища немногим коварнее и опаснее звезд.

Впрочем, по меркам газовых гигантов Рух не представляла собой ничего странного. Вокруг – обычная семейка спутников, большинство – куски льда с остановленным приливными силами вращением, всегда обращенные к гиганту одной стороной. Поверхность лун погорячее испускала ионы, формируя вокруг гиганта тороидальные потоки плазмы, удерживаемой мощнейшим магнитным полем. Каменных спутников там не было, поэтому операцию по добыче сырья пришлось устраивать в другом месте. Имелись и кольца со своеобразными резонансными проявлениями – выступами-спицами, небольшими сгущениями. Но подобное Вольева наблюдала и раньше.

Чего же хотят ингибиторы? Что произойдет, когда потоки материи придут к Рух?

– Капитан, я уверена: вы меня понимаете. Представляете, что именно происходит в системе. Чем бы черные машины ни занимались, это для нас плохо. Это орудия уничтожения. Они истребляют разумную жизнь. Вопрос в том, можем ли мы сопротивляться.

Вольева замолчала, собираясь с мыслями. Пока кататоническую реакцию не спровоцировала, и это хорошо. По крайней мере, капитан позволил рассказать о пришельцах и угрозах. Но с другой стороны, пока Илия не касалась тем, обычно и вызывающих ступор.

Что ж, теперь – или никогда.

– Капитан, думаю, мы можем сопротивляться. Если не победить, то хотя бы сильно помешать.

Она глянула на браслет, – кажется, на корабле пока не происходит ничего необычного.

– Я говорю про нападение на черные машины. Не думаю, что существа, разобравшие три планеты чужой системы и не удосужившиеся притом хотя бы представиться, способны внять доброму слову.

Вот, началось! Где-то вдали завибрировало, задрожало. Такое случалось и раньше, несло некий смысл, но какой именно – Илия пока не выяснила. Конечно, это сигнал от населяющего «Ностальгию» разума, и вряд ли приятного свойства. Похоже на знак раздражения, как глухой рык потревоженного пса, желающего, чтобы его оставили в покое.

– Капитан, я понимаю, как вам трудно. Честное слово, понимаю и сочувствую. Однако действовать нужно без промедления. Мне видится только один вариант – пустить в ход наше «адское» оружие. У нас тридцать три единицы, а если сумеем вернуть и перезарядить шесть применявшихся против Гадеса, будет тридцать девять. Но думаю, хватит и тридцати трех, если использовать их правильно.

Дрожь усилилась, затем исчезла. Ага, удалось затронуть чувствительную струнку! Капитан еще слушает...

– Наверное, потерянная на краю системы пушка была самой мощной, но шесть стрелявших по Церберу, по моей оценке, из слабейших. Думаю, мы управимся и с оставшимися. Знаете, капитан, что я придумала? Ударить по выпотрошенным планетам. Девяносто процентов

извлеченного материала еще на орбитах вокруг них, хотя с каждым часом все больше перекачивается к Рух. Основная масса черных машин тоже находится вблизи планет. Внезапно атаковав, мы можем их уничтожить. В крайнем случае мы рассеем сырьевые запасы.

Илиа заговорила быстрее, опьяненная собственными словами:

– Машины, возможно, перегруппируются, но им придется искать новые планеты для разборки. А мы и там их разобьем. Разнесем в клочья все потенциальные источники твердой материи. И тогда они ничего не смогут сделать с газовым гигантом! Шанс у нас отличный, но есть одна загвоздка. Капитан, мы нуждаемся в вашей помощи!

Снова Вольева посмотрела на браслет. Ничего особенного. Можно вздохнуть с облегчением, но больше не стоит провоцировать капитана. Обсуждение возможного сотрудничества зашло дальше, чем предполагалось. Причем намного дальше.

Вдали раздался рев вихря, яростно несущегося по километрам коридоров.

– Капитан! Не надо!

Поздно.

Ураган ворвался в рубку, швырнул Илиа на пол. Вырвал из пальцев сигарету. Вместе с ней в смерче закрутились крысы и подхваченный в коридорах мусор.

Дышать стало трудно.

– Капитан... я не хотела...

Ветер покатила ее по полу, беспомощную, нелепо размахивающую руками. Рев был невыносим, словно в нем звучала вся боль Джона Бреннигена, скопившаяся за долгие годы.

Затем ураган стих, мусор улегся на пол. Вряд ли капитану понадобилось выпускать воздух наружу для этого небольшого представления. Должно быть, он открыл отсек в трюме, где обычно поддерживался вакуум. Но эффект был такой же, как от утечки при разрушении корпуса. Очень сильный удар по нервам.

Илиа Вольева встала. Кажется, все кости целы.

Она отряхнулась, достала новую сигарету. Курила минуты две, пока не успокоилась настолько, насколько вообще можно успокоиться в такой ситуации.

Заговорила опять, терпеливо, как при общении с истеричным ребенком:

– Хорошо, капитан. Вы свою точку зрения выразили ясно. Оружие под вашим контролем, и это не оспаривается. Но поймите: мы здесь не о мелочах говорим, не о местных дрязгах. Ингибиторы неспроста явились к Дельте Павлина. Они вторглись в человеческое пространство. И это лишь начало. Они не остановятся, уничтожив все живое на Ресургеме во второй раз за миллион лет. Для них это лишь разминка. Они пойдут дальше. Наверное, на Окраину Неба. Потом будут Шива-Парвати, Гранд-Титон, Морская Пена, Заструга. Может, и Йеллоустон. Или даже Первая Система. Да не важно, в каком порядке. Рано или поздно они покончат со всеми. Десятилетия это займет или века – им все равно. Главное, покончить с нами, стереть все человеческие свершения, начиная с каменного века. Нас вычеркнул из бытия. Я гарантирую: стрельбы будет достаточно, пусть и неизвестно, кто останется победителем. Вот только плохо, что мы не увидим финала. И невозможно передать словами, как это бесит меня.

Она глубоко затаилась, выдохнула. Принесенные вихрем крысы уже разбежались, корабль казался почти нормальным. Может, простил небольшую дерзость?

– Пока машины не обращали на нас внимания. Но рано или поздно обратят. Хотите услышать мои соображения, почему на нас еще не напали? Возможно, машины попросту нас не видят, их восприятие настроено на объекты намного крупнее, чем одинокий субсветовик. А может, нас не воспринимают как угрозу. К чему отвлекаться на мелочовку, когда можно уничтожить всех одним махом? Думаю, они мыслят именно так. Не стоит гоняться за единственной мухой, если собираешься истребить весь вид. Чтобы победить этого врага, необходимо думать, как он. Капитан, нам нужно оружие.

Рубка содрогнулась, сфера и все огни погасли. Вольева посмотрела на браслет и не удивилась, обнаружив, что корабль снова погружается в кататонию. Повсюду роботы бросали работу. Даже часть насосов отключилась – ощущалась перемена в многоголосом слитном гудении. Лабиринт коридоров теперь погрузится в темноту. Перестанут нормально работать лифты. В течение нескольких дней, а то и недель, простое выживание на борту потребует максимума усилий.

– Капитан, пожалуйста, поймите, – попросила Вольева тихо, не уверенная, что ее слушают, – я отсюда не уйду. И черные машины тоже.

Стоя в темноте, Вольева закурила сигарету, затем вынула фонарь, включила и покинула рубку.

Триумвиру предстояло много работы.

Ремонтуар стоял на клейкой поверхности кометы, где находился завод Скади, и махал рукой приближающемуся судну.

Небольшое, чуть больше корвета, доставившего Ремонтуара на комету, оно двигалось медленно, опасаясь подлететь слишком близко к черной поверхности. Из корпуса торчали округлые башенки. Ремонтуар поморщился, когда по визору шлема скользнул красный луч прицельного лазера. Луч выписывал узоры на комете, проверяя, нет ли ловушек и мин.

– Вы сказали, что вас двое, – загудел в шлеме голос командира приближающегося судна. – Я вижу только одного.

– Скади ранена. Она сейчас внутри кометы, за ней ухаживает Главный конструктор. Зачем вы используете голосовую коммуникацию?

– Учитываю возможность ловушки.

– Я Ремонтуар. Вы меня не узнаете?

– Повернитесь налево, чтобы я мог видеть ваше лицо сквозь шлем.

Пару минут судно изучало Ремонтуара, затем приблизилось, выстрелило якоря – они вонзились близ все еще торчащих трех якорей корвета с оборванными тросами. Ремонтуар ощутил дрожь от удара, пленка среагировала и крепче прихватила подошвы.

Он попытался установить нейросвязь с пилотом.

– Теперь вы узнали меня?

В корпусе корабля открылось отверстие шлюза, наружу вышел сочленитель в полной боевой броне. Он прыгнул, опустился на поверхность кометы в двух метрах от Ремонтуара. Нацелил оружие. Стволы корабельных пушек тоже уставились на старого сочленителя. Тот понял: одно неверное движение – и начнется стрельба.

Сочленитель в доспехах обратился по нейросвязи:

– Что вы здесь делаете? Кто такой Главный конструктор?

– Боюсь, этого я вам сказать не могу. Дело Узкого совета, оно касается нашей общей безопасности. Как вы, наверное, уже догадались, эта комета – одна из наших секретных баз.

– В экстренном сообщении указано, что вас прилетело сюда трое. Где доставивший вас корабль?

– Объяснить это будет нелегко.

Ремонтуар попытался связаться напрямую – было бы гораздо проще, если бы солдат заглянул в память, – но тот надежно заблокировал доступ.

– Вы попробуйте.

– С нами был Клавэйн. Он угнал корвет.

– Почему он это сделал?

– Я не могу ответить на такой вопрос, не раскрыв предназначения этой кометы.

– Попробую угадать сам: опять дела Узкого совета?

– Правильная догадка.

– Куда направился корвет?

Ремонтуар улыбнулся. К чему теперь играть в прятки, все уже и так вышло на поверхность.

– Наверное, к центру системы. Куда еще ему лететь? К Материнскому Гнезду он не вернется.

– И давно это случилось?

– Более тридцати часов назад.

– Ему понадобится менее трехсот, чтобы достичь Йеллоустона. Почему вы не подняли тревогу ранее?

– Я старался как мог. Но у нас возникли осложнения со здоровьем Скади. К тому же потребовалось немало усилий, чтобы убедить Главного конструктора послать сигнал Материнскому Гнезду.

– Осложнения со здоровьем?

Ремонтуар указал на истерзанную поверхность кометы вблизи входного отверстия.

– Как я уже говорил, Скади ранена. Ее нужно доставить в Материнское Гнездо как можно скорее.

Ремонтуар пошел, осторожно переставляя ноги. Корабельные пушки продолжали следить за каждым его движением, готовые в любой момент создать в боку кометы миниатюрный кратер.

– Она жива?

Ремонтуар покачал головой:

– Боюсь, в данный момент – нет.

Глава двенадцатая

Клавэйн вынырнул из наведенного сна, полного песчаных штормов и обваливающихся стен. Пробуждение было безрадостным. Не сразу он понял, где находится. Затем вернулась память о недавних событиях: заседание Узкого совета, полет вместе со Скади к верфи-комете. Вспомнился Главный конструктор и спрятанная в комете эскадра, несомненно предназначенная для эвакуации. Угон корвета, направленного к центру системы на максимальной тяге.

Клавэйн сидел в пилотском кресле. Он коснулся сенсоров приборной панели, активировал дисплеи. Те развернулись вокруг, яркие, будто подсолнухи. Неразумно было бы позволить корвету сообщаться с мозгом напрямую – Скади могла подсадить в сеть блокирующий рас-судок вирус. Конечно, вероятность этого невысока, до сих пор корабль подчинялся безогово-рочно, но нет смысла рисковать.

По раскрывшимся дисплеям с чудовищной скоростью полетели вереницы данных – кор-вет проверял свои системы. Клавэйну пришлось значительно увеличить скорость восприятия, чтобы разобраться с символами и схемами. Корабль пострадал при старте с кометы, но кри-тических повреждения не были; значит, можно выполнить задуманное. Дисплеи показали и тактическую ситуацию в окрестностях, выдавая условное изображение в логарифмическом масштабе. Клавэйн тщательно изучил текущее расположение демархистских и сочленитель-ских кораблей, баз, автономных роботов и самонаводящихся мин. В трех световых часах раз-ворачивалась масштабная битва. Но ближе – ничего. И никаких признаков погони, выслан-ной из Материнского Гнезда. Никаких известий о дезертирстве. Конечно, это не значило, что погоня не снаряжена, ведь информацию о тактической обстановке Клавэйн черпал из общей системной сети, не рискуя использовать сканеры корвета. Активный поиск выдал бы местона-хождение беглеца любому, взглянувшему в нужном направлении.

Итак, заметного всем отклика Материнского Гнезда нет. И это обнадеживает.

Клавэйн улыбнулся, пожал плечами и сразу вспомнил о сломанном ребре. Болело уже не так сильно – перед отходом ко сну Клавэйн надел медицинский жилет: магнитное поле, воздействуя на область перелома, заставляло кость срастаться быстрее. Боль в груди живо под-твердила: события на комете и дезертирство – не плод воображения. И на руке, взрезанной до кости пьезоножом, – заплата. Но эта рана была чистой. Клавэйн позаботился о ней, прежде чем уснул.

Значит, все правда. Он, Клавэйн, взялся за старое. А ведь был момент, когда, толком не проснувшись, он счел недавно произошедшее всего лишь рожденным тревогой кошмаром. Такие кошмары всегда мучают любого солдата, у которого осталась хоть крупинка совести – и который повидал достаточно войн, чтобы понимать: нередко кажущееся самым правильным впоследствии оборачивается тягчайшей ошибкой. Однако он это сделал. Предал свой народ. Пусть его мотивы сколь угодно чисты и возвышенны, факт остается фактом: он бросил сочле-нителю, доверивших ему важнейший секрет.

Ему не хватило времени как следует оценить последствия измены. Едва увидев эвакуаци-онный флот, он понял: есть лишь одна возможность удрать, а именно украсть корвет. Если бы промедлил хоть немного, скажем до возвращения в Материнское Гнездо, несомненно, Скади разгадала бы его намерения. Ведь уже подозревала, но ей трудно было пробираться сквозь незнакомую архитектуру мозга, читать устаревшие нейроимплантаты, полузабытые протоколы обработки данных.

Нельзя было дать Скади время разобраться толком. Пришлось действовать быстро, зная, что он, наверное, больше не увидит Фелку. Вряд ли останется на свободе или вообще в живых, когда попытка бегства придет к планируемому финалу. К самой трудной, решающей стадии. Как хорошо было бы увидеть Фелку перед бегством. Конечно, Клавэйн не убедил бы ее удрать

вместе. И даже если бы чудом смог, с ней побег оказался бы неосуществимым. Но Клавэйн позволил бы ей узнать и понять его намерения. Она бы не выдала тайны, ни в коем случае. Может, и не согласилась бы, но отговаривать бы уж точно не стала. И когда бы пришла пора навсегда распрощаться, возможно, Фелка ответила бы на вопрос, который он никогда не отваживался задать, – вопрос о далеком прошлом, о гнезде Галианы, о страшной войне на Марсе и его первой встрече с Фелкой. Клавэйн спросил бы Фелку: может, она его дочь?

А теперь придется доживать, не зная ответа. Хотя, если бы и остался, наверное, никогда бы не набрался решимости спросить. Ведь сколько лет прошло, а он так и не задал вопрос. Но теперь впереди лишь изгнание, плен, смерть. И невозможность узнать простую человеческую правду давит на плечи свинцом.

Надо к этому привыкнуть.

Уже приходилось дезертировать, оставлять за плечами былую жизнь. Клавэйн выжил, оправился от потрясения. Теперь он намного старше, но не столь уж немощный, чтобы не выдержать тягот изгнания. Секрет выживания в том, чтобы сосредоточиться на насущном, сиюминутном. Дела обстоят не так уж плохо – ведь жив, и ранения нетяжелые. Возможно, вдогонку уже запустили ракеты-перехватчики, но, скорее всего, недавно, иначе корвет уже засек бы их. Кто-то – вполне возможно, что Ремонтуар, – сумел задержать погоню, дать фору другу. Не слишком большую, но и такая лучше, чем мгновенное превращение в облако ионизированного газа.

Клавэйн невесело улыбнулся – если и прикончат, то, по крайней мере, вдали от дома.

Поскреб в бороде. Из-за перегрузки это потребовало немалых усилий. Двигатели корвета еще выдавали максимальную тягу, создавая ускорение в три g – солидная прибавка к весу. Корвет шел ровно, будто притягиваемый массивной звездой. Каждую секунду в реакторе аннигилировала частица антиматерии величиной в бактерию, но пока запасы металлического водорода и антиматерии оставались почти нетронутыми. Корвет может достичь любой точки системы меньше чем за десять дней. Ускориться можно и сильнее, но тогда слишком уж возрастет нагрузка на двигатели.

Но главное, у Клавэйна был план.

Ускорители корвета намного превосходили двигатели демархистов, хотя и работали на ином принципе, нежели сочленительские двигатели для звездолетов. Небольшие, не способные разогнать массу в миллионы тонн до скорости, лишь на доли процента отличающейся от световой, они имели важное тактическое преимущество: практически не излучали нейтрино. А раз Клавэйн отключил активные датчики, засечь корвет могли только по пламени реактивного выхлопа, по вырывающемуся из дюз потоку релятивистских частиц. Но выхлоп был сфокусирован до толщины рапирного лезвия, он рассеивался в стороны очень слабо, и обнаружить его можно было только в узком углу и в непосредственной близости от кормовой части корвета. Конечно, с расстоянием струя выхлопа расширялась – но и слабела, будто свет фонаря с удалением от него. Вдали лишь наблюдатель на оси потока мог зарегистрировать достаточное число фотонов, чтобы зафиксировать положение корабля. В масштабах системы отклонение уже в доли градуса не позволяло определить координаты корвета.

Но изменить угол струи – значит изменить и направление полета. Материнское Гнездо такого не ожидает. Наверняка там полагают: Клавэйн мчится по оптимальной, кратчайшей траектории к Эпсилону Эридана, чтобы направиться затем к Йеллоустону, обращаемому по близкой к звезде орбите. Туда доберется за двенадцать дней. А куда ему податься еще? До другой звезды корвету не дойти. У него едва хватит ресурсов для полета к кометному облаку. А прочие миры системы пока еще под властью демархистов, пусть и номинальной. Пусть их власть и ослабла, но перепуганные колонисты, страшящиеся демархистов, могут атаковать, несмотря на заверения в дезертирстве и намерении передать важные военные секреты.

Клавэйн это учитывал. Он составил план еще до того, как ткнул пьезоножом в пленку на поверхности кометы. Может, не самый изящный и разумный замысел и с малыми шансами на успех, но ведь на обдумывание оставались считанные минуты. И Клавэйн использовал их наилучшим образом. Даже потом, когда появилась возможность спокойно все обдумать, ничего лучшего не представилось.

Но для его успеха нужна толика доверия.

– Я хочу знать, что со мной случилось! – потребовала Скади.

На нее посмотрели, затем переглянулись. Она ощущала, как лихорадочно скачут их мысли, как напряжена, наэлектризована обстановка – будто перед грозой.

Первый хирург изобразил спокойствие и уверенность. Решительно проговорил:

– Скади, послушайте...

– Я хочу знать, что со мной случилось!

– Главное, вы живы. Были тяжело ранены, но выжили. Но пока нуждается...

Деланое спокойствие подвело врача. Он запнулся.

– Нуждаюсь в чем?

– В нормальном лечении. Но все будет хорошо, уверяю.

Почему-то Скади не могла заглянуть в их головы. У большинства сочленителей такая изоляция вызвала бы крайне неприятные и пугающие ощущения и мысли, но Скади была неплохо подготовлена к подобному. Как-никак она состояла в Узком совете.

– Что не в порядке с моими имплантатами?

– С ними все в порядке.

Скади вспомнила, что главного хирурга зовут Делмар.

– Так почему же я не слышу другие разумы?

Она поняла, каким будет ответ, еще не завершив фразы. Эти люди не хотят, чтобы Скади увидела себя их глазами. Не желают, чтобы узнала в полной мере о случившемся с ней.

– Скади...

– Не трудитесь придумывать объяснения. Почему меня разбудили?

– С вами захотели встретиться.

Она не могла двинуть головой – только глазами. Скосив их, заметила Ремонтуара, приближающегося к ее койке. Он был облачен в белоснежный халат поверх тускло-белой одежды. Голова казалась отсоединенной от тела странно колышущейся сферой. Перед ним расступились длинношеие медицинские роботы. Главный хирург скрестил на груди руки, посмотрел на гостя с крайним неодобрением. Прочие врачи быстро покинули комнату.

Скади глянула на свою кровать, но увидела только расплывчатую белизну, возможно иллюзорную. Рядом слышалось тихое жужжание. Обыкновенная больничная обстановка.

Ремонтур присел рядом. Спросил:

– Что вы помните?

– Скажите, что со мной произошло, и я расскажу, что помню.

Ремонтур глянул на хирурга и позволил Скади уловить мысль, посланную Делмару.

– Боюсь, вам придется нас оставить. И забрать с собой ваши машины, поскольку они содержат записывающие устройства.

– Ремонтур, мы оставим вас на пять минут, не больше. Вам хватит?

– Раз нельзя больше, придется уложиться.

Ремонтур кивнул и посмотрел, улыбаясь, как хирург покидал комнату, гоня перед собой роботов. Те грациозно изгибали длинные шеи, проходя в дверь.

– Вы уж извините...

– Ремонтур, всего пять минут!

Скади попыталась шевельнуть головой – безуспешно.

– Ремонтуар, подойдите ближе. Я плохо вижу вас. Врачи не захотели объяснить, что со мной случилось.

– Вы помните комету? С нами был Клавэйн, вы показывали ему строящиеся корабли.

– Помню.

– Клавэйн запустил двигатели, прежде чем мы смогли подняться на борт. Корвет был еще пришвартован.

Скади помнила, что взяла Клавэйна с собой, направляясь к тайной верфи, – но больше ничего в памяти не осталось.

– А он сумел удрать?

– Да, но об этом позже. Клавэйн включил двигатели, не отдавая швартовы. Они оборвались. Вас зацепило лопнувшим тросом.

Скади подозревала с самого пробуждения: с ней произошло что-то по-настоящему скверное. Но что именно, представить не могла.

– Зацепило?

– Ранило. Очень тяжело. Если бы вы не были сочленителем, не имели имплантатов, помогающих справиться с шоком, боюсь, погибли бы – несмотря на все меры, принятые системами скафандра.

– Черт возьми, так покажите мне меня!

– Здесь нет зеркала. Без него – никак. Я не могу преодолеть установленную Делмаром нейроблокаду.

– Тогда расскажите! Ремонтуар, опишите, что со мной!

– Скади, я пришел не для этого... В самом ближайшем времени Делмар погрузит вас в рекуперативную кому. Когда проснетесь опять, будете здоровы. Я пришел спросить о Клавэйне.

Скади подавила желание немедленно выпытать, что же с ней стряслось. Спросила:

– Он еще жив?

– Да. Его пока не сумели остановить.

Несмотря на гнев и отчаяние, дело Клавэйна интересовало Скади едва ли не больше, чем собственное состояние. К тому же одно с другим связано, не так ли? Непонятно, что случилось, но ведь это дело рук Клавэйна. И не важно, намеренно он ранил ее или нет.

В предательстве случайности не бывает.

– Где он?

– Забавно, но никто, похоже, не знает. Его выхлоп засекли – Клавэйн направлялся к центру системы. Мы полагаем, к Йеллоустону и Ржавому Поясу.

– Демархисты же его на части разорвут!

– Да, они питают к нему особые чувства. Но теперь, похоже, он летит в другую сторону. Сменил направление. Куда – непонятно. Выхлоп его двигателей мы потеряли.

– У нас по всей системе мониторы. Наверняка он попал в поле зрения хотя бы одного.

– К сожалению, Клавэйну известно их расположение.

– Ракеты выпущены?

– Да, но ни одна не подобралась на достаточное расстояние, чтобы навестись самостоятельно. Им не хватило топлива, чтобы вернуться в Гнездо. Пришлось взорвать.

Скади почувствовала текущую по подбородку слюну.

– Ремонтуар, зарубите на носу: мы должны его остановить!

– Но если мы и сумеем засечь выхлоп, ракеты уже не догонят цель. И ни один из наших кораблей не догонит.

Скади постаралась обуздать гнев. Заметила уже спокойней:

– У нас есть прототип.

– Даже «Паслен» не настолько быстр – по крайней мере, в масштабах системы.

Скади молчала несколько секунд, прикидывая, какие сведения можно раскрыть, не нарушив тайны. В конце концов, дела Внутреннего святилища необходимо хранить в секрете даже от Узкого совета.

– Ремонтуар, этот корабль достаточно быстр.

Открылась дверь. В нее проскочил робот, за ним показался Делмар. Ремонтуар встал и вытянул руки ладонями вперед.

– Пожалуйста, еще минуту...

– К сожалению, более не вижу возможности оставить вас наедине, – хмуро заявил Делмар.

Скади зашипела. Ремонтуар приблизился, нагнулся так, что их головы разделяло несколько сантиметров, и контакт разумов стал возможным без усиливающей аппаратуры.

– «Паслен» сможет догнать. Порог его ускорения намного выше, чем вы думаете.

– Насколько выше?

– Намного. Увидите сами. Вам достаточно знать, что «Паслен» сумеет взять след корвета и приблизиться на дальность выстрела. Само собой, вы будете со мной на «Паслене». Ведь вы солдат. Знаете оружие гораздо лучше, чем я.

– Быть может, нам бы стоило подумать о способе возвратить его живым?

– Вам не кажется, что время для этого уже прошло?

Ремонтуар промолчал, но Скади поняла: она угодила в самую точку. Вскоре он поймет ее правоту и согласится. Ремонтуар – сочленитель до мозга костей и потому примет любой образ действий, сколь угодно жестокий, если он во благо Материнского Гнезда. В этом разница между Ремонтуаром и Клавэйном.

– Скади...

– Да?

– Если я соглашусь на ваше предложение...

– У вас есть встречное требование?

– Не требование, просьба. Пусть к нам присоединится Фелка.

Скади сощурилась. Хотела уже отказать, но вдруг осознала, что причина отказа, которую она хотела привести, недействительна. Ведь Фелка тоже член Узкого совета, и ее присутствие не скажется на секретности операции.

– Чем же полезно ее участие? – спросила Скади.

– Это зависит от ваших намерений. Если вы отправляете вдогонку расстрельную команду, Фелка, конечно же, без надобности. Но если вы хотите вернуть Клавэйна живым – а живым, полагаю, вы должны его вернуть, – тогда ее полезность переоценить трудно.

Скади понимала, что он прав. Хотя признавать это было неприятно. Клавэйн нужен, чтобы вернуть «адское» оружие. Без Клавэйна операция сильно затруднится. Потому весьма заманчиво привезти его назад в Гнездо и высосать начисто накопленный за многие годы военный опыт. Но захват неизмеримо трудней, чем убийство дальнодействующим оружием. А пока Клавэйн жив, есть вероятность его попадания к демархистам. Те, несомненно, с удовольствием узнают о новой кораблестроительной программе, о намечающейся эвакуации и тайном страшном оружии.

Не исключено, что после таких известий демархисты воспрянут духом и приобретут новых сторонников, до сих пор сохранявших нейтралитет. Если соберутся с силами и при поддержке ультра и черт знает кого еще предпримут отчаянную атаку на Материнское Гнездо, все может рухнуть.

Нет. Клавэйна следует убить. Здесь и спора быть не может. Вместе с тем нужно создать впечатление открытости для чужого мнения, готовности согласиться. А значит, согласиться с присутствием Фелки.

– Это шантаж?

– Нет, Скади. Разумное предложение. Если кто и может переубедить Клавэйна, так это Фелка.

– Он не послушает ее, даже если...

– Даже если она его дочь? Это вы хотели сказать?

– Ремонтур, он старик. Причем с маниакальными идеями. Я не хочу нести ответственность за его бредни.

Роботы расступились, позволяя Ремонтуру покинуть комнату. Скади наблюдала, как овал его лица, кажущийся независимым, отделенным от тела, вдруг пропал, будто лопнул воздушный шарик. В ходе разговора казалось иногда: есть щели в нейроблокаде, пути, по вполне понятным причинам не перекрытые Делмаром полностью. Мгновениями, словно при вспышках стробоскопа, открывалась возможность заглянуть в разум Ремонтура. Наверное, он и не догадывался о подглядывании. А может, Скади лишь вообразила, что подглядывала?

Вообразила или нет, Ремонтура наполняли ужас и жалость. Что же он увидел в ней?

– Делмар, я хочу знать! – резко произнесла она.

– Скади, это потом, после выздоровления. А сейчас я должен вернуть вас в кому.

– Гад! Покажи сейчас!

Он приблизился. Робот с длинной лебяжьей шеей выглядывал из-за его плеча, хромированные сочленения шеи блестели. Машина крутила головой, рассматривая и оценивая.

– Хорошо. Но не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Блокада ушла – будто с лязгом упали тяжелые стальные заслоны. Хлынул поток данных. Скади увидела себя глазами Делмара.

В лежащей на больничной койке без труда опознала себя – голова удивительным образом осталась нетронутой. Но остальное...

Скади передернуло от омерзения, словно при виде древней фотографии в патолого-анатомическом альбоме. И захотелось скорее перелистнуть страницу.

Оборвавшийся трос рассек ее надвое. Полоснул наискось, от левого плеча к правому бедру. Будто скальпелем отрезал ноги и левую руку. Жизнеподдерживающая аппаратура закрыла раны глянцевито-белым панцирем, словно огромным нарывом, наполненным белесым гноем. Под панцирем гудело и жужжало. Откуда выходили трубки, несли жидкости в приземистые белые модули у кровати. Со стороны казалось, будто Скади закована в растущий кристалл белого металла. Он скоро поглотит ее, превратит в химеру, фантасмагорию.

– Делмар...

– Скади, мне очень жаль, но я же предупреждал...

– Вы не понимаете... Это состояние меня не беспокоит. Ничуть. Разве я не сочленитель? У нас все можно починить и вылечить, было бы время. Я уверена, вы сможете вернуть меня в прежнее состояние.

Она сразу ощутила чувство облегчения, затопившее разум врача.

– Да, конечно, со временем я смогу...

– Проблема в этом «со временем». Самое большее через три дня мне надо быть на корабле.

Глава тринадцатая

Торна пришлось силой тащить в офис инквизитора. Скрипнула большая дверь, и вот он внутри, глядит на женщину, стоящую спиной к нему у окна. Выглядела она меньше и моложе, чем он ожидал, – ни дать ни взять девочка-подросток, напялившая взрослую одежду. Обута в начищенные до блеска сапоги. В них заправлены темные брюки. Кожаная однобортная куртка великовата, затянутые в перчатки руки тонут в рукавах, подол до колен. Черные блестящие волосы зачесаны назад, спадают гладко до шеи, а там чуть завиваются, похожие на перевернутые знаки вопроса. Голова чуть повернута, виден профиль: кожа немного темнее, чем у Торна; тонкий, чуть крючковатый нос над небольшим ртом; губы сурово сжаты.

Она обернулась и сказала стоящему у двери охраннику:

– Вы свободны.

– Мэм...

– Я сказала: вы свободны!

Охранник ушел. Торн стоял, чуть покачиваясь, вздрагивая. Женщина то и дело уплывала из фокуса. Она очень долго смотрела молча. Наконец заговорила, и Торн узнал голос, доносившийся прежде из интеркома в коридоре.

– Вас не слишком сильно избили? Поверьте, мне очень жаль.

– А уж как жаль мне...

– Я всего лишь хочу побеседовать.

– Может, вам стоит лучше следить за тем, что случается с вашими гостями?

Говоря, Торн ощутил вкус крови во рту. Вот мерзавцы!

– Не пройдете ли со мной туда? – Она указала на дверь в задней стене, похожую на вход в личный кабинет. – Нам кое-что необходимо обсудить.

– Спасибо, мне и тут удобно.

– Вообще-то, я приказала. Откровенно говоря, Торн, мне на ваше самочувствие трижды плевать.

Он задумался. Сумела ли эта женщина уловить его реакцию? Мгновенное расширение зрачков, выдающее истинный отклик на внезапный вопрос? А может, сейчас в шею уткнулся луч лазерного сенсора, измеряющего соленость кожи? В любом случае характерный отклик от нее не укрылся. По слухам, у инквизиции есть настоящий сканер памяти, тщательно оберегаемый еще с первых дней существования колонии.

– Не знаю, за кого вы меня принимаете, но...

– Да знаете вы! Хватит играть. Идите за мной.

Он прошел в другую комнату – меньше размерами, без окон. Осмотрелся, высматривая ловушку или технику, способную быстро превратить это помещение в пыточную. Но комната выглядела невинно: вдоль стен – сплошь этажерки, распираемые бумагами, на единственной свободной стене – карта Ресургема, усеянная булавками и огоньками. Инквизитор предложила Торну кресло у широкого стола, занимавшего большую часть пространства. Напротив сидела другая женщина, уперев локти в столешницу. С виду старше инквизитора, но такая же сухая и жилистая. При шляпе, одета в тяжелое серо-бурое пальто с флисовым воротником и манжетами. Обе женщины странно походили на птиц: тонкокостные, но проворные и крепкие. Сидевшая за столом курила.

Торн опустился в предложенное кресло.

– Кофе?

– Спасибо, нет.

Курящая подтолкнула к нему пачку сигарет:

– Закуривайте!

– Спасибо, но и этого не нужно.

Однако пачку Торн взял, повертел в пальцах, рассматривая непривычные рисунки и логотипы. Произведено не в Кювье. Похоже, и не на Ресургеме. Подтолкнул пачку назад, к старшей женщине:

– Я могу идти?

– С чего бы? Мы еще и не начинали.

Инквизитор налила себе кофе, уселась рядом с курящей.

– Начнем со знакомства. Вам известно, кто вы, нам известно, кто вы, но вам вряд ли известно, кто мы. Конечно, некоторое представление обо мне вы имеете... но вряд ли правильное. Мое имя Виллемье. А это моя коллега...

– Ирина, – быстро сказала старшая.

– Да, Ирина. А вы, вне сомнений, Торн. Тот, кто причинил нам в последнее время столько вреда.

– Я не Торн. Правительство даже понятия не имеет, кто такой Торн.

– И откуда вы это знаете?

– Просто читаю газеты.

– И вы правы. Департамент внутренних угроз ничего не знает о Торне. Но это исключительно потому, что я не даю ему выйти на ваш след. Вы представить не можете, чего мне это стоит. Сколько времени, средств и нервов я на это трачу.

Он пожал плечами, стараясь изобразить равнодушие:

– Это ваша проблема, не моя.

– Торн, я на вашу благодарность и не рассчитывала. И это естественно. Поскольку вы пока не видите, так сказать, общей картины.

– Что за общая картина?

– К этому мы вскоре вернемся. А сейчас давайте поговорим о вас. – Виллемье похлопала по толстой папке, лежащей на краю стола, придвинула ее к Торну. – Пролистайте. Получите удовольствие.

Он взял не сразу. Смотрел на инквизитора, размышляя. Открыл наугад, посередине, просмотрел несколько подшитых документов.

Словно ящик открыл, набитый ядовитыми змеями.

Он увидел хронику своей жизни в мельчайших подробностях, с иллюстрациями и комментариями. Прочитал свое настоящее имя – Ренцо – и детали биографии. Все появления на публике за последние пять лет. Все сколько-нибудь значительные антиправительственные акции, в которых он принял участие, – с аудиозаписями, фотографиями, отчетами информаторов.

– Интересно-то как, – ухмыльнулась старшая женщина.

Торн листал, и мороз шел по коже. В живот будто налили ледяного свинца. За такие дела уже раз десять можно казнить, после образцово-показательных процессов.

– Я не понимаю, – растерянно проговорил он.

Конечно, не хотелось валиться на спину и задирать лапки после стольких лет борьбы. Но что поделать?

– Торн, чего вы не понимаете? – спросила Виллемье.

– Ваш Департамент... ведь он занимается внешними угрозами, не внутренними. Вы отвечаете за поиски триумвира. Я же не... В общем, разве вы должны интересоваться Торном?

– Еще как, – кивнула инквизитор, доливая кофе.

Старшая женщина затаилась, выдохнула клуб дыма:

– Торн, дело в том, что мы с коллегой саботируем работу Департамента внутренних угроз. Стараемся, чтобы вас не поймали. Поэтому нам нужно знать о вас не меньше, чем знает Департамент, а, наоборот, гораздо больше.

Какой странный акцент. Торн попытался вспомнить, где слышал такой, и не смог. Возможно, в молодости?

– А зачем саботировать?

– Дело в том, что вы нужны нам живым.

Старшая улыбнулась – мгновенное движение, быстрое и резкое. Будто обезьянья гримаска.

– Это обнадеживает.

– Сейчас вы захотите узнать причину, – заметила Виллемье, – и я отвечу. Так мы и перейдем к общей картине. Очень прошу, слушайте хорошенько.

– Я весь внимание.

– Этот Департамент инквизиции, предназначенный для противодействия внешним угрозам, вовсе не то, чем кажется. Возня с преследованием военного преступника Илия Вольевой – не более чем прикрытие настоящей, чрезвычайно секретной деятельности. Кстати, Вольева умерла много лет назад.

Ему показалось, что инквизитор лжет, но странным образом ее ложь куда ближе к правде, чем все известное Торну о Департаменте внешних угроз.

– Так зачем делать вид, что вы разыскиваете ее?

– Затем, что наш поиск тесно с нею связан. Мы хотим добраться до ее корабля. Имя Вольевой – отличное прикрытие для таких поисков, позволяющее не упоминать нашу истинную цель.

Старшая женщина, назвавшая себя Ириной, кивнула.

– В сущности, весь этот Департамент занят кораблем Вольевой, и более ничем. Прочее – лишь маскировка, хотя неимоверно сложная, включающая без малого войну с полудюжиной других департаментов.

– Что же может быть таинственного в поисках корабля?

Женщины переглянулись.

– Я расскажу, – заявила Ирина в тот момент, когда инквизитор уже открыла рот. – Операция засекречена из-за неизбежных волнений в случае огласки.

– Не понимаю.

– Проще говоря, паника будет. – Она махнула сигаретой для вящей убедительности. – Официально, еще со времен Жирардо, правительство всегда заявляло: главная цель – терраформирование. После проблем с Силвестом правительство уцепилось за терраформирование еще крепче. Сделало его центральной идеей, главным своим оправданием. Любой, кто оспаривает, – нелоялен. Враг народа. Уж кому-кому, а вам это втолковывать едва ли нужно.

– И как в эту картину вписывается корабль?

– Как способ бегства. Одно ведомство обнаружило удивительное и весьма пугающее обстоятельство. – Ирина выпустила дымное облачко. – Внешняя угроза и в самом деле есть – но не того рода, какой мы представляли себе изначально. Ее изучение еще продолжается, но вывод однозначен: Ресургом нужно эвакуировать, возможно, в пределах ближайшего года или двух. Самый оптимистичный прогноз – пять лет. И кажется, он чрезмерно оптимистичный.

Ирина пристально посмотрела на Торна – хотела знать, какой эффект произвели ее слова. Возможно, ожидала, что придется повторить их, если он не поймет с первого раза.

– Извините, но эта неуклюжая ложь меня не убеждает. – Он покачал головой.

– Вы не верите? – Женщина, назвавшая себя Ириной, выглядела оскорбленной.

– В это трудно поверить.

– Но вы же всегда хотели покинуть Ресургом! – вмешалась инквизитор. – Всегда утверждали, что колония в опасности!

– Я хочу улететь отсюда. А кто не хочет?

– Слушайте-ка сюда! – сказала Виллемье резко. – Вы герой для множества людей. Большинство их не доверит правительству даже шнурки завязать. А некоторая часть этого множества полагает, что вам известно местонахождение одного-двух шаттлов и вы планируете массовый исход в космос своих единоверцев.

– И что? – Он пожал плечами.

– Конечно, это неправда – шаттлов в вашем распоряжении никогда не было, – но, принимая во внимание обстоятельства, не исключено, что они появятся. – Инквизитор подалась вперед, заговорила с энтузиазмом: – Давайте представим, что некий секретный отдел правительства находит реально существующую угрозу Ресургему. Этот же самый отдел после многих усилий определяет местонахождение корабля Вольевой. Изучение корабля показывает: он поврежден, но готов к полету. Самое важное: он может нести пассажиров. Огромное их количество! Достаточное, чтобы эвакуировать всю планету, – конечно, если разместиться в крайней тесноте.

– Будто ковчег? – спросил Торн.

– Да, – подтвердила инквизитор, явно довольная его ответом. – В точности как Ноев ковчег.

Подруга Виллемье элегантно взмахнула сигаретой, зажатой в длинных тонких пальцах. Ее изящная кисть напомнила Торну птичье крыло.

– Наличие корабля решает лишь половину проблемы. Дело в том, что объявление правительства о корабле будет встречено, мягко говоря, с изрядным скепсисом. И вот тут в игру вступаете вы! – Она ткнула в его сторону сигаретой. – Люди не верят нам, но поверят вам!

Торн качнулся в кресле так, что оно зависло на двух задних ножках. Засмеялся, качая головой. Обе женщины безучастно наблюдали.

– Для этого меня и отлупили внизу? Чтобы легче верилось в подобную чушь?

Виллемье подняла пачку сигарет:

– Они с того корабля.

– Правда? Как мило! Помнится, вы мне сказали, что способов выйти на орбиту нет.

– Их не было. Но теперь они есть. Мы взломали компьютеры корабля и приказали отправить на планету шаттл.

Он насмешливо ухмыльнулся, но подумал, что подобное вполне вероятно. Непросто, но технически осуществимо.

– Собираетесь эвакуировать всю планету одним шаттлом?

– Вообще-то, двумя. – Виллемье закашлялась, затем вытащила вторую папку. – По последней переписи население Ресургема – чуть меньше двухсот тысяч. Шаттл может доставить на орбиту зараз пятьсот человек. Там они перейдут на корабль, способный вместить вчетверо больше. Значит, придется совершить четыреста полетов на орбиту. Большему кораблю потребуется сотня рейсов к звездолету Вольевой. Тут и кроется главная загвоздка. Каждый рейс туда и обратно занимает как минимум тридцать часов – и это не считая погрузки и разгрузки. Так что спокойнее будет оценить общее время рейса в сорок часов. В результате время эвакуации – шесть стандартных месяцев. Немного времени можно сэкономить, подключив еще один шаттл, но вряд ли выиграем больше месяца. И это притом, что две тысячи будут послушно собираться каждые сорок часов, готовые к перелету...

Виллемье улыбнулась, и он почти против воли улыбнулся в ответ. Что уж тут веселого? Перспектива массовой эвакуации, неразберихи, паники и страданий.

– Полагаю, теперь вы начинаете понимать, для чего понадобились нам.

– А если я откажусь, что сделает правительство?

– Нам останется лишь массовое принуждение, – заверила Ирина спокойно, как о чем-то совершенно нормальном и естественном. – Чрезвычайное положение, концлагеря и прочее

в том же духе. Ничего хорошего, словом. Конечно, население взбунтуется. С большой вероятностью прольется много крови.

– Ее в любом случае будет много, – добавила Виллемье. – Массовую эвакуацию целой планеты невозможно организовать без человеческих потерь. Но мы бы хотели свести их число к минимуму.

– С моей помощью? – спросил Торн.

– Да. Если не возражаете, я изложу наш план. – Говоря, она для убедительности после каждой фразы тыкала пальцем в стол. – Прямо сейчас вас отпускаем. Живите, как хотите, а мы приложим все усилия, чтобы Департамент внутренних угроз не вышел на ваш след. Я также гарантирую, что негодяи, избившие вас, понесут наказание... даю слово! А вы распространите информацию о шаттлах. Более того, скажете, что вы выявили непосредственную угрозу Ресургему и нашли средство спасти все население от неминуемой гибели. Ваша организация распусти слухи о скором начале эвакуации и назовет место сбора. Правительство ответит опровержением, попытается дискредитировать, но не слишком убедительно. Люди заподозрят, что вы и в самом деле раскрыли тайну, которую правительство отчаянно хочет сохранить, но уже не способно... Простите, вы еще слушаете?

– Да-да, внимательно! – Он улыбнулся в ответ.

– Отсюда начинается самое интересное. Как только идея укоренится в умах и многие всерьез поверят в нее, правительство арестует вас. Верней, создаст видимость ареста. Но после некоторого промедления оно все же признает: угроза реальна и вы на самом деле получили доступ к кораблю Вольевой. Начиная с этого момента правительство возьмет на себя эвакуацию – на что вы неохотно согласитесь и по требованию народа возглавите ее. Разумеется, ваша роль будет формальной. Властям придется скрипеть зубами и терпеть, а народ не будет спешить с выводом о том, что ему уготовили очередную ловушку. Вы же превратитесь в героя! – Виллемье заглянула ему в глаза, затем быстро отвела взгляд, будто смутившись. – В итоге – общий выигрыш. Планету эвакуируют без особой паники. После вас отпустят и наградят, снимут все обвинения. Ну что, заманчиво звучит?

– Так-то оно так, но в ваших рассуждениях есть пара небольших изъянов.

– Каких же?

– Первая – угроза Ресургему. Вторая – корабль. Вы не сказали, зачем нужно эвакуировать Ресургем. Я хочу знать. Проверить. Как я могу кого-то убедить, если не верю сам?

– Разумное желание. А что с кораблем?

– Вы сказали, что имеете возможность добраться до него. Отлично.

Он посмотрел сперва на старшую женщину, затем на младшую, ощущая нутром: они и порознь смертоносны, а уж если объединятся...

– И что же? – спросила Виллемье.

– Я хочу посетить его и увидеть своими глазами.

В одной световой секунде от Материнского Гнезда произошло странное.

Фелка наблюдала, как уменьшается оставляемая за кормой комета. Так медленно, так сонно, будто древний парусник отплывал от залитого лунным светом острова. Фелка подумала о своей студии в зеленом ядре, о филигранных деревянных головоломках. Вспомнила стену лиц и светящихся мышей в лабиринте. Увидит ли она это снова, вернется ли домой? Даже если вернется, все изменится. Клавэйн погибнет или в лучшем случае попадет в плен. А без его помощи Фелка уйдет в себя, вернется в уютный мир прошлого, когда самым важным в мире была любимая Марсианская Стена. А самым страшным было то, что эта перспектива не ужасала, – напротив, Фелка не могла сдержать радости, предчувствуя такой финал. С живой Галианой было бы по-другому. Даже и без нее, но с Клавэйном... Будь рядом он, умеющий привязать к реальности, к ее давящей безжалостной простоте, все обернулось бы по-другому.

После того как Фелка приставила робота следить за мышами и заперла студию, она отправилась в гробницу – посетить напоследок Галиану. Но дверь отсека, где хранилось замороженное тело, не открылась. Уже не было времени выяснять, в чем причина, – можно было опоздать на «Паслен». Пришлось уйти не попрощавшись, удивляясь возникшему чувству вины.

К чему корить себя? Ведь Галиана ей не мать. Ее объединяет с Фелкой всего лишь толика генетического материала...

Когда Материнское Гнездо стало неразличимым для невооруженного глаза, Фелка вернулась в свою каюту. Спустя час после вылета включилась тяга в один *g*, и на корабле появились «верх» и «низ». Спустя еще два часа, когда Материнское Гнездо осталось в световой секунде за кормой, по интеркому пришло сообщение. Вежливости ради информация доводилась до всех, но предназначалась Фелке – она одна из всех сочленителей на борту не подключилась к общей нейросети.

Это был приказ срочно пройти в нос корабля. Один из техников повел ее чередой коридоров и шахт к отсеку, расположенному намного выше ее каюты. Фелка отказалась загружать карту «Паслена» в кратковременную память – не желала лишить себя средства разогнать скуку, приятной возможности обследовать корабль самостоятельно. Но и так смогла установить: она находится вблизи острого корабельного носа. Внешние стены сильнее искривлены, каюты и отсеки теснее. Вскоре пришла к выводу: на «Паслене» всего дюжина людей, включая ее саму и Ремонтуара, – исключительно члены Узкого совета. Фелка даже не попыталась соединиться с их разумами.

Каюты корабль модифицировал в соответствии с нуждами экипажа. Обычно они представляли собой скудно обставленные глухие чуланы без окон. Однако в каюте Ремонтуара, примыкавшей к внешнему корпусу, был круглый выпуклый иллюминатор. Ремонтуар сидел на пристенной койке – очень спокойный, руки на коленях, пальцы сцеплены – и беседовал с белым роботом-крабом, сидящим под иллюминатором.

– Что случилось? – спросила Фелка. – Зачем меня вытащили из каюты?

– Не могу сказать, – ответил Ремонтуар.

По кораблю разнесся стук и лязг – закрывались многочисленные люки и задвижки.

– Всего лишь мера предосторожности, – заверил краб. – Скоро сможете вернуться в каюту.

Фелка узнала голос, хотя тембр показался странным.

– Скади? Я думала, вы...

– Мне позволили управлять этим роботом, – ответил краб, шевеля крошечными членистыми манипуляторами между передней парой ног.

Держался он на стене, прилепившись подушечками на оконечностях лап. Из-под лоснящейся белой поверхности выступали колючки, стволы, лезвия и острия. Несомненно, это Скади управляла старым боевым роботом, машиной для убийства.

– Решили нас проводить? – спросила Фелка. – Как это любезно.

– Проводить?

– Когда отойдем на несколько световых секунд, дистанционное управление роботом станет не слишком удобным.

– При чем здесь расстояние? Я на корабле, мои каюты лишь уровнем-двумя ниже ваших.

Фелке говорили, что ранения Скади исключительно тяжелы. Доктору Делмару понадобилась целая комната, набитая медицинским оборудованием, чтобы поддерживать жизнь Скади.

– Я не думаю, что...

Краб взмахнул манипулятором: мол, не стоит тратить время на пустую болтовню.

– Извините, я сейчас очень занята. Поговорим позже.

– Неплохо бы, – сказала Фелка. – Нам многое следует обсудить.

– Конечно. Но сейчас мне надо идти – срочные дела.

В стене появилось отверстие, и краб шмыгнул туда, скрылся в корабельных внутренностях. Фелка посмотрела на Ремонтуара:

– Поскольку все здесь – члены Узкого совета, думаю, я могу говорить свободно. Когда вы и Скади были с Клавэйном, у вас заходила речь о «Прологе»?

Ремонтуар ответил очень тихо. Конечно, не было особого смысла шептать – Скади наверняка могла слышать все происходящее на корабле, а также свободно читать содержимое мозга. Но Фелка очень хорошо поняла, почему Ремонтуару захотелось понизить голос.

– Скади не сказала ничего. И солгала насчет того, откуда пришло распоряжение прекратить строительство субсветовиков.

Фелка глянула на стену, приказывая создать что-нибудь пригодное для сидения. Из стены напротив Ремонтуара выдвинулась скамья. Фелка с радостью на нее опустилась. Как хорошо разгрузить ноги! Слишком много времени провела без гравитации в своей студии, и полное *g* корабельного ускорения очень утомляло.

Она глянула в иллюминатор и увидела длинный силуэт двигателя, высвеченный аурой холодного пламени.

– Что же Скади ему рассказала? – спросила Фелка.

– Невнятную байку о том, что Узкий совет собрал и проанализировал сведения о нападениях на звездолеты.

– Вряд ли Клавэйн поверил.

– Само собой. Но она была вынуждена упомянуть «Пролог». Несомненно, хотела, чтобы Клавэйн знал лишь абсолютно необходимый для работы минимум, но целиком уклониться от обсуждения запрета на звездолеты не могла.

– А ведь в центре всего этого именно «Пролог». Думаю, Скади не сомневалась: если дать Клавэйну хоть сколько-нибудь значащую зацепку, он раскопает все, вплоть до Внутреннего святилища.

– Дальше он бы вряд ли продвинулся.

– Кто знает? Не следует его недооценивать. Потому-то Скади и пыталась привлечь Клавэйна в союзники, что у него есть привычка не останавливаться перед мелкими трудностями.

– Но почему просто не сказать ему правду? Если вдуматься, новость о получении Узким советом посланий из будущего не столь уж и шокирующая. Судя по известному мне, содержание этих посланий в лучшем случае обрывочно, вроде туманных бессвязных фантазий.

– Трудно сказать, почему Скади не открыла ему правду. Я участвовала лишь в одном эксперименте, о других практически ничего не знаю.

– А к вашему эксперименту Скади приложила руку?

– Да. Он начался после возвращения из экспедиции, а запрет на строительство субсветовиков был введен намного раньше, еще до того, как Скади присоединилась к сочленителям. Узкий совет занимался «Прологом» и до нее.

Фелка снова посмотрела на белую корабельную стену. Конечно, оба имели полное право, да и вескую причину обсуждать столь важную тему, как «Пролог», ведь он был первопричиной происходящего сейчас. Но все равно Фелка чувствовала себя так, будто вот-вот совершит непростительное, будто стоит на краю чернейшей, мерзейшей измены.

Ремонтуар же продолжал говорить, тихо, но уверенно:

– Когда Скади присоединилась к нам, она очень быстро достигла Узкого совета и приняла участие в «Прологе». Один эксперимент по времени точно совпал с запретом, так что логично предположить недвусмысленное предупреждение об эффекте тау-нейтрино. Но что произошло в других экспериментах? Какая информация поступила в результате них? Новое предупреждение? Или нечто иное?

Он внимательно смотрел на Фелку.

Та уже собиралась ответить, рассказать что-то, но скамейка снизу вдавилась в тело. От резкой перемены веса перехватило дыхание. Фелка ожидала, что давление уменьшится, но легче не становилось. Похоже, и до того причинявший неудобства телесный вес удвоился.

Ремонтуар повертел головой, прикидывая, что происходит.

– В чем дело? – спросила Фелка. – Похоже, мы ускоряемся?

– Определенно.

Фелка проследила за его взглядом, надеясь обнаружить за иллюминатором изменения. Но, похоже, все осталось прежним. Даже голубой свет за двигателями не казался ярче.

Постепенно она приспособилась к увеличенной тяжести, хотя двигаться было по-прежнему неприятно. Но небольшое предварительное обдумывание и экономия усилий позволяли заниматься обычными делами без помех. Тем более что корабельные роботы всячески старались помочь людям – например, если нужно было встать или сесть. Прочие сочленители, все стройнее и легче Фелки, приспособились с обидной для нее легкостью. Внутренние поверхности корабля в нужные моменты твердели и смягчались, помогая двигаться, избегать травм.

Но спустя час ускорение возросло снова, до двух с половиной g . Не в силах более переносить его на ногах, Фелка попросила разрешения вернуться в каюту, но узнала, что в той части корабля пока находиться нельзя. Корабль пришел на помощь – сделал для нее отдельную комнату, выдвинул из стены кушетку. Ремонтуар помог лечь и сообщил, что происходящее ему самому в диковинку.

– Я просто не понимаю, – пожаловалась Фелка, тяжело и хрипло дыша. – Мы ускоряемся все сильнее. Как это возможно? Двигатели же рассчитаны на тягу в одно g .

Ремонтуар пожал плечами:

– Да, обычные сочленительские двигатели выдают тягу в одно g и с нею разгоняют корабль до околосветовой скорости. На большее они не рассчитаны. «Паслен» невелик, но и двигатели у него меньше. На короткое время можно дать тягу и посильней, перегружая их, – но это бы выглядело совсем иначе. Не так, как сейчас.

– И что?

– А то, что мы не можем так ускоряться. Три g – это невероятно. Я не видел никаких дополнительных двигателей. Единственный способ достичь такого ускорения – сбросить две трети массы корпуса после ухода из Материнского Гнезда.

Фелка тоже пожала плечами. Усилие далось тяжело. Она не питала никакого интереса к устройству космических кораблей, для нее они были всего лишь средством перевозки – но логику и связь фактов увидела сразу.

– Значит, эти двигатели могут давать бо́льшую тягу, чем вы полагали.

– Сначала и я так подумал.

– И?

– Не могут они давать бо́льшую тягу. Вы наружу выглядывали? Голубое сияние видели? Это рассеянный свет нашего выхлопа. При трехкратном увеличении тяги он должен стать ярче, причем намного. А он не становится... Наоборот, ослаб, будто двигатели перешли на пониженную мощность.

– Но это же абсурд!

– Да, сущий. Если только дело не в секретной механике Скади.

Глава четырнадцатая

Триумвир Илия Вольева смотрела в сумрак обширного трюма, где хранились пушки, и думала, не совершает ли она жуткую ошибку. Всегда боялась распрощаться с жизнью в результате какой-нибудь вопиющей глупости.

В шлеме зазвучал голос Хоури:

– Илия, не стоит ли нам еще немного над этим подумать?

– Спасибо, не стоит.

Илия снова проверила скафандр, затем считала показатели состояния оружия.

– Илия, я серьезно.

– Я в твоей серьезности не сомневаюсь. Но и думать больше не хочу. Сколько можно? Еще немного, и могу отказаться. А это, учитывая обстоятельства, еще глупее и опаснее, чем лезть сюда.

– Логично... Но я чувствую: кораблю... то есть Бреннигену не слишком понравится самоуправство.

– Не понравится? – задумчиво спросила Илия. Конечно, она могла вызвать недовольство капитана, и еще какое. – Но, возможно, именно это и заставит его сотрудничать, – оптимистично заключила она.

– Или прикончить нас. Ты об этом подумала?

– Хоури!

– Да, Илия?

– Заткнись!

Обе висели в просторном шлюзе, что вел к складу оружия. Несмотря на приличные размеры камеры, женщины с трудом в ней уместались, ведь они прикрепили к скафандрам громоздкие рамы с реактивными микродвигателями, а еще множество приборов и дополнительную броню. В особо важных местах разместили автономных боевых роботов.

– Ладно, раз уж решились – вперед! – примирительно отозвалась Хоури. – Мне это место с самого начала не понравилось. И случившееся с тех пор моего отношения к складу не улучшило.

Они влетели в отсек, толкаемые чередой крошечных импульсов. У «Ностальгии по бесконечности» было пять таких трюмов, колоссальных емкостей, способных вместить целый флот шаттлов или мегатонны груза для какой-нибудь планеты-колонии. Но с того времени, когда субсветовик в последний раз возил колонистов, прошло несколько веков, плавящая чума, переделки и коррозия изменили корабль до неузнаваемости. Очень долго на борту обитало не больше дюжины людей, бродивших по гулким пустым коридорам, словно мародеры по брошенному городу. Но в сущности корабль оставался прежним, даже несмотря на случившееся с капитаном.

Гладкая стена трюма уходила в сумрак, словно бескрайняя ночная равнина. Мглу рассеивали только фонари скафандров. Осветительные приборы в этом отсеке Вольева отремонтировать не сумела. Ими управлял капитан, явно не желавший вмешательства в его дела.

Постепенно стена отошла в сторону, исчезла из виду, и лишь индикаторы в шлемах показывали, куда среди мрака движутся женщины и с какой скоростью.

– Точно в открытом космосе, – пожаловалась Хоури. – Даже трудно поверить, что мы на корабле. Ну и где же пушки?

– Через пятнадцать секунд подлетим к номеру семнадцать.

Среди темноты обозначились контуры орудий. Их фиксировала на месте сложная система зажимов, кронштейнов и балок, соединенных с тянущимся через весь трюм монорельсом. Его, в свою очередь, держала череда огромных, далеко расходящихся пилонов.

Из сорока похищенных с астероида пушек на складе осталось тридцать три. Одну Вольева и Хоури уничтожили на краю системы – оружие взбесилось, зараженное частью вирусной программы, которую сама Хоури занесла на корабль. Шесть артсистем остались в космосе после обстрела Цербера. Их, наверное, можно найти и забрать, но где гарантия, что они заработают снова? К тому же, по оценке Вольевой, эти пушки были куда слабее оставшихся.

Женщины затормозили вблизи семнадцатого номера, отключили движки.

– Семнадцатая, – сообщила Вольева. – Жуткая уродина. Но с ней я кое-чего добилась: залезла в самое программное нутро, до синтаксиса отдельных команд.

– Значит, можешь конструировать программы на его языке? Говорить с ним?

– Разве я не это сказала только что?

Пушки не были похожи друг на друга, хотя во всех угадывался одинаковый конструкторский почерк. Орудие номер семнадцать выглядело как помесь проходческого щита девятнадцатого века с турбореактивным мотором: шестидесятиметровый аксиально симметричный цилиндр с выступами впереди: то ли резцы, то ли турбинные лопатки, но, скорее всего, ни то ни другое. Покрывал артсистему тусклый, местами поврежденный слой металла, отливавшего то бронзой, то зеленью в зависимости от угла, под каким падал свет. Из-за стабилизаторов и выступающих радиаторов казалось, что громадину пытались неуклюже разукрасить в стиле ар-деко.

– Если с этой штуковиной можно говорить, то почему бы не приказать, чтобы выползла из корабля и шарахнула по ингибиторам? – поинтересовалась Хоури.

– Надо же, а я и не знала, что все так просто, – криво усмехнулась Вольева. – Правда, есть ма-аленькая загвоздочка: капитан тоже имеет доступ к оружию. И заблокирует любую мою команду – у него-то административный доступ.

– Хм. И кто же тот гений, который додумался передать капитану все права?

– Этот гений перед тобой. В свое время я пыталась управлять всеми орудиями прямо из рубки. Тогда это казалось хорошей идеей.

– Беда с этими хорошими идеями – из-за них потом жутко болит задница.

– Твоя правда. – Голос Илия стал сухим, деловым. – Ладно, дуй за мной и смотри в оба! Надо проверить блок.

– Приказ ясен!

Женщины полетели через склад, лавируя между креплениями монорельса.

Управляющий блок Вольева приварила к поверхности орудия номер семнадцать. Блок содержал маневровые движки, сканеры и системы управления. Илия мало продвинулась в установлении контроля над содержимым этого трюма. Самые отзывчивые пушки были использованы у Цербера. В свое время она решила объединить управление всеми орудиями в единый узел, позволив доступ к нему человеку. Конечно, для контроля над всеми орудиями сразу требовались соответствующие мозговые имплантаты. Собственно, то решение и привело к нынешним архисложным проблемам.

– Блок выглядит нормально, – отметила Вольева. – Проверю-ка я системы, прозондирую...

– То есть разбудишь оружие?

– Да нет, просто шепну пару ласковых слов.

Вольева набрала команды на массивном терминале-браслете, наблюдая за бегущими перед глазами строчками данных.

– Я буду немножко занята, так что тебе стоит держать ухо востро на случай неприятностей. Поняла?

– Поняла. Э-э... Илия?

– Да?

– Нужно решить насчет Торна.

Вольева не любила, когда ее отвлекают, особенно во время опасной работы.

– А что насчет Торна?

– Ну, ты же слышала: он хочет побывать на борту «Ностальгии».

– Я же сказала «нет». Тут и речи быть не может.

– Тогда мы вряд ли сможем рассчитывать на его помощь.

– А куда он денется? Заставим гада помогать нам!

Хоури вздохнула:

– Илия, он не машина, в которую можно тыкать железом, пока не заработает. Административного доступа к нему нет. Торн – мыслящее существо, человек со своими страхами и сомнениями. Он очень дорожит своим делом и не станет рисковать, если подумает, что мы лжем или утаиваем важное. По его мнению, если мы говорим правду, нет причин отказывать ему в визите на корабль. Он же знает: способ попасть на корабль у нас есть. Вполне естественно, Торн хочет повидать землю обетованную, куда ему предстоит вести свою паству. И ему нужно знать причину эвакуации Ресургема.

Вольева уже преодолела поверхностный уровень коммуникации с программами оружия и теперь углублялась в ядро операционной системы. Пока все шло нормально, она не спровоцировала на враждебный отклик ни корабль, ни пушки. С другой стороны, самое сложное еще и не началось.

– Ничего естественного я в этом не вижу, – проворчала Илия.

– Значит, ты вовсе не понимаешь человеческую натуру. Поверь, если он не увидит корабль, работать с нами не станет.

– А если увидит корабль, сделает то же, что и любой разумный человек: убежит подальше.

– Так ведь мы не покажем места, где трансформация зашла далеко, ограничимся нормальными частями, – вполне возможно, он не испугается и согласится помочь.

Вольева вздохнула. Кажется, дело зашло уже слишком далеко. Наверняка Ана уже, как с нею бывает, все обдумала, приняла решение и теперь будет упорствовать до последнего.

– Он все равно может заподозрить неладное.

– Если правильно себя поведем, не заподозрит. Можно замаскировать трансформацию в небольшой части корабля, достаточной, чтобы создать видимость обстоятельной экскурсии. Сделать вид, что мы ничего не скрываем.

– А ингибиторы?

– Рано или поздно про ингибиторов узнают все. Пусть Торн узнает раньше других.

– И что тогда? Он задаст пару вопросов, сделает простые выводы и поймет, с кем имеет дело.

– Илия, пойми, нам стоит быть пооткровенней с ним.

Вольева разозлилась, и не только потому, что оружие не откликнулось на очередную команду.

– А может, ты пытаешься притащить его сюда, потому что тебе просто этого хочется? Хоури, подумай хорошенько. От твоего ответа зависит наша дружба.

– Сам по себе Торн ничего для меня не значит. Но это наиболее подходящая фигура для наших планов.

Вольева попробовала сформулировать запрос по-другому. Затаив дыхание, ждала – и оружие откликнулось. Из прежнего опыта Илия знала: пара-тройка неправильных обращений – и пушки наглухо отключатся илиотреагируют агрессивно. Но в этот раз получилось. На гладкой поверхности обозначились щели, крышка скользнула вбок. Открылся проход со стенами, заполненными приборами, светящимися тускло-зеленым.

– Я полезла, – объявила Вольева. – Будь начеку.

Она включила движки, пронеслась вдоль корпуса, затормозила и, толкнув себя точным импульсом, залетела внутрь. Остановилась, упершись ногами в стену. Коридор был достаточно

просторным, чтобы громоздкий скафандр со множеством обвесов не цеплялся за стены даже при разворотах.

Не в первый раз Вольева задумалась о том, из какой темной прорвы явилась эта компания монстров. Конечно, пушки созданы людьми, но по разрушительной мощи они далеко превосходят все прочие человеческие изобретения. Века назад, еще до того, как Вольева присоединилась к команде «Ностальгии по бесконечности», был обнаружен тайный склад на безымянном укрепленном астероиде, обращавшемся вокруг безымянной же звезды. Возможно, тщательное исследование и позволило бы установить, кто сделал оружие – или хотя бы владел им прежде. Но не было времени разбираться. Ультра перетащили пушки на борт и удрали, не дожидаясь, когда оглушенные защитные системы астероида придут в себя.

Само собой, Вольева догадывалась, кто мог сделать эти артсистемы. Скорее всего, сочленители. Но разве они бы выпустили такое оружие из рук? И почему не попытались вернуть назад принадлежащее им по праву?

Впрочем, думать об этом – напрасная трата времени. Арсенал уже не один век находится на борту «Ностальгии». Вряд ли кто-нибудь явится за ним.

Она повернулась, рассматривая приборы на стене. Все открыто взору: индикаторы, провода, панели управления, реле, штуковины непонятного предназначения. И уже ощущалось серьезное неудобство. Оружие фокусировало магнитное поле в мозгу, порождая беспричинный страх.

Но Илия бывала внутри пушек и раньше. И привыкла к их реакции.

Она один за другим снимала модули, подвешенные к раме с реактивными двигателями, и крепила их к стене клейкими подушечками. Из модулей, часть которых сделала сама, вытянула разноцветные провода, соединила с оружейной аппаратурой.

– Илия, как ты? – спросила Ана.

– Пока неплохо. Ей не нравится, что я здесь, но выкинуть не может, я же дала правильные коды доступа.

– Уже начала страхом давить?

– К сожалению, да...

На мгновение рассудок захлестнула волна животного, совершенно первобытного ужаса – словно ткнули электродом в мозг, будя древнейшие инстинкты.

– Ана, давай поговорим попозже. Хочется поскорей тут управиться.

– Надо решить насчет Торна.

– Хорошо, но только позже, ладно?

– Пусть он побывает на корабле.

– Хоури, сделай одолжение, заткнись! Хватит о Торне, надо работать!

Вольева замолчала, попыталась сосредоточиться. Пока, несмотря на страх, все шло согласно задуманному. До сих пор лишь однажды Илия внедрялась так глубоко в артсистему, причем в тот раз имела полный доступ и обеспечила своим командам приоритет. Теперь по идее она на том же уровне. Если правильно сформулировать запрос, можно наглухо перекрыть доступ капитану. Конечно, пока такое возможно проделать только с пушкой номер семнадцать. А ведь есть еще тридцать два орудия, причем многие из них абсолютно незнакомые. Но, конечно же, вряд ли нужно применять весь арсенал. Дюжины пушек, наверное, хватит, чтобы расстроить планы ингибиторов.

Но медлить и отвлекаться уже точно не следует...

– Хоури, послушай: план меняется. Незначительно.

– В чем дело?

– Я попытаюсь взять управление семнадцатым номером.

– И это, по-твоему, незначительно?

– Все нормально. Никаких причин беспокоиться.

Спеша закончить до того, как страх делается невыносимым, Илия присоединила оставшиеся провода. Замигали огоньки, по экранам побежали буквенно-цифровые данные. Страх обострился. Оружие не хотело, чтобы копались в его внутренностях.

– Не проходит, надо же, – пробормотала Вольева. – А ну-ка, если вот так...

И несколькими краткими командами через браслет запустила сложнейшую сетевую программу. Операционная система орудий работала на обычной для сочленительских систем трехзначной логике, и отлаживать ее программы было чертовски трудно.

Теперь осталось только ждать и надеяться.

Артсистемы произведут многоуровневую, многократную проверку. Программа запустится лишь в том случае, если удовлетворит всем критериям. В случае успеха, то есть выполнив все то, что в ней написано, она удалит капитана из списка авторизованных пользователей. Тогда останется единственный способ управлять пушками – через присоединенный контрольный блок, через оборудование, не связанное с кораблем и распространившимся по нему капитаном.

Очень разумный план. Вольева им гордилась.

Она заподозрила неладное лишь за секунды до того, как сработал люк. Браслет полыхнул красным, Илия принялась изошренно и красочно ругаться – и тут пушка заперлась. Затем погас свет. Страх же остался и мигом перерос в панику. Наверное, это личный ужас добавился к наведенному машиной.

– Ана, слышишь меня? Слышишь?

В ответ – ничего.

Без предупреждения вокруг зашевелилась аппаратура. Коридор раздался, открыв проход в тускло светящееся машинное чрево, к чудовищным, словно из жидкости вылепленным аппаратам, омытым кроваво-красным сиянием. Холодной голубизной светились закрученные силовые кабели. Казалось, внутренности пушки переделывают себя, меняются.

Затем ужас стал невыносимым. Илия поняла, что сейчас умрет. Ощутила присутствие некой сущности, медленно и неотвратимо подползающей сквозь меняющееся оборудование.

Вольева кинулась к люку, отчаянно заколотила:

– Хоури!

Илия никого не видела, но ощущала рядом бесформенную скрюченную тварь. Казалось, вот она, сейчас уловишь краем глаза. Резко повернула голову, но сущность вдруг очутилась напротив слепого пятна, снова невидимая.

В голове взорвалась боль. Илия завизжала.

Ремонтуар протиснул свое тощее тело в наблюдательную камеру «Паслена», в круглый прозрачный сегмент, выступающий из корпуса, и увидел собственными глазами, что двигатели заглушены. Он сам некоторое время назад отдал нужные нейрокоманды для выключения двигателей и ощутил наступление невесомости. Но захотел убедиться, что приказ выполнен, тяги больше нет. Принимая во внимание произошедшее ранее, не удивился бы, обнаружив прежнее голубое сияние снаружи.

Но не обнаружил. За иллюминатором лишь чернота. Приказ выполнен: двигатели умолкли, субсветовик дрейфует с постоянной скоростью к Эпсилону Эридана. Слишком медленно, чтобы поймать Клавэйна.

– И что теперь? – спокойно спросила Фелка.

Она висела рядом, ухватившись за мягкую петлю, заботливо высунутую кораблем из стены.

– Подождем. Если я прав, Скади сейчас явится.

– Причем злая как черт.

– Само собой. Но я верну тягу, как только она любезно объяснит мне, что же происходит. И ответит на пару вопросов.

Робот-краб прибыл спустя несколько секунд. Протиснулся сквозь дыру размером с кулак в стене.

– Это неприемлемо! Зачем вы...

– За двигатели на корабле отвечаю я, – с готовностью пояснил Ремонтуар, отрепетировавший диалог. – Это чрезвычайно сложная, деликатная и опасная конструкция. Вдобавок новая, экспериментальная модель. Всякое отклонение от запланированного режима работы может привести к катастрофическим последствиям.

Краб замахал манипуляторами:

– Вы прекрасно знаете, что с двигателями все в порядке! Требую запустить их! Каждая секунда промедления работает на Клавэйна.

– В самом деле? – поинтересовалась Фелка.

– Конечно, я в переносном смысле. Если промедлим еще немного, единственным средством перехвата останутся ракеты.

– А что, его всерьез планировалось взять живым?

– Могли мы его взять живым или нет, вы так и не узнаете, если Ремонтуар продолжит... продолжит нарушать субординацию!

– Нарушение субординации? Такое, скорее, можно услышать от демархиста, – усмехнулась Фелка.

– Прекратите немедленно! – Краб развернулся на присосках. – Ремонтуар, запустите двигатели, иначе я сделаю это без вас!

Угроза походила на блеф, но Ремонтуар вполне мог поверить: члену Внутреннего святилища вполне по силам отменить команду. Задача непростая и уж заведомо сложнее, чем принудить Ремонтуара сделать это самому.

– Я запущу, как только покажете, на что способна ваша аппаратура.

– Моя аппаратура?

Он наклонился, сдернул со стены краба. Присоски отлепились со смешным звуком, будто лопались пузыри. Ремонтуар поднял его на уровень глаз, осмотрел плотно упакованный набор инструментов и орудий убийства. Ну что ж, Скади, попробуйте, заставьте! Крабы ножки дергались бессильно и нелепо.

– Вы меня прекрасно поняли. Я хочу знать, что вы научились делать.

Они двигались за крабом по извилистым серым коридорам, по вертикальным шахтам, прочь от корабельного носа – «вниз», к корме. Ремонтуар согласился включить двигатели на малой мощности, и сила тяжести составляла одно с четвертью *g*. Улавливая индивидуальные сигналы, Ремонтуар видел, что команда сосредоточена в самом носу корабля, далеко внизу лишь он сам и Фелка. Где Скади, пока выяснить не удалось, она говорила лишь через краба, а подробная и точная схема корабля, которую привык держать в памяти, летая на других субсветовиках, здесь была урезана и испещрена белыми пятнами, будто отцензурированный секретный документ.

– Эта аппаратура, чем бы она ни была...

– Вы бы вскоре о ней узнали, – перебила Скади, – как и все Материнское Гнездо.

– А у вас откуда сведения о ней? От «Пролога»?

– Он указал путь, только и всего. Никто не давал нам готовых схем и подарков не делал.

Краб засеменил вперед и достиг переборки, загораживающей коридор, – она возникла после включения аномально большой тяги.

– Мы пройдем дальше, в изолированную часть корабля, – предупредила Скади. – Там вы почувствуете себя по-другому. Не сразу, конечно. Эта переборка – граница, за которой люди

начинают ощущать неприятные эффекты. Я имею в виду тревогу, испуг. Уверены, что хотите идти дальше?

Ремонтуар глянул на Фелку, та кивнула.

– Скади, ведите нас! – сказал он.

С легким свистом переборка втянулась в стену, открыв пустой холодный коридор. Люди пошли вперед, затем спустились на несколько уровней, используя круглые площадки-лифты.

Ремонтуар прислушался к ощущениям, но пока не обнаружил ничего странного. Вопросительно поднял бровь, взглянул на Фелку, но та недоуменно покачала головой. Она тоже не ощущала перемен, а ведь была куда чувствительней.

Дальше шли по коридорам, останавливаясь передохнуть. Наконец достигли плоской стены, лишенной каких-либо обозначений – реальных, голографических или энтоптических. Здесь краб остановился, и на уровне человеческой груди в стене появилось отверстие в форме кошачьего зрачка, расширилось, и оттуда хлынул красный свет.

– Мое жилище, – сообщил краб. – Добро пожаловать!

Вслед за ним двое шагнули в большую теплую каюту. Ремонтуар удивленно осмотрелся – он ожидал увидеть нечто совсем иное. Каюта практически пустовала. Всего несколько устройств тут и там, а посреди – небольшая конструкция, напоминающая авангардистскую скульптуру. Помещение наполнял мягкий гул машин, казавшийся вполне обыденным.

Ремонтуар подошел к замеченному первым агрегату, черному яйцевидному контейнеру на тяжелом ржаво-красном пьедестале, с допотопными на вид циферблатами и стрелками. Контейнер казался реликвией самых первых шагов человеческой космонавтики. Ремонтуар наконец узнал его: это аварийная шлюпка демархистского производства, простая и надежная. Корабли сочленителей никогда не несли шлюпок.

Корпус суденышка пестрел предупреждающими надписями на всех распространенных языках: норте, русише и каназиане, – а также яркими значками и диаграммами. На контейнере были крестообразно смонтированы реактивные двигатели, торчали серые бугры датчиков и коммуникационных приборов, у основания были сложены солнечные паруса и атмосферные парашюты.

Дверь держалась на отстреливаемых болтах, имелось крошечное треугольное окошко.

Шлюпка не пустовала. Сквозь стекло виднелась складка розовой плоти, погруженной то ли в амортизирующий гель, то ли в вязкий питательный раствор. Плоть шевелилась медленно и ритмично.

– Скади? – спросил Ремонтуар, вспомнив о ее увечьях.

– Посмотрите внимательнее, – посоветовал краб. – Думаю, вы удивитесь.

В контейнере оказалось скорченное в позе зародыша розовое тело, окутанное проводами и катетерами. Грудь медленно расширялась и почти незаметно опадала – тело дышало.

Это точно не Скади и даже не ее останки. Тело нечеловеческое.

– Что это? – прошептала Фелка.

– Гиперсвинья, – ответил Ремонтуар. – По имени Скорпион. Мы нашли его на корабле демархистов.

Фелка коснулась металлической стенки контейнера. Ремонтуар тоже приложил ладонь, ощутил мерный гул, пульсацию аппаратуры жизнеобеспечения.

– Зачем он здесь? – спросила Фелка.

– Летит навстречу правосудию. Когда приблизимся к центру системы, выбросим шлюпку и позволим Феррисвильской конвенции ее подобрать.

– А потом?

– Его будут судить, признают виновным в многочисленных преступлениях и затем, согласно действующим сейчас законам, убьют. Необратимая нейросмерть.

– Вы говорите таким тоном, будто одобряете.

– Приходится сотрудничать с конвенцией. Она может сильно осложнить наши дела в окрестностях Йеллоустона. В любом случае свинью следовало бы возвратить. Поверьте, для нас было бы гораздо лучше, если бы он просто умер. К сожалению, когда передадим мерзавца конвенции, у него останется небольшой, но реальный шанс выжить.

– В каких преступлениях его обвиняют? – спросила Фелка.

– В военных, – брезгливо ответила Скади.

– Это мне ни о чем не говорит. Как он может быть военным преступником, если не принадлежит к воюющей фракции?

– Все просто. Согласно конвенции, нарушение практически любого закона в зоне боевых действий считается военным преступлением. А у Скорпиона предостаточно эпизодов: убийство, разбой, терроризм, шантаж, кража, вымогательство, экологический саботаж, контрабанда нелегальных разумов альфа-уровня. Если на то пошло, он нарушил все мыслимые законы в пространстве от Города Бездны до Ржавого Пояса. Он и по меркам мирного времени отъявленный преступник. А на войне большинство его злодейств карается необратимой нейросмертью. Он заслужил ее несколько раз, даже если не принимать во внимание, с каким садизмом совершались преступления.

Скорпион безмятежно дышал. Ремонтуар наблюдал за подрагивающим защитным гелем и думал, снятся ли гиперсвиньям сны. Вряд ли. А если все же снятся, то какие? Седьмая Проба ничего не говорил о снах, но он мало походил на прочих свиней. Он представлял собой раннюю модель, его организм сформировался неудачно, и психику даже с большой натяжкой нельзя было назвать здоровой. Хотя глупцом Седьмая Проба уж точно не был, напротив, отличался редкой хитростью. А еще изобретательностью – в попытках и принуждении. До сих пор на задворках памяти Ремонтуара жили давние ужас и боль, будто звучал нескончаемый, никогда не слабеющий крик.

– И что же особенного в его преступлениях? – спросила Фелка.

– Скорпион любит убивать людей. По сути, возвел это в ранг искусства. Конечно, он не исключение, военным временем пользуется сейчас много уголовной мрази.

Скади-краб прыгнул, ловко приземлился на постамент контейнера и сказал:

– Но эта тварь наслаждается убийствами.

– Мы с Клавэйном протралили его память, – тихо произнес Ремонтуар. – И увидели то, за что надо бы казнить на месте, причем несколько раз.

– Так почему же не казнили?

– Может, мы и сделали бы это при более благоприятных обстоятельствах.

– Задерживаться ради свиньи не станем, – заверила Скади. – Твари повезло с дезертирством Клавэйна. Иначе бы мы запихнули труп Скорпиона в дальнобойную ракету и отправили к демархистам. Эта возможность рассматривалась всерьез. Имеем полное право так поступить.

– Я думал, это вы в шлюпке, – сказал Ремонтуар, отходя.

– Надеюсь, испытали облегчение, убедившись, что не я?

Голос заставил вздрогнуть – он исходил не от краба. Ремонтуар осмотрелся и наконец обратил внимание на конструкцию-скульптуру посреди каюты: серебристый цилиндрический пьедестал, поддерживающий человеческую голову.

Пьедестал достигал середины шеи, плотно охватывал ее черной манжетой. Он был чуть шире головы, но расширялся к основанию, где имелись многочисленные гнезда и клапаны. Время от времени побулькивал, пощелкивал – работала медицинская аппаратура, поддерживая жизнь в отделенной голове.

Голова чуть повернулась на оси, заговорила, помещая мысли в чужие разумы:

– Да, это я. Рада, что вы последовали за моим роботом. Теперь мы в радиусе действия приборов, обеспечивающих работу двигателей. У вас есть неприятные ощущения?

– Разве что легкая дурнота, – ответил Ремонтуар.

Фелка подступила к пьедесталу:

– Вы не против, если я потрогаю?

– Пожалуйста.

Ремонтуар наблюдал, ужасаясь и восхищаясь заботливой, безжалостной точностью, с какой пальцы Фелки касались лица.

– Скади, это в самом деле вы? – спросил он.

– Кажется, вы немало удивлены. Отчего же? Мое состояние вас шокирует? Уверяю, мне приходилось и куда хуже. В таком жалком виде я лишь временно.

Но за ее внешне спокойными мыслями ощущались безграничный страх и отвращение, заполонившие рассудок, затмившие всякое чувство. Интересно, она сознательно позволяет ощутить, каково ей, или психические барьеры уже не выдерживают?

– Зачем Делмар с вами такое сделал?

– Затем, что его попросила я. Лечение заняло бы слишком много времени, а оборудование у Делмара слишком громоздкое, чтобы переносить его на корабль. Потому я предложила отделить мою голову, оставшуюся целиком невредимой. – Скади глянула вниз. – Аппаратура жизнеобеспечения проста, надежна и компактна. Есть проблемы с поддержанием химического состава крови, ведь нормально функционирующее тело вырабатывает гормоны и тому подобное. Но это почти не причиняет неудобств, за исключением легкой эмоциональной нестабильности.

– А что с вашим телом? – спросила Фелка, отступив на шаг.

– Когда вернусь в Материнское Гнездо, Делмар даст мне новое, клонированное. Присоединение головы трудностей не вызовет, тем более что отделение происходило под контролем врачей.

– А, вот в чем дело. Если я правильно понимаю случившееся, вы пока еще прикованы к аппаратуре.

– Нет. Даже сейчас я могу быть чрезвычайно подвижной.

Голова резко повернулась на двести семьдесят градусов, что выглядело довольно-таки жутко. Из угла выступила машина, которую Ремонтуар сперва посчитал сервоботом общего назначения – таких можно увидеть практически в любом доме. Двуногий, человекоподобный, понурый с виду – и без головы. Между плечами круглое отверстие.

– Пожалуйста, перенесите меня к нему. Робот может и сам присоединить меня, но он так медлителен.

– Перенести вас? – удивился Ремонтуар.

– Возьмитесь за колонну прямо под манжетой.

Он обхватил серебряный пьедестал, потянул. Тихо щелкнуло, и верхняя часть оказалась на весу, и была она куда тяжелее, чем он представлял. В открывшемся отверстии шевелился и дергался, будто скопище живых угрей, пучок мокрых трубок.

– А теперь поднесите меня, только осторожно, к роботу.

Ремонтуар исполнил просьбу. Пару раз мелькнула мысль уронить, хотя, если рассуждать здраво, вряд ли падение повредило бы Скади – наверняка пол смягчил бы удар. Ремонтуар постарался лучше изолировать подобные мысли.

– Теперь опустите меня на торс робота. Контакт установится сам. Только осторожнее... прошу, аккуратней!

Ремонтуар опустил серебряный столб в отверстие, ощутил, как тот уперся в преграду.

– Готово?

– Да! – Зрачки Скади расширились, бледная кожа порозовела. – Так, связь есть... А теперь проверим контроль моторики...

Рука робота судорожно дернулась, сжался и разжался кулак. Поднялась, растопырила пальцы – и Скади с неподдельным интересом уставилась на механическое сочленение в глян-

цево-черных и хромовых тонах. Робот был сделан не без вычурности и смотрелся живописно, будто ожившие средневековые доспехи: соединенные мощь и красота.

– Кажется, вы неплохо к нему приспособились.

Робот осторожно шагнул вперед, держа руки перед собой:

– Да. К нему я приспособилась быстрее, чем к прочему. Даже хочется попросить Делмара, чтобы не беспокоился.

– Насчет чего? – спросила Фелка.

– Насчет восстановления моего прежнего тела. Я предпочитаю это. Шутка.

– Я поняла, – смущенно произнесла Фелка.

– Между прочим, вам на руку то, что со мной случилось. Мне теперь хочется взять Кла-вэйна живым.

– Почему?

– Пусть увидит, что сделал со мной. – Новое тело Скади развернулось, скрипнув металлом. – А теперь, полагаю, вы хотели бы увидеть кое-что еще. Продолжим нашу экскурсию?

Доспехи вывели Фелку и Ремонтуара из каюты.

Глава пятнадцатая

Слово вспыхнуло в мозгу, будто выжженное клеймом для скота.

– Илия?!

Говорить она не могла, но сумела подумать, оформить мысль.

– Да, я Илия. Откуда ты знаешь мое имя?

– Ты заинтересовалась мной, а я заинтересовался тобой. Ты узнавала меня, я – тебя. Как же иначе?

Она попыталась снова ударить в дверь, запершую ее внутри орудия, но не смогла. Тело было парализовано, хотя дыхание не прекратилось. И по-прежнему казалось, что бесформенная тварь стоит за спиной, заглядывает через плечо.

– Кто ты? – наивно спросила она, испытывая странное, извращенное наслаждение от беспомощности.

– Конечно же машинный разум. Субличность, управляющая орудием номер семнадцать. Можешь звать меня Семнадцатым. Вряд ли мне бы подошло другое имя.

– Ты говоришь на русише?

– Я знаю, какие естественные языки ты предпочитаешь. Русиш нетруден для меня. Старый язык. Он почти не изменился со времени нашего изготовления.

– Но почему ты заговорил сейчас, не раньше?

– Раньше ты не пыталась проникнуть так глубоко.

– Разве? Мне казалось...

– Возможно. Но при подобных обстоятельствах – ни разу. Ты прежде не испытывала такого страха, пытаешься вступить в контакт. Почему ты сейчас сильнее, чем раньше, желаешь нас использовать?

Хотя паралич не прекратился, когти ужаса чуть разжались. Значит, грозная сущность – всего лишь компьютерная программа. Илия, не подозревая о том, спровоцировала активацию неизвестного ранее контрольного механизма. Тварь кажется чрезвычайно опасной, но это, несомненно, просто следующий шаг в обычной для оружия предосторожной тактике, прием запугивания незваных гостей.

Интересно, как пушка может общаться? Ведь у Илия нет мозговых имплантатов – но оружие формирует мысли в ее голове. Такое возможно, если все помещение работает как огромный инверсный сканер мозга, стимулируя нужные зоны интенсивными магнитными полями. Если уж машина способна породить отчаянный страх и делает это с такой изощренностью, для нее нетрудно сгенерировать сигналы в слуховом нерве, а может, и прямо в зоне, отвечающей за их обработку, и даже заранее предугадать нейронные паттерны, которые обуславливают намерение заговорить.

– Настало время отчаянных мер.

– Да, похоже.

– Кто вас сделал?

Семнадцатый ответил не сразу. На мгновение ужас пропал, сковавшие мозг кандалы растворились, сменились покоем – словно вдох между криками боли.

– Мы не знаем.

– Почему?

– Они не хотели, чтобы мы знали.

Вольева формулировала мысли с тщательностью и осторожностью человека, кладущего хрупкие тяжелые украшения на хлипкую полочку:

– Я полагаю, вас сделали сочленители. Ничто из ранее известного мне и услышанного сейчас от тебя этому не противоречит.

– Но ведь сейчас не важно, кто нас сделал. Или важно?
– Наверное, нет. Я спрашивала из чистого любопытства. Важно лишь то, что вы можете сделать для меня.

Оружие коснулось зоны мозга, ответственной за восприятие смеха.

– Сделать для тебя? Илиа, с чего ты взяла, что мы будем служить тебе?

– Вы уже делали то, о чем я просила. Не именно ты, Семнадцатый, лично к тебе я никогда не обращалась. Но когда другие единицы мне подчинялись.

– Илиа, мы не подчинялись.

– В самом деле?

– Конечно. Мы соглашались делать то, что нам нравилось. Это могло походить на выполнение приказов – но лишь внешне.

– Пустые слова.

– Нет, Илиа. Создатели дали нам немалую свободу воли. И думаю, на то была причина. Возможно, мы должны были оперировать самостоятельно или выбирать оптимальный вариант действий, получив обрывочные, искаженные приказы. Ведь мы, похоже, создавались как оружие апокалипсиса, последнее средство в критической ситуации. Вестники Судного дня.

– Вы и сейчас такие.

– Илиа, разве настал Судный день?

– Наверняка сказать не могу. Но сильно подозреваю, что он близок.

– Я понял... все мы поняли, что ты, придя к нам, была напугана. И чего же ты хочешь от нас?

– Есть проблема, с которой мне без вас не справиться.

– Местная проблема?

– Да, она локализована в этой звездной системе. Я хочу, чтобы вы вышли наружу, заняли позиции... и помогли мне.

– А если откажемся?

– Но ведь я так долго заботилась о вас, берегла, ухаживала. Уверена, вы не ответите черной неблагодарностью!

Оружие молчало, время от времени игриво касаясь разума Илиа. Та поняла, как чувствует себя пойманная мышь в когтях у развлекающейся кошки. Та не ранит, дает побегать – но в любой момент готова переломить несчастному грызуну хребет.

Вдруг паралич прошел – так же внезапно, как и возник. Оружие еще не отпускало, но контроль над мышцами вернулся.

– Может, мы и не откажемся. Но к чему недомолвки? Мы оба знаем: есть кое-что, способное нам помешать.

– Все препятствия можно обойти!

– Илиа, нам очень трудно что-либо предпринять без согласия третьего лица. Даже если мы очень захотим.

– Третье лицо?

– Сущность, способная... в известной мере конечно, нами управлять.

Илиа запнулась, лихорадочно соображая, но затем догадалась. Конечно, речь идет о Джоне Бреннигене!

– Вы имеете в виду капитана?

– Мы не настолько автономны, чтобы действовать без его согласия – сколь бы ловко ты ни пыталась убедить нас.

– Надо договориться с капитаном. Я уверена, рано или поздно он согласится.

– Илиа, ты всегда была такой оптимисткой...

– Вовсе нет. Просто я верю в капитана.

– Надеемся, твоя убедительность окажется на высоте.

– Я тоже надеюсь.

Вольева охнула, будто ее внезапно ударили под дых.

Страх ушел. Исчезло и жуткое ощущение чужого присутствия за спиной. Внезапно испарился давящий на мозг кошмар. Илия снова висела в полном одиночестве, еще запертая во чреве машины, но свободная от страха.

Она постаралась успокоиться, трезво поразмыслить о случившемся. Столько лет работала с пушками и ни разу не заподозрила о существовании охранных программ, а уж тем более субличностей, машинных интеллектов, как минимум, гамма-уровня, а может быть, даже бета.

Оружие напугало до полусмерти. Несомненно, оно и намеревалось произвести такой эффект.

Рядом зашевелилось, засветилось. Панель в стене – не та, что пропустила Илия внутрь, – сдвинулась на дюйм. Оттуда хлынул яркий синий свет. Присмотревшись, она различила скафандр.

– Хоури?

– Слава богу, ты жива! Что случилось?

– Скажем так: мои попытки перепрограммировать оружие оказались не вполне успешными. Думаю, больше тут говорить не о чем.

Обсуждать свои ошибки Илия любила еще меньше, чем совершать их.

– Ты что, не ту команду дала?

– Команда была правильной, но не для той конструкции, в которую я вошла.

– Но ведь это и значит: неправильная команда.

Вольева развернулась так, чтобы тело ориентировалось параллельно открывшейся щели, сверху вниз.

– Тут дело сложнее, чем просто ошибка в команде. Кстати, как ты сдвинула панель?

– Путем применения грубой силы. Не ладятся у меня сложные дела.

Хоури нашла крошечную щель в корпусе оружия, вставила лом из аварийного набора и отодвинула панель.

– И долго ты применяла грубую силу?

– С той минуты, когда тебя заперло внутри. Но получилось только сейчас.

Вольева кивнула своей мысли: если бы пушка не решила отпустить незваную гостью, лом уж точно бы не помог.

– Хоури, отличная работа! Как думаешь, сколько понадобится времени, чтобы вытащить меня отсюда?

Ана сменила положение, по-новому закрепила на корпусе пушки.

– И глазом моргнуть не успеешь. Но пока я вожусь, может, поговорим насчет Торна?

– Хоури, послушай: Торн совершенно не склонен принимать наши слова на веру. Если покажем корабль, если дадим хоть малейшую возможность понять, кто мы, он это сделает. Тогда поминай как звали. А вместе с ним исчезнет и единственная возможность эвакуировать население планеты без применения драконовских мер.

– Доверия не прибавится, если без конца выдумывать причины не пускать его на борт.

– Мне и непридуманные причины кажутся вполне убедительными.

Вольева немного подождала, но ответа не услышала. Присмотрелась: а ведь в щели не видать Аны! И синий свет фонаря пропал. Лом торчит, не шевелится.

– Хоури? – позвала, встревожившись, Вольева.

– Илия! – донесся прерывистый голос. – Кажется, у нас небольшая проблема...

– Мать твою!

Илия потянула лом на себя, уперлась и отодвинула панель на ширину шлема. Выглянула наружу и в мерцающем свете увидела: Хоури летит кувыркаясь в темноту, инструменты же и внешняя рама, почему-то отсоединенные, летят совсем в другую сторону. А на корпусе пушки

сидит, будто изготовившись к прыжку, тяжелый строительный робот. Должно быть, этой похожей на богомола жутковатой машиной управляет сам капитан.

– А ну, прекрати! – завопила Вольева. – Это я залезла в пушку, не она!

Хоури находилась уже на полпути к дальней стене. Не слишком быстро летит – наверное, метра три-четыре в секунду. Но скафандр не сильно смягчит удар на такой скорости. Если Ана врежется неудачно...

Вольева отчаянно схватилась за лом. Скрипя зубами, двигала, толкала дюйм за дюймом. Поняла – не успеет. Ана ударится о стену задолго до того, как Илия сумеет выбраться из Семнадцатого.

– Капитан, ты меня на этот раз достал! По-настоящему!

Она нажала сильнее. Лом вырвался из рук, брякнул по шлему и сгинул в темноте. Илия зашипела от злости – на поиски инструмента нет времени. Если сбросить внешнюю раму, можно протиснуться. Сама, конечно, без проблем доберется до шлюза, но Хоури уж точно не спасет.

– Зараза! – воскликнула в отчаянии. – Гадина! Сука!

Панель внезапно отъехала целиком.

Вольева выскочила наружу, оттолкнулась, оставив робота за спиной. Раздумывать о случившемся времени не было. Само собой, открыть проход могли только капитан или Семнадцатый.

Она приказала отразить на визоре дисплей радара. Покрутилась, пока не запеленговала Хоури. Та летела вдоль стены, мимо длинного ряда пушек. Судя по траектории, она уже столкнулась с монорельсом, идущим сквозь весь трюм.

– Хоури, ты жива еще?

– Да, пока в порядке... – Но в голосе звучала боль. – Остановиться не могу...

– И не пытайся. Я лечу!

Илия запустила движки, понеслась между громадами орудий, за много лет несколько не понятыми ею. Отраженный сигнал стал детальней, позволил различить контуры скафандра. Хоури, кувыркаясь, летела к задней стене, уже опасно близкой. Вольева определила свою скорость относительно стены: шесть метров в секунду. У Аны приблизительно такая же.

Илия усилила тягу. Десять, двенадцать метров в секунду...

Вот Хоури кувыркается в пустоте, серая, похожая на увечную куклу. Нелепо взмахивает рукой.

Уже ближе, ближе...

Вольева включила торможение. Ощутила, как дрожит, скрипит рама, не приспособленная равномерно распределять такие нагрузки. Осталось пятьдесят метров, сорок...

Скверно это выглядит: человеческая рука не должна гнуться под таким углом.

– Илия... стена приближается чертовски быстро...

– Я тоже. Держись. Мы можем слегка, – они грохнулись друг о друга, – столкнуться...

К счастью, удар не слишком изменил траекторию Хоури. Илия ухватила ее за здоровую руку и продержала ровно столько, сколько было нужно, чтобы прикрепить к поясу репшнур. Затем выпустила. Стена выплыла из темноты, до нее оставалось метров пятьдесят.

Триумвир резко затормозила, не обращая внимания на протесты защитных систем скафандра. Репшнур распрямился на всю длину, напрягся, но замедление уже чувствовалось, стена не летела навстречу с прежней угрожающей быстротой.

– Что с тобой? – спросила Вольева.

– Вроде сломала кость-другую. А как ты выбралась из пушки? Там же была только щелка, когда робот меня швырнул.

– Я ее расширила немного, но потом, кажется, мне помогли.

– Капитан?

– Возможно. Но значит ли это, что он целиком на нашей стороне?

Вольева замолчала, сосредоточившись на повороте, сохраняя натяжение репшура. На картинке радара, наложенной на поле зрения, виднелись зеленые грозные силуэты всех тридцати трех орудий. Илия проложила курс между ними к шлюзу.

– Но я пока не понимаю, почему он напустил на тебя робота. Может, хотел не убить, а предупредить? Ведь правда мог прикончить нас давным-давно. Наверное, он не против нашего присутствия, хотя мы его изрядно раздражаем.

– Столько всяких «возможно» и «наверное»...

– Да, капитан – сплошная загадка. А потому, мне думается, на его помощь рассчитывать не стоит.

– В самом деле?

– Но мы можем обратиться к кое-кому другому. К Силвесту.

– О нет...

– А что так? Ты же встречалась с ним внутри Гадеса.

– Илия, чтобы попасть туда, мне пришлось сдохнуть. Повторять не хочется, честное слово!

– У Силвеста есть доступ к хранилищу знаний амарантийцев. Возможно, он подскажет, как нам реагировать на угрозу или, по крайней мере, сколько у нас осталось времени. Его помощь может оказаться исключительно важной.

– Да ни за что!

– Но ты же не помнишь своей смерти. Сейчас ты жива, никаких вредных последствий.

– Вот сама и лети, раз тебе это кажется таким простым... – Голос был слабым и невнятным, словно Хоури боролась с подступающим сном.

Илия вовремя – еще секунда, и было бы поздно – заметила бледный прямоугольник входа в шлюз. Она медленно подлетела, подтянув Хоури и поместив перед собой. Впихнула ее в люк первой. Та уже лишилась сознания.

Вольева протиснулась в шлюзовую камеру, закрыла люк, выждала, пока воздушное давление достигнет девяти десятых от нормы, сорвала шлем. Тотчас заложило уши. Илия отбросила со лба мокрые от пота волосы. Судя по наружному дисплею, Хоури была жива и срочной медицинской помощи не требовала. Нужно всего лишь перетащить ее туда, где можно как следует обработать раны.

Раскрылась апертура внутренней двери. Илия устремила к ней, надеясь, что хватит сил протащить за собой облаченную в скафандр Ану.

– Подожди!

Спокойный голос показался знакомым. Триумвир не слышала его уже очень давно. Он напомнил о лютой стуже, об уровне, на который члены экипажа старались не заходить. Он словно исходил из пустоты за стеной. Он раскатывался гулким эхом.

– Капитан? – робко спросила Вольева.

– Да, Илия, это я. Теперь я готов к разговору.

Скади вела Ремонтуара и Фелку вниз по извилистым коридорам в царство секретной машинерии. Ремонтуара била лихорадочная дрожь, накатывало головокружение. Сперва он думал, что разыгралось воображение, но потом заколотилось сердце, ускорился пульс. С каждым новым уровнем ощущения ухудшались, будто он медленно погружался в облако невидимого психотропного газа.

– Что-то странное происходит, – сформулировал он мысль.

Голова развернулась, уставилась, а черные доспехи продолжали шагать в том же темпе.

– Да. Мы зашли далеко в зону действия поля. Опускаться глубже без медицинской помощи опасно. Физиологические эффекты поля весьма неприятны. Метров через десять мы остановимся.

– Почему такие ощущения?

– Трудно сказать, отчего тело реагирует именно так. В общем, мы сейчас находимся под воздействием поля, меняющего свойства материи, в том числе и телесной. Поле подавляет инерцию. Ремонтуар, что вы знаете об инерции?

– То же, что и все, – осторожно ответил он. – У меня не было причин изучать ее углубленно. Инерция – объективный феномен, факт жизни. Непреложная реальность.

– Я тоже так думала до недавнего времени. Теперь знаю: непреложной реальностью ей быть не обязательно.

– Вы научились ее отключать?

– Не совсем. Но устранять ее худшие эффекты умеем.

Голова теперь смотрела назад. Скади снисходительно улыбнулась, по гребню побежали опаловые, темно-розовые волны. Должно быть, она размышляла, как объяснить суть очевидного ей эффекта человеку, чей разум был всего лишь гениален.

– Ремонтуар, инерция таит в себе больше загадок, чем вы можете вообразить.

– Не сомневаюсь.

– Она кажется простой, но эта простота обманчива. Мы ощущаем ее с рождения, каждый момент нашей жизни. Толкни камешек – он передвинется. Толкни огромный валун – он если и переместится, то совсем чуть-чуть. А когда такой валун несется навстречу, остановить его очень непросто. Материя ленива, она противится переменам, норовит сохранить состояние, в котором пребывает, будь то движение или покой. Мы называем лень материи инерцией, но это не значит, что понимаем суть. Тысячу лет мы наблюдали инерцию, измеряли, описывали уравнениями, но в понимании не продвинулись ни на йоту.

– А сейчас?

– Мы заглянули в суть. Недавно в Материнском Гнезде научились уверенно контролировать инерцию на макроуровне.

– И в этом вам помог «Пролог»? – спросила Фелка вслух.

Скади ответила мысленно, не желая переходить к излюбленному способу общения Фелки:

– Я уже говорила: проект задал лишь общее направление. Достаточно было узнать, что приемы подавления инерции существуют и мы способны их освоить. Тем не менее работа над прототипом заняла десять лет.

Ремонтуар кивнул. Повода сомневаться в словах Скади не было.

– Построили с нуля?

– Нет, у нас был задел.

– И какой же?

Гребень Скади запульсировал фиолетовыми, бирюзовыми оттенками.

– Другая фракция проводила аналогичные исследования. Материнское Гнездо сумело добыть результаты основных разработок. Вместе с подсказками «Пролога» они помогли нам построить прототип.

Ремонтуар вспомнил, что Скади участвовала в секретной операции, когда в Городе Бездны погибло много агентов фракции сочленителей. Операцию, несомненно, санкционировало Внутреннее святилище, обычные члены Узкого совета о ней не знали почти ничего.

– Скади, вы помогали добыть эти результаты? Я слышал, вам едва удалось унести оттуда ноги.

– Потери оказались чрезвычайно высоки, но мы добились успеха.

– А что задержало работу над прототипом на десять лет?

– К сожалению, контроль на микроскопическом уровне, пусть и чрезвычайно важный для фундаментальной науки, имел весьма небольшую практическую ценность. Но в последнее время мы шли от открытия к открытию и научились подавлять инерцию на обычном уровне. Этого достаточно, чтобы эффект отразился на динамике корабля.

– Ничего не скажешь, амбициозная затея, – произнес Ремонтуар, глянув на Фелку, а затем на Скади.

– Амбициозность – это то, что отличает нас от других людей.

– А другая фракция... у которой вы позаимствовали технологию? Почему она не добилась такого же результата?

У Ремонтуара создалось впечатление, что Скади формулирует мысли с чрезвычайной тщательностью, не желая сказать лишнего.

– Все предыдущие попытки обуздать инерцию были обречены на провал. К проблеме подходили не с той стороны. Инерция – свойство не материи, но вакуума, в который материя погружена. Сама по себе материя инерцией не обладает.

– То есть вакуум порождает инерцию?

– Не вакуум в привычном нам смысле, а то, что он представляет собой на квантовом уровне: кипящее море флуктуаций с непрерывно возникающими и исчезающими частицами и квантами – словно отблески солнца на волнах. Именно волнение, беспокойность вакуумного «моря» и рождает инерцию. И чтобы управиться с ней, нужно изменить свойства квантового вакуума, найти способ увеличивать или уменьшать энергию нулевых флуктуаций электромагнитного поля. То есть успокоить море в локальном объеме.

Ремонтуар присел на корточки:

– Если вы не против, дальше я не пойду.

– Мне тоже худо, – сообщила Фелка, опускаясь рядом. – Тошнит, и голова кружится.

Робот неуклюже развернулся:

– Вы ощущаете физиологические эффекты поля. Ваша инертная масса упала до половины прежнего значения. Внутреннее ухо дезориентировано уменьшением веса перилимфы. Сердце бьется чаще – оно приспособлено выбрасывать наполняющую его кровь с силой, определяемой инерцией этого объема. Инерция уменьшилась вдвое, и сердечные мышцы реагируют быстрее на импульсы от нервов. Если подойти ближе к генератору поля, начнется фибрилляция. Без медицинской помощи вы погибнете.

– К счастью, вам это не грозит. – Ремонтуар улыбнулся бронированному роботу.

– Поверьте, мои ощущения тоже будут очень неприятными.

– Так что же делает машина? Сводит всю инерцию внутри определенной области к нулю?

– В текущем режиме работы – нет. Радиус поля и эффективность подавления зависят от режима. Пока мы в области квадратичного затухания поля. Иными словами, если мы вдвое ближе, подавление вчетверо сильнее. Подавление резко возрастает в ближайшей окрестности генератора, но до нуля не падает.

– А в других режимах?

– Мы их называем состояниями. Они возможны, но гораздо нестабильней этого. – Скади запнулась, внимательно посмотрела на Ремонтуара. – Вам плохо? Может, лучше вернуться?

– Пока терпимо. Расскажите еще о своем сокровище.

Скади улыбнулась – как обычно, высокомерно и сухо, но Ремонтуар без труда увидел: она гордится делом рук своих.

– Первое крупное открытие мы совершили, продвигаясь в абсолютно ином направлении. Создали область усиленных флуктуаций, увеличили инерцию. Назвали это «состоянием номер один». В области поля всякое движение прекращалось, инерция доминировала. Правда, увеличить ее до макроскопических размеров мы не смогли – «состояние номер один» оказалось нестабильным. Но при том открылось много перспективных направлений для исследования.

Если сумеем затормозить всякое движение, увеличив инерцию на много порядков, получим идеальную ловушку, область стазиса – или непроницаемый силовой барьер. Однако создать «состояние номер два», квадратично затухающее поле подавляемой инерции, оказалось технически проще. Тогда-то все детали головоломки легли на должные места.

– Не сомневаюсь, – буркнул Ремонтуар.

– Существует и «состояние номер три»? – спросила Фелка.

– Это предсказанная вычислениями сингулярность. Думаю, физически она нереализуема. Вся материя в области поля превращается в кванты поля, в фотоны. Рождается пузырь, заполненный чистым светом. Но такое едва ли возможно, поскольку предполагает сильное локальное нарушение закона сохранения квантового углового момента.

– А за ним, по другую сторону сингулярности? Существует ли «состояние номер четыре»?

– Думаю, не стоит забегать вперед. Пока мы исследовали свойства в определенном, имеющем ясный смысл пространстве параметров. Что дальше – сказать трудно, и вряд ли стоит строить гипотезы. Пока почвы для них слишком мало.

– И насколько надежна новая технология?

– «Паслен» пока единственный корабль, где она применена. В первом его вылете я опробовала подавление инерции. Уменьшила ее на небольшую, внешне незаметную, но достоверно определяемую по расходу топлива величину.

– А сейчас?

– Сейчас поле гораздо сильнее, чем в первом вылете. Теперь эффективная масса корабля – лишь одна пятая от той, с которой мы покидали Материнское Гнездо. Совсем малая часть звездолета находится вне поля. Но простое облегчение корабельной массы – малая доля возможного. Мы можем достичь гораздо большего, просто увеличивая интенсивность поля. – Скрипнув броней, Скади хлопнула в ладоши. – Вдумайтесь, Ремонтуар: мы способны уменьшать массы наших тел в сто раз – и развивать ускорения в сотню g ! Если окажемся целиком в области подавления, сможем приспособиться к малой инерции – и достигнем крейсерской околосветовой скорости за пару дней. Субъективное время путешествия между звездами сократится до пары недель. Исчезнет необходимость в анабиозе! Представляете возможности? Галактика вдруг станет куда меньше и уютней, чем прежде.

Ремонтуар встал.

– Но развили вы эту технологию не ради освоения Галактики, – пробормотал он, опершись о стену.

Голова кружилась, как у пьяного. Он очень давно не чувствовал себя так плохо. Экскурсия оказалась исключительно интересной, но сейчас хотелось одного – поскорей вернуться туда, где кровь в теле поведет себя, как ей предназначено природой.

– Ремонтуар, я не уверена, что понимаю вас.

– Эта технология – на случай появления волков. Создана по той же причине, что и эвакуационный флот.

– К чему вы клоните?

– Вы искали средство удрать, на тот случай, если не сможем отбиться.

Клавэйн пробудился от искусственно вызванного сна. Открывать глаза не хотелось – так заманчиво снова забыться, продолжить чудесную прогулку по шотландскому лесу под дождем. Но старые безжалостные солдатские инстинкты заставили взбодриться, разобраться, в чем дело. Засыпая, он наказал корвету не будить, иначе как при поступлении важных известий или возникновении угрозы. Быстрый анализ ситуации показал: налицо угроза. И какая!

Погоня. Требовалось разобраться, кто или что его преследует.

Он зевнул, почесал в пышной бороде. Увидел свое отражение в окне кабины и слегка встревожился: налитые кровью глаза, волосы колтуном – ни дать ни взять псих-отшельник в пещере. Приказал корвету выключить тягу на несколько минут, подставил ладони под кран, поймав крупные амебообразные капли. Искусно приклепнул их к лицу, смочил волосы, пригладил бороду. Снова посмотрелся в окно. Облик выиграл совсем немного, но, по крайней мере, на свирепого маньяка Клавэйн уже не был похож.

Он отстегнулся, занялся приготовлением завтрака. Из опыта знал: приключаящиеся в космосе неприятности делятся на две категории. Первая убивает на месте, и обычно без предупреждения. Вторая оставляет вдоволь времени поразмышлять над бедственным положением, даже если выхода нет в принципе. Разбудившая неприятность, пожалуй, может подождать, пока Клавэйн насытится и выпьет кофе.

Он включил музыку. Кабину наполнили звуки неоконченной симфонии Квирренбаха. Потягивая кофе, Клавэйн просмотрел бортовой журнал. С удовольствием, хотя и без удивления, отметил: на всем протяжении пути от кометы корвет функционировал безукоризненно. Топлива вполне хватит, чтобы добраться до Ржавого Пояса и выйти на орбиту Йеллоустона. Так что проблема не в корабле.

Как только бегство стало очевидным, из Материнского Гнезда полетели максимально сфокусированные сообщения. Корвет их записывал и расшифровывал.

Клавэйн надкусил гренок и приказал:

– Воспроизводи в порядке получения и сразу стирай.

Да, о содержании первых посланий можно догадаться без труда. Материнское Гнездо умоляет развернуться и лететь домой. Сочленители еще соблюдают вежливость, делают вид, что у него может быть уважительная причина для поступка, который однозначно выглядит попыткой дезертирства. Но ни искренности, ни надежды на успех не ощущалось. Затем угрозы прекратились и пошли угрозы.

Из Материнского Гнезда вылетели ракеты. Клавэйн поменял курс, сбил их со следа и решил, что с опасностью покончено. Корвет быстроходный, в пределах системы его ничто не догонит.

Однако новая серия посланий исходила не из Материнского Гнезда. Их источник находился невдалеке от Гнезда, всего в паре угловых секунд, и частоты сдвигались в синюю сторону – передатчик двигался, ускорялся.

Клавэйн прикинул ускорение: полтора g . Загрузил данные в тактический симулятор. Получил ожидаемый результат: корабль с таким ускорением не догонит корвет в пределах системы. Тогда позволил себе расслабиться, раздумывая, на что же надеется преследователь. Может, всего лишь хочет произвести впечатление, показать, что Материнское Гнездо не смирилось и прилагает все усилия? Но не в характере сочленителей растрачивать ресурсы попусту, тем более на бессмысленные жесты.

– Воспроизводи дальше! – приказал он машине.

Формат следующих посланий был аудиовизуальным. Посреди кабины возникла голова Скади, окруженная размытым овалом фона. Она говорила вслух. Понимала, что Клавэйн теперь не позволит ей прямого контакта с разумом.

– Здравствуйте, Клавэйн! Пожалуйста, выслушайте внимательно. Как вы уже могли догадаться, мы летим за вами на «Паслене». Должно быть, вы рассчитывали на невозможность догнать вас или приблизиться на расстояние выстрела. Расчет неверен – мы ускоряемся, причем постоянно. Равномерно увеличиваем тягу. Если сомневаетесь, определите доплеровский сдвиг наших сообщений.

Лишенная тела голова замерла, затем пропала.

Клавэйн изучил следующее сообщение, отправленное спустя полтора часа. Его сдвиг соответствовал ускорению в два с половиной g .

– Клавэйн, сдавайтесь немедленно, и я гарантирую вам справедливый суд. Вы не можете выиграть!

Качеством послание не отличалось: голос звучал странно, механически. Наверное, сжатие записи при декодировании сделало образ практически статичным, двигались только рот и глаза.

Следующее послание: три *g*.

– Клавэйн, мы видим выхлоп вашего корабля. Температура и частотный сдвиг излучения говорят о том, что вы ускоряетесь на предельной тяге. Хочу предупредить: мы еще вовсе не приблизились к своему пределу. «Паслен» – необычный субсветовик, он гораздо быстрее и опаснее. Мы способны догнать и перехватить вас. – Похожее на маску лицо перекосила жуткая гримаса. – Но еще есть время для переговоров. Я позволю вам выбрать точку randevu. Малая планета, комета, открытое пространство – мне все равно.

Он стер сообщение. Конечно, Скади блефует насчет выхлопа. А послание – ловушка, попытка заставить беглеца выдать свое местонахождение, отправив ответ.

– Хитро, ничего не скажешь, – ухмыльнулся Клавэйн. – Так ведь и я не лыком шит.

Однако ситуация беспокоила его. Корабль Скади и в самом деле слишком уж энергично разгонялся. Правда, сдвиг в синюю сторону могли подделать, изменив частоту сообщения перед его отправкой. Однако интуиция подсказывала: преследователи не блефуют. Скади бросилась вдогонку на невероятно быстром корабле, и теперь дистанция стремительно сокращается.

Клавэйн съел гренок, еще послушал Квирренбаха.

– Воспроизводи остальное! – приказал корвету.

– Больше сообщений нет, – ответил тот.

Клавэйн изучал новости, когда корвет сообщил о новой серии посланий. Причем эти пришли не от Скади.

– Воспроизводи, – неуверенно распорядился Клавэйн.

Первое – от Ремонтуара. Его голова появилась среди комнаты, лысая, ухоженная. Ремонтуар выглядел гораздо живее, чем Скади, и в голосе слышалось куда больше эмоций. Старый друг наклонился вперед и заговорил чуть ли не умоляюще:

– Клавэйн, надеюсь, ты меня выслушаешь и серьезно подумаешь. Если получил сообщение от Скади, то уже знаешь: мы способны догнать тебя. Это не шутка и не уловка. Скади меня прикончит, если узнает об этом разговоре. Но я не сомневаюсь, что ты сотрешь это сообщение, не дашь информации попасть к врагам. Дело вот в чем. На «Паслене» стоит новая аппаратура. Ты уже в курсе: Скади проводит научные эксперименты, но чем именно занимается, до сего дня оставалось неизвестным. Теперь я знаю: у нее есть машина для подавления инерции. Я не претендую на понимание ее функций, но действие наблюдал собственными глазами. И ощущал внутренностями. В настоящий момент мы идем на четырех *g*. Если ты еще не убедился в этом самостоятельно, можешь проверить смещение передатчика. Мы ускоряемся. По словам Скади, можно подавить еще больше инертной массы субсветовика. – Ремонтуар сурово смотрел в камеру. – Мы засекли твой выхлоп, Клавэйн, и теперь приближаемся. Тебе не уйти. Прошу как друг: прекрати убегать. Я хочу снова видеть тебя, разговаривать с тобой, смеяться, как прежде.

– Следующее сообщение! – приказал Клавэйн.

Корвет подчинился, и на смену Ремонтуару пришла Фелка. Вот это да! Клавэйн не особо гадал, кто именно отправился за ним в погоню. Достаточно и того, что среди преследователей уж точно присутствует Скади. Она тщательно проверит исправность предназначенной для уничтожения дезертира ракеты и не сочтет зазорным лично отдать приказ о ликвидации. Ремон-

туар полетел ради Гнезда, которое считает, что именно ему надлежит исполнить тяжелый долг, что лишь он достаточно квалифицирован для поимки старого друга.

Но Фелка? Ее Клавэйн уж точно не рассчитывал обнаружить среди охотников на чело- века.

Голос Фелки выдавал усилия, требующиеся для разговора и дыхания при четырех g.

– Клавэйн, ради бога, остановись... Тебя хотят убить. Непохоже, чтобы ты был нужен Скади живым. Конечно, она совсем не прочь сперва отомстить, ткнуть носом в сделанное...

– И что ж я такого сделал? – недоуменно спросил Клавэйн у изображения.

– Короче говоря, в ее руках ты долго не проживешь. Но если повернешь назад, уведомишь Материнское Гнездо, что сдаешься, у тебя будет шанс. Клавэйн, ты меня слушаешь?

Она протянула руку, пошевелила пальцами перед камерой, будто касаясь невидимого лица, изучая его черты в тысячный раз.

– Я хочу, чтобы ты вернулся домой живым и здоровым. Даже не осуждаю за побег. Я во многом сомневаюсь и не думаю, что сама бы...

Она запнулась, потеряв нить суждения, помолчала, собираясь с мыслями.

– Клавэйн, сейчас скажу тебе кое-что... Может, это покажется важным, повлияет... Я раньше не говорила, но теперь, кажется, подошло время. Думаешь, я циничная? Наверное. Я хочу, чтобы ты вернулся. Только по этой причине и обратилась к тебе. Надеюсь, ты меня простишь.

Клавэйн ткнул пальцем в стену корвета, веля уменьшить громкость музыки. Повисла горькая, щемящая сердце тишина.

Фелка вновь заговорила:

– Это случилось на Марсе, когда ты попал в плен к Галиане. Она продержала тебя пять месяцев и выпустила. Ты должен помнить, что тогда происходило.

Он кивнул. Конечно, для таких воспоминаний четыре века – пустяк.

– Гнездо Галианы обложили со всех сторон. Но она не сдавалась. Строила планы на будущее, хотела привлечь новых сторонников. Но Гнезду не хватало генетического разнообразия. Она хваталась за любую новую ДНК. Ты не занимался с ней любовью на Марсе, но получить образцы нетрудно. Донор и не заподозрит.

– И? – прошептал он.

– Когда ты перешел на нашу сторону, Галиана объединила твою ДНК со своей. Из этого генетического материала я и произошла. Хоть и рождена в искусственной матке, я дочь Галианы. И твоя.

– Следующее сообщение! – приказал Клавэйн корвету, не желая слушать дальше.

На него слишком много навалилось вдруг. Кое-что невозможно понять и принять сразу, хотя Фелка сказала лишь то, о чем он давно подозревал. И молился, чтобы это оказалось правдой.

Других сообщений не было.

Испугавшись, Клавэйн приказал отмотать назад, воспроизвести послание Фелки снова, но корабль, исполняя приказ, тщательно стер запись. Осталось лишь то, что сохранилось у самого Клавэйна в памяти.

Он долго сидел в тишине. Как же далеко его занесло от дома, от друзей. Летит к врагу, чтобы совершить то, в правильности чего не уверен. Вполне возможно, он скоро умрет и останется в памяти народа как предатель. Даже противник не окажет ему посмертного уважения. А еще слова, долетевшие сквозь космическую стужу, вонзились в сердце. Простившись с Фелкой, он убедил себя, что больше не думает о ней как о дочери. Но теперь услышал от нее правду. И если не повернет назад, больше ее не увидит. Никогда.

Но выбор сделан, и пути назад нет.

Клавэйн заплакал.

Глава шестнадцатая

Торн осторожно ступил на борт «Ностальгии по бесконечности». Вертел головой, осматривал все с лихорадочным интересом, не желая упустить ни единой детали, способной выдать подвох, обман, несоответствие рассказанного реальности. И моргнуть боялся: а вдруг не заметит мелочь, способную раскрыть колоссальную фальшь? Может, женщины – как фокусники, отвлекающие внимание публики? Может, им только того и нужно, чтобы Торн размяк и утратил бдительность?

Напрасные подозрения. Трудно подделать полет на шаттле, но даже если эта парочка и умудрилась, то звездолет уж точно настоящий.

Несомненно, Торн в космосе, на борту колоссального субсветовика, легендарного корабля триумвира. Тут и сила тяжести ощущалась по-другому.

– Да, вы бы сами не сделали этого и за сотню лет, – пробормотал он, шагая рядом с женщинами. – Даже с помощью ультра. И вообще, какой смысл втирать мне очки?

– Значит, вы уже готовы поверить нам? – спросила инквизитор.

– Вам удалось завладеть кораблем, с этим не поспоришь. Причем большим, судя по увиденному мною, никак не меньше «Лореана». Но и он вряд ли вместит двести тысяч «спящих».

– Ему и не потребуется, – сказала другая женщина. – Это же эвакуация, а не круиз. Наша задача – увезти людей с Ресургема. Самых слабых погрузим в криосон, а большинству придется бодрствовать в крайне стесненных условиях. Не бог весть какое удовольствие, но чертовски лучше смерти.

С этим тоже не поспоришь. Торн и сам отнюдь не планировал комфортабельного путешествия для населения целой планеты.

– Как думаете, сколько времени придется провести здесь людям до возвращения на Ресургема?

Женщины переглянулись.

– Боюсь, о возвращении даже речи быть не может, – ответила старшая.

Торн пожал плечами:

– Мы прилетели на голый камень. Если потребуется, все начнем сначала.

– Под вопросом само существование планеты. – Женщина стукнула кулаком о стену. – Но здесь мы сможем содержать людей весь необходимый срок: хоть годы, хоть десятилетия.

– Но мы можем перелететь в другую звездную систему, – заметил Торн. – Все-таки это субсветовик.

Женщины не ответили.

– Я по-прежнему хочу знать, чего вы так испугались.

Старшая, назвавшаяся Ириной, спросила:

– Торн, вас кошмары не мучают?

– Нет, сплю вполне нормально.

– Боюсь, это ненадолго. Раз хотите узнать, ступайте за мной.

Когда пришло сообщение, Антуанетта еще находилась на «Буревестнике», проверяла бортовые системы. Каботажник стоял в доке на «карусели» Новый Копенгаген. Ремонтники успели устранить большинство серьезных повреждений и нейтрализовать влияние оставшихся. Ксавьеровы помощники трудились не покладая рук, поскольку ни он, ни Антуанетта не могли задержаться в доке даже на один лишний час. Обезьяны согласились работать, несмотря на то, что прочие гиперприматы на «карусели» или забастовали, или поголовно слегли, подцепив таинственный вирус, в одночасье преодолевший с десяток иммунных барьеров.

Ксавьер заметил: приматы явно сочувствуют и хотят помочь. Они не любили Феррисвилскую конвенцию, а насмотревшись, как полиция преследует Ксавьера и Антуанетту, исполнились желанием нарушить профсоюзные правила. Конечно, недаром – Ксавьеру предстояло заплатить бригаде гораздо больше, чем ему хотелось бы. Однако отец Антуанетты частенько говаривал: «Скупой платит дважды». И она эту простую житейскую мудрость твердо усвоила.

Когда консоль запищала, Антуанетта проверяла установки распределения полей в токамаке, зажавши в зубах карандаш, а под мышкой – компад. Сразу подумала, что не туда ткнула и вызвала ошибку в судовой системе управления.

Заговорила, не выпуская изо рта карандаш. Знала: Зверь разберет и такое бормотание.

– Эй, Зверь, исправишь?

– Юная леди, это сигнал прибытия внешнего сообщения.

– От Ксавьера?

– Нет, юная леди, не от мистера Лиу. Насколько я могу судить, оно прибыло из-за пределов «карусели».

– Значит, от полиции. Забавные эти копы. Обычно же не звонят, просто появляются, будто какашка на пороге.

– Юная леди, похоже, это и не полиция. Осмелюсь предположить, что разумнее всего было бы просто прослушать сообщение.

– Ах ты, умная шестеренка... – Антуанетта вынула изо рта карандаш, сунула за ухо. – Зверь, перекачай его на компад.

Картинка с данными по токамаку отодвинулась, на ее месте возникло составленное из крупных пикселей лицо. Отправитель, несомненно, хотел обойтись минимальной шириной частотной полосы. Однако лицо это девушка узнала сразу.

– Антуанетта, это снова я. Надеюсь, вы благополучно добрались домой. – Невил Клавэйн замялся, скребя в бороде. – Я передаю это сообщение через пятнадцать ретрансляторов. Некоторые из них пережили эпидемию, а есть и еще древнее, из эпохи Американо. Так что качество может быть не ахти. Боюсь, возможности ответить у вас нет, а у меня нет возможности послать еще одно сообщение. В прямом смысле это мой последний шанс. Мне нужна ваша помощь. Очень. – Он смущенно улыбнулся. – Знаю, что вы думаете: ведь обещал убить, если встретимся снова. Я это сказал всерьез. Хотел, чтобы и вы приняли это всерьез и не ввязывались в неприятности. Искренне надеюсь, что вы поверите мне – и согласитесь исполнить мою просьбу.

– Вашу просьбу? – спросила она, ошеломленная, глядя в компад.

– Антуанетта, я прошу вас прилететь и спасти меня. Понимаете, я в большой беде.

Дальше послание не содержало ничего особенного. Клавэйн просил о несложном, Антуанетта вполне могла помочь. Он и координаты дал точные, искать не нужно. Конечно, времени в обрез и риск немалый, не говоря уже о рискованности общения с Клавэйном. Но все в пределах возможного, причем без особого труда. Сразу видно: Клавэйн заранее продумал детали, предвидел возражения, вероятные проблемы. Удивительно, как он обстоятельно все просчитал.

Но хоть придумано здорово, какая, к черту, разница? Это же письмо от Клавэйна, Фарсидского Мясника, в последнее время упорно вторгавшегося в кошмары Антуанетты, воплощая прежде безликий ужас паучьих камер обработки пленных. Он склонялся над нею, управлял блестящими машинами, погружающимися в ее обнаженный мозг.

И не важно, что он спас ей жизнь.

– Да ты шутишь, старик! – буркнула Антуанетта.

Клавэйн плыл в одиночестве сквозь пространство, глядя вслед уходящему на автопилоте корвету. Тот уменьшался медленно, но неуклонно, и вот уже его стрелообразный силуэт трудно отличить от далекой слабой звезды. Затем полыхнул главный двигатель, выдал струю яркого

синего пламени, направленного в сторону преследующего «Паслена». Клавэйн полагал, что сумел определить его положение с достаточной точностью. Корвет разогнался мощно. Если бы пассажир остался на борту, неминуемо был бы раздавлен. Клавэйн глядел вслед, пока голубой огонь не превратился в едва заметную искру на фоне звезд. Затем Клавэйн моргнул и уже не смог отыскать свет корабля.

Он остался в одиночестве, горше которого и не придумать.

Хотя теперь корвет выжимал из двигателей все мыслимое, он должен был выдержать и спустя несколько часов прибыть в точку, где его скорость и положение совпадут с ожидаемыми экипажем «Паслена». Тяга уменьшится до пределов, позволяющих нести пассажира-человека. Скади опять засечет выхлоп и отметит его неравномерность, указывающую на нестабильную работу двигателя. Клавэйн приложил все усилия, чтобы она расценила ситуацию именно так.

Последние пятнадцать часов он терзал двигатели, сознательно пренебрегал техникой безопасности, сняв ограничения. При всей лишней массе на борту – оружие, топливо, механизмы жизнеобеспечения – потолок ускорения ненамного превышал порог человеческой выносливости. Конечно, можно было разогнаться до пределов возможного, но Клавэйн хотел внушить Скади, что он уже и так достиг своего «потолка».

Он не сомневался, что Скади внимательно наблюдает за выхлопом корвета, ожидая возможной ошибки. Потому взломал систему управления двигателем и симитировал признаки неизбежной скорой аварии. Заставил двигатель хаотично повышать температуру, позволяя не среагировавшим примесям загрязнять сопло, исказить струю выхлопа – показывать типичную картину приближения взрыва.

Через пятнадцать часов он спровоцировал стохастическую нестабильность, вызвавшую отказ реактора. Скади распознает произошедшее – такая авария описана во многих учебниках – и подумает, что Клавэйну не повезло. Мог бы умереть мгновенно, в яркой вспышке аннигиляции. А теперь его догонят, и смерть растянется, будет мучительной, страшной. Если Скади распознает тип аварии, она придет к выводу, что роботам корвета потребуется десять часов на ремонт. И то он окажется неполным – стопроцентное восстановление после таких аварий достижимо лишь в доке. Возможно, Клавэйн и сумеет снова запустить аннигиляционный процесс, но полной тяги уже не выжмет. Самое большее шесть g , и то недолго.

Как только Скади вновь обнаружит струю выхлопа и заметит нестабильность в работе двигателей, она решит, что удача в кармане. И не узнает, что десять часов дрейфа Клавэйн использовал не для ремонта, а для собственной высадки в подходящем месте.

Перед тем как покинуть корвет, он послал сообщение Антуанетте Бакс, позаботившись о том, чтобы сигнал не перехватила ни Скади, ни другие потенциально враждебные стороны. Сообщил, где будет дрейфовать и сколько времени сможет протянуть в легком скафандре без мудреной системы переработки отходов. По расчетам, она вполне успеет прибыть вовремя и вывезти его из зоны боевых действий до того, как Скади заподозрит неладное. Антуанетте следовало посетить указанный объем пространства, просканировать его радаром и заметить дрейфующего космонавта.

Все же это был огромный риск. Во-первых, она должна согласиться; во-вторых, безотлагательно вылететь. Если решит, что это блеф, или промедлит пару дней, Клавэйн умрет.

Теперь он целиком в ее власти.

Клавэйн сделал все возможное, чтобы увеличить автономность скафандра. Использовал крайне редко вызываемые нейропрограммы, замедляющие метаболизм, позволяющие обойтись минимумом кислорода и энергии. Не было смысла оставаться в сознании, разве что ради мучительных сомнений, надежд и страхов.

Вися среди пустоты, он приготовился заснуть. Подумал напоследок о Фелке, о ее послании, о том, что вряд ли они снова увидятся. Лучше бы ее слова оказались ложью. Хотя...

Клавэйн так и не решил окончательно, как отнестись к ее признанию. Надеялся, что она сумеет примириться с его дезертиством, не возненавидит, не разозлится за то, что не внял ее просьбам.

Четыре века назад он перешел на сторону сочленителей, веря, что это правильный поступок. Тогда почти не было времени обдумать последствия дезертиства. Настал момент, когда необходимо было делать выбор. Он знал: обратного пути нет.

Теперь случилось то же самое. Момент настал – и Клавэйн использовал его в полной мере, представляя себе возможные последствия, допуская, что совершил ошибку. Страхи могут оказаться самообманом, бредом, паранойей дряхлого, отжившего свое старца. Пусть. Он не сомневался: сейчас надо выполнять принятое решение.

Всю жизнь Клавэйн шел ва-банк. Делал выбор – и любыми путями достигал цели. И будет так поступать, пока жив.

Вспомнилось, как на Марсе он лежал в воздушном кармане под руинами. Тогда уже минуло четыре месяца с начала кампании на плато Фарсида. Клавэйн вспомнил кота со сломанной спиной. Он не давал твари умереть, делился едой и водой, хотя жажда, будто кислота, самому разъедала глотку и рот. И голод мучил сильнее, чем раны. Вскоре после того, как обоих вытащили из-под кучи щебня, кот околел. Может, гуманней и разумней было бы позволить ему умереть раньше, не растягивать наполненное болью существование на несколько дней. Однако Клавэйн не сомневался: если бы подобное случилось опять, он все равно не дал бы животному погибнуть. И дело не в том, что забота о коте отвлекала от боли и страха. За этим стояло большее. Что именно – описать словами он не мог, но чувствовал: это оно толкало сейчас к Йеллоустону, заставляло искать помощи у Антуанетты Бакс.

Одинокий, обуреваемый страхом, посреди холодной пустоты Невил Клавэйн погрузился в беспамятство.

Глава семнадцатая

Женщины привели его в рубку на борту «Ностальгии по бесконечности». Посреди помещения высился, будто огромное глазное яблоко, сферический дисплей. Торну казалось, что его изучают, рассматривают. И не только глаз-дисплей – весь корабль уставился с хищным интересом и немалой злобой. Но и Торн внимательно рассматривал окружающее и повсюду замечал следы повреждений. Даже сфера, очевидно, была отремонтирована недавно и наспех.

– Что здесь произошло? – спросил Торн. – Похоже на перестрелку.

– Вряд ли мы узнаем в точности, – ответила инквизитор Виллемье. – Ясно, что команда вовсе не так дружна во время вызванного Силвестом кризиса. По данным обследования можно заключить: на борту началась распря.

– Мы всегда это подозревали, – добавила женщина, назвавшаяся Ириной. – Подспудно в команде зрело напряжение. Кажется, случившееся у Цербера-Гадеса стало последней каплей. Наверное, вспыхнул мятеж и люди перебили друг друга, предоставив кораблю самому заботиться о себе.

– Как удобно для нас.

Женщины переглянулись.

– Может, приступим к делу? – предложила Виллемье.

Запустили видеоролик. В сфере-дисплее появилась голограмма. Торн догадался, что это результат обработки данных, поступивших от корабельных приборов. Получился вид сверху на всю систему звезды Дельта Павлина.

– Вы должны кое-что понять и твердо усвоить, – сказала Ирина. – Это трудно, но необходимо.

– Говорите.

– Человечество сейчас стоит на краю катастрофы. Ему грозит тотальное истребление.

– Сильно сказано. Надеюсь, вы сможете обосновать.

– Да, я обосную. Но прежде добавлю: истребление начнется отсюда, с Дельты Павлина. И не закончится, пока наша культура не будет полностью искоренена.

Торн не сдержал улыбку:

– Значит, Силвест был прав?

– Он не имел конкретного представления об угрозе, не знал, что надо предпринять. Но был прав в одном: цивилизация амарантийцев пала жертвой чужаков. А их приход был вызван тем, что амарантийцам удалось выйти в космос и овладеть техникой межзвездных путешествий.

– То же самое грозит случиться и с нами?

– Да. Нас хотят истребить по-другому – но те же самые пришельцы.

– И кто же они?

– Машины, – сказала Ирина. – Путешествующие в космосе неимоверно древние механизмы. Миллионы лет они ждут в пустоте, пока новый разум не нарушит галактическую тишину. Машины существуют единственно для того, чтобы отыскивать зародившуюся разумную жизнь и уничтожать ее. Мы зовем их ингибиторами.

– И теперь они здесь?

– Данные наблюдений подтверждают это.

Женщины показали голографический фильм о прибывшей с систему орде ингибиторов, занявшихся разборкой трех небесных тел. Ирина поделилась подозрением насчет Силвеста, который активировал ловушку. Возможно, сейчас к системе спешат новые орды, зарегистрировавшие волновой фронт сигнала.

Торн смотрел, как гибнут планеты: металлическая и другие, каменные. Машины роились, множились на поверхности лун, покрывали их корой индустриальных построек. С экваторов били фонтаны переработанной материи. У планет, словно у яблок, вырезали сердцевину. Выброшенное вещество направлялось в пасти трех гигантских перерабатывающих агрегатов, кружащих по орбитам умирающих небесных тел. Потоки обработанной материи, собранные в комки, выбрасывались в межпланетное пространство, где медленно, плавно выписывали параболы.

– Это лишь начало, – сказала Виллемье.

Видео показало, как три потока материи сойдутся в одной точке пространства, лежащей на орбите наибольшего газового гиганта системы – и он достигнет этой точки в тот же момент, что и потоки.

– Выяснив, куда летят три переработанные планеты, мы обратили внимание и на гигант, – пояснила Ирина.

Заметить ингибиторов было трудно. Но она не пожалела труда на поиски и обнаружила меньший рой машин близ гиганта. Долгое время этот рой висел неподвижно, ожидая прибытия сотен триллионов тонн сырья.

– Не понимаю, – сказал Торн. – Вокруг газового гиганта достаточно лун. Зачем лишний труд?

– Спутники гиганта – неподходящий материал, – объяснила Ирина. – Такая луна обычно состоит из небольшого каменного ядра, окруженного толстой ледяной или жидкой оболочкой. Ингибиторам нужен металл, вот и пришлось искать далекие спутники.

– И чем они намерены заняться сейчас?

– Еще кое-что соорудить, – ответила Ирина. – Огромное. Требующее сотен триллионов тонн материи.

– И когда это началось? – спросил Торн, глядя на дисплей. – Когда потоки достигли гиганта?

– Три недели назад. И конструкция уже принимает отчетливую форму.

Ирина ткнула пальцем в браслет, увеличивая изображение ближайших окрестностей гиганта.

Большая часть планеты оставалась в тени. Но над освещенным сектором – матово-белым полумесяцем, разлинованным светло-коричневыми и охряными полосами, – висела странная арка длиной, должно быть, в несколько тысяч километров. Ирина увеличила изображение.

– Насколько можно судить, это твердое тело, – заметила Виллемье. – Дуга круга радиусом в сто тысяч километров. Она находится на экваториальной орбите и удлиняется.

Ирина увеличила снова, сфокусировав на участке точно посреди дуги. Там виднелась припухлость, ромбовидный нарыв. Женщина повозилась с браслетом, и припухлость заполнила дисплей, предстала во всех деталях.

– Это вполне себе спутник, – пояснила Ирина. – Ледяной шар в несколько сот километров диаметром. Машины вывели его на круговую экваториальную орбиту, при этом спутник не разлетелся вдребезги от приливных сил. Затем внутри что-то построили – видимо, перерабатывающий материю агрегат. Один из подходящих к гиганту потоков падает в отверстие на спутнике, вон там. А что делается внутри, трудно представить. Известно одно: из полюсов вдоль орбиты выступают тубулярные структуры. Отсюда они кажутся волосками, а на самом деле каждый в пятнадцать километров диаметром. Протянулись уже на семьдесят тысяч километров и растут со скоростью двести восемьдесят километров в час.

Ирина кивнула, заметив изумление и недоверие на лице Торна.

– Да, вы не ослышались. Видимая вами дуга – результат десяти последних стандартных дней. Мы имеем дело с силой, какую раньше и представить не могли. Наши машины могут

превратить богатый металлами астероид в космический корабль за несколько дней, но это, по меркам ингибиторов, допотопная медлительность.

– За десять дней... – прошептал Торн растерянно, чувствуя, как по спине бегут мурашки. – Думаете, дуги будут расти, пока не соприкоснутся?

– Похоже на то. При сохранении нынешней скорости это случится через девяносто дней. Может, даже чуть раньше.

– Три месяца. Вы правы – нам не успеть. Мы бы не справились с эвакуацией за девяносто дней даже в лучшие времена. Но зачем это все? Какой смысл опоясывать кольцом газовый гигант?

– Мы не знаем. Пока. – Ирина кивнула в сторону дисплея. – Продолжим?

– Покажите, – попросил Торн. – Я хочу видеть все.

– Вам вряд ли понравится.

Она показала остальное: как три потока материи, летящих практически по баллистическим траекториям – словно бросаемый в космическую пустоту щебень, – останавливаются невидимыми отсюда машинами у газового гиганта, как разворачиваются, направляются к месту обработки. Потоки резко изогнулись. Один пошел к спутнику, исторгавшему из себя тонкие дуги. Другие уходили к зияющим на других спутниках жерлам. Эти спутники были опущены на орбиты чуть выше облачного слоя; в такой близости от гиганта их неизбежно должны были разорвать на части приливные силы.

– Что происходит на двух других лунах? – спросил Торн.

– Посмотрите сами, – предложила Ирина. – Может, увидите в этом больше смысла, чем мы.

Разобраться в сути происходящего действительно было непросто. Из каждого нижнего спутника выступала в направлении, противоположном их движению по орбите, тонкая нить – похоже, такого же диаметра, что и выпускаемая верхним спутником. Обе нижние «нити» плавно изгибались и уходили в атмосферу, словно гибкие трубы, укладываемые на дно моря. За точками вхождения в атмосферу тянулся шлейф бурлящих облаков длиной много тысяч километров.

– Насколько можно видеть, наружу эти штуковины не выходят, – сказала Виллемье.

– С какой скоростью их укладывают?

– Трудно сказать, ведь на «нитях» никаких рисок нет. И мы не можем измерить доплеровское смещение, не выдав своего присутствия. Но ясно, что потоки материи, идущие ко всем трем спутникам, приблизительно одинаковы, и диаметр выходящих «нитей» тот же.

– И погружают их в атмосферу, скорее всего, с той же скоростью, с какой формируется орбитальная дуга? Двести восемьдесят километров в час, или около того, – заключил Торн, вглядываясь в лица женщин. – Как думаете – зачем?

– Понятия не имеем, – призналась Ирина.

– Но считаете, что это не к добру?

– Да, Торн, именно так мы и считаем. Могу предположить: мы видим лишь часть общей картины, причем эта картина очень и очень велика.

– И эта часть общей картины подсказала вам, что нужно эвакуировать Ресургом?

– Да. У нас еще есть время. До замыкания наружного кольца – восемьдесят дней. Но вряд ли неприятности начнутся сразу после. Скорее всего, начнется новое строительство, и оно может потребовать не меньше времени. Допустим, у нас несколько месяцев в запасе.

– Но именно что месяцев, не лет.

– А на эвакуацию Ресургема требуется полгода.

Торн вспомнил сухую математику, предложенную женщинами: длительность полетов, вместимость шаттлов, затраты времени на погрузку и разгрузку. Да, согласно этим цифрам, можно уложиться в полгода, но ведь они не принимают в расчет человеческий фактор. Люди не

ведут себя как послушный бессловесный груз. В особенности люди, которых последние полвека безжалостно угнетали и запугивали.

– Прежде вы говорили, что у нас есть пара-тройка лет на эвакуацию.

Виллемье улыбнулась:

– Нам пришлось немножко солгать – для пользы дела.

Позднее женщины провели гостя по коридорам к ангару, где содержался орбитальный флот. Маршрут показался Торну нарочито долгим, запутанным. В ангаре висели на стапелях атмосферные шаттлы и шлюпки для сообщений между кораблями, частью похожие на изящных тонкотелых акул, частью на раздутых, с плавниками-колючками рыб-ангелов. Большинство судов было слишком мало для помощи с эвакуацией, но Торна все равно впечатлило их изобилие.

Женщины помогли облачиться в скафандр, чтобы гость мог сам облететь ангар и осмотреть суда, предназначенные для перевозки населения с Ресургема на борт «Ностальгии по бесконечности». Если бы и остались к этому времени малейшие подозрения насчет обмана, теперь они бы уж точно рассеялись. Огромность трюма, ряды судов не позволяли усомниться в реальности происходящего, – по крайней мере, в реальности существования субсветовика.

И все же, все же...

Торн видел корабль собственными глазами, ступал по его коридорам, ощущал разницу между его искусственной, создаваемой вращением гравитацией и привычной с детства гравитацией Ресургема. Но вот насчет угрозы... Тут-то и виделся подвох. Женщины показали многое, но далеко не все. Сведения об угрозе он получил из вторых рук, отфильтрованные, обработанные.

Торн принадлежал к тем людям, которые предпочитают всегда докапываться до сути. Конечно, он мог потребовать дополнительных доказательств, но какой в этом смысл? Даже если выпустят наружу, на корпус корабля, и дадут телескоп, чтобы следить за газовым гигантом – ведь и тут могут подстроить, не дадут увидеть нежелательное, заставят думать именно так, как хочется им. Если даже он заметит некое изменение в свете, исходящем от этого куска космического вещества, то сам интерпретировать происходящее не сумеет. И уж тем более связать с деятельностью черных машин-пришельцев. Придется верить женщинам на слово.

А верить на слово Торн не любил.

– Ну и как? – осведомилась Виллемье, помогая ему выбраться из скафандра. – Полагаю, вы увидели достаточно, чтобы понять: мы не лжем. Чем скорее доставим вас назад, на Ресургем, тем скорее приступим к эвакуации. Как говорится, время – деньги.

Он кивнул, глянув на маленькую женщину с глазами цвета бурого дыма. Опасную женщину.

– Вы правы. Я увидел достаточно, чтобы убедиться: если вы и лжете, то не обо всем.

– И какой вывод?

– Этого мало.

– Почему?

– Инквизитор, многое из того, во что я должен поверить, известно лишь с ваших слов. Слишком многое.

В ее голосе прозвучала неприкрытая угроза:

– Торн, вы видели свое досье. Там достаточно улик, чтобы отправить вас прямиком к амарантийцам.

– Не сомневаюсь. Если хотите, предоставляю и новые улики. Но это же ничего не изменит. Я не поведу людей в то, что здорово смахивает на устроенную правительством ловушку.

– Вы все еще считаете это подделкой? – Ирина издала странный кудахтающий звук.

– Я всего лишь хочу, чтобы у меня не осталось сомнений. Никаких.

– Но мы же показали, чем занимаются ингибиторы.

– Показали некие данные, выведенные на дисплей. У меня нет объективного свидетельства в пользу существования машин-пришельцев.

– О господи! – Виллемье смотрела на Торна удивленно и раздосадованно. – Что еще показать вам?

– То, что позволит поверить целиком и полностью. Как вы это сделаете, меня не заботит.

– Торн, на это нет времени!

Он заколебался. Виллемье говорила с таким нетерпением, с такой искренней озабоченностью и тревогой, что он почти поверил. Почти.

Похоже, ей по-настоящему страшно...

Торн повернулся в сторону ангара и спросил:

– Может одна из этих птичек доставить нас поближе к газовому гиганту?

Война Рассвета произошла из-за металлов.

Почти все тяжелые элементы в наблюдаемой Вселенной родились в недрах звезд. Большой Взрыв произвел почти исключительно водород, гелий и литий. Но каждое поколение звезд обогащало палитру элементов. Массивные светила собирали элементы легче железа в тщательно сбалансированных природой реакциях термоядерного синтеза, усложняя каскад реакций по мере того, как выгорали более легкие элементы и оставались преимущественно тяжелые. Когда очередь подходила к кремнию, наступил финал звездной жизни. Конечный результат выгорания кремния – железная оболочка вокруг ядра звезды. Но железо уже не вступает в реакцию синтеза. Выгорание кремния длилось едва ли сутки. Затем светило постигала катастрофическая неустойчивость – и звезда обрушивалась внутрь себя под собственной тяжестью. Отражающиеся, усиливающиеся ударные волны разбрасывали останки светила по космосу, и в течение краткого времени звезда горела ярче всех прочих в Галактике.

Сверхновая создает россыпь новых элементов: железа, кобальта, никеля, множество радиоактивных изотопов. Рождается туманность, распространяющаяся на многие звездные системы – и дающая материал для нового поколения звезд и планет. Близлежащая туманность, будучи возмущена ударной волной от сверхновой, собирается в сгустки. Они, уже обогащенные тяжелыми элементами от взрыва предыдущей сверхновой, в свою очередь сжимаются под действием собственной, пока еще слабой гравитации. Образуются плотные горячие «звездные колыбели», места рождения ярких молодых звезд. Некоторые – относительно прохладные карлики – выжигают свое вещество так медленно, что могут пережить и саму Галактику. Другие – сверхмассивные, быстро горящие гиганты – проживают звездную жизнь, по галактическим меркам, в мгновение ока. В агонии они, взрываясь, рассеют еще больше металлов по космосу – и дадут начало новым звездам.

До зарождения жизни ничто не мешало этому процессу. Галактику испещряли взрывы сверхновых, с каждым увеличивался запас сырья для образования планет – и самой жизни. Но постоянное обогащение тяжелыми элементами по Галактике распределялось неравномерно. В областях, удаленных от центра, сверхновые взрывались гораздо реже, чем в кишмишах звездами ядра.

Потому первые каменистые, пригодные для развития жизни миры появились поближе от центра Галактики. Там уровень концентрации металлов перевалил за порог. Там же, в пределах тысячи килопарсеков от центра, возникли первые культуры, овладевшие техникой межзвездных путешествий. Они обследовали безжизненные просторы вокруг себя, посылали экспедиции за тысячи световых лет, воображали себя единственными, уникальными – любимцами, избранниками природы. Достигали того, что считали могуществом. Страдая от одиночества, мнили себя владыками мироздания.

Но не все было так просто и прямолинейно. Разумная жизнь возникала не только вблизи центра, в одну галактическую эпоху, в пределах пояса звезд с подходящими планетами. Области с высоким содержанием металлов, позволяющие развиваться строящим машины культурам, попадались и в холодной зоне. Статистические флуктуации в распределении тяжелых элементов создавали цивилизации звездоплавателей даже там, где по идее они не могли зародиться. Тогда же образовались сверхимперии, захватывающие огромные доли Галактики – потому что расширяющиеся культуры неизбежно наталкивались на соперников. Увы, расширение жизни, по галактическим масштабам, произошло мгновенно. Как только созрели нужные условия, жизнь вспыхивала будто факел.

Но процесс образования богатых металлом миров со временем изменялся. Огромные звездные кузни не угасли. Несколько раз в столетие зажигались сверхновые, массивные звезды умирали, сияя ярче прочих. Как правило, они погибали, скрытые плотной завесой хорошо поглощающей радиацию межзвездной пыли, и смерть их отмечалась лишь чередой гравитационных волн и нейтринным импульсом. Но возникшие при кончине звезды металлы эффективно распылялись по Галактике, и среди туманности рождалось новое поколение светил и планет, и было оно еще богаче тяжелыми элементами. Огромная космическая фабрика работала, не замечая разумной жизни, которой сама же помогла возникнуть и развиваться.

Однако вблизи ядра содержание металлов превысило оптимум. Формирующиеся около новорожденных солнц планеты были очень тяжелыми, с ядрами, перегруженными металлом, с мощной гравитацией и агрессивным химическим составом. На них не образовывалось твердой коры – мантия не могла выдержать ее вес. Без стабильной литосферы не было разнообразия рельефа. Мощная гравитация подтягивала кометы, орошавшие поверхность водой. В конце концов тяжелые планеты покрывались океаном, сплошной жидкой оболочкой под унылым давящим небом. На них редко появлялась сложная жизнь – слишком мало доступных экологических ниш, не хватает климатического разнообразия. Культурам, уже освоившим межзвездные перелеты, эти планеты казались монотонными и бесполезными. Потому, когда сгусток богатой металлами туманности был готов поделиться на пригодные для использования звезды и планеты, старейшие расы звездоплавателей нередко вступали в спор за право владеть ими. В результате Галактика видела фейерверки, взрывы и выбросы энергии, интенсивностью едва ли уступающие слепым процессам звездной эволюции. Но грядущее затмило все, что было выплеснуто в локальных войнах.

Старшие культуры пытались избегать конфликтов. В поисках сырья и пространства они обратились к внешним зонам Галактики, но и тут на пути встали преграды. За полмиллиарда лет зона, благоприятная для возникновения жизни, распространилась от галактического ядра, будто волна от брошенного в пруд камня. Туманности, прежде бедные металлами, обогатились ими, там родились пригодные для эксплуатации системы – и конфликты вспыхнули снова. Некоторые продолжались по десятку миллионов лет, оставив Галактике раны, требующие для исцеления впятеро больше времени.

Но и эти войны были всего лишь мелкими ссорами по сравнению с грядущей Войной Рассвета.

Галактика в той же степени, в какой была машиной по производству металлов, сложных химических соединений, а значит, и жизни, – была машиной по производству войн. Стабильных уголков, где можно укрыться от постороннего вмешательства, в ней не имелось. На шкале времени галактических суперкультур она менялась постоянно. Колесо истории опять и опять заставляло старые культуры схлестываться с новыми.

И потому случилась война, призванная покончить со всеми войнами, завершить первую фазу галактической истории. Ее назвали Войной Рассвета, поскольку она случилась давным-давно и стала первой всегалактической распрей.

Ингибиторы мало знали о ней. Даже собственная история представлялась им неясной, запутанной. Наверняка их память подвергалась грубым переделкам. Трудно было судить, что из ее содержимого достоверно, а что подделка, созданная их предками для воздействия на другие расы. Возможно, сами ингибиторы некогда были органическими, хордовыми, теплокровными обитателями суши с двухполушарным мозгом. Далекую тень такого прошлого можно было различить в архитектуре кибернетики нынешних ингибиторов.

Долгое время они довольствовались органическими телами. Но на определенной стадии механика стала удобнее и вытеснила органику. Черные машины рыскали по Галактике. Память о планетной жизни потускнела, затем стерлась целиком; казалось, она имеет не большее отношение к действительности, чем у людей праисторическая память о жизни на деревьях.

Важным и нужным для ингибиторов осталось одно – их работа.

Скади удостоверилась, что Ремонтуар и Фелка узнали об успехе экспедиции, и затем позволила роботу вновь водрузить ее голову на пьедестал. На нем мыслилось по-другому – наверное, из-за небольших отличий в системах, обеспечивающих циркуляцию крови, и разного химического состава питающих мозг веществ. На пьедестале Скади было спокойнее. Проще сфокусироваться, открыть себя сущности, которую она всегда носила в голове.

– Скади?

Голос Ночного совета был едва слышен, похож на детский – но не услышать, проигнорировать невозможно. Скади давно это поняла.

– Я здесь, – покорно отозвалась она.

– Скади, считаешь, все идет хорошо?

– Да.

– Тогда изложи подробности.

– Клавэйн мертв, его настигли наши ракеты. Его смерть еще необходимо подтвердить, но я в успехе не сомневаюсь.

– Как он умер? По-солдатски, стойчески и спокойно?

– Да. Он не сдался, хотя должен был понимать: с поврежденными двигателями далеко не уйти.

– Мы и не рассчитывали, что он сдастся. Тем не менее погоня оказалась на удивление недолгой. Хорошо, что он умер быстро. Мы удовлетворены. Более чем.

Скади захотелось кивнуть, но для отрезанной головы это непросто.

– Спасибо!

Ночной совет позволил собраться с мыслями. Он всегда был терпелив, внимателен. Не раз говорил, что ценит Скади не менее, чем других избранных из избранных, входящих в наивысший из советов, – а может, и более. Отношения как у учителя с одаренным, пытливым учеником.

Скади нечасто спрашивала себя, откуда исходил голос и кого представлял. Ночной совет запрещал такие мысли, поскольку они могли быть перехвачены другими сочленителями.

Вспомнилось, как Ночной совет впервые явил себя и поведал кое-что о своей природе.

– Мы избранные сочленители, – сказал он. – Тесно связанная группа, засекреченная настолько, что о нашем существовании не знают и не подозревают даже самые старшие, наделенные наибольшей властью члены Узкого совета. Мы секретней и могущественней даже Внутреннего святилища, и оно иногда выступает нашей марионеткой, не подозревая о том, представляет нас среди сочленителей. Однако Ночной совет не состоит целиком из членов Внутреннего святилища или Узкого совета. Детали нашей организации не должны тебя беспокоить.

Затем голос сообщил, что Скади избрана. Она великолепно исполнила порученное задание, опаснейшее и рискованное – тайную экспедицию в глубины Города Бездны, ради добычи технологий, необходимых для постройки подавляющих инерцию машин. Живым оттуда не вернулся никто, кроме Скади.

– Ты отлично справилась! – похвалил голос. – Мы давно приглядывались к тебе, но в этом задании ты проявила себя в полной мере. И потому мы решили предстать перед тобой. Считаем, что ты принадлежишь к тому типу сочленителей, которые лучше других готовы к предстоящей трудной работе. Скади, это не лесть, но констатация истины.

Ради оперативной необходимости детали операции в Городе Бездны были стерты из ее памяти. Но Скади знала: миссия была исключительно рискованной, сложной, и она прошла вопреки планам Узкого совета.

Военные операции сочленителей носили характер отчасти парадоксальный. Солдатам, непосредственно участвующим в боях и дислоцированным в пределах зоны военных действий, не позволялось знать важное, способное изменить ход войны. Однако с оперативниками, проникающими далеко за линию вражеской обороны, дело обстоит по-другому. В качестве таких оперативников использовали опытных, высококвалифицированных сочленителей. Тех, кто мог вынести длительную разлуку с собратьями. Таким образом, пригодных для действий в чужом тылу насчитывались единицы. И собратья смотрели на них с подозрением.

Клавэйн был одним из таких оперативников. Скади – другой.

Когда она возвращалась домой с операции, голос Ночного совета впервые зазвучал в ее разуме. Предупредил: о его существовании она не вправе никому рассказывать.

– Скади, мы ценим нашу секретность, и она будет защищена любой ценой. Служи нам – и окажешь неоценимую заслугу Материнскому Гнезду. Если же предашь, хотя бы непредумышленно, мы заставим тебя молчать. Подобные меры не доставляют нам удовольствия, но не сомневайся, мы держим слово.

– Я первая избранная?

– Нет. Есть и другие. Но ты о них никогда не узнаешь. Такова наша воля.

– Чего вы от меня хотите?

– Пока ничего. Но когда в тебе возникнет потребность, мы дадим знать.

Так и случилось.

Прошли месяцы, затем годы; Скади уже считала голос, пусть и казавшийся в свое время реальным, галлюцинацией. Но однажды, в покое и тишине, голос вернулся и начал давать указания. Поначалу хотел немногого: главным образом не препятствовать тому или сему. Членства в Узком совете Скади удостоилась самостоятельно, без чьей-либо помощи, – по крайней мере, так она полагала. Столь же самостоятельно добилась и членства во Внутреннем святилище.

Часто она размышляла, кто же составляет Ночной совет. Определенно среди тех, на кого Скади обращала внимание в Узком совете и просто в Материнском Гнезде, были и лица, принадлежащие к официально несуществующему органу власти. Но за все время никто не выдал своей причастности к нему. В потоке мыслей – ни единого признака, ни единого указания на то, что эти сочленители могли служить источником либо передатчиком голоса. И Скади старалась не вспоминать о голосе, пока он не напоминал о себе сам. Она подчинялась приказам, не задумываясь об их происхождении. Было приятно сознавать, что она исполняет волю высшей силы.

Взамен неуклонно росло влияние и возможности Скади. К тому времени, когда она присоединилась к сочленителям, был восстановлен «Пролог». Голос приказал ей сделать все необходимое, чтобы возглавить проект, максимально использовать ее открытия и определить направление будущих исследований. Когда она достигла высшего уровня допуска, поняла, насколько важно добытое ею в Городе Бездны. Внутреннее святилище уже предпринимало

неуклюжие попытки создать технологию подавления инерции. Но после операции в Городе Бездны все части головоломки легли на места. Жаль, но Скади так и не узнала, что именно произошло с ней во время экспедиции. Возможно, в том была заслуга и других членов Ночного совета – на это намекал голос. А может, дело в самой Скади, проявившей себя умелым, решительным и безжалостным руководителем. Узкий совет стал ее театром действий – и старшие сочленители со смехотворной легкостью поддались ее воле.

Голос не унимался. Он привлек внимание к сигналу с Ресургема, к характерному импульсу, означавшему, что «адские» пушки приведены в готовность.

– Скади, Материнское Гнездо нуждается в этом оружии. Ты должна вернуть его.

– Зачем?

В ее разуме возникло жуткое видение: черные машины, бесчисленная грозная стая воронья.

– Скади, среди звезд обитает враг, страшнее которого мы не встречали доселе. Он приближается. Мы должны защититься.

– Откуда вам это известно?

– Мы знаем, поверь.

Она вдруг услышала в тонком, похожем на детский голосе Ночного совета новое, чего не замечала раньше: страх и муку.

– А еще мы очень хорошо знаем, на что он способен. Доверься нам.

Голос стих, будто говоривший осознал, что выдал слишком многое, и смутился.

Но затем он поместил в разум Скади настойчивую, неприятную мысль, прервав раздумья над загадочной эмоциональностью прежде бесстрастного советчика и наставника.

– Скади, когда мы сможем убедиться в его смерти?

– Часов через десять-одиннадцать. Мы прочедем зону поражения, соберем и профилируем пыль в поисках характерных химических соединений и элементов. И даже если свидетельства будут не вполне убедительными...

Последовал резкий и безапелляционный ответ:

– Нет, Скади. Его смерть должна быть гарантирована! Нельзя допустить, чтобы он добрался до Города Бездны!

– Клянусь, я убила его!

– Скади, ты умна и решительна. Но и Клавэйн тоже. Однажды он тебя переиграл и может переиграть снова.

– Не имеет значения!

– Почему?

– Даже если Клавэйн достигнет Йеллоустана, имеющиеся у него сведения не дадут ощутимой выгоды ни врагу, ни Феррисвилльской конвенции. Если захотят, они попытаются заполучить «адское» оружие. Но у нас есть «Пролог» и машины, подавляющие инерцию. Они дают нам решительное преимущество. Каких бы союзников Клавэйн ни нашел, он обречен на поражение.

Голос молчал. На мгновение Скади показалось, что ее оставили в покое.

Она ошибалась.

– Так ты считаешь, что он может быть жив?

– Я... – Скади растерянно запнулась.

– Лучше бы он оказался мертвым. Иначе мы очень разочаруемся в тебе.

Он держал раненого кота. Позвоночник был перебит, задние лапы бессильно свисали. В его пасть был засунут наконечник пластикового шланга, выходящий из резервуара в скафандре. Ноги Клавэйну придавило тоннами камня. Ослепший, обожженный кот страшно мучился. Но расстаться с жизнью ему не давал человек.

Клавэйн пробормотал, скорее обращаясь к себе, чем к животному:

– Нет, приятель, ты будешь жить, хочешь того или нет.

Голос звучал так, будто терлись друг о друга листы наждачной бумаги. Клавэйну страшно хотелось пить. Но в резервуаре осталось совсем не много, и сейчас была очередь кота.

– Пей, гаденыш. Зря, что ли, ты так долго протянул.

– Позволь мне умереть, – прохрипел кот.

– Извини, дружок, но умереть я тебе не дам.

Вдруг он ощутил движение воздуха – впервые за все время, пока лежали вместе с котом под развалинами. Издалека донесся мощный грохот бетона и металла. Подумал: хорошо, если обвалились внутренние перегородки, а ветер вызван соединением воздушных пузырей. Если рухнула наружная стена, желание кота скоро исполнится. Тогда пузырь быстро исчезнет, и дышать придется марсианской атмосферой. По слухам, умирать в таких условиях до крайности неприятно, хотя голографические ролики, состряпанные Коалицией ради поддержания боевого духа, утверждают обратное.

– Клавэйн... спасай себя...

– Пушистый, ты чего?

– Я все равно умру.

Когда кот заговорил впервые, Клавэйн посчитал это галлюцинацией. Страдающие, умирающие в одиночестве люди нередко воображают собеседников. Но запоздало понял: это и правда говорящий кот, биоинженерная игрушка богатого туриста. Когда пауки начали обстрел снарядами из вспененного металлического водорода, к причальной башне был пришвартован гражданский дирижабль. Наверное, котят сбегал оттуда задолго до обстрела, пробрался на нижние ярусы башни и спрятался. Клавэйн считал модифицированных животных оскорблением Божьего промысла и не сомневался: эта тварь уж точно не принадлежит к числу легально созданных разумных существ. Начальство Коалиции за невральную чистоту пришло бы в ярость, прознав, что ее адепт делился водой с существом, появившимся на свет вопреки природе. Союз ненавидел генетические модификации не меньше, чем мозговые усовершенствования Галианы.

Клавэйн силой просунул наконечник в горло коту. Тот, повинаясь рефлексу, проглотил несколько капель.

– Когда-нибудь все там будем.

– Скоро будем... скоро...

– Кончай ныть и пей!

Кот дохлебал остатки:

– Спасибо...

Клавэйн снова ощутил движение воздуха, на этот раз сильнее. Вместе с ним опять донесся грохот разваливающихся стен, уже сильнее и ближе. В тусклом свете биохимической лампы-грелки, включенной час назад и уже начавшей тускнеть, увидел: на полу дрожит мусор, пляшет пыль. Золотистая шерстка кота шевелилась, будто спелый ячмень на ветру. Клавэйн коснулся его головы, чтобы погладить, успокоить. На месте кошачьих глаз зияли кровавые дыры.

Было ясно: близок финал. Это не воздух перетекает из одной полости в другую. Наверняка разрушился периметр искаленного строения. Воздух уходит в холодную атмосферу Марса.

Рассмеялся – словно колючая проволока заерзала в глотке.

– Что-то... смешное? – выдавил кот.

– Нет. Нисколько.

Сумрак пронизали лучи света. Волна чистого холодного воздуха ударила в лицо, затопила легкие.

Клавэйн снова погладил кота. Если это смерть, она не так уж и плоха.

– Клавэйн!

Его звали спокойно, настойчиво.

– Клавэйн, проснитесь!

Он разлепил веки, и это забрало половину оставшихся сил. Ярчайший свет резал глаза. Захотелось моргнуть, отчего заплывшие слезью веки немедленно слиплись бы снова. Так тянуло назад, в прошлое, пусть и жутким был сон – о заточении в тесном закутке под руинами, о медленной смерти.

– Клавэйн, предупреждаю: если не проснетесь, я...

Он распахнул глаза настежь. Впереди силуэт, пока еще расплывчатый, неясный. Голос исходил от него. Похоже, Клавэйн лежал и кто-то над ним склонился.

– Ох, мать твою! – сказала женщина. – Он то ли с ума сошел, то ли...

Послышался другой голос, зычный, внешне почтительный, но с очевидными покровительственными нотками.

– Прошу прощения, юная леди, но крайне неразумно делать преждевременные заключения. Особенно когда вы имеете дело с сочленителем.

– А то я сама не знаю, с кем имею дело!

– Я всего лишь хочу напомнить о том, что его тяжелое состояние может быть вызвано сознательно.

– Да выкинь его в космос! – посоветовал еще один голос, мужской.

– Ксав, заткнись!

Наконец зрение сфокусировалось. Клавэйн понял, что находится в небольшой камере с белыми стенами. На стенах насосы, шкалы, диаграммы, предупреждающие надписи, почти стершиеся от времени. Понятно, это шлюз. На Клавэйне по-прежнему был скафандр. Припомнилось: тот самый, в котором он покидал корвет. И склонившаяся над ним особа тоже носила скафандр. Она убрала у Клавэйна лицевой щиток и фильтры, позволив свету ударить в глаза, воздуху достичь легких.

Он покопался в оцепенелой памяти и нерешительно спросил:

– Антуанетта?

– Она самая!

Женщина тоже подняла лицевой щиток. Но различить сочленитель мог лишь отдельные детали: соломенного цвета волосы, большие глаза, веснушчатый нос. Ее скафандр крепился за пояс к стене металлическим тросом. А рука лежала на массивном красном рычаге.

– Вы моложе, чем я думал, – проговорил Клавэйн.

– Как чувствуете себя?

– Чуть лучше. Скоро совсем очухаюсь. Я вошел в глубокий сон, почти в кому, чтобы сохранить ресурсы скафандра на случай, если вы чуть запоздаете.

– А если бы я вообще не явилась?

– Антуанетта, я верил: вы явитесь.

– И напрасно. Я запросто могла не прилететь. Верно, Ксав?

Мужской голос добавил сердито:

– Старик, ты даже не представляешь, как тебе повезло!

– Наверное, не представляю.

– Я же сказал: надо выкинуть его! – повторил мужчина.

Антуанетта оглянулась на оконце внутренней двери шлюза:

– Выкинуть, проделав такой путь?

– Еще не поздно. Преподай ему урок, чтобы не был таким самоуверенным!

Клавэйн чуть шевельнулся:

– Я не...

– Стоп! – Антуанетта вскинула руку, давая понять, что шевельнуть еще хотя бы мускулом для Клавэйна было бы ошибкой. Указала кивком на красный рычаг.

– Клавэйн, смотрите внимательно. Если мне что-нибудь не понравится – например, как вы моргаете, – я открываю шлюз. И тогда Ксав скажет вам «Счастливого полета».

Клавэйн поразмыслил над ситуацией несколько секунд.

– Но если бы вы не доверяли мне совершенно, не прилетели бы спасти.

– Может, я из чистого любопытства прилетела.

– Не исключено. Но возможно и другое: вы решили, что я могу говорить правду. Ведь я однажды спас вам жизнь.

Свободной рукой девушка нажала кнопки. Внутренняя дверь отодвинулась, и Клавэйн успел бросить взгляд вглубь корабля. Там маячила поджидавшая фигура в скафандре, но больше никого не было.

– Я иду! – предупредила Антуанетта.

Одним быстрым движением она отцепила трос и скользнула внутрь. Дверь шлюза тут же встала на место. Клавэйн лежал неподвижно, дожидаясь, когда ее лицо появится в окошке. Она сняла шлем, запустила пятерню в пышные непослушные волосы.

– Решили оставить меня здесь?

– Да. По крайней мере, на время. Разумная мера. Если что, выкину вас в космос.

Клавэйн потянулся к шлему, отсоединил и снял. Тот поплыл по шлюзу, будто крошечная металлическая луна.

– Я не собираюсь совершать поступки, способные вас рассердить.

– Это хорошо.

– Но, пожалуйста, выслушайте меня внимательно. Находясь здесь, вы подвергаетесь большой опасности. Нужно покинуть зону военных действий как можно скорее.

– Старик, расслабься, – посоветовал мужчина. – Мы еще успеем обслужить провезти. На световые минуты вокруг ни одного зомби.

– Вам не демархистов следует опасаться. Я убегаю от своей фракции, от сочленителей. У них неподалеку субсветовик, который трудно обнаружить обычными средствами наблюдения. Правда, не совсем рядом, я об этом позаботился. Но он может быстро двигаться, и несет дальнобойные ракеты, и упорно меня ищет.

– Так вы же вроде инсценировали свою гибель. Так мне и сказали, помните?

– Да. – Он кивнул. – Должно быть, Скади уже разнесла мой корвет в пыль, будучи уверена, что я на борту. Но на этом она не остановится. Это очень дотошная особа. Она не поленилась прочесать окрестности, собрав атомарные следы на корпус корабля.

– Атомарные следы? Да вы шутите! – Антуанетта покачала головой. – К тому времени, как они доберутся к месту взрыва, там...

– Там все еще останется повышенная плотность – пусть на пару атомов в кубометре – веществ, которых не отыщешь так запросто в межпланетном пространстве. Например, характерные изотопы, содержащиеся в материалах корпуса, и прочее в том же роде. Обшивка «Пас-лена» уловит их и проанализирует. Она покрыта клейким веществом, захватывающим все, что крупнее молекулы, а бортовые масс-спектрометры проанализируют окрестный вакуум. Полученные данные будут тщательно обработаны, и компьютер придет к выводу, что такое распределение посторонних элементов возникает при взрыве космического корабля, и не просто корабля, а корвета. Конечно, результаты вряд ли получатся однозначными, статистические ошибки слишком велики – почти порядка самого эффекта. Но мне доводилось наблюдать, как подобный анализ служил руководством к действию. И наверняка выяснится, что на корвете было слишком мало органической материи. И еще кое-что. – Клавэйн медленно двинул рукой, стараясь, чтобы жест не был воспринят как угроза. Коснулся виска. – В моих имплантатах есть

очень специфичные изотопы. Их тяжело детектировать, даже очень, но Скади это сделает, если поставит себе такую задачу. А она поставит. А она приложит. И когда не найдет...

– Поймет, что вы ее провели, – закончила фразу Антуанетта.

– Да. Конечно, я учел и это. Тщательный поиск потребует много времени. Мы успеем достичь нейтральной зоны, но стартовать нужно немедленно.

– Клавэйн, вам и в самом деле не терпится попасть на Ржавый Пояс? – спросила Антуанетта. – Они же вас живьем съедят – что конвенция, что зомби.

– Никто же не говорил, что дезертирство – занятие не рискованное.

– А вы, если не ошибаюсь, однажды уже дезертировали.

Клавэйн поймал дрейфующий шлем, закрепил на поясе.

– Да. Это было давно. Наверное, задолго до вашего рождения.

– Века за четыре, так?

Клавэйн поскреб в бороде:

– Почти в точку.

– Тогда – это же вы! Тот самый!

– Что значит «тот самый»?

– Ну, Клавэйн! Из истории. Про которого говорят, что он уже давно мертвый. Фарсидский Мясник.

Клавэйн улыбнулся:

– Ох, грехи мои тяжкие. Это именно я.

Глава восемнадцатая

Торн парил над миром, обреченным на гибель.

Они вылетели с «Ностальгии по бесконечности» на проворном кораблике, найденном женщинами в ангаре. Двухместный аппарат был рассчитан на рейсы от планетной поверхности к орбите, сделан в форме головы кобры: крылья, как расправленный капюшон, плавно стыкуются с фюзеляжем, иллюминаторы пообочь корпуса – будто глаза. Нижняя сторона покрыта буграми сенсоров, люками и чем-то похожим на разномастное оружие. Пара стволов излучателей частиц торчит спереди, как ядовитые клыки, а всю поверхность корабля укрывают разной формы черно-зеленые, мерцающие чешуйки керамической брони.

– Эта штука и вправду доставит нас туда и обратно? – спросил Торн.

– Это самый быстрый шаттл на субсветовике и, наверное, самый малозаметный. Но у него легкая броня, да и оружие скорее для впечатления, чем для настоящего дела. Если хотите лучше защищенное и вооруженное судно, подыщем, но не жалуйтесь потом, что оно слишком медленное и легко обнаружимое.

– Решайте сами.

– Торн, не стоит туда лететь. Это просто глупо. Еще не поздно отказаться.

– Глупо или нет, такой вопрос не стоит, инквизитор. – Торн никак не мог избавиться от привычки обращаться к Виллемье по должности. – Я просто не стану сотрудничать, если не поверю в реальность угрозы. А для этого должен увидеть ее своими глазами.

– А с какой стати нам лгать?

– Не знаю с какой, но ведь вы лжете. – Он пристально смотрел ей в лицо, удерживал ее взгляд, пока не стало неловко обоим. – Я не совсем понимаю, в чем дело, но вы обе не совсем честны со мной. Кое в чем правдивы, не могу отрицать, но что-то утаиваете. И это мне совершенно не нравится.

– Мы хотим всего лишь спасти людей Ресургема.

– В это я как раз верю.

Виллемье и Торн сели в «змеиную голову», оставив Ирину на борту «Ностальгии». Стартовали быстро, и хотя Торн постоянно оглядывался, ему не удалось толком рассмотреть субсветовик. Не сумел он это сделать в первом рейсе, когда прилетел сюда с Ресургема. С чего бы этим женщинам не желать, чтобы он увидел звездолет снаружи? А может, у него просто разыгралась мнительность, и по возвращении он рассмотрит «Ностальгию по бесконечности» без проблем?

– Вы можете лететь и сами, – предложила Ирина. – Кораблем не нужно управлять. Запрограммируем траекторию, позволим автоматике реагировать на обстановку. Скажите только, как близко хотите подобраться к ингибиторам.

– Слишком близко, пожалуй, не надо. Несколько десятков тысяч километров будет вполне достаточно. Если дуга хорошо рассеивает свет, я ее увижу с такого расстояния, равно как и уходящие в атмосферу трубы. Но один лететь не хочу. Если уж вам так нужно привлечь меня на свою сторону, отправляйтесь со мной. Так я буду знать, что это не ловушка.

– Я полечу с ним, – вызвалась Виллемье.

– Как пожелаешь. – Ирина пожала плечами. – На всякий случай – прощай.

Долетели без проблем. Как и по пути с Ресургема, большую часть времени проспали – не в анабиозе, но в глубоком, подобном коме сне, вызванном средствами, тормозящими нервную систему.

Виллемье велела кораблю разбудить их, когда окажутся в половине световой секунды от газового гиганта. Торн проснулся и сразу пожалел об этом: голова мутная, во рту мерзкий вкус, все тело болит и чешется.

– Торн, хорошая новость: мы еще живы, – сообщила Виллемье. – Либо ингибиторы нас не заметили, либо им наплевать.

– Наплевать? С какой стати?

– Должно быть, они уже знают по опыту, что помешать мы не сможем. Скоро всему человечеству конец, стоит ли беспокоиться из-за пары особей?

– Знают по опыту? – Он нахмурился.

– У них коллективная память. Мы не первая раса, которую они уничтожают. Наверное, процент успеха у них достаточно высок, раз не меняют стратегию.

Теперь корабль дрейфовал свободно. Торн отстегнул амортизирующие ремни, оттолкнулся от кресла, подплыл к щелевидному иллюминатору. Самочувствие слегка улучшилось. За окном виднелся газовый гигант, и выглядел он не лучшим образом.

Прежде всего Торн заметил сходящиеся к нему из глубин системы три потока материи. Они тускло поблескивали в свете Дельты Павлина – тонкие серебристые полосы, словно мазки гигантской призрачной кисти через все небо, параллельно эклиптике, от гиганта в никуда. Движение планетного материала в потоках было едва заметным, выдавали его лишь случайные движущиеся блики отраженного света. Торну это напомнило вязкий поток воды в реке на грани замерзания. Вещество преодолеvalo сотни километров в секунду, но невероятный масштаб происходящего и эту скорость делал малой, почти неощутимой. Потоки были многокилометровой ширины – будто разматываемые околопланетные кольца.

Торн проследил за ними взглядом. Близ гиганта плавные орбитальные дуги резко ломались – там потоки направлялись к местам переработки. Выглядело это так, будто элегантную работу художника грубо нарушили, толкнув его под руку в самый последний момент.

Ориентация спутников по отношению к набегающим потокам постоянно менялась, и поэтому менялась геометрия потоков вблизи точек поворота. Иногда один вовсе запруживали, пропуская другой. Но, возможно, так лишь казалось, а по-настоящему движением управляли с безукоризненной точностью, и потоки проходили друг сквозь друга, не сталкиваясь ни единой частицей.

– Мы и вообразить не можем, как машинам удастся подобное, – тихо призналась Виллемье. – У этих потоков чудовищный импульс, сквозь сечение каждого проходят миллиарды тонн в секунду. Но направление они меняют с потрясающей легкостью! Может, ингибиторы разместили в точке поворота небольшие черные дыры и разворачивают вещество в их поле? Так считает Ирина. А у меня от всего этого мурашки по коже. Еще она допускает, что машины способны попросту отключать инерцию и благодаря этому с легкостью разворачивать любые массы.

– И то и другое звучит не слишком ободряюще.

– Вы правы. Но даже если ингибиторы умеют мастерить черные дыры на заказ и манипулировать инерцией, они это делают не в слишком больших масштабах – иначе мы были бы уже мертвы. У машин есть свои пределы. По крайней мере, в это хочется верить.

Луны – объекты диаметром несколько десятков километров – казались плотными сгустками света, крючьями на конце нисходящих потоков. Материя рушилась в их зияющие отверстия, похожие на рты, перпендикулярные плоскости орбиты. По законам физики, ничем не уравновешенная падающая масса должна была выпихнуть луны на новую орбиту. Но этого не происходило. Очевидно, ингибиторы умели нарушать либо обходить обычные законы сохранения импульса и энергии.

Спутник на самой далекой орбите производил дугу, которая рано или поздно замкнется в кольцо вокруг газового гиганта. Когда Торн смотрел с «Ностальгии по бесконечности», еще можно было усомниться в назначении дуги. Теперь сомнения исчезли. Дуга продолжала удлиняться со скоростью тысяча километров за каждые четыре часа – колоссальная лавина высокоорганизованной материи.

Торну пришлось напомнить себе: это не магия, а всего лишь чрезвычайно продвинутая техника. Хотя верилось с трудом. Под ледяной коркой лун неведомые агрегаты с фантастической скоростью вырабатывали непонятные компоненты, образующие трубу диаметром тринадцать километров. Обе женщины с «Ностальгии» и представить не пытались, какова эта труба внутри: пуста она или забита сложнейшей техникой пришельцев.

Нет, все же это не магия. Насколько Торн понимал, жесткие законы физики в присутствии ингибиторов становились податливыми, словно карамель на жаре. Скорее, законы не абсолютны, они являются лишь правилами, в большинстве случаев соблюдаемыми, а при умении и необходимости вполне изменяемыми. Но и черные машины имели свои пределы. Они могли творить то, что казалось волшебным, но перед действительно невозможным отступали. К примеру, как показывали наблюдения, ингибиторы не могли сотворить материю из ничего, хотя умели обрабатывать ее с поразительной скоростью. Вот и пришлось им разграбить три планеты.

Кроме того, их огромные стройки требовали времени. Дуга вокруг планеты образовалась не мгновенно, она росла со скоростью в двести восемьдесят метров в секунду. Машины, при всем их могуществе, не были богами.

Торн пришел к выводу, что это, пожалуй, единственное утешение в данной ситуации.

Он пригляделся к паре нижних лун. Их ингибиторы перевели на идеально круглые орбиты прямо над облачным слоем, причем орбиты пересекались. Временами луны проходили вблизи друг друга, но медленная укладка «нити» в атмосферу не прекращалась.

Теперь их работа виднелась отчетливо: трубы выходили из них прямыми, чуть изгибались, а затем, в тысяче километров от спутника, обрушивались резко в атмосферу. Касаясь ее, двигались с космической скоростью, несколько километров в секунду, и оставляли среди облаков метины, похожие на раны от когтей. За местом вхождения труб тянулись ржаво-красные полосы, дважды или трижды опоясывающие гиганта. Следы не совпадали друг с другом из-за вращения самого гиганта вокруг оси. Два спутника-завода выписывали на поверхности движущихся облаков сложный узор, напоминающий упражнение экстравагантного каллиграфа. Красиво, аж дух захватывает, но и страшно до тошноты. Несомненно, планету уродуют, безжалостно увечат. А потом и вовсе уничтожат. Эта каллиграфия – надпись на могиле умирающего мира.

– Полагаю, теперь вы нам верите, – сказала Виллемье.

– Да, я склонен поверить. – Торн стукнул костяшками в иллюминатор. – Может, это и не стекло, хотя таковым и кажется, а что-то вроде трехмерного дисплея... Однако вряд ли вы настолько хитры. Даже если я выйду наружу в скафандре, чтобы увидеть собственными глазами, и то не буду до конца уверен в том, что лицевой щиток – не дисплей.

– Вы очень подозрительный человек.

– Захочешь жить, станешь подозрительным. – Торн вернулся к своему креслу, уселся. – Хорошо. Я увидел. Следующий вопрос: что именно там происходит? Каковы их намерения?

– Думаю, ответ искать не обязательно. Достаточно знать, что происходит скверное.

– Для меня этого недостаточно.

– Мы знаем, что делают эти машины, хотя и не знаем, как именно. Ингибиторы уничтожают разумные расы, медленно и тщательно. Их сюда привлек Силвест, и сделал он это, скорее всего, ненамеренно. Впрочем, это исключительно скользкий тип, и невозможно сказать, какими были его настоящие мотивы. Факт остается фактом: черные машины прилетели, чтобы проделать свою обычную работу. Это все, что нам нужно знать. Необходимо просто увезти отсюда всех, кого только можно, и побыстрее.

– Если эти машины так эффективны, как вы считаете, то не будет ли напрасной наша попытка к бегству?

– Мы выиграем время. Да и машины уже не те. Их работа небезупречна.

– Вы же говорили, что они самовоспроизводящиеся. Отчего ингибиторы стали работать хуже? Разве что-нибудь мешает им обучаться, делаться умнее и эффективнее?

– Создатели ингибиторов, кем бы они ни были, не хотели, чтобы их детища чересчур развились. Машины предназначались для уничтожения разума. Какой смысл заполнять ими ту нишу, которую они должны держать пустой?

– Пожалуй, вы правы, – согласился Торн, отнюдь не удовлетворенный ответом. – Думаю, вы должны еще кое-что показать мне и рассказать. Но до того я хотел бы подлететь ближе.

– Насколько ближе? – насторожилась инквизитор.

– Полагаю, корабль приспособлен для полетов в атмосфере. Такая обтекаемая форма...

– Насчет атмосферы мы не договаривались.

– Ну, так подайте на меня в суд за нарушение контракта. – Он улыбнулся. – Я от природы пытлив, как и вы.

Скорпион очнулся. Тело сотрясала дрожь. Было холодно, кожа покрылась липкой гадостью. Он заскребся, сдирая блестящий слой жирного геля. Тот чавкал, отлепляясь мерзкими полупрозрачными чешуями. Скорпион очень осторожно вычищал участок близ ожога на правом плече, бережно, заботливо, почти с наслаждением ощупывал его края. Знал на ощупь каждый дюйм ожога, но, очерчивая пальцами причудливый рельеф грубого шрама, вспоминал о долге перед собой, о данном себе же обещании, которому следовал с тех пор, как убежал от Квайла. Пусть Квайл умственно очень далеко ушел от людей, генетически он был человеком. Этого нельзя забыть. Нужно отомстить людям. За Скорпионом должок.

Боль ушла. Не напоминал о себе даже шрам. Но мутило, трудно было сориентироваться. В ушах ревело, словно голову сунули в вентиляционную шахту. Перед глазами плавала переливающаяся, дрожащая муть. Спихватившись, он отлепил от лица прозрачную корку. Моргнул. Зрение прояснилось, но в ушах по-прежнему ревело. Скорпион осмотрелся. Он по-прежнему трясся от холода, но уже был способен определить, где находится.

Скорпион лежал в половинке металлической яичной скорлупы, скорчившись в позе зародыша. Нижнюю половину тела еще окружал отвратительный липкий гель. Вокруг змеились пластиковые трубки, переходники. В ноздрях и глотке ощущалось раздражение, – должно быть, туда недавно совали эти трубки. И выдернули бесцеремонно. Вторая половина металлического яйца валялась рядом – видно, недавно отсоединили. Вокруг безошибочно угадывалась внутренность космического корабля: полированный синий металл, изогнутые, похожие на ребра перфорированные лонжероны. Гул в ушах – звук работающих двигателей. Значит, летим. Корабль маленький, раз двигатели слышны. Не хватает места, чтобы одеть их силовым полем, глушащим вибрацию. Определенно внутрисистемный шаттл или что-то похожее.

Скорпион вздрогнул: в дальнем конце отсека открылась дверь, обнаружив камеру с ведущей вверх лестницей. С ее последней ступеньки сошел на пол мужчина и спокойно направился к Скорпиону, очевидно не удивившись его пробуждению.

– Как самочувствие?

Скорпион заставил себя посмотреть на вошедшего, сосредоточился. Этого человека он знал, хоть тот и успел измениться. Одежда по-прежнему темная, без отличительных знаков, но уже не отчетливо сочленительского покроя. Лысый прежде череп теперь покрывала короткая черная щетина. Выглядел он теперь куда менее похожим на труп.

– Ремонтуар! – прохрипел Скорпион, выплевывая изо рта мерзкий гель.

– Да, это я. С вами все хорошо? Мониторинг состояния показал: анабиоз не оставил вредных последствий.

– Где мы?

– На корабле близ Ржавого Пояса.

– Снова явились меня мучить?

Ремонтуар отвернулся, не желая глядеть ему в глаза:

– Скорпион, это была не пытка... всего лишь дополнительное обучение.

– Когда собираетесь сдать меня конвенции?

– Думаю, выдача больше не стоит на повестке дня. По крайней мере, сейчас она не представляется целесообразной.

Скорпион утвердился в догадке: скорее всего, это шаттл. Очень может быть, что на борту всего двое. Интересно, каково это – вести сочленительский корабль? Наверное, непросто, но попробовать стоит. Даже если потерпишь крушение и сгоришь, все лучше, чем смертный приговор.

Он выпрыгнул из скорлупы, подняв фонтан геля. Полетели в стороны трубки, капельницы. В один миг плохо устроенные руки гиперсвины отыскивали жизненно важные точки. Надави такую – и любой человек, даже сочленитель, лишится сил, потеряет сознание, умрет...

Очнулся Скорпион в другой части корабля, привязанный к креслу. Ремонтуар сидел напротив, аккуратно сложив руки на коленях. За его спиной изгибалась внушительная консоль, покрытая экранами, индикаторами, системами управления и полусферическими навигационными дисплеями. Освещалась консоль на манер игрового автомата в казино.

– На вашем месте я бы этого не повторял, – посоветовал Ремонтуар.

– Чего не повторял? – буркнул Скорпион, глядя дерзко.

– Вы пытались меня задушить. Пустая затея. Мы внедрили в ваш мозг, вблизи сонной артерии, небольшой имплантат. Его единственная функция – сдавливать артерию по сигналу от моего имплантата. В случае угрозы я пошлю сигнал сознательно, но устройство может сработать и само. Если я вдруг потеряю сознание или погибну, вы вскоре умрете.

– Но оно сработало, а я-то жив!

– На первый раз я проявил милосердие и ограничился предупреждением.

Скорпион осмотрелся: он одет, кожа кажется сухой, и вообще ему гораздо лучше, чем недавно в скорлупе.

– Отчего же не повторить? Вы мне дали отличное средство для самоубийства. Всяко лучше, чем ждать, когда меня выпотрошит конвенция.

– Я не намерен передавать вас конвенции.

– Ага, значит, небольшая личная месть?

– Снова не угадали. – Ремонтуар повернулся к вычурной приборной панели.

Он работал, словно пианист над инструментом, не глядя, чего касаются пальцы. Над консолью находился иллюминатор, еще два прорезали синюю сталь корпуса по бокам.

Свет в кабине постепенно ослаб, изменилось звучание двигателей, и Скорпион ощутил нутром перемену гравитации. В лобовом иллюминаторе появился огромный охряный полумесяц Йеллоустона. Большая часть видимой поверхности была окутана ночным сумраком. Корабль Ремонтуара находился почти в плоскости Ржавого Пояса. На фоне освещенного участка планеты едва различались спутники Пояса – словно едва заметная темная посыпка, коричневый след. Но на темной стороне они казались россыпью драгоценностей, переливающихся, блещущих, светящихся огромными зеркалами и прожекторами.

Зрелище впечатляло, но Скорпион знал: это лишь тень былого великолепия. Перед эпидемией плавающей чумы Пояс состоял из десяти тысяч обитаемых спутников – теперь люди жили на нескольких сотнях. Но темнота скрыла руины, оставила только волшебную светящуюся пыль обитаемых космических островов – словно колесо истории застопорилось там.

За Ржавым Поясом Йеллоустон казался таким близким! Скорпион живо представил шум Города Бездны, разноголосие, слышное и за облаками, словно завлекающее пение сирен. Вспомнил норы и крепости свиней и их союзников в трущобах Мульчи, этого царства беззакония, состоящего из многочисленных владений отдельных банд и группировок. После спасе-

ния от Квайла Скорпион, явившись в Мульчу, попал на низшую ступень тамошней иерархии – изуродованный шрамами иммигрант почти без единого целого воспоминания. Но Скорпион помнил, как выживать во враждебном окружении и, что важнее, как обратить ситуацию в свою пользу. Такими умениями, если ничем другим, он был обязан Квайлу. Но это не значило, что Скорпион был благодарен.

О жизни до встречи с Квайлом он помнил очень мало. Знал: то, что кажется воспоминанием, на самом деле продукт воображения. Память удержала самые важные сведения о прежнем существовании, о жизни на яхте, но подсознание не теряло времени даром, заполняя один пробел за другим. Воспоминания, и без того сомнительные, дополнялись множеством иллюзорных деталей. Возможно, выстроенное и соответствовало реальности, но как проверить? Хотя какая теперь разница? Никто не оспорит воспоминания и не подтвердит. Те, кто мог, сейчас мертвы, безжалостно истреблены руками Квайла и его сообщников.

Первое воспоминание о Квайле было жутким. Очнувшись от долгого сна, либо чего-то более глубокого, нежели сон, и беспамятного, он оказался в шеренге с одиннадцатью гиперсвиньями, посреди стылой комнаты с металлическими стенами. Одеты свиньи были в сшитое из полос жесткой и темной пятнистой ткани платье. Перед строем стоял Квайл – высокий, асимметрично модифицированный человек. Скорпион предположил, что он из ультра или подобных им фракций, склонных к гипертрофированному уродству: угонщиков или атмосферных черпальщиков. За спиной Квайла толпилось с полдюжины модифицированных людей. Все – с оружием, от ножей до крупнокалиберных короткоствольных дробовиков. Глядят на гиперсвиней с отчетливым предвкушением удовольствия.

Скорпион без труда понимал речь Квайла. Тот объяснил, что двенадцать свиней были доставлены на борт его корабля, большого и вместительного, чтобы команда развлеклась после нескольких неудачных сделок.

Развлечение удалось на славу, хотя и не совсем так, как запланировал Квайл. Команда настроилась на веселую охоту и с энтузиазмом ею занялась, и поначалу все шло как задумано. Правила были очень простые: свиньям позволялось бежать куда угодно, прятаться как угодно, использовать любое оружие и инструменты, какие сумеют отыскать либо соорудить. Квайл посулил пощадку любой свинье, которая протянет пять суток. Жертвы сами должны решить, держаться им вместе либо поодиночке. Люди дали им шесть часов форы.

Этого оказалось очень мало. Половина свиней погибла к концу первого дня охоты. Условия они приняли безропотно, даже Скорпион ощущал странное чувство долга, необходимость исполнять требования людей, будь то Квайл или другой человек. И хотя инстинкт самосохранения взял верх, ударить в ответ Скорпион решился только на третий день. И тогда пришлось бороться с собой, преодолевать ощущение, будто покушаешься на святое, совершаешь немыслимое кощунство.

Сперва Скорпион прятался вместе с парой свиней, из которых одна была немая, а другая способна только на ломаные фразы. Но взаимодействовали все трое с необыкновенной легкостью, предугадывали мысли и поступки друг друга. Скорпион знал, что раньше свиньи работали вместе, хотя еще не сумел отыскать ни единого связного воспоминания о своей жизни до попадания к Квайлу. Но хотя команда справлялась неплохо, проведя с товарищами восемнадцать часов, Скорпион решил действовать в одиночестве. Двое предпочли остаться в уютном закоулке, Скорпион же не сомневался: единственная надежда на спасение – в постоянном продвижении наверх, против создаваемой двигателями тяги.

Тогда он и сделал первое важное открытие. Проползая через вентиляционную шахту, Скорпион разорвал одежду и открыл край блестящего зеленого рисунка, покрывавшего большую часть правого плеча. Он расширил разрыв, но не сумел рассмотреть как следует, пока не нашел отражающую поверхность. Оказалось, на плече вытатуирован стилизованный контур скорпиона.

Он коснулся изумрудной татуировки, провел пальцами вдоль изогнутого хвоста, живо вообразил укол ядовитого жала – и почувствовал наполняющую его силу, мощь, какую лишь он один мог высвободить и направить. Стало ясно: его личность неразрывно связана с татуировкой, все важное сосредоточено в ней. Это был страшноватый миг самоидентификации, обнаружения собственного «я»: он понял, что может назвать себя. Что обладает собственным именем, которое связывает его с прошлым.

Спустя четверть часа он сделал второе открытие, заметив сквозь иллюминатор летящее рядом судно. Маленькое, гораздо меньше корабля Квайла, и тонкое, с изящными обводами. Это, несомненно, космическая яхта, рассчитанная на путешествия внутри системы. Корпус из бледно-зеленого поблескивающего сплава, аэродинамически совершенная форма, как у ската манти; прикрытые воздухозаборники похожи на пасти исполинских акул. Глянув на яхту, Скорпион будто сразу увидел ее чертеж под элегантными обводами. Понял, что может заползти в любой закуток с закрытыми глазами; может управлять ею, почти не думая; может исправить любую неполадку, отрегулировать любую систему. Желание ухаживать за яхтой навалилось с неистовой силой. Скорпион чувствовал, что лишь в ее чреве, окруженный инструментами и машинами, он может быть по-настоящему счастлив.

Тогда он предположил навскидку: наверное, двенадцать свиней составляли экипаж захваченной Квайлом яхты. Судно стало призом пиратов, команду погрузили в глубокий анабиоз до той поры, когда пиратам захочется скрасить унылое существование на борту. Это, по крайней мере, объясняло амнезию. Скорпион очень обрадовался, найдя ниточку в прошлое.

И еще он обрадовался, когда сделал третье открытие.

Он обнаружил двух свиней, оставленных в убежище. Как и опасался, их поймали и убили. Подвесили на цепях к перфорированной потолочной балке. Содрали кожу, выпустили кишки. Причем – Скорпион не сомневался – вспарывать и обдирать начали заживо. Теперь он был уверен и в том, что одежда, которую на него напялили, сделана из кожи свиней. Дюжина соратников Скорпиона – не первые жертвы, но лишь очередные мишени в игре, продолжавшейся куда дольше, чем он думал поначалу. Его обуяла ярость, какой он не испытывал никогда. В голове словно лопнуло что-то, и Скорпион всерьез задумался над тем, что раньше казалось невыполнимым: как причинить человеку вред. Не просто травмировать: изувечить, изуродовать. Умертвить. Скорпион даже смог задуматься о том, как это лучше сделать.

Он обнаружил в себе изобретательность, умение обращаться с техникой и принялся изменять корабль Квайла. Превращал двери в гильотины, разрубавшие неосторожных. Обрушивал кабины лифтов вместе с пассажирами, превращал транспортные платформы в прессы, плющившие добычу. Выкачивал воздух из отсека, иногда заменяя его отравленным газом, и заставлял датчики посылать ложные сигналы о присутствии там живого существа. Казнил охотников одного за другим, временами с артистичной изощренностью, пока не остался в живых один Квайл, перепуганный до смерти, наконец осознавший, какую глупость совершил. Но к тому времени одиннадцать свиней уже погибли, и к радости победы Скорпиона над людьми примешалась едкая горечь. Он не смог спасти друзей, не обладавших многими его умениями, не способных даже толком говорить – а уж он-то свою речь воспринимал как данность, не задумываясь. У них не только глотка не была устроена должным образом – не был приспособлен и мозг. Для них понять произносимое другими стоило большого труда. Несколько слов, коротких предложений – вот и весь их запас. Рассудки их работали по-другому, не имели возможности ни расшифровывать речь, ни строить ее. А для Скорпиона даже мыслить словами было естественным. Как ни крути, он был гораздо ближе к людям. И, хотя никто из друзей не просил о защите, Скорпион чувствовал, что предал их, оставил в беде.

Он продержал Квайла живым до тех пор, пока они не приблизились к Йеллоустону. На яхте отправился в Город Бездны. К тому времени как Скорпион достиг Мульчи, Квайл, скорее

всего, уже был мертв или корчился в агонии. Скорпион соорудил для него отличный эшафот, переделав хирургическую автоматику из лазарета.

А когда почти уже прибыл домой, никем не преследуемый, свободный, – сделал финальное открытие. Яхта не принадлежала ни ему, ни кому-либо из гиперсвиней. «Свет Зодиака» принадлежал людям и управлялся ими, а дюжина свиней, прозябавших в бессрочном долговом рабстве, ютилась на борту, исполняя каждый свою обязанность.

Просматривая корабельный журнал, Скорпион увидел, как вломившиеся на борт пираты перебили экипаж. Людей они умерщвляли быстро и аккуратно, почти гуманно по сравнению с расправой над свиньями. И в том же журнале Скорпион нашел запись о том, как хозяева яхты клеймили рабов: каждый из двенадцати получил свой знак зодиака на плечо. Так метят покорную хозяину живую вещь.

Он нашел сварочный лазер, поставил на минимальную мощность и глубоко взрезал лучом свое тело. Смотрел, замороженный, как мощные импульсы света выжигают плоть, как трещит жир, как исчезает зеленый рисунок. Боль была неопишима, но Скорпион решил не смягчать ее анестезирующим средством из аптечки. И ничего не сделал, чтобы облегчить заживление раны. Боль была нужна, чтобы вытерпеть ее и перейти, как по мосту, на другую сторону. Рубец ожога стал свидетельством этого перехода, памятником освобождению. Болью Скорпион вернул себя, создал заново свое «я». Возможно, раньше его «я» и не существовало, и в муках он сумел выковать новую личность. Рубец всегда напоминал о том, что нужно делать, и если ненависть к людям ослабнет, если появится желание простить – рубец напомнит вновь. И тем не менее, непонятно почему, решил оставить полученное от людей имя. Пусть оно станет символом ненависти, средоточием страха. Им люди станут пугать детей, чтобы слушались.

Мстить Скорпион начал в Городе Бездны. Туда-то он и хотел бы вернуться, если удастся сбежать от Ремонтуара. Конечно, и тогда придется жить в подполье. Но трудностей станет гораздо меньше, когда он свяжется с Хлестуном. Хлестун – один из первых союзников, у него неплохие связи, его влияние простирается до Ржавого Пояса и Лореанвиля. Он наверняка остался верен Скорпиону, и если даже кому-то повезет захватить возвращающегося босса, в Городе Бездны таким везунчикам придется несладко. Орда свиней, разномастный альянс банд и группировок, собранных Скорпионом и Хлестуном, уже несколько раз нападала на власти. Потери они несли страшные, но по-настоящему побеждены не были никогда. Правда, и серьезной угрозы властям не создавали – воевали, чтобы удержать кварталы Мульчи. Однако Хлестун с подельниками не боялись расширять сферу влияния. Они нашли союзников среди баньши, а значит, получили возможность действовать далеко за пределами Мульчи. Надолго отойдя от дел, Скорпион теперь очень интересовался, как обстоят дела у этого союза.

Он кивнул, указывая на пояс спутников:

– Похоже, все еще летим к Поясу.

– Да. Но не к конвенции. Наши планы слегка изменились, и потому пришлось вставить неприятный имплантат вам в голову.

– Правильно сделали.

– Иначе вы бы убили меня? Возможно. Но далеко бы не улетели. – Ремонтуар погладил консоль, улыбнулся. – Боюсь, вы бы не смогли управлять этим судном. Несмотря на облик, оно целиком сочленительское. Пришлось его замаскировать, чтобы не вызвать подозрений.

– Расскажите, что происходит.

Ремонтуар опять развернул кресло, наклонился, придвинувшись к свинье очень близко. Не будь имплантата, одно движение Скорпиона – и... Но если не удержаться, наверняка умрешь. И потому Скорпион удержался, позволил человеку выговориться, хотя и живо представлял при этом, с каким наслаждением прикончил бы его.

– Полагаю, вы знакомы с Клавэйном?

Скорпион фыркнул.

– Он был одним из нас. Более того, он был отличным сочленителем четыреста лет. Нас бы не было, если бы не Клавэйн. Знаете, его ведь недаром прозвали Фарсидским Мясником. Но это древняя история. Не думаю, что вы слышали о плато Фарсида. Теперь главное – дезертирство Клавэйна, уже совершившееся или только совершающееся. Его нужно остановить. Клавэйн был моим другом. Я и теперь считаю его другом. И потому хотел бы захватить его живым, если это возможно. Если нет, я готов убить его. Мы уже пытались его уничтожить, когда это казалось единственным выходом. Я даже рад, что нам не удалось. Клавэйн перехитрил нас, выбросился из корвета в пространство, направив корабль дальше. Когда мы взорвали корвет, Клавэйна на борту не было.

– Умный парень. Он начинает мне нравиться.

– Рад слышать. Это очень хорошо, ведь вы можете мне найти его.

Скорпион подумал, что Ремонтуар уж слишком самонадеян, – и это тревожило. Он и в самом деле рассчитывает на помощь?

– Помочь вам? Найти его?

– Мы полагаем, его спас каботажный грузовик, тот самый, встреченный нами раньше в зоне военных действий – между прочим, как раз перед тем, как мы захватили вас. Тогда Клавэйн помог хозяйке каботажника спастись. Похоже, теперь он сделал ставку на ее благодарность. Это судно только что совершило нелегальный и непредусмотренный вояж в зону боевых действий. Возможно, Клавэйн заранее договорился, и его, дрейфующего в космосе, подобрали торговцы.

– Не вижу проблем. Просто разнесите чертову посудину вдребезги.

– Боюсь, слишком поздно. Пока мы соединяли куски головоломки, судно успело вернуться в пространство Феррисвилльской конвенции. – Ремонтуар указал на вереницу орбитальных станций, блистающих над затененной поверхностью Йеллоустона. – Сейчас Клавэйн залег на дно где-то в Ржавом Поясе, а это ваша территория. Судя по вашему досье, вы знаете его едва ли хуже, чем Город Бездны. Уверен, вы с радостью станете моим проводником. – Ремонтуар улыбнулся, легонько постучал по виску. – Ну как, возьметесь?

– Я могу убить вас. Способов найдется много.

– И какая с того польза? Сами умрете. А мы можем предложить кое-что существенное за ваши услуги. Помогите нам, сочленителям, и мы позаботимся о том, чтобы вы не попали в лапы конвенции. Ей мы предоставим мертвое тело, идентичную копию, клонированную с вас. Объясним: находясь в нашей власти, вы погибли. Так вы не только получите свободу, но и армия сыщиков конвенции перестанет вынюхивать ваш след. Мы дадим вам денег, снабдим фальшивыми документами. Скорпион официально умрет, но вы останетесь живы.

– А почему вы до сих пор так не поступили? Если можете подделать мое тело, отдали бы его им, и все дела.

– Скорпион, выдача вашего трупа повлечет за собой неприятные последствия. А мы дорожим своими отношениями с Феррисвилем. Но сейчас Клавэйн нам нужен больше, чем добрая воля конвенции.

– Наверное, он много для вас значит.

Ремонтуар снова развернулся к приборной доске, пальцы замелькали, словно брал сложные аккорды на концертном рояле.

– Да, он как личность многое для нас значит. Но еще ценнее содержимое его головы.

Скорпион задумался над своим положением. Как обычно в трудные времена, инстинкты заработали с безжалостной эффективностью. Некогда противником был Квайл, теперь – хрупкий на вид сочленитель, способный убить одной лишь мыслью. Сомнений нет: угроза выдать Скорпиона конвенции в случае отказа от сотрудничества вполне реальна. Предупредить Хлестуна о своем возвращении невозможно. Если попадешь к властям, смерть гарантирована. А помогая Ремонтуару, некоторое время будешь живым и даже условно свободным. Может, он

и не соврал, обещая отпустить в награду за помощь. Но если сочленитель и лжет, сотрудничество с ним даст возможность рано или поздно связаться с Хлестуном и подготовить побег. В общем, от предложения очень глупо отказываться, даже если это значит работать на того, кого считаешь человеком.

– Похоже, вы в отчаянном положении, – заметил Скорпион.

– Может, и так, но это не ваша забота. Так вы согласны помочь?

– А если откажусь?

Ремонтуар улыбнулся:

– Тогда нам не придется делать клонированный труп.

Раз в восемь часов Антуанетта открывала дверь шлюза – на краткое время, чтобы передать воду и пищу. Клавэйн принимал их с благодарностью, говорил спасибо и не выказывал ни малейшего раздражения по поводу своего плена. Достаточно и того, что она спасла беглого сочленителя и собирается передать властям. На ее месте он вел бы себя еще осторожнее, зная, на что способны пауки. Ведь дверь шлюза представляла для него куда менее серьезную преграду, чем полагала Антуанетта.

Заключение длилось сутки. Вдруг он ощутил, как дернулся, накренился пол, – корабль сменил вектор тяги. Появившаяся в дверях девушка, протянув колбу с водой и плитку пищевого концентрата, подтвердила: судно направляется к Ржавому Поясу.

– А к чему эти зигзаги? – поинтересовался Клавэйн, отдирая фольгу от плитки. – Мы уклоняемся от чьих-то военных кораблей?

– Не совсем военных.

– А от кого же?

– От баньши, – ответила Антуанетта и, заметив недоумение на лице Клавэйна, пояснила: – Это пираты, бандиты, грабители, мародеры – как хотите, так и зовите. Сволочное отребье, мразь и подонки. Очень опасные.

– Я о них не слышал.

– Само собой. Вы ведь не торговец, пытающийся честно зарабатывать на жизнь.

Клавэйн откусил от плитки, прожевал.

– Вы таким искренним тоном говорите про честный заработок.

– Я, конечно, иногда вынуждена обходить правила. Но эти мерзавцы – они ж такое вытворяют! Мои грешки в сравнении – ну, как порядок при швартовке нарушить, вроде того.

– Эти баньши... они ведь раньше тоже были торговцами?

– Ну да. До тех пор, пока не выяснили: проще забрать груз у других, чем перевозить самому.

– Раньше вы с ними сталкивались?

– Вплотную – нет. Хотя они за мной гнались несколько раз. Все, кто возит грузы у Ржавого Пояса, их встречали. Но обычно они за «Буревестником» не гонятся подолгу. Моя птичка быстрая, брать ее на бордаж рискованно. К тому же у меня есть кое-какие сдерживающие средства.

Клавэйн понимающе кивнул, представляя, о каких средствах она говорит.

– И долго они гнались за нами?

– Целый час. Пара баньши шла в десятой доле световой секунды. Всего тридцать тысяч километров. Но я их стряхнула с хвоста.

Клавэйн отпил из колбы.

– Думаете, они вернутся?

– Не знаю. Странно повстречать их так далеко от Ржавого Пояса. Я бы сказала... хм... – Девушка запнулась.

– Вы бы сказали, что дело, возможно, во мне?

– Ну, я так подумала...

– Я бы предложил другое объяснение. Ваши действия непонятны, вы пересекаете зону военных действий, подвергаясь опасности. Баньши видят единственное объяснение: у вас ценный груз, ради которого стоит рискнуть. Это и пробудило их интерес.

– Наверное, так...

– Клянусь, я не имею никакого отношения к ним.

– Клавэйн, я и не думала, что вы имеете отношение к баньши. Во всяком случае, не вы их вызвали, это точно. Но в наши дни случается столько всякого непонятного...

– Так расскажите об этом, – предложил он, отхлебывая из колбы.

Из шлюза его выпустили спустя еще восемь часов. Тогда Клавэйн впервые смог рассмотреть как следует мужчину, которого Антуанетта звала Ксавьером. Он был высок, длиннорук и длинноног, с веселым округлым лицом и стриженными под горшок лоснящимися черными волосами, отливавшими синевой в свете коридорных ламп. По оценке сочленителя, Ксавьер был лет на десять-пятнадцать старше подруги. Но Клавэйн допускал, что парень мог оказаться младше девушки. Во всяком случае, едва ли каждому больше двадцати-тридцати лет от роду.

Когда дверь шлюза открылась, оба стояли, облаченные в скафандры, но с закрепленными на поясе шлемами. Ксавьер из дверного проема показал пальцем на скафандр сочленителя:

– Снимайте и проходите на корабль.

Клавэйн кивнул и сделал, как было велено. В тесной шлюзовой камере снимать скафандр было неудобно, но он все же управился за пять минут, раздевшись до термобелья.

– Надеюсь, дальше можно не раздеваться?

– Да.

Ксавьер посторонился, позволил ему пройти на судно. Оно шло под тягой, гравитация позволяла ходить. Ноги в носках зашлепали по бугристому протектору пола.

– Спасибо! – поблагодарил Клавэйн.

– Не меня благодарите, а ее.

– Ксавьер хотел, чтобы вы оставались в шлюзе до самого Ржавого Пояса, – объяснила Антуанетта.

– Его можно понять.

– Но если попробуете что-нибудь учинить... – угрожающе начал парень.

– Знаю-знаю: вы разгерметизируете все судно, и я погибну, поскольку на мне нет скафандра. Ксавьер, это разумная мера. Я бы на вашем месте сделал то же самое. Можно я вам кое-что покажу?

Парень и девушка переглянулись.

– Что именно? – поинтересовалась Антуанетта.

– Пожалуйста, закройте меня в шлюзе снова.

Те так и сделали. Клавэйн подождал, пока их лица покажутся в окошке, подошел к двери вплотную, приблизил голову на несколько дюймов к механизму замка и панели управления рядом с ним. Закрыв глаза и сосредоточился, вызывая в памяти процедуры, которыми не пользовался уже много лет. Имплантаты зарегистрировали электрические поля, генерируемые контурами замка, нарисовали в воображении картинку из неоновых-ярких токов, наложили на изображение контрольной панели. Клавэйн понял логику устройства – и представил нужные действия. Имплантаты начали генерировать сильные поля, подавляя одни токи и усиливая другие. По сути, сочленитель заговорил с замком, взаимодействуя с его управлением. Он давно не занимался подобным, растерял опыт – но задача оказалась по-детски простой. Замок щелкнул. Дверь скользнула в стену, и перед Клавэйном предстали изумленные, напуганные Ксавьер и Антуанетта.

– Разгерметизируйте! – потребовал парень. – Сейчас же!

– Подождите! – Клавэйн поднял руки. – Я сделал это с единственной целью – показать, что способен легко открыть шлюз. Я мог пройти на корабль в любой момент, но не сделал этого. Я хочу, чтобы вы мне доверяли.

– А я хочу прикончить вас прямо сейчас, пока не натворили чего похуже!

– Убив, вы совершите непростительную ошибку. Дело ведь не только во мне. У меня очень важная задача.

– А что вы предложите, чтобы нам не бояться? – спросил Ксавьер.

– Если действительно считаете, что мне нельзя доверять, заварите меня наглухо в металлической камере, – рассудительно посоветовал сочленитель. – Дайте возможность дышать, немного воды, и я проживу до тех пор, пока мы не достигнем Ржавого Пояса. Но, пожалуйста, не убивайте.

– Ксав, мне кажется, он говорит серьезно, – сказала Антуанетта.

Парень тяжело дышал. Клавэйн понял: тот отчаянно боится спасенного паука, считая его невероятно могущественным.

– Вы не сможете запудрить нам мозги! – выпалил Ксавьер. – У нас-то имплантатов нет!

– Я вовсе не собираюсь манипулировать вами.

– И кораблем не будете распоряжаться, – добавила Антуанетта. – С замком вам повезло, но важнейшие системы на корабле – оптоэлектронные.

– Вы правы, – согласился он, протягивая руки ладонями наружу. – На них я не смогу влиять.

– Пожалуй, придется ему довериться, – сказала девушка.

– Да, но если он хоть пальцем... – начал Ксавьер, но не договорил и встревоженно посмотрел на подругу.

Клавэйн услышал резкий прерывистый сигнал из глубины судна.

– Тревога! – воскликнула Антуанетта. – Они близко!

– Баньши, – прошептал Ксавьер.

Клавэйн прошел за парой по лязгающим коридорам до рубки. Оба плюхнулись прямо в громоздких скафандрах в древние амортизирующие кресла, пристегнулись. Отыскивая, за что бы ухватиться, Клавэйн осмотрел центр управления судном. Хотя он сильно отличался от рубки корвета или «Паслена», равно как и само судно очень отличалось от сочленительских кораблей и строением, и свойствами, Клавэйн сориентировался без труда. Это нетрудно, когда за плечами несколько веков плавания на самых разных судах и наблюдения за развитием и упадком космонавтики. Нужно всего лишь отряхнуть пыль с нужных воспоминаний.

– Вот, – определила Антуанетта, ткнув пальцем в экран радара. – Два гада, как и раньше. Она говорила тихо – наверное, хотела, чтобы услышал только Ксавьер.

– Двадцать восемь тысяч километров, – ответил он так же полупшепотом, глянув через ее плечо на цифровой индикатор расстояния. – Приближается на пятнадцати километрах в секунду, траектория – идеальная для перехвата. Уже замедляются, готовятся для финального сближения и абордажа.

– Ага, значит, будут здесь... хм... – Клавэйн быстро прогнал вычисления в голове, – через тридцать-сорок минут?

Ксавьер нехорошо посмотрел на него:

– Кто вас спрашивал, а?

– Я полагал, вам будет полезно мое мнение.

– Клавэйн, вы раньше имели дело с баньши? – свирепо спросил Ксавьер.

– Я лишь несколько часов назад впервые о них услышал.

– Мать вашу, и чем же вы нам поможете, если не знаете ни хрена?

– Ксав, как думаешь, сколько у нас времени, прежде чем они подойдут? – по-прежнему тихо спросила Антуанетта.

– Если обычные маневры – сближение, торможение... тридцать... тридцать пять минут.

– То есть Клавэйн почти не ошибся.

– Угадал, – буркнул Ксавьер.

– Вообще-то, это было не гадание, – возразил Клавэйн, отыскавший складное сиденье у стены, разложивший его и пристегнувшийся. – С баныши я дел не имел, но с абордажем – многократно.

Он решил не пояснять, что часто бывал на стороне атакующих. Ни к чему пугать молодых людей.

– Зверь, ты готов начать маневры уклонения, какие мы раньше делали? – спросила Антуанетта на сей раз громко.

– Юная леди, нужные подпрограммы уже загружены и готовы к немедленному исполнению. Однако есть и серьезная проблема.

Антуанетта вздохнула:

– Зверь, не томи, выкладывай.

– Юная леди, мы израсходовали слишком много топлива. Запасы ограничены. Маневры уклонения истощат наши резервы.

– Хватит на один маневр и полет до Пояса, пока не заглохнем?

– Да, юная леди, но при условии очень аккуратного...

– Да-да, – нетерпеливо оборвала его девушка, опуская затянутые в перчатки скафандра пальцы на клавиатуру, готовясь задать резкий и впечатляющий маневр, убедить баныши, что за ее проворным грузовиком гоняться бесполезно.

– Не делайте этого, – попросил Клавэйн.

– Что? – Ксавьер посмотрел на него с откровенным презрением.

– Я сказал: не делайте этого. Несомненно, это те самые баныши. Они уже видели ваш маневр. Они знают в точности, на что вы способны. Раньше, возможно, это и заставило бы их одуматься, но они уже решили, что стоит рискнуть.

– Да не слушай его... – начал было Ксавьер.

– Все, чего вы добьетесь, – это сожжете топливо, которое очень понадобилось бы позднее. Уж поверьте, я бывал в таких ситуациях тысячу раз. И за плечами у меня примерно столько же войн.

Антуанетта вопросительно смотрела на него:

– Так что же делать прикажете? Сидеть и ждать, пока нас возьмут на абордаж?

Он покачал головой:

– Вы упоминали о сдерживающих средствах. Кажется, я понял, что вы имели в виду.

– О нет...

– Антуанетта, у вас должно быть оружие. В наши времена глупо не иметь его.

Глава девятнадцатая

Увидев оружие, которым располагал «Буревестник», Клавэйн не знал, плакать или смеяться, – настолько древним, неэффективным и маломощным оно было в сравнении даже с самыми устаревшими, наислабейшими боевыми системами сочленительского корвета или рейдера демархистов. Арсенал грузовика, несомненно, смонтировали из хлама, пролежавшего на черном рынке не одну сотню лет, причем руководствовались внешним видом. Отбирали за угрожающие очертания, красоту и вообще непонятно за что, но уж точно не за боевые возможности. Несколько единиц огнестрельного оружия хранилось во внутренних помещениях, чтобы отбиваться от вторгшихся захватчиков. Большая же часть арсенала содержалась или в запечатанных тайных отсеках с люками, расположенными непосредственно под оболочкой грузовика или в выступах на носу и корме, где Клавэйн рассчитывал увидеть коммуникационную аппаратуру и радары. Не все было исправно: треть вооружения или не была боеспособной изначально, или сломалась, или осталась без патронов, снарядов, топлива и прочего необходимого.

Чтобы управлять оружием, Антуанетта отодвинула в полу пластину, на первый взгляд ничем не отличающуюся от соседних. Из открывшейся шахты медленно поднялась толстая колонна, разворачивая пульта, дисплеи, рычаги и клавиатуры. На сферическом экране высветилась схема «Буревестника», исправное оружие на ней отображалось мерцающим красным светом. Красный же свет отображал соединения оборонительных средств с бортовой системой коммуникаций. Прочие экраны на колонне показывали пространство вокруг судна с разными степенями увеличения. На самом большом корабля баньши отображались расплывчатыми пятнышками радарного эха, ползущими к грузовику.

– Пятнадцать тысяч километров, – объявила Антуанетта.

– А я бы все-таки сделал маневр уклонения, – пробормотал Ксавьер.

– Сожгите это топливо, когда возникнет нужда, – возразил Клавэйн. – Но не раньше.

Антуанетта, все исправное оружие готово к стрельбе?

– Все что есть – готово.

– Хорошо. А можно ли поинтересоваться, почему вы не использовали его раньше?

Она торопливо набирала команды, стараясь лучше подготовить, навести оружие, направить потоки данных от него по менее загруженным участкам сети.

– Клавэйн, тому две причины. Первая: установка боевых систем на гражданский корабль карается смертью. Вторая: если бы баньши заметили наши пушки, у них бы появился дополнительный повод догнать и ограбить нас. Пушки – лакомый кусочек.

– До абордажа не дойдет, если вы мне доверитесь.

– Довериться вам?

– Позвольте мне управлять артиллерией.

– Скорее рак на горе свистнет! – ответила она, искоса глянув на Ксавьера.

Клавэйн откинулся на спинку, сложил руки:

– Что ж, если понадобится, вы знаете, где меня искать.

– Да начинай же маневр! – буркнул Ксавьер.

– Нет, – процедила девушка, стуча по клавишам.

Судно вздрогнуло, прокатился глухой рокот.

– Что это было? – осведомился Клавэйн.

– Предупредительный выстрел.

– Хорошо. Я бы сделал то же самое.

Наверное, Антуанетта предупредительно выстрелила снарядом с начинкой из вспененного водорода, разогнанной в короткой линейной пушке-ускорителе до нескольких десятков

километров в секунду. Об этом средстве уничтожения Клавэйн знал все. С тех пор как демархисты лишились возможности производить антиматерию в промышленных количествах, вспененный водород стал их главным оружием.

Демархисты добывали водород из жидких недр газовых гигантов. При чудовищных давлениях он переходил в металлическое состояние, подобно ртути, но в тысячи раз плотнее. Это состояние не было стабильным, при сбросе давления металл превращался в газ низкой плотности. А вот вспененная фаза была уже квазистабильна и при правильном обращении могла поддерживать свое состояние и после падения давления на много порядков. Состояние вспененного и помещенного в боеголовки водорода регулировали так, чтобы он терял стабильность в момент соударения с целью. Происходил скачкообразный фазовый переход – и мощный взрыв. Вспененный водород использовали как взрывчатку, а также в качестве инициатора для термоядерных и атомных бомб.

«Антуанетта права, – решил Клавэйн. – Хотя с военной точки зрения ее водородная пушка – седая древность, но одно подозрение в обладании таким оружием может обречь человека на необратимую нейросмерть».

Он увидел на экране, как огненный жучок снаряда полз к приближающимся пиратским кораблям. Промахнулся всего километров на десять.

– А они и не думают останавливаться, – заметил Ксавьер спустя несколько минут.

– Сколько еще осталось таких снарядов? – спросил Клавэйн.

– Один, – ответила Антуанетта.

– Приберегите его. Сейчас вы слишком далеко. Они могут засечь снаряд радаром и уклониться.

Он отстегнулся от кресла, зашагал по рубке, остановился за спинами хозяев судна. Присмотрелся к системе управления оружием, определяя, как она работает.

– Чем еще располагаете?

– Есть два гигаваттных эксимерных лазера. Один Брейтенбахов трехмиллиметровый бозер с протонно-электронным прекурсором. Пара твердотельных пушек-ускорителей ближнего боя, частота стрельбы – мегагерцы. Каскадно-пульсовой одноразовый гразер, выходной мощности не помню.

– Наверное, в половину гигаватта, – предположил Клавэйн. – А это что? – Он ткнул пальцем в очерченное красным, но не названное девушкой оружие.

– А, это ерунда, игрушка. Пушка Гатлинга.

– Игрушка, говорите? Не спешите сбрасывать пушку Гатлинга со счетов, она может очень пригодиться.

– Их выхлопы поменяли направление, – заметил Ксавьер. – Судя по доплеровскому эффекту, баньши тормозят.

– Мы их напугали? – спросил Клавэйн.

– Похоже, нет – это у них стандартная тактика.

– Мать их растак! – буркнула Антуанетта.

– Не делайте ничего, пока они не приблизятся, – предупредил Клавэйн. – Пусть подойдут вплотную. Они не рискнут стрелять, чтобы не повредить груз.

– Напомню об этом, когда нам перережут глотки, – пообещала Антуанетта.

– Они так делают? – удивился Клавэйн.

– Это самая гуманная из их привычек. Прочие гораздо неприятней.

Следующие двенадцать минут были самыми напряженными в жизни Клавэйна. Он понимал, как чувствуют себя хозяева судна, разделял их желание открыть пальбу из всех стволов, но сейчас это было бы самоубийством. Пучковое оружие – слишком маломощное для надежного поражения, стреляющее пулями или снарядами – слишком медленное, эффективное лишь на малом расстоянии. Стреляя издали, порaziшь в лучшем случае одного врага.

Странно, почему они не вняли предупреждению? Антуанетта не раз продемонстрировала, что добыть груз «Буревестника» будет очень непростой задачей. Куда логичней отказаться и поискать мишень полегче, не такую проворную и вооруженную слабее. Но если верить Антуанетте, для баньши уже до крайности необычно заходить так далеко в военную зону.

Когда осталась сотня километров, баньши разделились – один зашел с другого борта и продолжил сближение. Клавэйн рассмотрел увеличенное изображение ближайшего корабля. Оно было расплывчатым – на «Буревестнике» стояла оптика не военного качества, – но показывало достаточно, чтобы исчезли все сомнения. Корабль баньши, угольно-черный, усаженный гарпунными пушками, пилонами с оружием, был раньше гражданским, чуть меньше «Буревестника», и состоял из двух частей, передней и задней, соединенных тонкой перемычкой. Зигзагообразные неоновые узоры на корпусе напоминали акулы зубы и оскаленные черепа.

– Откуда они появляются? – спросил Клавэйн.

– Из Ржавого Пояса, из окрестностей Йеллоустона. Откуда именно, никто не знает.

– И власти их терпят?

– Ни хрена власти не могут, ни Феррисвильская конвенция, ни демархисты. Поэтому при виде баньши все просто кладут в штаны, – ответил Ксавьер. – Если ваша братия все-таки возьмет верх, ох и намучаетесь вы с пиратами.

– К счастью, это уже не моя проблема.

Оба пиратских корабля подобрались ближе, взяли «Буревестник» в тесные клещи. Изображение с видеокамер стало резче, позволило оценить сильные и слабые стороны врага, предположить, чем он вооружен. В разуме Клавэйна прокручивались десятки возможных сценариев боя. Когда осталось шестьдесят километров, сочленитель кивнул и заговорил спокойно, уверенно:

– Пожалуйста, выслушайте меня. На этой дистанции есть шанс причинить им серьезные повреждения, но только в том случае, если вы в точности последуете моим инструкциям.

– Да не слушай ты его, – буркнул Ксавьер.

Клавэйн облизнул губы:

– Можете не слушать, но в таком случае вы умрете. Антуанетта, вам нужно запрограммировать пушки. Пока никаких видимых движений наружных частей, а затем по моей команде – мгновенное целенаведение и открытие огня. Баньши очень внимательно следят за нами и ждут реакции.

Девушка взглянула на него и кивнула, положив пальцы на клавиатуру:

– Говорите, что программировать.

– Выстрел с правого борта двухсекундным импульсом эксимерного лазера как можно ближе к середине корпуса. Там кластер датчиков и сенсоров, нам лучше вывести его из строя. Одновременно с левого борта дадим очередь из твердотельного ускорителя – частота мегагерц, длительность – сто миллисекунд. Это их не убьет, но наверняка разнесет ракетную установку и, надеюсь, покалечит гарпунные пушки. В любом случае мы спровоцируем их на реакцию, и это хорошо.

– В самом деле? – хмыкнула девушка, лихорадочно вводя данные.

– Да. Заметили, под каким углом идет корабль баньши? Их главный калибр очень уязвим. Они изготовились к стрельбе, но не подвергнут свое основное оружие опасности, пока не будут уверены в гарантированном поражении цели. К тому же баньши решат, что мы ударили нашим главным калибром.

– А это вовсе будет не он! – азартно заключила Антуанетта.

– Вот именно! И тогда мы угостим обоих из пушки Брейтенбаха.

– А одноразовый гразер?

– Он эффективен на средних дистанциях. Это наш козырь, прибережем его на самый крайний случай.

– А пушка Гатлинга?

– Это десерт.

– Клавэйн, надеюсь, вы не вешаете нам лапшу на уши! – взяла суровый тон Антуанетта. Он ухмыльнулся:

– Я тоже на это надеюсь. Совершенно искренне.

Корабли баньши приближались. Теперь сквозь окна хорошо различались рубки: черные пятна, выбрасывающие иногда струйку белого или синего пламени – выхлоп корректирующего двигателя. Пятнышки увеличивались, обозначились контуры кораблей. Затем Клавэйн различил и неоновые узоры на корпусах. Они включились только на финальной стадии гонки. Когда уже началось торможение при заходе на абордаж, не было нужды сохранять маскировку. Узоры, очевидно, призваны были сеять ужас и вызывать панику, как «Веселый Роджер» в давнюю эпоху парусников на Земле.

– Клавэйн?

– Через сорок пять секунд, и ни секундой раньше. Согласны?

– Да. Но я боюсь.

– Это естественно. Но бояться не стоит. Вы не умрете.

И тогда он вдруг ощутил: судно вздрогнуло снова, почти так же, как при выстреле рядом со вспененным водородом. Но теперь оно дрожало дольше.

– Что случилось? – резко спросил Клавэйн.

Антуанетта нахмурилась:

– Я не стреляла...

– Ксавьер?! – рявкнул Клавэйн.

– Э, приятель, это не я! Должно быть...

– Зверь?! – закричала Антуанетта.

– Прошу прощения, юная леди, но я взял на себя смелость...

Клавэйн понял, что корабельная субличность приняла самостоятельное решение выстрелить из мегагерцевой пушки в сторону корабля по левому борту, как и намеревался Клавэйн, – но слишком рано.

«Буревестник» тряхнуло. На главной панели управления засветились красным целые блоки. Завыла сирена. Клавэйн ощутил сквозняк, и тут же загрохотали одна за другой, захлопываясь, герметичные двери.

– В нас попали, – объявила Антуанетта. – В середину корпуса.

– Мы в дерьме по уши, – заметил Клавэйн.

– Спасибо, я уже поняла.

– Эксимером в правого баньши! Скорее!

«Буревестник» тряхнуло опять, и на этот раз половина огней на панели погасла. Клавэйн подумал, что, скорее всего, пират выстрелил проникающей боеголовкой с генератором электромагнитного импульса. А девушка так хвасталась, что все критические системы работают на оптике!

– Клавэйн! – Она смотрела круглыми от страха глазами. – Я не могу запустить эксимеры...

– Попробуйте выйти на них по другой ветке сети!

Пальцы забарабанили по клавиатуре. Клавэйн глядел на экран, там менялась сеть активных связей, по мере того как Антуанетта перенаправляла потоки данных. Судно содрогнулось вновь. Клавэйн наклонился и взглянул в иллюминатор по правому борту. Корабль баньши уже казался громадным, он непрерывно тормозил, приближаясь. На его корпусе разворачивались абордажные манипуляторы, как будто суставчатые, шипастые, когтистые конечности дикийного черного насекомого, выбирающегося из кокона.

– Поторопись! – прошипел Ксавьер девушке.

– Антуанетта, – проговорил Клавэйн со всем спокойствием, какое смог изобразить, – предоставьте мне управлять оружием. Пожалуйста!

– И какой в том гребаный толк?

– Просто пустите меня за пульт!

Она поколебалась пять-шесть секунд, тяжело вздохнула, затем отстегнулась и выбралась из кресла. Клавэйн протиснулся мимо нее, уселся за пульт.

Пока наблюдал, понял, как с ним обращаться. В тот же момент, когда пальцы коснулись клавиш, имплантаты начали ускорять поток мыслей. Кругом все двигалось с медлительностью ледника: и лицевые мышцы хозяев судна, и потоки данных на приборной панели. Даже собственные руки шевелились будто в патоке, была очевидна задержка между посылкой импульса по нервам и откликом мускулов. Но Клавэйн к этому привык. Уже много раз делал подобное и учитывал заторможенность телесных движений.

Когда сознание ускорилося в пятнадцать раз и каждая секунда ощущалась четверть минуты, Клавэйн заставил себя успокоиться. На войне секунда – это много. А пятнадцать – бездна времени. За такой срок немало можно обдумать и сделать.

Ну что ж, приступим!

Он принялся создавать оптимальные пути контроля над оставшимся оружием. Паутина сети на дисплее замерцала, изменяясь. Клавэйн исследовал несколько вариантов, не позволяя себе останавливаться на просто приемлемом, выискивая лучший. Чтобы найти оптимальную конфигурацию потоков данных, потребуется две секунды – но это не даром потраченные секунды. Он глянул на экран радара ближнего сканирования, отметил, как забавно смотрятся циклы обновления его данных – словно биения огромного сердца.

Готово. Эксимерные лазеры вернулись под контроль. Теперь осталось лишь продумать план боя с учетом изменившейся ситуации. А это потребует нескольких секунд – реальных секунд работы мозга.

Работы почти на пределе.

Но Клавэйн был уверен, что справится.

В результате один корабль баныши был уничтожен, второй, тяжело поврежденный, отвалил в темноту, хаотично мерцая неоновыми огнями, словно короткими замыканиями. Спустя пятьдесят секунд пираты включили термоядерный двигатель и заспешили к Ржавому Поясу впереди так и не доставшейся им добычи.

– Хорошая иллюстрация на тему «как найти друзей и заслужить уважение», – сказала Антуанетта, глядя на кувыркающиеся останки корабля баныши.

Половина его корпуса исчезла, открыв исковерканные внутренности, испускающие серые спирали дыма.

– Клавэйн, отличная работа!

– Спасибо. Если я не совсем обманываю себя, теперь у вас две причины мне доверять. А сейчас, с вашего позволения, я потеряю сознание.

Он провалился в беспамятство.

Больше на пути до Ржавого Пояса ничего особенного не случилось. После боя с баныши Клавэйн проспал девять часов, пока мозг оправлялся от перегрузки. В отличие от мозга Скади, он не был приспособлен работать с максимальным ускорением дольше пары секунд, и Клавэйн фактически подвергся мощному тепловому удару.

Но неприятных последствий это не оставило. Зато он заработал уважение и симпатию хозяев «Буревестника» – ради этого стоило немного перегреться. Он получил право свободно перемещаться по кораблю, и парень с девушкой потихоньку избавились от скафандров. Баныши не вернулись, военные корабли на пути не встретились.

Клавэйн ощущал потребность заняться чем-нибудь полезным. С согласия Антуанетты он помог Ксавьеру исправить несколько мелких неполадок и сделать ряд небольших усовершенствований. Мужчины часами напролет сидели в тесных проходах среди труб и проводов или прокапывались сквозь слои архаичного программного кода.

– Нисколько не виню за недоверие, – сказал однажды Клавэйн.

– Я очень боюсь за нее, – отозвался парень.

– Это понятно. Она очень рисковала, отправившись за мной. На вашем месте я бы тоже постарался ее отговорить.

– Ну, лично против вас я ничего не имею...

Клавэйн провел стилосом по лежащему на коленях компаду – он перечерчивал логические пути между сетью управления и сенсорным узлом на корпусе.

– Клавэйн, а с вами что будет, когда прилетим в Ржавый Пояс? Как нам поступить?

Клавэйн пожал плечами:

– На ваше усмотрение. Высадите меня, где вам удобнее. Например, на «карусели» Новый Копенгаген.

– А потом что?

– Я сдамся властям.

– Демархистам?

– Да. Слишком опасно обращаться к ним без посредников, из открытого космоса. Следует действовать через нейтральную сторону, через конвенцию.

– Надеюсь, у вас получится, что задумали. Вы же так рисковали!

– Поверьте, мне не впервой, – ответил Клавэйн. И перешел на шепот, хотя в этом не было нужды – от Антуанетты их отделяло несколько десятков метров. Но все же ему казалось, что лучше о таком говорить негромко. – Ксавьер, пока ее нет рядом, я хотел бы кое о чем спросить.

Парень посмотрел на него сквозь исцарапанные серые стекла очков для визуализации сетевых данных.

– Валяйте.

– Насколько я понял, вы дружили с ее отцом и ремонтировали это судно еще в то время, когда отец его пилотировал.

– Ну да.

– Значит, вы о «Буревестнике» знаете все. Наверное, даже больше, чем Антуанетта.

– Она чертовски хороший пилот.

Клавэйн улыбнулся:

– Вежливый намек на то, что ее не слишком интересует устройство собственного судна?

– Ее папа тоже мало интересовался. Тому, кто развозит товары по космосу, недосуг копаться в программах и подпрограммах.

– Понимаю. Я и сам не специалист в корабельном деле. Но я заметил странноватое вмешательство судового машинного интеллекта...

Клавэйн намеренно не закончил фразу.

– И что ж тут странного?

– Субличность не подчинилась приказу. Она слишком рано выстрелила и тем самым едва не погубила нас.

– Клавэйн, это же был не приказ, а просто рекомендация.

– Виноват, ошибся. И все же она не имела права на подобную самостоятельность. Даже если субличность способна управлять артиллерией – что для гражданского судна я нахожу в высшей степени необычным, – она не должна была действовать без прямого приказа. И уж тем более паниковать.

Ксавьер нервно рассмеялся и переспросил:

– Паниковать?

- По моим ощущениям, это была именно паника.
- К сожалению, Клавэйн не мог разглядеть глаза Ксавьера за стеклами очков.
- Машины не паникуют.
- Верно. В особенности субличности гамма-уровня, каковой субличностью по идее и должен быть Зверь.
- Значит, это и не было паникой, – заключил Ксавьер.
- Видимо, так, – согласился сочленитель, хмурясь, и снова занялся компадом, протаскивая стилос сквозь переплетение сетевых путей – словно вороша клубок спагетти.

Когда пришвартовались у Нового Копенгагена, Клавэйн хотел немедленно уйти, но Антуанетта с Ксавьером его непустили. Настояли, чтобы отобедал с ними напоследок где-нибудь на «карусели». Поразмыслив немного, Клавэйн согласился. Обед займет всего пару часов и даст ценную возможность акклиматизироваться перед опасным путешествием в одиночку. Вдобавок он был очень благодарен влюбленной паре, в особенности после того, как Ксавьер разрешил воспользоваться его гардеробом.

Клавэйн был длинней и тоньше парня, и ему пришлось приложить немалую изобретательность, чтобы одеться прилично, не взяв притом ничего ценного на вид. Он оставил на себе облегающее термобелье, поверх накинул пухлую куртку с высоким воротником, похожую на надутый спасжилет, – такие носили пилоты, рисковавшие аварийным приводнением. Нашел свободные черные брюки, достававшие только до щиколотки. Они бы выглядели ужасно, если бы не крепкие черные ботинки с берцами почти до колена. Осмотрев себя в зеркале, Клавэйн заключил, что выглядит чудачком, но не чужаком – а это здесь самое то. Затем подстриг бороду и зачесал волосы назад. Те легли ровно, волнистыми длинными прядями.

Антуанетта и Ксавьер, уже чистые и отдохнувшие, ожидали у выхода. Все сели на поезд, ходивший вдоль «карусели». Антуанетта рассказала, что поезд запустили относительно недавно – раньше быстрее способом попасть на другую сторону был спуск и подъем по спицам. А когда разрушилась ступица, прямого пути для поезда сделать не смогли; тот выписывал петли, пробираясь вдоль внешнего края, и даже иногда выходил на поверхность, чтобы не вторгаться в чьи-нибудь владения. Двигался он резко, часто менял направление относительно вектора искусственного тяготения, и Клавэйн испытывал на диво разнообразные приступы тошноты. Живо вспомнилась посадка в десантном корабле на поверхность Марса.

Он вернулся к реальности, когда поезд остановился у огромного зала внутри «карусели». Трое высадились на платформу с прозрачным полом и прозрачными же стенами, открывавшими удивительное зрелище.

В десятках метров под ногами виднелся проткнувший внутреннюю сторону «карусели» нос огромного космического корабля – закругленный, громоздкий, измятый, обожженный, с начисто содранными надстройками. На нем не осталось обычных внешних надстроек: антенн, капсул, несущих кронштейнов. Иллюминаторы рубки, расположенные полукольцом на носу, были разбиты – просто черные дыры, словно вытекшие глаза. Там, где корпус корабля соприкасался с оболочкой «карусели», виднелись бугры застывшего аварийного герметика, пористого вещества с консистенцией вулканической пемзы.

– Что здесь случилось? – спросил Клавэйн.

– Идиот по имени Лайл Меррик постарался, – ответила Антуанетта.

Ксавьер объяснил:

– Это судно Меррика, вернее, то, что от него осталось. Допотопная ракета на химическом топливе, наверное, самое примитивное из всего, на чем еще летают и зарабатывают в Ржавом Поясе. Меррик делал неплохой бизнес, потому что знался с нужными людьми – с теми, кого власти уж никак не заподозрят в безумном решении доверить ценный груз допотопной развухе. Но однажды удача ему изменила.

– Это случилось семнадцать лет тому назад, – продолжила Антуанетта. – За ним погнались власти, хотели остановить ракету и осмотреть груз. Меррик пытался удрать, спрятаться – на другой стороне «карусели» есть ремонтный док, способный принять его летающего монстра. Но не получилось. То ли подошел не так, то ли потерял управление, то ли запаниковал и рванул вперед. Короче, этот олух вломился прямо в «карусель».

– Вы видите малую часть его ракеты, – подхватил Ксавьер. – Другая, задняя, состояла почти целиком из баков с топливом. Даже с таким катализатором, как вспененный водород, ракета требует много горючки. Нос корабля при ударе вошел чисто, проткнув и смяв обшивку «карусели». Сам Лайл остался жив, но вот его баки рванули. И сделали здоровенный «Кратер». Он и сохранился по сей день.

– Жертвы? – спросил Клавэйн.

– Были, – ответил Ксавьер.

– И немало, – добавила Антуанетта. – Погибли сотни.

Затем пара рассказала, как облаченные в скафандры приматы в порядке аварийной меры герметизировали щели между ракетой и обшивкой «карусели». Бригада хорошо поработала, обошлось почти без смертей. Качество изоляции оказалось таким высоким, что решено было попросту оставить вломившуюся ракету на месте. Власти «карусели» наняли дорогих дизайнеров, чтобы придать завлекательный вид месту катастрофы.

– Это, как они выразились, подчеркивает брутальность вторгшегося объекта, – сказала Антуанетта.

– Вот-вот, – подтвердил Ксавьер, после чего пафосно взмахнул рукой и процитировал: – «Мы сделали акцент на трагизме произошедшего, сохраняя непосредственную пространственную доминанту вторжения, но добавили ряд иронических архитектурных жестов».

– Я бы сказала, это не дизайнеры, а банальные мошенники, – заявила Антуанетта.

– Кстати, это же ты придумала – затащить нас сюда, – напомнил Ксавьер.

В самом носу ракеты оборудовали бар. Клавэйн тактично предложил устроиться как можно незаметней, поэтому выбрали столик в самом углу, рядом с огромным баком, полным бурлящей воды. Там плавали кальмары, на их конических телах мерцала реклама.

Официант-гиббон принес бутылки, и все трое набросились на пиво с энтузиазмом – даже Клавэйн, не слишком любивший спиртное. Но питье было прохладное, освежающее, к тому же он был готов на все ради поддержки праздничного настроения. Не хотел испортить его, выдав свою подавленность и тревогу.

– Клавэйн, вы расскажете нам, в чем дело, или так и оставите гадать? – спросила Антуанетта.

– Вы же знаете, кто я.

– Да. – Она глянула на Ксавьера. – Считаю, что знаем. Вы ведь и раньше этого не отрицали.

– Значит, вы в курсе, что я однажды уже дезертировал.

– Но ведь это было очень давно, – сказала Антуанетта.

Клавэйн заметил, что она тщательно и осторожно снимает этикетку с пивной бутылки.

– Иногда мне кажется, только вчера. А на самом деле это случилось четыреста лет назад. И большую часть этого времени я честно служил своей фракции. Радел за нее, готов был умереть. И убивал. Дезертирство далось мне нелегко.

– Отчего же вдруг решились?

– Возникла угроза, по-настоящему серьезная. Я толком не знаю, какой она природы, поскольку не был посвящен во все подробности. Но я в достаточной степени осведомлен, чтобы оценить ее масштаб и реальность. Это внешний враг, угрожающий всем нам: не только сочленителям и демархистам, но и ультра, и угонщикам, и даже вам.

– Да, очень подходяще для праздничной пирушки, – уныло заметил Ксавьер, глядя на пиво.

– Я не хотел испортить праздник. Но факт есть факт. Налицо внешняя угроза, мы все в беде. Хотел бы я, чтобы было иначе.

– Что за угроза? – спросила Антуанетта.

– Если мои сведения верны, это пришельцы. Уже долгое время мы, то бишь сочленители, знаем о врагах, таящихся в глубинах космоса. Я имею в виду активных врагов, не потенциально агрессивных, непредсказуемых и потому опасных существ наподобие жонглеров и затворников. Эти враги многочисленны и очень сильны. Они уже воспрепятствовали некоторым нашим экспедициям. Мы зовем их волками и полагаем, что это машины-убийцы. Почему-то мы лишь сейчас привлекли их внимание.

Клавэйн замолчал, уверенный, что заинтриговал молодую пару. Он не задумывался о том, что практически выдавал военные тайны сочленителей. В самом скором будущем эти же сведения он доведет до демархистов. Чем быстрее распространится новость, тем лучше.

– А давно вы про них узнали, ну, про эти машины? – спросила девушка.

– Давно. Сочленителям известно об их существовании уже несколько десятилетий. Но до сих пор мы считали, что сумеем избежать опасности, если примем должные меры. Потому мы прекратили строить звездолеты. Они привлекают к нам волков, словно маяки. Только сейчас мы нашли способ делать корабли менее заметными. В Материнском Гнезде есть могущественная фракция, руководимая женщиной по имени Скади... или, по крайней мере, подпавшая под ее влияние.

– Вы уже называли это имя, – заметил Ксавьер.

– Она гонится за мной. Не хочет, чтобы я попал в руки демархистов, так как знает, насколько опасна моя информация.

– И чем занимается эта фракция?

– Строит эвакуационный флот. Я видел его собственными глазами. Он достаточно велик, чтобы увезти всех сочленителей из этой системы. Материнское Гнездо пришло к выводу, что в недалеком будущем волки обязательно нападут, и приступило к подготовке полной эвакуации. Из всех вариантов сочленители выбрали простое бегство.

– И что здесь такого аморального или преступного? – удивился Ксавьер. – Мы на их месте тоже спасали бы свои шкуры.

– Возможно, – согласился Клавэйн, испытывая странную симпатию к цинизму парня. – Но ситуация не так уж проста. Некоторое время назад обзавелись сверхмощным арсеналом, оружием без преувеличения апокалиптическим. Ничего подобного с тех пор не производилось. Эти пушки были утрачены, и лишь недавно удалось выяснить, где они находятся. Теперь сочленители пытаются их вернуть, рассчитывая, что они пригодятся в борьбе с волками.

– И где же это оружие? – спросила Антуанетта.

– Близ планеты Ресурге́м, в системе звезды Дельта Павлина. Приблизительно двадцать световых лет отсюда. Тот, кто сейчас владеет пушками, привел их в готовность, и они подали хорошо знакомые нам сигналы. Это само по себе тревожно. Поэтому Материнское Гнездо организовало экспедицию для возвращения оружия. И хотело, чтобы ее возглавил я.

– Подождите-ка, – поднял ладонь Ксавьер. – Сочленители пошли на такие хлопоты, только чтобы заполучить потерянное оружие? Зачем? Не проще ли сделать новое?

– Новое сделать попросту невозможно. Пушки изготовлены очень давно, чертежи впоследствии были намеренно уничтожены.

– Что-то здесь нечисто.

– Я не говорил, что у меня есть убедительные ответы на все вопросы по этой теме.

– Ну ладно. Допустим, оружие существует. И что дальше?

Клавэйн склонился к молодым людям, сжимая бутылку:

– Мои прежние соратники отправятся за ним, даже и без меня. Теперешняя моя цель – убедить демархистов или любого другого, кто пожелает меня выслушать, что пушки не должны попасть в руки сочленителей.

Ксавьер взглянул на Антуанетту:

– Значит, вам нужен субсветовик, и скорее всего вооруженный. Почему бы вам не отправиться прямиком к ультра?

Клавэйн устало улыбнулся:

– Ксавьер, оружие нужно отобрать как раз у ультра. К чему усложнять себе жизнь?

– Ну, удачи, – сказал парень.

– Простите?

– Вам понадобится удача.

Старый сочленитель кивнул и поднял бутылку:

– В таком случае за меня!

Влюбленные тоже подняли бутылки:

– За вас, Клавэйн!

Он распрощался со своими спасителями у выхода из бара. По прибытии на «карусель» Новый Копенгаген пограничный контроль проходить не требовалось, но Антуанетта сообщила, что на других спутниках Ржавого Пояса он есть. Что ж, трудно придумать лучший способ сдать властям. Его осмотрят, протралят мозг и убедятся, что к ним явился сочленитель. Пара сложных тестов не оставит сомнений: он тот, за кого выдает себя. Слабо модифицированная ДНК подскажет, что этот человек родился на Земле в двадцать первом столетии. Что случится дальше, предугадать трудно. Остается лишь надеяться, что не быстрая казнь, хотя и такое не исключено. Но в любом случае он успеет сообщить самое главное.

Ксавьер с Антуанеттой дали ему денег на билет и посадили на нужный поезд. Клавэйн махал им в окно, когда состав заскользил, унося его от изуродованных останков ракеты Лайла Меррика.

Он закрыл глаза и позволил сознанию замедлиться вдвое, собираясь немного отдохнуть в пути.

Глава двадцатая

Торн был готов спорить с Виллемье, но она согласилась с удивительной легкостью. Не то чтобы без опаски глядела на перспективу нырнуть в ингибиторскую суматоху вблизи гиганта, но хотела показать серьезность угрозы и свою веру в нее. Если уж единственный способ убедить его – продемонстрировать все вблизи, пусть получит желаемое.

– Но я вас предупреждаю, Торн: мы летим в неизвестность, навстречу опасности. Единственная ошибка – и нас не станет.

– Инквизитор, я бы сказал, что мы и раньше были в опасности, и сейчас подвергаемся ей. Нас могут атаковать в любой момент. Ведь последние несколько часов мы досягаемы для человеческого оружия, я прав?

Кораблик в форме змеиной головы понесся к атмосфере гиганта. Выбранная траектория заканчивалась близ места вхождения одной из колоссальных труб, всего в тысяче километров от бурлящего вокруг исполинской конструкции хаоса турбулентности. Приборы не могли получить данных о том, что находится под зоной турбулентности. Лишь давали смутные намеки, что труба погружается глубоко в атмосферу, не поврежденная бурными вихрями.

– Торн, мы имеем дело с инопланетной механикой. Если хотите, с инопланетной психикой, причем машинной. Да, ингибиторы еще не атаковали нас, не проявили малейшего интереса к нашим действиям. Они даже не уничтожили жизнь на поверхности Ресургема. Но это не значит, что нет порога, который мы можем по неосторожности перейти.

– И что же, по-вашему, будет переходом порога? Где он, этот предел? Наше погружение в атмосферу?

– Очень может быть. И скажу честно: ваша затея мне не нравится. Совершенно.

– Инквизитор, вы должны меня убедить. И не просто убедить...

– Не могли бы вы не называть меня так?

– Простите.

Виллемье изменила установки на пульте, и корабль закричал, затрещал разногласием, но слаженно, перестраиваясь для оптимального вхождения в атмосферу. Газовый гигант уже заслонил все небо.

– Нет необходимости обращаться ко мне по должности все время.

– А как обращаться? Виллемье?

– Мое имя Ана. Торн, мне гораздо приятнее, когда меня зовут по имени. Может, и вам тоже?

– Я не испытываю неудобства, когда меня зовут Торн. Привык, знаете ли. Мне подходит. Да и вряд ли стоит облегчать жизнь инквизиции.

– Мы совершенно точно знаем, как вас зовут. Вы же видели досье.

– Да. Но у меня сложилось впечатление, что вы не слишком торопитесь использовать его против меня.

– Вы нам нужны.

– Я не это имею в виду.

Несколько минут они спускались в атмосферу, не говоря друг другу ни слова. Тишину нарушали только зуммеры или голосовые сообщения бортовых систем. Интеллект корабля не слишком обрадовался предстоящему, он советовал поменять образ действий.

– Думаю, мы для них вроде насекомых, – нарушила молчание Виллемье. – Они явились уничтожить весь вид. Специалисты не отвлекаются на отдельных особей. Даже если особь ужалит, это едва ли спровоцирует ответную агрессию. Специалисты аккуратно и методично выполняют план, зная, что раньше или позже достигнут цели.

– Значит, мы сейчас в безопасности?

– Я всего лишь предполагаю. И не хочу проверять туманные гипотезы, рискуя головой. Ясно одно: мы не очень хорошо понимаем ингибиторов. В их деятельности должна быть высшая цель. Это не может быть уничтожение разумной жизни как таковой. Но даже если так, даже если они не более чем безмозглые механизмы для убийства, можно истребить нас гораздо проще и быстрее.

– И что вы этим хотите сказать?

– Что не следует полагаться на наше понимание – как не следует полагаться на мнение таракана о санобработке.

Затем Ана процедила сквозь зубы, положив ладони на пульт:

– Готовьтесь, сейчас начнутся ухабы.

На иллюминаторы опустились броневые заслонки, закрыв обзор. Торн ощутил резкую дрожь, тряску – так бывает, когда автомобиль на скорости выскакивает с хорошего шоссе на грунтовку. Ощутила и тяжесть, сперва небольшую; но тяготение неуклонно росло, вдавливало в сиденье.

– Ана, скажите, кто вы?

– Я уже сказала, кто я. Давайте не будем об этом.

– Положа руку на сердце, ваш ответ меня не устроил. С субсветовиком произошло что-то странное, не отрицайте. Пока я был на борту, вы и ваша коллега Ирина здорово нервничали. Словно не терпелось меня выпроводить.

– Вам предстоит исключительно важная работа на Ресурге. Ирина была против вашего визита на корабль. Она бы предпочла, чтобы вы находились на планете и готовили эвакуацию.

– Несколько дней погоды не сделают. Нет, дело определенно не в этом. Вы двое что-то скрываете – или, вернее, не хотите, чтобы я заметил.

– Торн, вы должны нам доверять.

– Вы сами этому мешаете.

– Чем же еще вас убедить? Разве мы не показали субсветовик? Вы убедились: он настоящий, способен эвакуировать население целой планеты. Мы даже показали ангар с шаттлами.

– Да. Но меня беспокоит то, чего вы не показали.

Рокот и тряска усилились – словно в тобогане, несущемся по ледяному склону и натыкающемуся на бугры. Корпус трещал, хрустел, перестраиваясь, стараясь приспособиться к нагрузке. Торн ощущал одновременно радостное возбуждение и страх. Лишь однажды в своей жизни он погружался в атмосферу планеты, когда ребенком прилетел на Ресурге. Но тогда он лежал в анабиозе. И с тех пор помнил о посадке на планете не больше, чем о своем рождении в Городе Бездны.

– Мы не показали всего, потому что не уверены в корабле, – ответила Виллемье. – Не знаем, какие ловушки оставила после себя команда Волевой.

– Ана, вы даже не позволили взглянуть на него снаружи.

– Просто наш маршрут не дал такой возможности...

– Неправда. Вы почему-то не хотите показывать субсветовик.

– Торн, почему вы говорите это сейчас?

Он улыбнулся:

– Потому что ситуация напряженная. Я решил, что это поможет вам серьезней отнестись к моему вопросу.

Женщина не ответила.

Полет стал ровнее. Корпус затрещал в последний раз и умолк, приспособившись. Виллемье подождала еще несколько минут, затем убрала заслонки с окон. Хлынувший свет заставил Торна заморгать. Корабль летел в атмосфере газового гиганта.

– Как себя чувствуете? Ваш вес удвоился с тех пор, как вы были на субсветовике.

– Выдержу, – ответил он, чувствуя, что выдержит лишь до тех пор, пока не придется покинуть кресло. – Как глубоко хотите погрузиться?

– Не слишком глубоко. Давление в половину стандартной атмосферы... Подождите-ка...

Она нахмурилась, глядя на один из дисплеев, потыкала в клавиши под ним. Изображение очистилось, пастельного цвета полосы исчезли, и перед Торном появился упрощенный силуэт корабля, окруженный пульсирующими концентрическими кругами. Торн догадался, что это картинка радара, и заметил на самом краю дисплея пятнышко света, то и дело мигающее, пропадающее и возникающее снова. Инквизитор повозилась с настройками, и концентрические круги сжались, пятнышко приблизилось.

– Что это? – спросил Торн.

– Не знаю. Пассивный радар указывает: за нами следует некий объект на расстоянии в тридцать тысяч километров. Когда погружались, я ничего не заметила. Эта штука невелика, ближе не подходит, но мне она не нравится.

– А может, это случайное пятно, погрешность корабельных систем?

– Не думаю. Конечно, радар может регистрировать фальшивый отклик от нашего же турбулентного следа. Переключать радар в активный режим я не стану – неохота напрашиваться на неприятности, привлекать внимание. Я предлагаю убираться, пока не поздно.

Торн стукнул пальцем по консоли:

– И как мне убедиться в том, что не вы сами подстроили появление этого непонятного страшилища?

Она рассмеялась – нервный смешок человека, застигнутого врасплох.

– Я не подстраивала, уж поверьте!

Торн кивнул, чувствуя, что женщина не лжет. А если солгала, то у нее поразительное актерское мастерство.

– Допустим. И все равно, Ана, я хочу, чтобы вы доставили меня к месту вхождения трубы в атмосферу. Я не намерен покидать планету, пока не увижу, что там делается.

– Вы серьезно?

Торн не отвечал, лишь пристально смотрел на нее.

– Ладно, – сдалась Виллемье. – Мы подойдем так, чтобы вы увидели все своими глазами. Но не ближе. И если тот, кто висит у нас на хвосте, начнет сокращать дистанцию, немедленно рванем прочь. Понятно?

– Конечно, – миролюбиво согласился он. – Вы что думаете, я самоубийца?

Виллемье рассчитала траекторию. Труба двигалась со скоростью в тридцать километров в секунду по отношению к атмосфере. Эта скорость определялась движением луны, откуда выходила труба. Подойти следовало сзади, держась за трубой, постепенно увеличивая скорость. Корпус снова заскрипел, меняясь, приспособляясь к сверхзвуковым скоростям. Пятно света на экране радара, по-прежнему мерцая, держалось на том же расстоянии.

– Я вроде стал легче, – заметил Торн.

– Само собой. Мы почти вернулись на орбиту. Если бы двигались скорее, пришлось бы тягой удерживаться на нужной высоте.

В зоне возмущения за трубой вихрились атмосферные потоки, диковинные химические процессы пятнали облака алым, ядовито-оранжевым, кровавым. Молнии сверкали от горизонта к горизонту, выгибались дрожащими серебристыми арками. Словно безумные дервиши, вертелись торнадо. Пассивные сенсоры корабля отчаянно нащупывали путь среди худшей из бурь.

– Я пока не вижу трубы, – заметил Торн.

– Для того нужно подобраться гораздо ближе. Труба всего пятнадцать километров в диаметре, а в этой атмосфере не увидишь дальше чем за сотню километров, даже в хорошую погоду.

– Как считаете, чем занимаются машины?

– Ни малейшего понятия.

– Но ведь они, очевидно, конструируют что-то в масштабах целой планеты. Три луны разворотили. Наверняка же не забавы ради...

По мере приближения тряска усилилась. Виллемье то поднимала, то опускала корабль на десятки километров, пока не решила, что использовать доплеровский радар слишком рискованно. Потом она держалась на постоянной высоте. Корабль дергался и трясся, проталкиваясь сквозь вихри и области скачков давления. Поминутно верещали сигналы тревоги, Виллемье чертыхалась, поспешно набирала команды на панели управления. За окном сгустилась темнота. Мощные черные тучи клубились, изгибались, словно выпущенные кишки. Мимо проносились напитанные электричеством грозовые облака величиной с мегаполис. Впереди воздух дрожал и пульсировал от непрерывных молний, слепили белизной ветвящиеся разряды, мгновенно разворачивались полотнища нежно-голубого сияния. Казалось, будто корабль залетел в уголок ада.

– Вам и теперь полет к трубе кажется хорошей идеей? – осведомилась Виллемье.

– Не важно, что мне кажется, просто держитесь на курсе, – отозвался Торн. – Наш таинственный преследователь так и не приблизился. Может, он и вправду отражение нашего следа?

Не успел он договорить, как внимание Виллемье привлек новый сигнал. Панель управления тревожно заухала, возбудились приборы, выкрикивая нечленораздельные предупреждения.

– Датчик массы сообщает: в семидесяти с лишним километрах впереди – что-то удлиненное, геометрия гравитационного поля цилиндрическая, распределение указывает на профиль трубы, – сказала Виллемье. – Это наша малышка.

– Когда увидим ее?

– Через пять минут. Я снижаю скорость. Держитесь!

Торна швырнуло вперед, пристежные ремни врезались в тело. Он отсчитал про себя пять минут, затем еще пять. Пятно на экране пассивного радара все так же висело на краю поля зрения – преследователь тоже замедлился. Странно – трясло теперь меньше. Облака редели, лютое буйство молний сделалось всего лишь чередой всплешек поодаль. Появилось ощущение царящего кругом жуткого, ирреального спокойствия.

– Давление атмосферы падает, – сообщила женщина. – Должно быть, мы попали в область разрежения за трубой. Она летит со сверхзвуковой скоростью, так что газовые потоки не успевают сомкнуться за нею. Мы в конусе Маха, будто гонимся за сверхзвуковым самолетом.

– Откуда такие познания в аэродинамике у инквизитора? – удивился Торн.

– Приходится учиться. К тому же у меня был отличный учитель.

– Вы про Ирину?

– Не только. Мы с ней отличная команда, но так было не всегда... Посмотрите-ка... – Она подалась вперед, указала пальцем. – Я кое-что вижу. Давайте рассмотрим при увеличении, а затем уберемся отсюда к чертям.

На главном дисплее панели появилось изображение трубы, которая шла сверху под углом приблизительно в сорок пять градусов. На грифельно-черном фоне атмосферы она казалась серебристой, сияющей, будто внутренняя стенка торнадо. Виднелся отрезок километров семидесяти длиной. Выше и ниже труба исчезала в клочущей облачной мути. Ее движение не ощущалось, она выглядела неподвижной, закрепленной – хоть и погружалась в атмосферу со скоростью четверть километра в секунду.

– И это все? – разочарованно произнес Торн. – Конечно, ничего определенного я не ожидал, но все-таки рассчитывал увидеть не просто гладкую стенку. Можете подлететь спереди?

– Тогда придется пересекать фронт ударной волны. Трясти будет куда сильнее, чем раньше.

– Но мы же способны это сделать? Или нет?

– Попробуем.

Хмурясь, Виллемье взялась за пульт. Атмосфера перед трубой казалась кристально гладкой, спокойной, не потревоженной несущимся к ней фронтом ударной волны. Оборачиваясь вокруг гиганта, труба описывала спираль с расстоянием порядка нескольких тысяч километров между витками. Воздух непосредственно перед трубой был спрессован в текучий слой толщиной в считанные сантиметры. Волна сжатия расходилась в стороны от трубы по всей ее длине. И зайти вперед было нельзя, не проткнув эту стену стиснутого и разогретого газа, – разве что облетать за тысячи километров.

Они приблизились к краю трубы, сияющему вишнево-алым – свидетельство колоссального трения о набегающий поток. Но, казалось, огромные температура и давление не причиняют никакого вреда чудовищной машине пришельцев.

– Трубу опускают вниз. Но там же ничего, кроме газа, – заметил Торн.

– Не только газа, – возразила Виллемье. – Несколько сотен километров вниз – и газ превращается в жидкость. Там море жидкого водорода. Под ним чистый металлический водород, покрывающий каменное ядро.

– Ана, если бы черные машины хотели распотрошить эту планету, чтобы добраться до скалистого ядра, что бы они делали?

– Не знаю. Может, скоро выясним.

Когда столкнулись с фронтом ударной волны, Торн подумал: корабль не выдержит. Слишком уж много захотели от несчастной посуды. Раньше корпус трещал и кряхтел, теперь буквально завизжал. Панель управления сверкнула красным и погасла. На одно жуткое мгновение повисла тишина. Но корабль прорвался – и вышел в спокойную атмосферу. Треща и мигая, панель ожила снова, с нее и со стен завопил предупреждающий хор.

– Прошли! – выдохнула Виллемье. – И вроде остались целыми. Но не стоит больше испытывать судьбу.

– Согласен. Но раз уж мы сюда добрались, почему бы не заглянуть малость поглубже? Глупо отказываться от такой возможности.

– Нет.

– Если хотите, чтобы я вам помог, позвольте узнать, во что я ввязываюсь и чего ради.

– Корабль не выдержит!

Торн улыбнулся:

– Он уже выдержал больше, чем от него ждали. И выдержит еще. Не будьте такой пессимисткой.

В белую камеру вошла представительница демархистов. Она сурово глянула на Клавэйна. С ней прибыли трое феррисвильских полицейских, которым он сдался в космопорту, и четверо солдат-демархистов. Те явились без оружия, но в ярко-красной силовой броне все равно выглядели устрашающе. Он чувствовал себя старым и слабым, полностью в чужой власти.

– Я Сандра Вой, – сказала женщина. – Вы, как я полагаю, Невил Клавэйн. Согласно информации, полученной от чиновников конвенции, вы настаивали на встрече со мной. Почему?

– Я дезертировал...

– Не об этом речь. Почему вам понадобилась именно я?

– Сандра, я полагал, что могу рассчитывать на гуманное обращение. Я был знаком с вашей родственницей. Кажется, она приходилась вам прапрабабушкой... Извините, но я запутался в поколениях.

Женщина подтянула себе белый стул, села напротив Клавэйна. Демархисты утверждали, что их политическая система сделала чины и ранги устаревшими и ненужными. Вместо капи-

танов у них были «начальники кораблей», вместо генералов – «специалисты по стратегическому планированию». Само собой, такие отличия требовали и визуальных свидетельств, но Вой вряд ли признала бы, что многочисленные нашивки и цветные полосы на ее френче означают старомодный воинский чин.

– Уже четыреста лет никто в наших рядах не носит имя Сандра Вой, – сказала она.

– Я знаю. Последняя умерла на Марсе. При попытке добиться мира с сочленителями.

– Вы говорите про события далекого прошлого.

– Я говорю о том, что было. Мы с Вой находились на одной стороне, участвовали в миротворческой миссии. Я дезертировал к сочленителям вскоре после ее смерти и с тех пор всегда был с ними.

На мгновение глаза молодой Сандры Вой остекленели. Имплантаты Клавэйна зарегистрировали интенсивный поток данных, принимаемых и передаваемых ее мозгом. Клавэйн был впечатлен. После эпидемии лишь немногие демархисты осмеливались на масштабные нейро-модификации.

– Ваши слова не подтверждаются имеющимися у нас данными.

– В самом деле? – удивился Клавэйн.

– Да. По нашим сведениям, Клавэйн прожил не более полутора веков после дезертирства. Вы не можете быть тем самым Клавэйном.

– Я побывал в межзвездной экспедиции и лишь недавно вернулся. Потому и сведений обо мне за последнее время нет. Но разве это существенно? Ведь конвенция уже убедилась, что я сочленитель.

– Вы можете оказаться засланным с диверсионными целями агентом. С чего бы вам дезертировать?

И снова Клавэйн опешил:

– А почему я не могу дезертировать?

– Может, вы чересчур начитались наших газет? Если да, то у меня для вас неприятные новости: ваши бывшие друзья выигрывают эту войну. Переход единственного паука на сторону демархистов ничего не изменит.

– Я и не рассчитывал, что мой побег повлияет на ход войны. У меня совсем другая причина.

– Какая же у вас причина?

– Не имеющая с этой войной ни малейшей связи.

Кораблик спускался все ниже, держась впереди ударной волны. Пятнышко на экране пассивного радара так и не исчезло. Таинственный объект преследовал уже на протяжении тридцати тысяч километров, не отставал и не приближался.

Вокруг темнело, пока небо над головой не стало лишь самую малость отличаться от неподвижных черных глубин внизу. Ана Хоури выключила свет в кабине, надеясь, что это позволит лучше видеть происходящее снаружи. Но улучшение было мизерным. Единственным источником освещения служил вишнево-красный раскаленный край трубы, да и тот сильно потускнел. На этой глубине труба двигалась со скоростью не более двадцати пяти километров в секунду относительно атмосферы и практически вертикально погружалась в зону перехода, где атмосферный газ сгущался в жидкость.

Ана поморщилась, услышав очередной тревожный сигнал о повышении давления за бортом.

– Я серьезно говорю: нельзя заходить глубже. Нас расплющит. За бортом уже пятьдесят атмосфер, и кто-то все еще сидит у нас на хвосте.

– Ана, еще чуть-чуть. Можем мы достичь зоны перехода в жидкую фазу?

– Нет! Этот корабль предназначен только для атмосферы. Заглохнет в жидком водороде, и тогда нас расплющит. Торн, это не самая приятная смерть.

– Но ведь трубе-то, кажется, давление не мешает. Наверное, она уходит гораздо глубже. Как думаете, сколько они уже выпустили? Труба движется со скоростью километр в четыре секунды, правильно? Это почти тысяча километров за час. Там уже должно быть столько, что хватит неоднократно обвить планету.

– Мы не знаем, что именно там делается.

– Но можем кое-что предположить, глядя на все это. Ана, знаете, что мне приходит на ум?

– Не знаю, но вы наверняка мне расскажете.

– Это обмотка. Как в электромоторе. Но, конечно же, я могу ошибаться.

Торн улыбнулся, глядя на женщину. И вдруг кинулся к ней.

При всей своей солдатской подготовке она среагировать не успела. Застыла на мгновение, изумленная. На корабле уже была гравитация – он двигался со скоростью меньше космической. Но Торн перемещался, словно лишенный веса, плавно и продуманно. Осторожно выдернул Ану из пилотского кресла. Та отбивалась, но Торн был гораздо сильнее и знал, как парировать ее удары. Инквизитор не забыла приемы рукопашного боя, но противник ни в чем ей не уступал.

– Ана, вы легче меня. Я не собираюсь причинять вам вред.

Не успела она сообразить, что происходит, как Торн бросил ее в пассажирское кресло, заставил сесть на собственные руки и крепко затянул амортизационные ремни. Спросил, может ли она дышать, и затем стянул ремни еще сильнее. Ана заерзала, извиваясь, но крепления держали прочно.

– Торн! – выкрикнула она.

Тот опустился в кресло пилота:

– Вы сами расскажете все, что я захочу узнать, или придется убеждать силовыми методами?

Он повозился с панелью. Корабль качнулся, зазвучал сигнал тревоги.

– Торн!

– Виноват... Когда я наблюдал за вами, управление выглядело так просто...

– Вы с ним не справитесь!

– Но, по крайней мере, постараюсь. Ну-ка, ну-ка...

Корабль снова тряхнуло, разноголосо закричали сигнальные устройства. Сперва неуклюже, но все охотнее машина отзывалась на команды. На панели зажегся индикатор уровня – Торн закладывал крутой вираж.

– Восемьдесят градусов, – вслух считывал показания мужчина, – девяносто... сто...

– Торн, остановитесь! Вы же нас ведете напрямик на ударную волну!

– Вообще-то, мне именно это и нужно. Как думаете, выдержит корпус? Вроде вы боялись, что он уже перенапряжен. Сейчас выясним, насколько прочна ваша посудина.

– Торн, что бы вы ни задумали...

– Ана, я всего лишь пытаюсь создать реальную угрозу для нас обоих. Разве это не ясно?

Инквизитор снова отчаянно забилась, пытаясь высвободиться. Напрасно. Да, Торн был необыкновенно умен. Недаром столько времени ускользал от правительства. Можно восхищаться. Но какая же сволочь!

– Мы не пройдем фронт! – предупредила она.

– С моим умением летать – точно не пройдем. Что сильно упрощает ситуацию. Я хочу от вас правдивых ответов.

– Я вам все рассказала!

– Нет. В сущности, вы не сказали ничего. Я хочу знать, кто вы. Догадываетесь, когда у меня зародились подозрения?

– Нет, – ответила она, понимая: он и в самом деле ничего не сделает для спасения обоих, пока не получит желаемого.

– Я заподозрил, услышав голос Ирины. Мне он показался знакомым. А потом вспомнил обращение к Ресургему, с которым выступила Илия Вольева перед тем, как принялась уничтожать колонии на поверхности. Давно это было, но старые раны трудно затягиваются.

– Торн, вы все не так поняли!

– Да? А может, вы меня просветите?

Хор тревожных сигналов умножился. Торн притормозил, но все равно корабль двигался к фронту ударной волны со скоростью несколько километров в секунду. Ана надеялась, что ей грезится, а не на самом деле видится вишневое сияние впереди, рассеивающее черноту.

– Ана? – весело и беззаботно позвал Торн.

– Да, черт вас побери!

– Ага, кажется, начинает доходить.

– Хватит! Разворачивайтесь!

– Развернусь, как только услышу волшебные слова. Я хочу всего лишь признания.

Она глубоко вздохнула. Вот и конец тщательно составленным планам. Сделали ставку на Торна, а он оказался умнее обеих заговорщиц. Ведь можно было догадаться: все к тому шло. Черт побери Вольеву. Она же кругом оказалась права! Ошибкой было подпускать Торна к «Ностальгии». Следовало найти другой способ убеждения. Вольева должна была настоять, не обращая внимания на возражения...

– Ана, как же с волшебными словами? Мы уже близко.

– Ладно. Да провались оно все! Ирина – триумвир. Мы с самого начала скормили тебе кучу вонючей лжи. Доволен теперь?

Торн ответил не сразу. К облегчению Аны, он развернул корабль. Ускорение вдавило ее в кресло – Торн включил тягу, чтобы убежать от фронта. Тот багрово сиял, несясь вдогонку – жуткая красная линия, словно лезвие палаческого меча. Она росла, ширилась, пока не стала яркой стеной, цунами расплавленного металла. Многочисленные тревожные оповещения слились в нечленораздельный гул. Но затем стена за кормой сузилась, с боков подступил серый сумрак, будто опустились железные занавеси. Красная линия осталась позади, исчезла.

– Думаю, получилось, – заключил Торн.

– А мне кажется, нет.

– Что?

Она кивнула в сторону радарного дисплея. Теперь на нем не было пятнышка, сопровождавшего корабль с момента его погружения в атмосферу, но со всех сторон собирались отклики приближающихся объектов. По меньшей мере дюжина – и отклики четкие, стабильные. Объекты шли на скорости несколько километров в секунду, очевидно стремясь к кораблю.

– Похоже, мы только что обратили на себя внимание ингибиторов. – Голос Аны прозвучал гораздо спокойнее, чем она ожидала. – Мы все-таки переступили порог.

– Пойдем вверх и покинем атмосферу как можно скорее.

– Мать твою, думаешь, это поможет? Они будут здесь через десять секунд. Торн, кажется, ты получил все доказательства, какие хотел. Если нет, их доставят в самом скором будущем. Радуйся, пока можешь.

Как показалось Ане, он посмотрел на нее с восхищением.

– Вам это не в диковинку?

– Ты о чем?

– О смертельной переделке, о чудовищном риске. Кажется, вас это несколько не пугает.

– Да? Честное слово, я предпочла бы сейчас находиться как можно дальше отсюда.

Приближающиеся объекты образовали тесное кольцо вокруг корабля. Им оставалось несколько километров, они замедлились. Хоури понимала: уже можно включать и активные

радары, хуже не сделаешь. Они с Торном выдали себя, и теперь можно спокойно рассмотреть врага. Ингибиторы шли со всех сторон, и хотя в их строю оставались щели, проскользнуть и удрать не было никакой возможности. Еще минуту назад ингибиторы оставались вне зоны радара, а теперь они совсем рядом. Видно, проходили сквозь атмосферу, практически ее не замечая.

Торн повел корабль резко вверх. Ана сделала бы то же самое, хотя знала: не поможет нисколько. Слишком близко подобрались, чересчур глубоко заглянули и теперь должны расплатиться за любопытство. Как Силвест много лет назад.

Отклики активного радара выглядели неясно из-за сплошной массы надвигающихся машин. А датчики массы регистрировали сигнал на пороге чувствительности, почти неотличимый от пертурбаций гравитационного поля самого гиганта. Но глаза уж точно не обманывали: черные фигуры плыли сквозь атмосферу. Именно плыли, то самое слово. Хоури следила, как они движутся – собираются вместе, колышутся, разбегаются в стороны. И эти сложные повторяющиеся движения были поразительно схожи с шевелением осьминожьих щупалец в воде.

Черные машины были величиной с ее корабль и складывались из миллионов мелких элементов; это был скользящий неутомимый танец множества разных кубов. За мельтешением черных фигур не различалось почти ничего, но время от времени вспышки синего или фиолетового света выделяли четко те или иные контуры. Каждую большую машину окружали облака фигур поменьше. Сближаясь, они выбрасывали навстречу черные щупальца-пуповины, по которым текли волны мелких машин. Соединенные центры вспучивались, опадали, иногда сливались. Между чернильными контурами вспыхивали фиолетовые молнии. Ингибиторы образовывали на мгновение правильную геометрическую фигуру, окружавшую корабль, – и тут же рассыпались, становились хаотичным роєм.

Хотя Ана знала, что скоро умрет, нельзя было не восхититься жутким до тошноты зрелищем. Даже мимолетный взгляд на ингибиторов рождал ощущение враждебной чуждости, противной человеческому разуму и не имеющей с ним ничего общего. Хоури вдруг поняла: они с Вольевой очень недооценили противника, хотя и считали его способным на дела, по человеческим меркам невероятные. Ингибиторы способны на большее. На гораздо большее.

Вот уже машины в сотне метров от корабля, плотно смыкаются, обволакивают добычу. Они почти закрыли небо – лишь его клочки видны между черными перемычками. Подсвеченные фиолетовыми арками, россыпями огней, танцующими пузырями плазменных разрядов, от смыкающейся массы потянулись непристойного вида толстые выросты, жадно рыщущие, нетерпеливые. Раскаленные потоки частиц из корабельных дюз били прямо в ингибиторов, а тем и нипочем – струи выхлопа будто проходили сквозь них, не задерживаясь.

– Торн?

– Ана, прости, – сказал он, и сожаление в голосе было искренним. – Я чувствовал, что должен убедиться. Знаешь, всегда норовлю давить до предела, до крайности...

– Я не то чтобы тебя виню. Наверное, на твоём месте вела бы себя так же.

– Значит, мы оба глупцы. И получили по заслугам.

На корпусе лязгнуло, и еще раз. Сигналы тревоги сменили тон – предупреждали уже не о возможном отказе двигателей либо иной аварии бортовых систем, но о повреждении корпуса внешними объектами. Послышался мерзкий скрежет, будто царапали гвоздем о жёсть, и в окне кокпита показалось толстое щупальце, чья круглая оконечность представляла собой кишашую мозаикой крохотных, в нокоть величиной, черных кубов. Их вихрящееся движение обладало странным гипнотическим свойством.

Ана потянулась к панели управления, надеясь опустить заслонки на окна, выиграть тем самым пару секунд.

Корпус затрещал. По нему ползло все больше черных щупалец. Дисплеи гасли один за другим или отображали только статические помехи.

– Они могли бы уже прикончить нас, – проговорил Торн.

– Да. Похоже, решили сначала выяснить, кто мы.

Послышался новый звук, которого Ана так страшилась, – скрежет раздираемого металла. Заложило уши – давление внутри корабля резко упало. Все. Через пару секунд – смерть от разгерметизации. Не самая приятная, но все же, наверное, лучше, чем от черных машин. Что сделают жадные щупальца, дотянувшись? Раздерут на части так же, как раздирают корабль? Не успела она додумать эту малоутешительную мысль, как индикаторы показали: утечка прекратилась, разгерметизация была краткой.

– Ана, смотри! – прошептал Торн.

Дверь, ведущая в рубку, покрылась колышущимся чернильным слоем, будто застыла вертикально приливная волна первозданной мглы. Повеяло ветерком, словно непрерывная поверхность состояла из множества беззвучных вентиляторов. Изредка близ нее сверкало розовым, пурпурным, намекая на жуткое нутро машинной массы. Ана ощутила колебание, нерешительность, – наверное, машины поняли, что проникли в самое сердце незваного гостя, подобались к хрупкой и уязвимой органической материи.

Стена вспучилась. Сначала образовалась выпуклость размером с бедро Хоури, затем превратилась в подобие древесного ствола. Его оконечность была округлой, словно вершина бугра из слизи, она шевелилась, качалась, будто принимаясь. Вблизи вились крошечные кубы, делая очертания расплывчатыми. Все происходило в полной тишине, разве что изредка доносились откуда-то хлопки, потрескивание. Ствол выпирал из стены все дальше и в метре от Аны и Торна замер. Хоури заметила, как черная тварь размером с жука пролетела у лица, затем присоединилась к основной массе. Вновь ствол двинулся вперед, плавно и неуклонно, затем разветвился. Один отросток потянулся к Ане, второй к Торну. Черные щупальца пульсировали, кубы перемещались волнообразно, расширялись и сжимались, прежде чем как окончательно занять нужное положение в растущей структуре.

– Послушай, Торн, мы еще можем уничтожить корабль, – прошептала Ана.

– Хорошо. Что от меня требуется?

– Освободи меня, и я все сделаю сама. От тебя корабль не примет команду на самоуничтожение.

Торн шевельнулся, но тотчас же черное щупальце выплеснуло отросток, обездвижив его. Прижимало осторожно – очевидно, не хотело причинить вред, – однако не давало и пошевелиться.

– Неплохая попытка, – прокомментировала Хоури.

Черные щупальца были уже в считанных дюймах от нее. Отростки делились и делились, и перед лицом Аны возникла многопалая черная рука, пальцы-ветки готовы войти в глаза, нос, рот, уши и ноздри, проткнуть кожу и кости. Они продолжали ветвиться, делаясь все тоньше, пока не стали неразличимыми нитями, серо-черной расплывчатой порослью микроскопических ресничек.

Ствол отдернулся на дюйм. Ана закрыла глаза, посчитав, что машины готовятся ударить. Затем ощутила резкий укол холода под глазами, такой краткий и аккуратный, что она почти не ощутила боли. Мгновением позже укололо так же в слуховом канале. Ана не знала, насколько изменилось ее восприятие времени, но чудилось, что спустя крохотную долю секунды черные щупальца достигли мозга. Ее захлестнул водоворот эмоций, смутные образы быстро сменяли друг друга, и казалось, содержимое мозга разматывают и считывают, словно длинную магнитную ленту. Ане захотелось взвизгнуть, дернуться, хоть как-то отреагировать, но тело не слушалось. Даже мысли едва шевелились, подавленные жутким вторжением черных машин. Битумообразная масса вползла в каждый ее закоулок, не осталось почти ничего от сущности, называвшей себя Аной Хоури. Но все же оставалось достаточно, чтобы понять: данные текут в обе стороны, из мозга и в мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.